

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2021. Т. 14. № 4

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия); Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» (адрес: д.71, пр. Октября, 450054 Уфа, Республика Башкортостан, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2021

© Коллектив авторов, 2021

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦС77-76487

Published six times a year

Co-Founding Institutions: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation),
Federal State Budgetary Institution of Science Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);

проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);

акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);

проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);

чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);

д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);

д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);

д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);

канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);

д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);

д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);

д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);

д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);

акад. Академии общественных наук КНР *Чжао Геджин*,

Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);

д-р филол. наук *Чжао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);

акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);

д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчики: *С. В. Джагрунов, Т. Н. Богрданова*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the
RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the
RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar,
Mongolia);
Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translators: *Sanal V. Dzhagrunov*, *T. N. Bogrdanova*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Васильев С. Д.</i> Туркмены в контексте региональной внешней политики в Центральной Азии первой половины XIX в.	658
	<i>Кокебаева Г. К., Шилдебай С. К.</i> Борьба с эпидемиями в Казахстане в первой трети XX в.	673
Отечественная история	<i>Белоусов С. С.</i> Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII–XIX в.)	685
	<i>Базаров Б. В., Плеханова А. М.</i> Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929 гг.): этапы становления и организация первых научных исследований	697
Этнология и антропология	<i>Хисамитдинова Ф. Г.</i> Сихырсы ‘колдуны’ и колдовство в башкирской мифологии	710
	<i>Гучинова Э. М.</i> Нарративы «детей Сибири» о депортации калмыков	722
	<i>Псянчин А. В., Мигранова Э. В., Зарипов А. Я.</i> К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в республиках Башкортостан и Татарстан	743
Источниковедение	<i>Аль-Рахби А., Зарытовская В. Н., Фаизова Р. С.</i> Тюрки в ранних арабских источниках: модусный анализ текста рукописи Ахмеда Ибн Фадлана	758
	<i>Бобров Л. А., Пастухов А. М.</i> Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуанью Сией тучжи»	770
	<i>Цюрюмов А. В., Курапов А. А.</i> Авторские дополнения «Этюдov по истории приволжских калмыков» Н.Н. Пальмова 1929–1932 гг.	797
	<i>Кекеев Э. А.</i> Археологические материалы из раскопок 1929–1937 гг. на территории Калмыкии (по фондам Саратовского областного музея краеведения)	806
Языкознание	<i>Трофимова С. М., Бальжинимаева Б.Б., Боктаева В. Л., Тувшинтогс Б.</i> Сравнительное исследование лексики по разделу «традиционное жилище и его части» в современном калмыцком языке и языке ойратов Монголии	825
	<i>Сиразитдинов З. А.</i> Модели элементарных простых предложений со структурной схемой (S) + NACC + Vf в обобщенно-личных пословицах башкирского языка	834
Фольклористика	<i>Дампилова Л. С., Аюшеева Э. Б.</i> Особенности бурятских вариантов Гэсэриады	847
	<i>Салихов А. Г., Гиззатуллина Г. М.</i> Некоторые религиозные термины, хадисы и аяты в башкирских мунаджатах	858
Литературоведение	<i>Ханинова Р. М.</i> Антиколыбельная песня Егора Буджалова «Өдгэ цага саатулин дун» («Современная колыбельная песня») в аспекте пародии Морхаджи Нармаева «Буджала Егор залуд» («Мужчине Егору Буджалову»)	868

CONTENTS

General History	Vasilyev S. D. Turkmens in the Context of Russia's Foreign Policy in Central Asia, Early to Mid 19 th Century	658
	Kokebayeva G. K., Shildebai S. K. The Struggle against Epidemics in Kazakhstan, 1900s–1930s.	673
National History	Belousov S. S. Unauthorized Fishing Settlements of Migrants in Kalmyk Lands, Mid-18 th and 19 th Centuries	685
	Bazarov B. V., Plekhanova A. M. Buryat-Mongolian Scientific Committee, 1922–1929: Stages of Formation and Organization of Earliest Scientific Studies	697
Ethnology & Anthropology	Khisamitdinova F. G. Sikhysy Sorcerers and Witchcraft in Bashkir Mythology	710
	Guchinova E.-B. M. 'Children of Siberia' and Their Narratives about the Kalmyk Deportation: Interviews with V. Badmaev and A. Ovshinov	722
	Psyanchin A. V., Migranova E. V., Zaripov A. Ya. The Issue of Ethnic and All-Russian Identity in the Republics of Bashkortostan and Tatarstan Revisited	743
Sources Studies	Al-Rahbi A. M., Zarytovskaya V. N., Faizova R. S. Turks in Early Arabic Sources: A Modus Analysis of Ahmad Ibn Fadlan's Manuscript Describing His Journey to the Volga	758
	Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Weapons and Banners of Dzungaria's Oirats, Mid-18 th Century: A Case Study of <i>Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi</i>	770
	Tsyuryumov A. V., Kurapov A. A. Essays on the History of the Volga Kalmyks by N. N. Palmov: Author's Additions, 1929–1932	797
	Kekeev E. A. Archaeological Materials Excavated in the Territory of Kalmykia, 1929–1937: A Case Study of Collections from Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore	806
Linguistics	Trofimova S. M., Balzhinimaeva B. B., Boktaeva V. L., Tuvshintogs B. Traditional Dwelling and Its Parts in Modern Kalmyk (Russia) and Oirat (Mongolia): A Comparative Study of Vocabularies	825
	Sirazitdinov Z. A. Models of Elementary Simple Sentences with the Structure $(S) + N_{ACC} + V_F$ in Bashkir Generalized Personal Proverbs	834
Folklore Studies	Dampilova L. S., Ayusheeva E. B. The Epic of Geser: Local Features of Buryat Versions Reviewed	847
	Salikhov A. G., Gizzatullina G. M. Revisiting Some Religious Terms, Hadiths and Ayahs in Bashkir Munajats	858
Literary Studies	Khaninova R. M. 'Ödgä tsaga saatulin dun' — 'Budzhala Yegor zalud': Yegor Budzhalov's Anti-Lullaby and Morkhadzhi Narmaev's Parody	868

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 658–672, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(575.4)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-658-672

Туркмены в контексте региональной внешней политики в Центральной Азии первой половины XIX в.

Сергей Дмитриевич Васильев¹

¹ Московский городской педагогический институт (4, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 129226, Москва, Российская Федерация)

аспирант

 0000-0001-6126-8981. E-mail: visaramis@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Васильев С. Д., 2021

Аннотация. *Введение.* В предлагаемой статье рассматривается роль Персии, Российской империи, Великобритании и Хивинского ханства в политических отношениях вокруг туркмен на западе Центрально-Азиатского региона. Особое место отведено анализу динамики урегулирования российско-персидских отношений по вопросу о туркменских владениях в первой половине XIX в. Фактически туркмены не имели централизованной системы управления и представляли собой множество родственных и противоборствующих племен, каждое из которых стремилось сохранить свой традиционный уклад жизни. Согласованные действия туркмен прослеживаются лишь в периоды персидской агрессии. Поэтому *цель* настоящей статьи состоит в рассмотрении истории туркмен указанного периода в контексте борьбы за сохранение независимости от региональных и мировых держав. *Материалы и методы.* Аналитика статьи основывается на многоплановой ираноязычной, русскоязычной и англоязычной источниковой базе, характеризующей дипломатические отношения в регионе и роль в них туркменских племен. Эти источники анализируются в статье с позиции выявления роли туркмен в российско-иранских отношениях, что делается в современной исторической науке впервые. Заявленные источники обусловили использование следующих исследовательских *методов*: критика и анализ письменных источников, анализ явлений и синтез полученных результатов, индукцию и дедукцию, которые дают возможность сформировать общее представление о международных отношениях в Закаспийском субрегионе Центральной Азии и исследовать роль и место туркмен в региональной геополитике. Специфика работы заключается в том, что туркмены рассматриваются не столько как этнокультурный феномен, сколько как объект одного из эпизодов Большой игры на Востоке. При этом нельзя утверждать, что туркмены не пытались повлиять на ход геополитики в регионе. *Результаты.* Оказывая активное сопротивление своим традиционным врагам — персам и хивинцам — и лавируя между ведущими державами в ходе борьбы за свою независимость, туркменские роды становились участниками Большой игры в Центральной Азии.

Ключевые слова: Российская империя, Иран, Центральная Азия, туркмены, военно-географические экспедиции, дипломатия, геополитика, XIX век

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Для цитирования: Васильев С. Д. Туркмены в контексте российско-иранских отношений первой половины XIX в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 658–672. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-658-672

Turkmens in Russia's Foreign Policy in Central Asia, Early to Mid 19th Century

Sergey D. Vasilyev¹

¹ Moscow City University (4, Vtoroy Selskokhozyaistvennyi Proezd, 129226 Moscow, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0001-6126-8981. E-mail: visaramis@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Vasilyev S. D., 2021

Abstract. Introduction. The article examines the politics of Persia, the Russian Empire, Great Britain, and the Khiva Khanate in their relations with Turkmens in the west of the Central Asian region, with special attention given to the dynamics of Russian and Persian interaction on the issue of Turkmen's territories in the first half of the 19th c. At the time, Turkmens, lacking any central organization, were a multitude of related and opposing clans, each of which strove to preserve its traditional way of life; their actions were concerted only during the periods of Persian aggression. The present article *aims at* studying the Turkmens' history of the period in the context of their struggle for independence against regional and world powers. *Materials and methods.* The research is based on a great variety of Iranian, Russian, and English sources, shedding light on their diplomatic activities in the region and the role of Turkmen clans. Thus, the material is examined, with a focus on the role of Turkmens in Russian and Iranian relations; this innovative approach is intended to fill in the existing gap in the research. Several methods employed in the study were as follows: criticism and analysis of written sources, analysis of phenomena and summing up of the results obtained, induction and deduction; these facilitated an understanding of the general international context in the Transcaspian subregion of Central Asia and of the Turkmens' part in the regional geopolitics. Notably, Turkmens are not viewed purely in ethnocultural terms, but rather as an object and subject of the Great Game in the East because, undoubtedly, they took efforts to influence the course of geopolitics in the region. *Conclusion.* Actively resisting their traditional enemies — Persians and Khivans — and maneuvering between the leading powers in the struggle for their independence, the Turkmen clans became participants in the Great Game in Central Asia.

Keywords: Russian Empire, Iran, Central Asia, Turkmens, military-geographical expeditions, diplomacy, geopolitics, 19th century

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 19-18-00162 'Central Asia and International Relations, 18th–19th Centuries' implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

For citation: Vasilyev S. D. Turkmens in the Context of Russia's Foreign Policy in Central Asia, Early to Mid 19th Century. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 658–672. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-658-672

Введение

В предлагаемой статье история туркмен XIX в. рассматривается на фоне развития внешнеполитической ситуации на западе Центрально-Азиатского региона. Разобщенные туркменские племена воспринимаются в большей степени фоном, на котором развиваются державные амбиции и внешнеполитические интересы соседних государств — России, Ирана, Хивы и Британии (через Ост-Индию и активную позицию империи на Среднем Востоке).

Надо признать, что согласованные действия туркмен прослеживаются лишь в периоды персидской агрессии, и сегодня нет достаточных оснований утверждать, что они пытались повлиять на развитие геополитической ситуации в регионе. Тем не менее, оказывая активное сопротивление своим традиционным врагам — иранцам и хивинцам, лавируя между ведущими державами в ходе борьбы за свою независимость, туркменские роды становились участниками Большой игры в Центральной Азии.

Актуальность исследования определяется значимостью понимания роли туркмен в региональных международных отношениях, необходимостью конкретного объяснения обращений туркменских старшин с просьбами о российском подданстве утилитарными соображениями. Кроме того, анализ событий, происходивших на Среднем Востоке в указанный период, дает богатый материал для характеристики методов и приемов урегулирования пограничных и межэтнических конфликтов.

В статье рассматривается место туркмен в политике держав, активно оперировавших в Центральной Азии первой половины XIX в. Выяснение мер российской администрации, предпринимавшихся в отношении туркмен в рамках реализации имперского геополитического курса в Центральной Азии, способствует пониманию современных актуальных политико-стратегических вопросов и дает возможность указать на варианты их решения.

Новизна предлагаемого подхода к изучению истории туркмен состоит в стремлении расширить спектр акторов внешнепо-

литических отношений, в которых участвовали туркменские племена и роды, показать международные отношения вокруг туркмен как один из важных актов Большой игры на Востоке.

Материалы и методы

В статье применяются исторический и логический методы, дедукция и индукция, системный анализ и др.

Использование логического метода дает возможность рассмотреть суть и содержание международных отношений в регионе, а исторического — позволяет увидеть трансформацию региональной геополитики во времени.

Системный подход позволяет рассмотреть геополитическую реальность как систему — результат взаимосвязи и взаимодействия отдельных ее субъектов, что формирует в итоге новые качества системы, отсутствующие у ее элементов. Этот подход дает возможность увидеть в региональной внешней политике единую систему, подверженную периодическим трансформациям и представленную экономической, социальной, военно-политической подсистемами.

Источниками для настоящей статьи послужили письменные документы XIX в. и более раннего времени, которые характеризуют положение туркменских племен в Новое время и накануне принятия ими российского подданства [МИТТ 1938; ПТР 1960; РТО 1963].

В настоящей статье цитируются извлечения из «Истории Средней Азии» Мир Абуль-Керима бухарского в переводе Г. А. Мирзоева, «Нāсих-ат-тавāрих» («Тарих-и-Каджāрийе»), сочинения Мирза Мухаммад Таги Сепехра, перевод Н. Дьяконовой; «Тарих-и-мунтазам-и-Насири», сочинения Мухаммад Хасан-хана, перевод К. Н. Фрейтага; «Матла-уш-шамс», сочинения Мухаммад Хасан-хана, перевод под ред. А. А. Ромаскевича; «Ма'асир-и-султāнийе», сочинения Абд-ур-Раззака, перевод под ред. А. А. Ромаскевича; «Сафāрат-нāме-и-Хāразм», сочинения Риза-кули-хана, перевод А. А. Ромаскевича; «Рузнāме-йи-Хаким-уль-Малик», дневника шаха Насир-уд-дина, перевод под ред. А. А. Ромаскевича [МИТТ 1938: 194–323]

В них отражена история взаимодействия туркмен с Хивинским ханством: участие в хивинских походах и столкновениях двух сторон, отношения с хивинской администрацией. Среди этих документов есть материалы, отражающие роль туркмен в хивинско-иранских отношениях. Например, извлечение из «Надир-намэ» или «Китаб-и-Надири» — сочинения Мухаммед Казима в переводе П. П. Иванова [МИТТ 1938: 186–187].

Персидские источники сохранили информацию о туркменских волнениях, целью которых было освобождение от персидской власти [Сепехр 1390 (2011/2012)¹: 703–704, 767–768]. Иранские происки в направлениях на Мерв и Герат получили отображение в истории царствования Алла-Кули-хана, зафиксированной в извлечении из «Рияз-уд-довле» сочинения Мухаммед Резы Мираба Агехи в переводе А. К. Боровкова [МИТТ 1938: 427–476].

С начала XIX в. активизируется интерес к туркменам со стороны российского правительства, и они оказываются в центре дипломатических и военно-стратегических планов Санкт-Петербурга. Возникают документальные комплексы, отражающие неоднократные попытки туркмен принять российское подданство, историю первых российских исследований региона, дискуссии о целях и направлениях проникновения в Туркменскую степь и т. п. Огромный комплекс документов этого рода был опубликован в Ашхабаде в 1963 г. [РТО 1963].

Стремление отдельных групп туркмен под российский скипетр нашло отражение в материалах Астраханской почтовой таможни, документах оренбургского губернского начальства, туркменских прошениях [РТО 1963: 134–138, 260].

Особого внимания заслуживает переписка российских консулов в Иране и российского дипломатического ведомства, характеризующая настроения внутри туркменских племен и намерения царского правительства [РТО 1963: 165–169].

Просьбы туркмен не всегда оставались без внимания: свидетельства об этом сложились, например в делопроизводстве кавказской администрации [РТО 1963: 191–

192]. Там же сформировался документальный комплекс, связанный с российскими экспедициями на восточный берег Каспийского моря [РТО 1963: 205]. С кавказскими властями связаны и документы, касающиеся чрезвычайно важной для развития российско-туркменских отношений экспедиции Г. С. Карелина на юго-восточный берег Каспия [РТО 1963: 271, 300–306, 308–317].

Другое направление российского проникновения в Туркменскую степь — Мангышлак — отражено в военной переписке середины XIX столетия [РТО 1963: 396–400] и в материалах, связанных с экспедицией полковника В. Д. Дандевиля [РТО 1963: 465–470, 479–482, 484–489].

Дипломатические соглашения России и Ирана, заложившие основу отношений двух стран, а также к туркменам, опубликованные еще в позапрошлом столетии [Юзефович 1869], стали источниками данного исследования.

Представленные исторические источники анализируются в статье в свете роли туркмен в российско-иранских отношениях, что осуществляется впервые в современной исторической науке.

Привлечение заявленных источников обусловило использование в статье таких методов исследования, как критика и анализ письменных источников, анализ явлений и синтез полученных результатов, индукцию и дедукцию, которые дают возможность сформировать общее представление о международных отношениях в Закаспийском субрегионе Центральной Азии и исследовать роль и место туркмен в региональной геополитике.

Туркмены в региональной политике первой половины XIX в.

Историография

В современной исторической науке центральноазиатский треугольник Россия–Иран–Великобритания уже становился центром научных исследований [Васильев 2019; Васильев, Васильев 2017б], равно как и история двухсторонних российско-британских отношений на Среднем Востоке [Васильев, Васильев 2017а]. Однако поднятая проблематика требует уделить большее внимание отдельным аспектам региональных отношений.

Анализ военно-политических событий и взаимоотношений Хорезма и Ирана в пер-

¹ Указан год издания по солнечной хиджре; по григорианскому стилю — 2011/2012 г.

вой половине XVIII в. предложен в работе Д. А. Ализода. Автор раскрывает причины и порядок военных походов Надир-шаха Афшара в Хорезм, отмечает сопротивление туркмен иранским войскам [Ализода 2018].

Участию северных туркмен во внешне-политическом противостоянии Хивы и Ирана посвящена диссертация С. Д. Атдаева [Атдаев 1993]. Внешнеполитический аспект жизни туркмен рассмотрен А. Т. Атаевым [Атаев 2017]. Вопросы транзитной торговли затронуты в диссертации М. М. Имашевой [Имашева 2004]. Правовые аспекты межгосударственных отношений в регионе являются предметом исследований известного российского правоведа Р. Ю. Почекаева [Почекаев 2019а; Почекаев 2019б; Почекаев 2016].

Современный исследователь Ш. Х. Кадыров в истории туркмен акцентирует внимание на борьбе и взаимодействии отдельных этнических групп [Кадыров 2003].

А. Р. Ихсанов анализирует внутритуркменские взаимоотношения в первой половине XIX в. на примере теке и йомудов [Ихсанов 2014]. О. В. Попкова, говоря о военной активности туркмен, обращает внимание не только на их национальное, но также государственно-политическое самосознание [Попкова 2016].

Наиболее близки к проблематике статьи диссертационные исследования Д. Б. Салиховой [Салихова 2007] и О. А. Никонова [Никонов 2011], а также работа последнего, посвященная российской политике в отношении туркмен в первой половине XIX в. [Никонов 2009], и работа И. И. Аминова [Аминов 2017].

Экономическая политика российского правительства на туркменском побережье Каспия рассмотрена в работе Э. М. Оздамировой [Оздамирова 2015].

Однако намерение рассмотреть туркмен в качестве субъекта региональных отношений требует более пристального внимания к оценке (переоценке) их роли в региональной политике. Первые шаги российской администрации по закреплению в Закаспийском крае в конце 1860-х – начале 1870-х гг. достаточно подробно освещены Д. В. Васильевым [Васильев 2020]. В настоящей статье будет рассмотрен предшествующий период.

Туркмены и Хива

Конец XVIII – начало XIX в. в истории туркмен можно охарактеризовать как период восстановления от продолжительного и жестокого давления персидского правительства в лице основателя династии Афшаридов Надир-шаха Афшара (1736–1747). Территориально разобщенные и изнуренные разрушительными персидскими экспедициями, туркмены все чаще изъявляли желание объединить свои усилия в борьбе с традиционными врагами — Хивой и Персией.

На время освободившись от персидского давления, теперь туркмены старались избежать насаждения власти хивинских ханов. Естественно, такие стремления не устраивали хивинских и персидских правителей. Им необходимо было вновь установить контроль над туркменами — привычными поставщиками качественного скота, первоклассных лошадей и рабочей силы.

В результате образования Хивинского ханства в 1512 г. местным немногочисленным племенам туркмен-йомудов пришлось признать пришлую узбекскую власть. Они платили дань ханам Хивы и принимали участие в их походах на соседние государства [МИТТ 1938: 223–236].

Однако в XIX в. отношения туркмен с ханом начали ухудшаться. Такое сотрудничество было выгодно лишь хивинским властям. Туркмены теряли сотни людей в столкновениях с Хивой. Поэтому они все чаще стали игнорировать предложения хивинских ханов об участии в походах на соседние страны. Последовала незамедлительная реакция правителя Хивы, который развернул серию кампаний, целью которых стало установление контроля над туркменами [МИТТ 1938: 353–354, 355–370].

В 1804 г. хивинский хан Эльтузер направил свои войска на йомудов в Астрабад и Горган. Здешние туркмены оказывали активное сопротивление хивинским властям. В результате похода было убито 500 туркмен, столько же человек взято в плен [МИТТ 1938: 202–203].

Не успевшим оправиться от хивинской атаки туркменам предстояло вновь столкнуться с угрозой. На этот раз агрессором выступила персидская династия Каджаров (1785–1925).

Туркмены между Ираном и Россией в начале XIX в.

Каджары пришли к власти в Персии в конце XVIII в. и были не менее агрессивно настроены против туркмен, чем Надир-шах и афшариды. Однако центральное место во внешнеполитическом курсе нового персидского правительства занимал конфликт с русскими. Потери на Кавказе, особенно в Грузии, вызывали беспокойство у персидских властей [Sykes 1921: 388–391]. Нужны были успешные действия на внешнеполитической арене. По этой причине каджарское правительство начало готовить серию кампаний в Туркмению.

Внимание российских властей к туркменам Закаспийского края возрастало по мере ухудшения отношений с Персией, владельцы которой постоянно осуществляли военные экспедиции против туркменских племен. В итоге пограничные туркмены всегда были настроены антиперсидски [Иванов 1983: 51].

Очевидно, туркмены готовились к неминуемой агрессии со стороны каджарского правительства. Еще в 1801 г. два туркменских лидера из племени човдуrow обратились к русским за протекцией. Причиной обращения стали частые конфликты с хивинским ханом [РТО 1963: 133–138].

Спустя несколько лет просьбы туркмен о протекции возобновились. Они намеревались получить от России поддержку на случай войны с Персией. Соответствующая переписка велась с йомудами, гокланами и текинцами в мае – сентябре 1805 г. [Лобyseвич 1900: 61].

Имперский консул в Персии М. Д. Скибиневский докладывал в Петербург, что туркмены сами выразили желание начать войну против персидских властей [РТО 1963: 165].

Российское правительство собиралось направить к туркменам муллу Мамед-Джан-Хусейна, на которого планировалось возложить их подготовку к наступлению против войск Фатх-Али-шаха [РТО 1963: 166–169]. Однако из-за разгоревшейся войны с персами проекты помощи туркменам пришлось отложить.

Присоединение к империи Восточного Кавказа повлекло за собой образование Грузинской губернии из земель Картли-Кахетинского ханства, а присоединение к Рос-

сии Менгрелии в 1803 г. расширило границы государства вплоть до пределов нынешнего Азербайджана. В итоге разгорелась война, завершившаяся Гюлистанским миром [Юзефович 1869: 208–214], который признал за Россией Карабахское, Ганджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышское ханства, Дагестан, Грузию, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию [Иванов 1952: 117].

Четвертая статья Гюлистанского договора возлагала на Россию обязанность признавать того наследника престола, который будет назначен персидской стороной [Кузнецова 1983: 5].

Пятая статья признавала за Российской империей исключительное право на военный флот в Каспийском море, а, согласно девятой статье, таможенные пошлины для российских купцов не могли превышать 5 %, установленных персами для единоверцев. Кстати, российское правительство предъявляло то же коммерческое требование к Бухаре, Коканду и Хиве позднее, в период глубокого освоения империей Центральной Азии.

Во время русско-персидской войны (1804–1813) каджарское правительство все же нанесло серию ударов по туркменам. В 1809 г. персидская армия под руководством Мохаммед-Вели-Мирзы атаковала туркменский г. Нису. Персы убили множество туркмен и захватили 100 000 голов скота [Росляков 1955: 41–42]. Четыре года спустя, в 1813 г., персидская армия под предводительством каджарского принца Мохаммед-Кули-Мирзы (Мохаммед-шаха) нанесла неожиданный удар по туркменам г. Бами [Saray 1989: 67]. Персы выбрали время, когда туркмены праздновали национальный религиозный праздник.

Через полгода, осенью 1813 г., хивинский хан Мухаммад Рахим направил экспедицию в Хорасан для завоевания персов и призвал текинцев и гокланов присоединиться к походу [МИТТ 1938: 186–187].

Туркмены, только что пережившие серию персидских атак, ответили отказом. Прибыв в Хорасан, Мухаммад Рахим не решился идти на персов без помощи туркмен. Вынужденный свернуть кампанию, он был разозлен отказом туркмен и на обратном пути напал на несостоявшихся соратников [МИТТ 1938: 186].

Положение туркмен оставляло желать лучшего. Измученные непрерывной агрессией персов и хивинцев, они вновь обратились за помощью к русским. В 1811 г. с просьбой о переходе в российское подданство обратились човдуры, вышедшие к этому времени из Хивы с намерением переселиться в Россию. Это прошение в ноябре следующего года в Астрахани повторила човдурская делегация, которой пришлось довольствоваться приобретением 5 000 четвертей хлеба [PTO 1963: 184].

Накануне заключения Гюлистанского мира в 1813 г. прибрежные туркмены подняли антиперсидское восстание [Сепехр 1390 (2011/2012): 703–704, 767–768]. В труде Мухаммада Таги Сепехра есть рассказ о восстании: «Кият² из туркменской семьи джафарбай оккупировал остров Чаркен³ — ценный источник нефти и соли. Этот остров имеет диаметр в 6 фарсангов, расположен в Каспийском море напротив Баку... Кият организовал монополию на берегу Каспийского моря на торговлю солью и нефтью, а туркменские общины начали стягиваться к нему...»⁴ [Сепехр 1390 (2011/2012): 703–704].

Принц Ардашир-Мирза смог покончить с восстанием лишь в 1826 г. Восставшие пытались опереться на российскую военную мощь и обратились с соответствующей просьбой. Петербург принципиально был готов оказать поддержку морским десантом, артиллерией, другими военными поставками [PTO 1963: 191–192].

Однако в это время посланники Фатх Али-шаха заявили о готовности заключить с Россией мир. Случилось все это в местечке Гюлистан на территории Карабаха. Следует признать, что обращение повстанцев стало разменной картой в борьбе за выгодные для империи условия. Одержав дипломатическую победу, российская сторона была вынуждена отказать туркменам.

Присоединение Грузии и Азербайджана символизировало окончательное и устойчивое утверждение Российской империи на западе каспийского побережья. Отсюда открывалось теперь новое направление для связи с туркменскими землями. Гюлистанский договор положил начало последовательному упрочению позиций России на юго-восточ-

ном побережье Каспийского моря.

Туркмены в условиях роста российского влияния в Каспийском регионе

Установление российского господства в Каспийском регионе взбудоражило Великобританию, которая имела торговые интересы в регионе. В 1814 г. британские власти заключили союз с персами для того, чтобы упрочить свое торговое и политическое положение в этом регионе [Rawlinson 1875: 35–37]. Соглашение подразумевало оказание материальной помощи персам и утверждало политическую значимость британских властей в качестве посредника в российско-персидских отношениях.

В это время генерал А. П. Ермолов, командующий российскими военными силами на Кавказе, решил воспользоваться сложившейся благоприятной ситуацией в Каспийском море и развернул активную торговлю с Хивой, Бухарой и закаспийскими туркменами. В 1819 г. А. П. Ермолов отправил двух своих офицеров — майора М. И. Пономарева и капитана Н. Н. Муравьева для установления дружественных отношений с туркменами [PTO 1963: 205]. М. И. Пономарев был отправлен на восточный берег Каспия. Н. Н. Муравьев направился в Хиву для сбора информации о туркменах и хивинцах, но главной его целью все же было установление союза с хивинским ханом.

После получения воодушевляющих отчетов от своих подопечных А. П. Ермолов в 1820 г. направил письмо российскому правительству, в котором сообщал, что в такой подходящий момент России следовало бы основать торговый форпост в Мангышлаке, что гарантировало бы русские торговые интересы на пути из Астрахани в Хиву и обеспечивало бы безопасную торговлю русским купцам и рыбакам на восточном берегу Каспийского моря. Российское правительство в Санкт-Петербурге одобрило предложение А. П. Ермолова.

Действия русских в Центральной Азии вызывали беспокойство в Лондоне. Британские власти получали сообщения о распространении русского влияния среди туркмен на восточных берегах Каспия. Поступательное движение русских в Центральной Азии в Великобритании воспринимали как угрозу Британской Ост-Индии.

Английские дипломаты в Тегеране и Санкт-Петербурге не смогли успешно вы-

² Он же Кият-хан, Кият-ага, Кият бек.

³ Челекен.

⁴ Здесь и далее перевод автора статьи.

ступить в роли посредников в русско-персидских отношениях [Saray 1989: 66]. Причиной тому стало крайнее разочарование персидских властей по поводу потери своих владений и острое желание вернуть их.

Поддерживая мирное направление русско-персидских отношений, новый российский император не хотел верить сообщениям о концентрации иранских военных подразделений у границы и не реагировал на предложения А. П. Ермолова об усилении кавказской группировки. Вместо этого в иранскую столицу выехало посольство наделенного особыми полномочиями князя А. С. Меншикова. Англичане отреагировали на это активизацией антироссийской пропаганды. Они представляли шаху российское посольство как проявление слабости.

Практически одновременно с российской миссией на месте переговоров в Солтание оказался проповедник моджтехид Кербелайский, обнародовавший фетву с призывом к священной войне против русских. Миссия потерпела фиаско, а в условиях начавшейся войны российские дипломаты превратились в пленных. Начавшиеся военные действия стимулировали прежних правителей этих территорий к организации мятежей [Ракович 1900: 62–63].

Однако военные действия развивались в пользу России. И вновь с 9 на 10 февраля 1828 г. в местечке Туркманчай был заключен новый мирный договор, дававший империи больше преимуществ на территории Ирана и ущемлявший в некоторой степени британские интересы [Пашуто 1947: 127–128].

Россия получила Ереван и Нахичевань и обещание выплатить 20 млн руб. серебром [Юзефович 1869: 215]. Одновременно российские купцы получили особые привилегии [Юзефович 1869: 223–225]. Каспий фактически стал внутренним российским водоемом.

Заключение Туркманчайского договора серьезно беспокоило британские власти, которые, прежде всего, стремились защитить свои торговые интересы в регионе. Англичане посчитали, что их товары, проходившие через Табриз, смогут легко конкурировать с российскими, если персидские власти уменьшат пошлину до 5 процентов, как это было сделано для российских товаров [Saray 1989: 66].

Когда британский представитель в Тегеране Джон Кэмпбелл выступил с таким предложением, персидские власти не смогли отказать ему, так как нуждались в дружественных отношениях с Великобританией — главным противовесом растущему российскому влиянию. С политической точки зрения Британия хотела видеть сильную Персию, но не хотела помогать государству, находившемуся под влиянием русских.

В этой связи британцы решили пересмотреть свою политику в регионе и переместить фокус своего внимания на Афганистан. При этом они старались противодействовать русским в Хиве, оказывая хивинцам материальную поддержку и устанавливая дружественные контакты с местной властью. В планах британского правительства также было решение персидско-хивинских разногласий. Считалось, что для этой цели могут пригодиться туркменские племена, проживавшие на территории от Мерва до Каспия: «Они могли использоваться как связующее звено между Хивой и Персией для формирования линии обороны на восточных берегах Каспийского моря, чтобы в случае возможного продвижения русских оградить их от Индии» [Saray 1989: 67]. Все же реальной целью британского правительства стало предотвращение движения персов на Герат. Овладеть Гератом стремились Персия, пользовавшаяся поддержкой России, и Афганистан, поддерживаемый Великобританией.

Для туркмен череда персидских поражений имела другие последствия. Йомуды, проживавшие между Астрабадом и р. Атрек, платили дань персам. Однако йомуды Каспия, занимавшиеся рыбным промыслом, не платили ничего персидским властям со времен Надир-шаха.

Туркмены в фокусе интересов России и Ирана (1830-е гг.)

После заключения Туркманчайского договора туркмены-йомуды в окрестностях Астрабада и Мазендарана начали оказывать активное сопротивление каджарскому давлению. Несмотря на это, независимость местных туркмен продлилась недолго. В 1832 г. они были вынуждены признать персидское правительство Аббаса Мирзы. Но приморские йомуды смогли сохранить свою независимость.

Тем временем хивинские власти вновь усилили давление на туркмен Мерва. Алакули-хан, новый правитель Хивы, успешно покорил мервских туркмен, усилив свое влияние в регионе. Он собрал дань с сарыков, текинцев и салоров, сделав их своими подданными. Спустя несколько месяцев, когда персидская армия атаковала этих же туркмен, хивинцы отказались оказать им поддержку [Sykes 1921: 324]. Такое безучастное отношение хивинских властей к положению туркмен еще больше ухудшило и без того натянутые хивино-туркменские отношения.

Осенью 1832 г., после покорения йомудов Астрабада, персидское правительство организовало поход на Серахс, чтобы расчистить путь в Герат и Мерв для своих экспедиций, запланированных в этом направлении. Большое количество салоров было убито и уведено в плен персами, которые захватили скот и имущество туркмен [МИТТ 1938: 459–463].

В то же время Российская империя продолжала расширять сферу своего влияния, исследуя восточное побережье Каспия. В 1830-х гг. русские активно развивали торговые и дружеские отношения с местными туркменами.

Российские морские экспедиции к восточному берегу Каспия начались еще в первой четверти XVIII в. и были связаны с активизацией политики Петра I в Прикаспийском регионе в целом и продолжались вплоть до 1870-х гг.

Успешному развитию торговли здесь всячески препятствовали правители Персии. Во второй половине 1820-х гг. персидская власть оказывала значительное давление на прикаспийских туркмен в Астрабаде и Мазендеране — местах, где рыбный промысел приносил большой доход туркменским племенам.

После войны 1826–1828 гг. последовали новые просьбы туркмен о защите от персидских происков. Петербург потребовал от своего посла в Тегеране обратиться к шаху с предложением отказаться от агрессивных действий в отношении туркменских племен [РТО 1963: 260].

Одновременно империя активизировала исследовательские экспедиции в туркменские владения. В 1830 г. на юго-запад Туркмении прибыл есаул Лалаев, оставивший в своих «Записках» сведения о быте и хозяй-

стве туркмен, дополненные ценной информацией о российско-туркменских отношениях [АКАК 1878: 859–861].

Экспедиции Г. Карелина, есаула Лалаева, М. Ладыженского и И. Бларамберга помогли собрать ценный материал относительно социально-политического устройства туркмен. Прежде всего, они отмечали разобщённость местного населения, которая позволяла даже отдельным родам пытаться реализовывать собственную политику, принимать персидское или хивинское подданство, а также отстаивать свою независимость. Представители имперской администрации, привыкшие взаимодействовать с казахскими ханами и султанами, единолично выступавшими от имени своих многочисленных подданных, с удивлением узнавали, что звание ханов у туркмен ничего не значит, и по тем или иным вопросам следует договариваться не то что с каждым племенем или родом, но даже с каждым отдельным аулом [Бларамберг 1978: 21; ЗИРГО 1883: 154–159; АКАК 1875: 783–797].

По мере расширения знаний о кочевниках Восточного Прикаспия члены российских экспедиций в своих записках все более настойчиво проводили мысль о необходимости более решительных действий российских властей в регионе, тогда как оценка политико-правового положения туркмен становилась все более критической.

Во второй четверти XIX в., благодаря активным действиям российских исследователей на восточном побережье Каспия, сложилась наиболее благоприятная обстановка для реализации уже давно планировавшегося проекта основания торгового форпоста империи.

В 1832 г. для исследования подходящего места основания торгового форпоста к восточному побережью Каспия была отправлена экспедиция Г. С. Карелина [РТО 1963: 300–312]. Он был ознакомлен со сведениями, собранными Н. Н. Муравьевым и другими. Одной из задач экспедиции являлось и выяснение возможности установления прямого сообщения между каспийским побережьем и Хивой. Г. С. Карелину было также поручено выяснить отношение туркмен к созданию такого торгового поста. Он успешно справился с миссией и рапортовал начальству, что место Кызыл-Таш в бухте Кайдак на северо-востоке полуостро-

ва Мангышлак является наиболее благоприятным местом для строительства крепости [ПТО 1963: 271].

В 1833 г. в Санкт-Петербурге были рассмотрены вопросы, связанные с интересами России в Каспийском регионе. В июле того же года императорским указом было принято решение о создании специальной флотилии для расчистки устья реки Куры, которая несла свои воды в Каспийское море. Г. С. Карелин должен был возглавить специальную экспедицию, отвечающую за строительство форпоста в Кызыл-Таше [ПТО 1963: 271]. При этом само строительство крепости не должно было выглядеть как часть планомерной российской оккупации Туркмении.

Между тем персы возобновили свою агрессию в отношении туркмен. Весной 1836 г., нанеся удар по гокланам, персы атаковали Кара-Калу — туркменскую крепость военно-стратегического значения на северной стороне р. Атрек [Saray 1989: 69]. Однако туркмены проявили особую отвагу при обороне крепости, и враги вынуждены были отступить.

Весной того же года Г. С. Карелин во главе группы купцов посетил юго-восточное побережье Каспия. Там группа туркмен-йомудов обратилась к нему с петицией [ПТО 1963: 314–317]. В ней сообщалось, что здешние люди независимы от Персии и Хивы, а те оказывают сильное давление на туркмен. Последние же, в свою очередь, хотят оставаться независимыми и просят российской протекции в борьбе против хивинцев и персов. Данное прошение осталось без внимания. Вполне вероятно, что русские считали туркмен недостаточно искренними в своем обращении, как это уже случалось ранее.

Британцев беспокоила активная деятельность Г. С. Карелина, чье имя часто звучало применительно к коммерческим спекуляциям в Туркмении. Он всячески стремился содействовать установлению русского влияния среди туркменских племен. Лондонским правительством было принято решение направить коммерческих агентов в Туркмению, Мешхед, Герат и Балх [Хидятов 1969: 201].

В свою очередь персидское правительство было крайне обеспокоено тем, что туркменская торговля получила активное развитие в юго-восточной части Каспийского моря. Это было связано с запретом иметь

военно-морские силы в Каспийском море, наложенным на персов Туркманчайским и Гюлистанским договорами. Таким образом, туркменские купцы и рыбаки становились монополистами рыбного промысла в регионе.

Поскольку иранская экономика в результате первого гератского конфликта (1837–1841) понесла значительные убытки, персы всячески старались установить контроль на туркменами-йомудами. Каджарское правительство обращалось к русским с просьбой разрешить Персии разместить военные суда на Каспийском море, которые помогли бы установить контроль над действиями туркмен [ПТР 1960: 24–26].

Еще одна цель заключалась в ликвидации туркменских набегов, от которых страдало иранское население. На данном этапе развития событий между персидскими и российскими властями произошел интересный спор о политическом положении туркмен. Русские приняли позицию туркмен, признав, что те являются не персидскими поданными, а вполне независимым народом [Saray 1989: 71]. Поэтому персидское правительство не должно претендовать на их суверенитет, на экономический и политический контроль над ними.

Тем временем, не прислушавшись к предупреждениям капитана Александра Бёрнса, британское правительство начало кампанию в Афганистане, которая, как известно, не была успешной, а Великобритания практически утратила свои позиции не только в Афганистане.

Активизация России у восточного побережья Каспийского моря (1840-е гг.)

В 1840 г. в Астрабадском заливе по просьбе персидского правительства было учреждено постоянное русское морское крейсерство, что вполне соответствовало нормам Туркманчайского договора. Российское правительство стремилось оказать помощь своим купцам в Прикаспийском регионе, обеспечив охрану судов и перевозимых товаров. Учреждение российского морского крейсерства, с точки зрения персидского правительства, могло способствовать искоренению постоянных набегов со стороны туркмен.

Основание морской станции на Ашур-Аде стало поворотным пунктом в истории российско-туркменских отношений. Присут-

ствие российской власти в юго-восточной части Каспийского моря оказало непосредственное влияние на экономическую и политическую жизнь местных туркмен-йомудов.

Вскоре этот остров стал второй после Баку базой Каспийской флотилии. Среди стратегических преимуществ морской станции следует выделить наличие глубоководного фарватера, соединяющего Астрабадский залив с морем, преобладание комфортных температур и отсутствие морских волнений [Широкоград 2013: 57].

Российские купцы стали частыми посетителями юго-восточной части Каспия после заключения Туркманчайского договора и, воодушевленные присутствием морской эскадры, занимали доминирующее положение в торговой жизни региона.

Туркменские купцы и рыбаки были вынуждены получать разрешение на торговлю от российского командира и должны были посещать контрольно-пропускной пункт на Ашур-Аде до и после заключения торговых сделок. В случае, если туркмены пытались игнорировать приказы российского командования, их могли подвергнуть серьезному наказанию, а туркменского бригадира могли заключить под стражу или даже отправить в ссылку.

Важно учитывать тот факт, что русские орудия, размещенные на Ашур-Аде, могли быть использованы как против туркмен-йомудов, разворовывавших персидские территории, так и против самих персов в том случае, если они пойдут на поводу у англичан. Несмотря на вышеупомянутые регулятивные меры, туркменские племена продолжали атаки на персидские территории, а персидские власти предпринимали карательные экспедиции против прикаспийских туркмен.

Экспедиции каджарского правительства наносили существенный урон хозяйственной жизни туркмен. Однако влияние персидского правительства в районах Каспийского моря и его побережья, находившегося в пределах границ Персии, было настолько ничтожным, что не могло даже обеспечить безопасности своим гражданам от нападений туркмен.

На полуострове Мангышлак отношения между русскими и туркменами-човдурами складывались иначе. С момента возведения торгового форпоста Ново-Александровск в Кызыл-Таше в 1834 г. русская торговля не

получила развития. Причиной служило то, что укрепление было основано не в самом лучшем месте. Климат был неблагоприятным, а качество воды оставляло желать лучшего. Кроме того, форпост был отдален от караванного пути, что отрицательно сказывалось на развитии русской торговли в регионе.

В 1846 г. русские срыли укрепление в Кызыл-Таше и основали новый форпост — Ново-Петровск в западной части Мангышлака [РТО 1963: 396–400]. Поскольку новая крепость занимала более выгодное положение, российские власти смогли распространить свое влияние по всему Мангышлаку, населенному туркменами-човдурами.

В январе 1859 г. на специальном заседании российского правительства было принято решение рассмотреть эффективные меры с целью обезопасить интересы Российской империи в регионе. В качестве одной из таких мер предлагалось возвести еще один форпост на восточном берегу Каспийского моря. Летом 1859 г. полковник В. Д. Дандевиль отправился в экспедицию к восточному берегу Каспия.

После ряда разведывательных операций он обнаружил, что Кызыл-Су⁵ (Красноводск) было наилучшим местом для основания форпоста [РТО 1963: 465–470, 479–482, 484–489].

Однако, вернувшись в Оренбург, он предостерег начальство от немедленного начала строительства из-за весьма враждебных настроений туркмен. Русские на неопределенный срок прекратили всю свою деятельность на восточном побережье Каспия, чтобы убедить туркмен в том, что они не собираются оккупировать его.

К началу 1860-х гг. туркмены в результате продолжительной и ожесточенной борьбы с персами и хивинцами сумели сохранить свою независимость. В ходе противостояния продолжительному давлению персидских и хивинских властей текинцы, салоры, сарыки впервые в истории сумели объединить свои силы перед общей угрозой.

Что касается российско-иранских отношений, то в 1820-е гг. они значительно ухудшились из-за усиления в Тегеране влияния англичан. Разразившаяся по инициативе шахского правительства русско-персидская война 1826–1828 гг. завершилась подписа-

⁵ Тюрк. ‘красная вода’.

нием Туркманчайского мира, значительно укрепившего положение России в регионе и со временем открывшего перспективу конструктивного взаимодействия двух государств в Туркменской степи и на Каспии.

Важным шагом, свидетельствующим как о политической близости Российской империи и Персии, так и о готовности государств к совместным действиям по обеспечению безопасности в регионе, стало учреждение в 1840-х гг. постоянного русского морского крейсерства в Каспийском море и морской станции на острове Ашур-Аде. Причем главным объектом российской морской охраны стало противодействие пиратским и контрабандным проискам приморских туркмен.

Это взаимодействие двух государств выразилось и в том, что Персия не стала предпринимать никаких шагов против основания сначала российского форпоста в Красноводске, а затем и образования Закаспийского военного отдела и Закаспийской области. Двум государствам удалось сохранить добрососедские отношения, признав реку Атрек взаимной границей.

Заключение

История распорядилась так, что активизация туркмен во внешнеполитических отношениях в Центральной Азии выпала на XIX столетие. Несмотря на самоотверженную борьбу с иностранными захватчиками, им в различные периоды их истории приходилось признавать пришлую власть. Свободолюбивым и самоотверженным туркменским племенам зачастую не хватало организованности, централизованной власти и межплеменной коммуникации.

Предпосылки создания общенациональной идеи, равно как и административного аппарата были, но по причине географической раздробленности и отсутствия общепризнанного лидера им не суждено было реализоваться. Фактически в XIX в. туркмены представляли собой множество родственных и противостоящих друг другу племен, каждое из которых стремилось сохранить свой традиционный уклад жизни. Согласованные действия туркмен имели место лишь в случае угрозы суверенитету не отдельного племени, проживавшего на границе с соседним Туркменским государством, а всего большого сообщества в целом. И именно это создавало предпосылки для их будущей национальной консолидации.

Оказывая активное сопротивление своим традиционным врагам — персам и хивинцам, а впоследствии и новым противникам — русским, туркмены проявляли себя самоотверженными воинами, готовыми многим пожертвовать ради сохранения независимости. Именно благодаря таким качествам национального характера туркменам удалось сохранить свой народ в условиях геополитического взаимодействия мировых и региональных держав. Объективности ради следует признать, что одним из условий самосохранения в обстановке напряженности региональных политических противоречий местными старшинами виделось принятие туркменами российского подданства, неоднократные просьбы о чем поступали в Санкт-Петербург с самого начала XIX в.

Литература

- АКАК 1875 — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 6. Ч. 2. Тифлис: Тип. Главн. Управления наместника кавказского, 1875. 950 с.
- АКАК 1878 — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 7. Тифлис: Тип. Главн. Управления наместника кавказского, 1878. 994 с.
- Ализода 2018 — Ализода Довуд Али. О военном противоборстве Хорезма и Ирана в первой половине XVIII века (по данным письменных источников) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2018. № 1 (74). С. 40–47.
- Аминов 2017 — Аминов И. И. Способы приобщения туркмен к российской государственности (XIX – нач. XX в.) // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки. Мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. НИЦ «Академический». Т. 2. М.: CreateSpace, 2017. С. 169–171.
- Атаев 2017 — Атаев А. Т. Туркмены и внешняя политика империи Дуррани // Интернаука. 2017. № 8–1 (12). С. 27–31.
- Атдаев 1993 — Атдаев С. Д. Борьба северных туркмен против господства Надир-шаха в

- Хиве: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ашгабад, 1993. 20 с.
- Бларамберг 1978 — *Бларамберг И. Ф.* Воспоминания / пер. с нем. О. И. Жигалиной и Э. Ф. Шмидта. М.: ГРВЛ, Наука, 1978. 355 с.
- Васильев 2014 — *Васильев Д. В.* Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
- Васильев 2019 — *Васильев С. Д.* Британское влияние на политику шахского правительства в отношении туркменских племен. Превращение Ирана в театр политического противостояния России и Великобритании // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 290–300.
- Васильев 2020 — *Васильев Д. В.* Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 85–107.
- Васильев, Васильев 2017а — *Васильев Д. В., Васильев С. Д.* Британо-российское противостояние на Среднем Востоке как реакция на попытку геостратегического укрепления России в регионе в 1830-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3. С. 146–151.
- Васильев, Васильев 2017б — *Васильев С. Д., Васильев Д. В.* Иран в центре британо-российского противостояния в 1820-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–1 (80). С. 33–36.
- ЗИРГО 1883 — Записки императорского Русского географического общества по общей географии. Т. 10. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. 497 с.
- Иванов 1952 — *Иванов М. С.* Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. 467 с.
- Иванов 1983 — *Иванов М. С.* Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX в. М.: Наука, 1983. 248 с.
- Имашева 2004 — *Имашева М. М.* Торговля России со странами Востока через Астрахань в первой половине XIX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004. 16 с.
- Ихсанов 2014 — *Ихсанов А. Р.* Взаимоотношения туркменских племен теке и йомут в XVIII–XIX вв. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 6. С. 32–42.
- Кадыров 2003 — *Кадыров Ш. Х.* «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация и перспективы государственности в Туркменистане. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований ИА РАН, 2003. 362 с.
- Кузнецова 1983 — *Кузнецова Н. А.* Иран в первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. 265 с.
- Лобысевич 1900 — *Лобысевич Ф. И.* Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1900. 205 с.
- МИТТ 1938 — Материалы по истории туркмен и Туркмении XVI–XIX вв. Т. II. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.: Изд-во АН СССР, 1938. 700 с.
- Никонов 2009 — *Никонов О. Н.* Юго-восточный Каспий в политической стратегии Российской империи в первой половине XIX века // Преподаватель. XXI век. 2009. № 4. С. 214–222.
- Никонов 2011 — *Никонов О. А.* Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–XIX вв.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 42 с.
- Оздамирова 2015 — *Оздамирова Э. М.* Туркменское побережье Каспийского моря в экономической политике царского правительства в 1800–1820-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4 (45). С. 59–66.
- Пашуто 1947 — *Пашуто В. Т.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. Исторические записки. Т. 24. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 111–159.
- Попкова 2016 — *Попкова О. В.* Боевые действия как неотъемлемый аспект жизни кочевых туркмен в XVII – первой четверти XVIII века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 1 (70). С. 46–49.
- Почекаев 2016 — *Почекаев Р. Ю.* Экономические санкции Российской империи против Хивинского ханства в XVIII и XIX вв.: причины, правовое оформление, эффективность // Вопросы правоведения. 2016. № 3 (37). С. 200–215.
- Почекаев 2019а — *Почекаев Р. Ю.* Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2019. 424 с.
- Почекаев 2019б — *Почекаев Р. Ю.* Правовые аспекты международных отношений в Центральной Азии XVIII–XIX вв.: проблемы и перспективы изучения // Центральная Азия

- на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 100–108.
- ПТР 1960 — Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов) / Акад. наук Туркм. ССР, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ТССР, Центр. гос. ист. архив УзССР; под ред. канд. ист. наук А. Ильясова. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1960. 823 с.
- Ракович 1900 — *Ракович Д. В.* Тенгинский полк на Кавказе, 1819–1846. Тифлис: Тип. канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. 494 с.
- Росляков 1955 — *Росляков А. А.* Аламань // Советская этнография. 1955. № 2. С. 41–53.
- РТО 1963 — Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сборник архивных документов. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1963. 784 с.
- Салихова 2007 — *Салихова Д. Б.* Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007. 28 с.
- Сепехр 1390 (2011/2012) — *Сепехр Мухаммад Таги Лисан-оль-мольк.* Насих ат-таварих. Тарих-е Каджарийе. Т. II. Тегеран: Асатир, 1390 (2011/2012). 352 с.
- Хидояттов 1969 — *Хидояттов Г. А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.). Ташкент: Фан, 1969. 456 с.
- Широкорад 2013 — *Широкорад А. Б.* Российские военные базы за рубежом. XVIII–XXI вв. М.: Вече, 2013. 368 с.
- Юзефович 1869 — Договоры России с Востоком политические и торговые / сост. Т. Д. Юзефович. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1869. 326 с.
- Rawlinson 1875 — *Rawlinson Henry.* England and Russia in the East. A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. London: J. Murray, 1875. 412 p.
- Saray 1989 — *Saray Mehmet.* The Turkmens in the age of imperialism: A study of the Turkmen people and their incorporation into the Russian Empire. Publication of Turkish Historical Society. Serial: VII – No. 103. Ankara, 1989. 274 p.
- Sykes 1921 — *Sykes P. M.* A History of Persia. Vol. II, London: Macmillan and Co., 1921. 796 p.

References

- Agaeв Kh., Annanepesov M. (comps.) Russian-Turkmen Relations, 18th–19th Centuries (Prior to Turkmenistan's Incorporation into Russia). Collected archival documents. Ashgabat: Turkmen SSR Academy of Sciences, 1963. 784 p. (In Russ.)
- Ali A. D. On military confrontation of Khorezm and Iran in the first half of the XVIIIth century (on the data of written sources). *Bulletin of TSU LBP. Series of Humanitarian Sciences*. 2018. No. 1 (74). Pp. 40–47. (In Russ.)
- Aminov I. I. Turkmens and Russia, 19th – early 20th century: statehood incorporation means revisited. In: *Fundamental Science and Technology — Future Developments. Conference proceedings*. Vol. 2. Moscow: CreateSpace, 2017. Pp. 169–171. (In Russ.)
- Ataev A. T. Turkmens and external policy of the Durrani Empire. *Internauka*. 2017. No. 8–1 (12). Pp. 27–31. (In Russ.)
- Atdaev S. D. The Struggle of Northern Turkmens against Nader Shah Afshar in Khiva. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ashgabat, 1993. 20 p. (In Russ.)
- Blaramberg I. F. Memoirs. O. Zhigalina, E. Schmidt (transl.). Moscow: Nauka — GRVL, 1978. 355 p. (In Russ.)
- Borovkov A. K. (ed.) Materials in the History of Turkmens and Turkmenistan, 16th–19th Centuries. Vol. 2: Sources from Iran, Bukhara and Khiva. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1938. 700 p. (In Russ.)
- Deeds Collected by the Caucasus Archaeographic Commission. Vol. 6. Part 2. Tiflis: Caucasus Viceroy's Office, 1875. 950 p. (In Russ.)
- Deeds Collected by the Caucasus Archaeographic Commission. Vol. 7. Tiflis: Caucasus Viceroy's Office, 1878. 994 p. (In Russ.)
- Ikhsanov A. R. The Teke and the Yomut, 18th–19th centuries: relations between the Turkmen tribes revisited. *Vostok (Oriens)*. 2014. No. 6. Pp. 32–42. (In Russ.)
- Ilyasov A. (ed.) Turkmenistan's Incorporation into Russia. Collected archival documents. Ashgabat: Turkmen SSR Academy of Sciences, 1960. 823 p. (In Russ.)
- Imasheva M. M. Trade of Russia: Via Astrakhan and to the East, Early-to-Mid 19th Century. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Astrakhan', 2004. 16 p. (In Russ.)
- Ivanov M. S. An Essay in the History of Iran. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 467 p. (In Russ.)
- Ivanov M. S. Antifeudal Uprisings in Mid-19th Century Iran. Moscow: Nauka, 1983. 248 p. (In Russ.)
- Kadyrov Sh. Kh. The Nation of Tribes: Ethnic Origins, Transformation and Statehood Perspectives in Turkmenistan. Moscow: Institute for African Studies (RAS), 2003. 362 p. (In Russ.)

- Karelin G. S. The Journey of G. Karelin across the Caspian. Ser. 'Transactions of the Imperial Russian Geographical Society: Common Geography'. Vol. 10. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1883. 497 p. (In Russ.)
- Khidoyatov G. A. Central Asia, 1860s–1870s: Glimpses of English-Russian Relations. Tashkent: Fan, 1969. 456 p. (In Russ.)
- Kuznetsova N. A. Iran in the Early-to-Mid 19th Century. Moscow: Nauka, 1983. 265 p. (In Russ.)
- Lobysevich F. I. Systematic Expansion into Central Asia: Trade, Diplomacy, and the Military. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, 1900. 205 p. (In Russ.)
- Nikonov O. A. Development of Interstate Relations in the Asian Caspian, 18th–19th Centuries. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 2011. 42 p. (In Russ.)
- Nikonov O. N. The Southeastern Caspian in Imperial Russia's political strategy, early-to-mid 19th century. *Prepodavatel. XXI vek.* 2009. No. 4. Pp. 214–222. (In Russ.)
- Ozdamirova E. M. The Turkmen coast of the Caspian Sea in the economic policy of the Tsarist Government in 1800–1820-ies. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture.* 2015. No. 4 (45). Pp. 59–66. (In Russ.)
- Pashuto V. T. Alexander S. Griboyedov and his diplomatic activity. *Istoricheskie zapiski.* 1947. Vol. 24. Pp. 111–159. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Imperial Russia's economic sanctions against the Khanate of Khiva, 18th–19th centuries: causes, legal aspects, efficiency. *Voprosy pravovedeniya.* 2016. No. 3 (37). Pp. 200–215. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Legal aspects of international relations in Central Asia, 18th–19th centuries: problems and prospects of research. In: Central Asia as a Crossroads of European and Asian Political Interests, 18th–19th Centuries. Moscow: OntoPrint, 2019. Pp. 100–108. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. State and Law in Central Asia: Eyewitness Accounts of Russian and Western Travelers, 18th to Early 20th Centuries. Moscow: HSE University, 2019. 424 p. (In Russ.)
- Popkova O. V. Combat activity as an inherent aspect of the nomadic Turkmen life in the 17th – the first quarter of the 18th century. *Scientific Notes of Orel State University.* 2016. No. 1 (70). Pp. 46–49. (In Russ.)
- Rakovich D. V. Tenginsk Infantry Regiment in the Caucasus, 1819–1846. Tiflis: Chief Caucasus Civil Executive's Office, 1900. 494 p. (In Russ.)
- Rawlinson Henry. England and Russia in the East. A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. London: J. Murray, 1875. 412 p. (In Eng.)
- Roslyakov A. A. The Alemanni. *Sovetskaya etnografiya.* 1955. No. 2. Pp. 41–53. (In Russ.)
- Salikhova D. B. Russian-Iranian Relations, 1720s–1750s. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Makhachkala, 2007. 28 p. (In Russ.)
- Saray Mehmet. The Turkmen in the Age of Imperialism: A Study of the Turkmen People and Their Incorporation into the Russian Empire. Publication of Turkish Historical Society. Serial: VII – No. 103. Ankara, 1989. 274 p. (In Eng.)
- Shirokorad A. B. Overseas Military Bases of Russia, 18th–21st Centuries. Moscow: Veche, 2013. 368 p. (In Russ.)
- Sipih Muhammad Taqi Lisan al-Mulk. Brief World History. A History of the Qajar Dynasty. Vol. II. Tehran: Asatir, 1390. 352 p. (In Russ.)
- Sykes P. M. A History of Persia. Vol. II, London: Macmillan and Co., 1921. 796 p. (In Eng.)
- Vasilyev D. V. Russia and Kazakh Steppe: Administrative Policy and Status of the Periphery, 18th to Mid-19th Century. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014. 471 p. (In Russ.)
- Vasilyev D. V. The dualism of the Russian administration on the eastern Caspian coast. *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2020. Vol. 65. No. 1. Pp. 85–107. (In Russ.)
- Vasilyev D. V., Vasilyev S. D. The British-Russian opposition in the Middle East as the reaction to attempt the strategic strengthening of Russia in the region in 1830s. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 2017. Vol. 19. No. 3. Pp. 146–151. (In Russ.)
- Vasilyev S. D. British influence on policies of the Shah's Government towards Turkmen tribes: how Iran became a theater of political confrontation between Russia and Great Britain. In: Central Asia as a Crossroads of European and Asian Political Interests, 18th–19th Centuries. Moscow: OntoPrint, 2019. Pp. 290–300. (In Russ.)
- Vasilyev S. D., Vasilyev D. V. Iran at the heart of British-Russian confrontation in the 1820s. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 2017. No. 6–1 (80). Pp. 33–36. (In Russ.)
- Yuzefovich T. D. (comp.) Russia's Treaties and Agreements with the East: Political and Trade Ones. St. Petersburg: O. I. Bakst, 1869. 326 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 4, pp. 673–684, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94/47

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-673-684

Борьба с эпидемиями в Казахстане в первой трети XX в.

Гульжаухар Какеновна Кокебаева¹, Сабит Камытбекович Шилдебай²

¹ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Казахстан)
доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом всемирной истории
 0000-0002-6638-4663. E-mail: kokebayeva@gmail.com

² Центральный государственный архив Республики Казахстан (д. 39, просп. Абая, 050000 Алматы, Казахстан)
кандидат исторических наук, директор
 0000-0001-7110-2571. E-mail: S.Shildebai@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Кокебаева Г. К., Шилдебай С. К., 2021

Аннотация. *Введение.* Распространение опасных инфекционных болезней было постоянным спутником развития истории человечества. Пандемия, связанная с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, подчеркивает важность изучения многолетнего опыта преодоления глобальных эпидемий. *Цели и задачи исследования.* В данной статье сделана попытка проанализировать проблему распространения инфекционных болезней в Казахстане и историю борьбы с эпидемией. История борьбы с эпидемиями в советском Казахстане охватывает большие пространственные и временные масштабы, поэтому хронологические рамки исследования ограничены периодом до начала 30-х гг. XX в. *Материалы и методы.* Материалами исследования являются документы из фондов Центрального государственного архива научно-технической документации Республики Казахстан и опубликованные отчеты государственных учреждений. При проведении исследования использован дескриптивный метод, который применяется при изучении проблем «реальной жизни». Дескриптивный метод позволил восстановить условия возникновения и распространения эпидемий в Казахстане и способов борьбы с ними. Применялся также историко-генетический метод, позволивший последовательно раскрыть сущность и динамику эпидемической ситуации в Казахстане в изучаемый период. Применение историко-сравнительного метода позволило выявить положительную динамику борьбы против распространения инфекционных болезней в советском Казахстане. *Результаты.* Проанализирована эпидемическая ситуация в Казахстане в дореволюционный и советский периоды. Исследована история образования и развития системы противоэпидемической защиты в советский период. Выявлены основные методы борьбы союзных и республиканских государственных учреждений с распространением инфекционных болезней. Сделаны

выводы относительно эффективности искоренения особо опасных инфекционных болезней путем вакцинации, медико-санитарного просвещения населения и других дополнительных мер.

Ключевые слова: эпидемия, инфекционные заболевания, вакцинация, общественное здравоохранение, эпидемическая ситуация, бактериологическая лаборатория, пастеризация

Благодарность. Исследование проведено в рамках реализации грантового проекта AP08957129 «История борьбы против инфекционных заболеваний и эпидемий в Казахстане (1920–1936)».

Для цитирования: Кокебаева Г. К., Шилдебай С. К. Борьба с эпидемиями в Казахстане в первой трети XX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 673–684. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-673-684

The Struggle against Epidemics in Kazakhstan, 1900s–1930s

Gulzhaukhar K. Kokebayeva¹, Sabit K. Shildebai²

¹ Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Committee of Science, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of World History Department

 0000-0002-6638-4663. E-mail: kokebayeva@gmail.com

² Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (39, Abai Ave., 050000 Almaty, Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Director

 0000-0001-7110-2571. E-mail: S.Shildebai@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Kokebayeva G. K., Shildebai S. K., 2021

Abstract. Introduction. Dangerous infectious diseases have always been part of human history. The pandemic associated with the spread of COVID-19 underscores the importance of studying experience of dealing with global epidemics. *Research goals and objectives.* This article attempts to analyze the problem of spread of infectious diseases in Kazakhstan and the history of dealing with epidemics. The history of combating epidemics in Soviet Kazakhstan covers a large spatial and temporal scale, so the chronological framework of the study is limited to the period up to the early 1930s. *Materials and methods.* Documents of the Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of the Republic of Kazakhstan and published reports of the state institutions were used as the research sources. The narrative method selected as appropriate in approaching the issues of “real life” helped reconstruct the conditions that prompted the emergence and spread of epidemics in Kazakhstan, as well as examine the ways employed to combat them. The historical-genetic method was instrumental in shedding light on the essence and dynamics of the epidemic situation in Kazakhstan during the period in question, while the historical-comparative method was helpful in identifying the positive dynamics of the fight against infectious diseases in Soviet Kazakhstan. *Results.* The research was focused on the epidemic situations in Kazakhstan in the pre-revolutionary and Soviet periods. This involved a study of the formation and development of the system of anti-epidemic protection in the Soviet period, as well as of the main methods of combating infectious diseases employed by Soviet and republican government agencies. *Conclusion.* The research shows the effectiveness of vaccination, medical and sanitary education of the population involved, as well as of other additional measures in eradicating particularly dangerous infectious diseases.

Keywords: epidemic, infectious diseases, vaccination, public health, epidemic situation, bacteriological laboratory, pasteurization

Acknowledgements. The reported study was funded by grant AP08957129 ‘History of the Struggle against Infectious Diseases and Epidemics in Kazakhstan, 1920–1936’.

For citation: Kokebayeva G. K., Shildebai S. K. The Struggle against Epidemics in Kazakhstan, 1900s–1930s. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 673–684. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-673-684

Введение

Эпидемии, распространение среди людей чумы, оспы, холеры, тифа, малярии и других заразных болезней были самыми большими трагедиями в жизни человечества. Только к концу XX в. были достигнуты заметные успехи в борьбе с инфекционными болезнями, и по мере того, как мир добился прогресса в борьбе с ними, средняя продолжительность жизни человека стала намного больше. Последний известный случай оспы, поражавшей людей на протяжении многих веков, был диагностирован в 1977 г. в Сомали после почти двух десятилетий глобальной кампании вакцинации. Три года спустя ВОЗ официально объявила об искоренении оспы по всему миру. Однако вспышки новых инфекционных заболеваний, таких как «свиной грипп», ближневосточный респираторный синдром, гонконгский грипп, показали, что борьба с эпидемиями еще не закончилась. Пандемия, связанная со вспышкой новой вирусной инфекции COVID-19, унесшая жизни более трех миллионов человек, подчеркивает важность изучения многолетнего опыта преодоления глобальных эпидемий.

Историография истории эпидемий охватывает широкий круг научной литературы, в них рассматриваются различные аспекты возникновения, распространения и последствий эпидемий. Всеобщая история эпидемий, поразивших Европу, Америку, Африку и Азию с древних времен до наших дней, представлена в книге Дж. Хейса «Эпидемии и пандемии — их влияние на историю человечества» [Hays 2005]. Каждый очерк в книге объединяет биологическую и социальную информацию о крупных эпидемиях, которые оказали большое влияние на ход мировой истории.

В книге Дж. С. Лумиса содержится всесторонний обзор десяти самых влиятельных эпидемий в истории человечества. Автор рассматривает эпидемические заболевания как основную движущую силу в формировании нашего мира, показывает их важную роль в принятии решений о войнах, свержении империй, совершении крупных технологических скачков и даже в изменении генома человека [Loomis 2018].

Широкомасштабное исследование, которое выявляет связь между эпидемическими заболеваниями и социальными изменениями, представлено в книге Ф. М. Сноудена [Snowden 2019].

В своем мультидисциплинарном и сравнительном исследовании медицинской и социальной истории крупных эпидемий автор раскрывает влияние эпидемий на развитие медицины и состояние общественного здоровья, показывает, как они изменили историю искусства, религии и общественной мысли.

История распространения холеры в России исследована в работе американского ученого Дж. П. Дэвиса [Davis 2018]. В его монографии анализируются эпидемии холеры, происходившие в России в 1817–1917 гг. Автор на основе обширного архивного материала доказывает, что экологический подход врачей дореволюционной России к инфекционным болезням, их борьба с эпидемиями холеры, а также закладка основ системы общественного здравоохранения стали базой для образования советской государственной системы здравоохранения. Однако территориальные рамки исследования Дж. П. Дэвиса не охватывают Казахстан.

История эпидемий в России (чума 1660–1664 гг., восемь эпидемий холеры в XIX в., испанский грипп 1918–1919 гг., распространение тифа) и их последствия подробно изложены в книге К. Г. Васильева и А. Е. Сегала [Васильев, Сегал 1960].

Причины распространения инфекционных заболеваний на территории СССР и методы борьбы с эпидемиями рассматриваются в работах Е. И. Лотовой, Х. И. Идельчик, О. В. Барояна [Лотова, Идельчик 1967; Бароян 1968].

История борьбы с распространением инфекционных болезней в Казахстане остается малоизученной проблемой в отечественной историографии. Сведения о распространении инфекционных болезней и состоянии эпидемической ситуации на территории Казахстана можно найти в работах, посвященных истории развития системы

здравоохранения [Чесноков 1946; Самарин 1958].

Как видно из историографического обзора, история эпидемий в Казахстане и методы борьбы с ними является малоизученным аспектом истории развития здравоохранения. В данной статье сделана попытка осмысления проблемы реализации государственной политики имперского и советского правительств в области борьбы с эпидемиями в Казахстане. История борьбы с эпидемиями в Казахстане охватывает большие территориальные и временные масштабы. Поэтому хронологические рамки исследования мы ограничили первой третью XX в. — периодом, особо трудным для Казахстана, бывшей окраины царской России с отсталой системой здравоохранения, перенесшей тяготы революционных событий и гражданской войны, пережившей принудительную коллективизацию и голод.

Материалы и методы

Источником исследования послужили материалы Центрального государственного архива научно-технической документации Республики Казахстан (далее — ЦГА НТД РК) и опубликованные отчеты государственных учреждений, отражающие историю становления государственных структур, занимающихся профилактикой и лечением инфекционных заболеваний, статистику распространения основных инфекционных болезней в дореволюционном и советском Казахстане, меры по предотвращению эпидемий.

При проведении исследования использовался дескриптивный метод, который применяется при изучении проблем «реальной жизни». Дескриптивный метод позволяет восстановить условия возникновения и распространения эпидемий в Казахстане и способов борьбы с ними. Для анализа конкретного исторического материала использован историко-генетический метод, позволяющий последовательно раскрыть сущность и динамику эпидемической ситуации в Казахстане в изучаемый период. При анализе эволюции методов борьбы с эпидемией применен историко-сравнительный метод. Объективной основой для сравнения является то, что прошлое представляет собой повторяющийся в последующие периоды внутренне обусловленный процесс.

Эпидемическая ситуация в дореволюционном Казахстане

К началу XX в. во всех развитых странах появились национальные системы здравоохранения. Началось быстрое искоренение опасных инфекционных заболеваний, таких как чумы, холеры, оспы, скарлатины, было создано много различных вакцин. Произошло улучшение материального благополучия населения развитых стран, личная гигиена стала нормой. Однако все эти прогрессивные явления в основном происходили в центрах, а на периферии эпидемическая ситуация оставалась напряженной.

В дореволюционный период на территории Казахстана насчитывалось только 98 больниц, 96 амбулаторно-клинических учреждений, в которых работали 196 врачей. В Иргизском и Тургайском уездах один врачебный участок приходился на территорию в 85,5 тысяч км², тем не менее, эти уезды считались хорошо обеспеченными в части медицинских услуг [Чесноков 1946: 4].

Кочевое население Казахстана не было охвачено специализированной медицинской помощью, что приводило к распространению разных инфекционных болезней.

Самой распространенной болезнью была малярия, коэффициент распространения в Казахстане был чуть выше, чем в Среднеазиатском крае в целом. Так, в 1911–1913 гг. в Средней Азии коэффициент заболеваемости малярией на 10 тысяч населения был 208, а в Казахстане — 216 [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 189. Л. 18]. Среди регионов Казахстана самые высокие показатели заболеваемости малярией показывал Западный Казахстан [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 60. Л. 16].

Как видно из таблицы 1, заболеваемость малярией в Западном Казахстане показывает неуклонный рост с небольшими колебаниями. В этом регионе в 1914 г. смертность от малярии доходила до 12 % к числу заболевших [Чесноков 1946: 5].

Территория Западного Казахстана представлена обширной Прикаспийской низменностью. Эта территория богата реками, болотами, озерами и заливными лугами; болота занимали около 650 тысяч гектаров земли; средняя относительная влажность воздуха составляет 45–70 %. Совокупность таких условий обусловила высокий коэффициент заболеваемости ма-

Таблица 1. Показатели заболеваемости малярией в Западном Казахстане в 1899–1916 гг.
[Table 1. Malaria morbidity rate in Western Kazakhstan, 1899–1916]

Годы	Численность заболевших	Коэффициент заболеваемости на 10 тысяч населения	Годы	Численность заболевших	Коэффициент заболеваемости на 10 тысяч населения
1899	18 549	271,1	1908	20 070	267,6
1900	16 361	236,7	1909	21 488	275,2
1901	15 799	225,1	1910	26 484	340,4
1902	16 064	226,2	1911	33 735	421,6
1903	17 382	241,7	1912	33 275	413,2
1904	18 496	253,7	1913	41 728	510,1
1905	16 574	227,3	1914	49 596	586,9
1906	17 888	245,0	1915	45 447	524,1
1907	17 908	242,9	1916	51 527	596,4

лярией населения в этом регионе. Кроме того, отсутствие медицинской помощи также способствовало широкому распространению малярии среди коренного населения региона. 51,3 % населения данного региона жили в кочевых районах, 22,3 % — в полукочевых, 26 % — в оседлых районах [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 189. Л. 15]. Один врачебный участок в Западном Казахстане должен был обслуживать в среднем 49 800 человек; на одного врача приходилось в среднем 2 450 городских, 68 450 сельских жителей [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 60. Л. 22].

Казахские кочевники не были охвачены медицинской помощью вообще, небольшие лечебные учреждения находились только в городах. Так, в Акмолинской области, охватывающий 479 200 квадратных верст¹, имелось всего 9 лечебных заведений на 109 коек [Самарин 1958: 50].

В начале XX в. такие инфекционные заболевания, как оспа, корь, дифтерия и коклюш, были широко распространены, поскольку эффективных мер борьбы с ними было мало, коэффициент смертности был высоким. Много жизней в Казахстане уносили чума, оспа, тиф и другие инфекционные болезни. В 1904–1905 гг. во время эпидемии в Среднеазиатском пустынном природном очаге чумы болезнь распространилась и на территорию Казахстана, расположенную на левом берегу реки Жайык. В 1905–1906 гг. в Нарынском регионе была зарегистрирована вспышка чумы, где забо-

лели 659 чел., из которых 621 умер. Вспышки чумы среди населения Казахстана были отмечены также в 1907, 1910–1914, 1918, 1928 гг. [Сагиев 2020б: 7, 20].

В 1910 г. в Акмолинской области смертность от оспы составляла 18,6 % от числа заболевших, от дифтерии — 19,3 %, от брюшного тифа — 10 %, от сыпного тифа — 10,4 %, от дизентерии — 12,5, от скарлатины — 11,4%. [Самарин 1958: 53]. В 1907 г. в Семипалатинской области вспыхнула эпидемия холеры, занесенная, по официальным сообщениям, крестьянами-переселенцами [Самарин 1958: 60]. В течение двух месяцев заболели 86 чел., из которых 44 умерли. В 1913 г. в Семиреченской области корь, дифтерия, скарлатина регистрировались на всех участках, в некоторых местах эти заболевания принимали характер эпидемии [Самарин 1958: 65].

В период Первой мировой войны в лагерях для военнопленных в России случались эпидемии тифа, которые иногда распространялись на прилегающие территории. Так, в 1915 г. в Западном Казахстане была эпидемия тифа с 1 129 случаями заражения и 115 смертельными исходами [Patterson 1993: 373].

В последний год войны началась эпидемия так называемого испанского гриппа, в 1918 г. эпидемия бушевала в Европе, однако, где началась вспышка, было неясно. Некоторые медики обвиняли китайских рабочих, которых привозили во Францию для рытья траншей, испанская медицинская комиссия объявила, что болезнь возникла в русском Туркестане. Большинство стран

¹ Верста — русская мера длины, равная 1,06 км.

мира приписали это Испании, так как за несколько месяцев до этого эпидемия гриппа захлестнула эту страну, поразив восемь миллионов человек [Persico 1976: 28].

Однако все эти версии не были доказаны. Многие правительства прибегли к мерам изоляции, карантину и дезинфекции, однако глобальное передвижение войск сводило на нет усилия по сдерживанию распространения инфекции. В то время не было вакцины от гриппа и еще не были разработаны антибиотики для лечения вторичных бактериальных инфекций. Испанский грипп получил распространение в западных и северо-западных регионах РСФСР.

Становление системы противоэпидемической защиты в Казахстане в советский период

Инфекционные заболевания, имеющие высокую степень интенсивности распространения, были одной из сложных проблем в стране. Во время революции и гражданской войны, эпидемии испанского гриппа, различных видов тифа и голода не было возможности организовать планомерную систематическую медицинскую помощь. Отчеты медицинских учреждений этого периода содержат только констатацию фактов распространения инфекционных болезней и отсутствия возможности оказания медицинской помощи.

Созданный в 1920 г. Народный комиссариат здравоохранения РСФСР разрабатывал планы организации медицинской помощи и профилактики эпидемий, однако в ситуации послевоенной разрухи и хаоса эти планы не были осуществлены.

В 1920-е гг. уровень распространения инфекционных болезней на территории Киргизской АССР (официальное название Казахстана до 1925 г.) был очень высоким, к тому же сравнение данных за 1921, 1922, 1923 гг. не характеризует улучшение динамики коэффициента заболеваемости населения автономной республики. Так, в 1921 г. в Киргизской АССР коэффициент заболеваемости на 1 000 чел. населения был 72,8; в 1922 г. — 83,2; в 1923 г. — 70,2. В 1923 г. в Киргизской АССР всего было 285 857 инфекционных больных, из них 82 268 чел. находились в губернских городах, 203 589 чел. — в уездах [Соловьев 1924: 59, 67].

В 1920 г. среди зарегистрированных больных в Киргизской АССР было больных цингой — 6 186, оспой — 2 575, скарлатиной — 1 589, корью — 1 887, коклюшем — 2 138, брюшным тифом — 16 591, сыпным тифом — 31 435, возвратным сыпным тифом — 28 982, сыпным тифом неизвестного происхождения — 6 271, дизентерией — 11 447, азиатской холерой — 30 006, сибирской язвой — 225, малярией — 35 572 [Отчет народного комиссариата 1921: 20–21]. Эпидемии этого периода в основном были связаны с холерой и малярией.

Как известно, в 1899–1923 гг. в мире происходила шестая пандемия холеры. вспышка этой инфекции началась в Индии в результате употребления зараженных продуктов питания и воды. Это последняя волна болезни, которая с начала 1800-х гг. периодически вызывала пандемии. Болезнь распространилась также на Россию и некоторые районы Ближнего Востока и Северной Африки, в конечном итоге убивая сотни тысяч человек, особенно много погибших было в Индии и России [Claeson, Waldman, 2021].

В 1921 г. в России число заболевших холерой людей достигло 207 000 чел., из которых 44,8 % погибли [Rosenberg 1962: 3]. В конце июня 1921 г. эпидемия холеры из Самары распространилась на территорию Казахстана, и до конца августа заболели 13 789 чел., холера унесла жизнь 5 706 чел. [Отчет народного комиссариата 1921: 20–21].

В 1922 г. из 8 158 человек, заболевших холерой, умерли 4 733. Подавляющее большинство инфицированных холерой были сельскими жителями (6 394 чел.), из них умерли 59 %. Холера в этот период была одной из самых опасных и смертоносных эпидемий [Отчет Совета 1922: 259]. Крупная эпидемия холеры в 1922 г. произошла в Семиреченской области, где из 3 395 заболевших 2 533 умерли (74,6 %) [Сагиев 2020а: 10].

Для систематической борьбы с инфекционными заболеваниями и эпидемиями в декабре 1921 г. при Народном комиссариате здравоохранения РСФСР была создана Центральная чрезвычайная санитарная комиссия, которая отвечала за мобилизацию всех сил и средств на борьбу с эпидемиями.

Такая же комиссия была создана и в Киргизской АССР, в состав которой вошли народный комиссар здравоохранения республики, уполномоченный ВЧК и начальник военно-санитарного отдела народного комиссариата здравоохранения. При губернских исполнительных комитетах также были созданы чрезвычайные санитарные комиссии для текущего контроля и разъяснения мер борьбы с эпидемией (эти комиссии в документах, переписке по проблемам ликвидации очагов эпидемии называются «санитарными тройками») [ЦГА НТД РК. Ф. 82. Оп. 1. Д. 79. Л. 8].

Распространение малярии, брюшного тифа, холеры и других инфекционных заболеваний было связано не только с плохими социальными условиями жизни населения, но и неблагоприятными условиями окружающей среды, отсутствием доступа к чистой питьевой воде. Кроме того, распространение каждой из этих инфекционных болезней в Казахстане имело свои специфические причины. Так, заболевание городского населения брюшным тифом было связано с антисанитарией, плохим водоснабжением, а причиной его стремительного распространения стала скученность населения в быстрорастущих городах. В общественных столовых, где питались работники различных промышленных предприятий и учреждений, имела место чрезвычайная загрязненность посуды из-за отсутствия системы снабжения горячей водой и централизованной канализации. В сельских местностях распространению болезней способствовали также и такие дополнительные факторы, как интенсивное передвижение населения и частые откочевки.

Распространению сыпного тифа в Казахстане способствовали передвижение городского населения в переполненных транспортных средствах в условиях антисанитарии, неустроенность и скученность населения в неблагоустроенных домах, отсутствие бань в некоторых частях областных городов. Все перечисленные причины были характерны для большинства городов и сел страны после гражданской войны и иностранной интервенции. Однако эти факторы многократно усиливались в Казахстане в связи с массовым голодом 1921–1922 гг.

В начале июня 1923 г. проходил Третий всекиргизский съезд отделов здравоохранения, на котором наряду с основными вопросами (отчет Наркома здравоохранения, вопрос о состоянии медико-санитарного дела и т. п.) обсуждались меры борьбы с распространением инфекционных болезней на территории республики, в том числе с чумой в Букеевской и Уральской губерниях. В своем отчете нарком здравоохранения М. С. Шамов, отмечая плачевное состояние медико-санитарного дела в Казахстане и сложности задач, стоящих перед наркоматом, говорил: «Здоровая питьевая вода, охрана жилищ, почвы, воздуха, охрана труда и т. д. отсутствовала даже в губернских городах, более или менее благоустроенных, не говоря уже о кибитке и землянке киргиза, куда не проникал ни один луч санитарного света. Нужно было создать кадр медперсонала, в котором наш край нуждался даже в мирное время. Нужно было создать противочумную организацию, пришедшую в упадок во время империалистической войны и совсем уничтоженную во время гражданской войны... Задачи трудные, задачи непосильные, но требующие немедленного разрешения, ибо эпидемия 19–20–21 годов, косившая направо и налево целые поселки, станицы и аулы, не была еще изжита, и нужно было ожидать вспышки ее в 22-м году. Не менее серьезна была опасность со стороны холеры. Можно было ожидать вспышки чумы в Букеевской и Уральской губерниях» [Труды 1923: 6].

В 1923 г. в Букеевской и Уральской губерниях чумой заболели 122 чел., из них 119 умерли, в том числе полностью все члены 13 семейств, состоящих из 67 человек. В очагах эпидемии работали несколько отрядов в составе 9 врачей (в том числе три бактериолога), 9 фельдшеров и 22 санитаров, были приняты карантинные меры [Труды 1923: 65–72].

Однако отдаленность жилищ, охваченных болезнью, позднее оповещение медицинских учреждений о вспышке, отсутствие транспорта и крайне медленное передвижение отрядов медицинского персонала затрудняли работу по ликвидации очагов эпидемии.

Напомним, самой распространенной в Казахстане болезнью была малярия, количество заболевших ею составляло 73,9 % от

всех инфекционных больных; на 1 000 чел. в губернских городах республики приходилось 238 больных малярией, в уездах — 390, когда в среднем в СССР было 51,9 [Соловьев 1924: 64].

12 мая 1924 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР «О мероприятиях по борьбе с малярией». Местные власти должны были «оказывать всяческое содействие организации дела борьбы с малярией на местах, привлекая к этой работе заинтересованные ведомства, профессиональные организации и широкие массы населения, в частности: а) провести по указаниям местных здравотделов неотложные и осуществимые мероприятия по оздоровлению почвы и по осушению болот, прудов, других водоемов, способствующих развитию малярии...» [Действия и распоряжения 1924: 77].

Рост заболеваемости населения малярией наблюдался и в последующие годы, в статистике распространения малярии лидирующее положение занял Западный Казахстан. Если в 1926 г. по СССР в целом коэффициент заболеваемости малярией на 10 тыс. населения был 312,9, по Казахской АССР в целом — 259, то в Западном Казахстане он составил 493,7; в 1927 г. по СССР — 249,9, по Казахской АССР — 233,8, по Западному Казахстану — 349,7; в 1928 г. по СССР — 219,9, по Казахской АССР — 163,5, по Западному Казахстану — 324 [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 60. Л. 18].

Высокий процент заболеваемости малярией населения Западного Казахстана связан не только с природными факторами (наличие большого количества рек и других водоемов), но и слабостью системы здравоохранения: здесь на одного врача приходилось 1 140 чел. городского населения, 68 450 чел. сельского населения [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 60. Л. 22].

В плане борьбы с эпидемиями большое значение имеет точный бактериологический диагноз инфекционных заболеваний, однако из-за отсутствия в Казахстане санитарно-бактериологических лабораторий, вся борьба с эпидемиями сводилась к принятию карантинных мер и ликвидации очагов болезни, а изучение характера инфекционных болезней, выявление очагов и причин распространения почти не было. Как известно, в распространении брюшно-

го тифа и дифтерита определенную роль играют бациллоносители, поэтому санитарно-бактериологические лаборатории должны были вести определенные обследования с целью их обнаружения.

При возникновении чумы, малярии и некоторых других инфекционных болезней источниками заражения могут служить животные, насекомые, вода, пищевые продукты. Определив источник заражения, санитарно-бактериологические лаборатории могли бы разработать методику успешной борьбы с эпидемией.

Наркомат здравоохранения Киргизской АССР в 1922 г. создал в Оренбурге Краевую химико-бактериологическую лабораторию, которая должна была заниматься вопросами санитарии и эпидемиологии в республике. Однако малочисленный штат и отсутствие некоторых нужных специалистов затрудняли работу лаборатории. В июле на базе этой лаборатории был создан Краевой санитарно-бактериологический институт (впоследствии он стал Краевым санитарно-бактериологическим институтом имени КазЦИК).

К началу 1926 г. в Институте имелись бактериологическое, химическое, клинко-диагностическое, сыновоточное, серологическое отделения, малярийная и пастеровская станции, были также и отделы, занимавшиеся проблемами вакцинации. Санитарно-бактериологический институт финансировался Народным комиссариатом здравоохранения Киргизской АССР, имел право также получать денежные дотации от Красного Креста и других учреждений.

В 1926–1928 гг. проводились профилактические работы: сотрудники энтомологического кабинета обследовали наличие насекомых, вызывающих малярию и другие инфекционные болезни, в 20 370 различных водоемах, 108 жилых и нежилых помещениях города Алматы и его окрестностей [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 22. Л. 11–12].

В 1929–1930 гг. Народный комиссариат здравоохранения КазАССР организовал семь экспедиций в районы строительства железной дороги Турксиб и другие части Казахстана. Или-Каратальская, Балхашская, Переселенческая, Алма-Атинская аульно-сельская, Бальнеологическая и другие экспедиции проводили санитарно-гигиенические и эпидемиологические исследования

районов переселения, а также районов, в которых предусматривалось создание совхозов, специализировавшихся на выращивании риса; обследовали территорию Прибалхашья, Копал-Арасанский и Алматинский минеральные источники. Уничтожение болезнетворных насекомых и борьба с вредителями также способствовали снижению заболеваемости. Противочумная экспедиция обследовала грызунов в пограничных с Китаем местностях Алматинского и Семипалатинского округов [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 26 а. Л. 26].

Бактериологическая и пастеровская станции занимались выработкой профилактических вакцин и лечебных сывороток: республика была полностью обеспечена оспенным детритом; в 1926 г. были изготовлены 20 литров дивакцины, 12 литров стафилококковой вакцины, 5 литров стрептококковой вакцины. Больные в большинстве случаев обследовались только для диагностических целей, из-за нехватки санитарных врачей очень редко проводились повторные анализы в постлечебный период.

Однако проведенная профилактическая работа и содействие в лечении больных дали определенные положительные результаты. Так, в 1926 г. через пастеровскую станцию прошло 175 больных, случаев смертельного исхода не было [Штибен 1927: 111, 113].

Однако эти частичные профилактические меры не смогли предотвратить распространение некоторых инфекционных болезней в республике. Статистика заболеваемости инфекционными болезнями населения Казахстана в конце 1920-х – начале 1930-х гг. показывает неуклонный рост болезней в период выполнения первого пятилетнего плана. Так, количество заболевших брюшным тифом в 1929 г. было 5 413, в 1930 г. — 6 114, 1931 г. — 12 201, в 1932 г. — 13 119; число заболевших сыпным тифом с 288 в 1930 г. выросло до 37 980 в 1932 г.

Массовая вакцинация началась в 1931 г., но более полная вакцинация городского населения была произведена только в 1933 г., сельские местности все еще не были охвачены вакцинацией [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 51. Л. 3, 5, 7].

Тревожные звонки поступали также и от врачей, обслуживавших рабочих на строительстве Туркестанско-Сибирской железной дороги. Только на одном из участков

линии строительства было зарегистрировано 115 заболеваний брюшным тифом, в Илийской больнице лечили 35 и в Айнабулаке — 53 чел., остальные больные оставались в своих бараках, палатках и юртах.

В Илийске больные лежали в сарае во дворе амбулатории в своей одежде, без постельных принадлежностей, без питания и ухода; больные с различными диагнозами лежали вместе, так, рабочий, заболевший малярией, мог заболеть, уже лежа в больнице, и брюшным тифом [Шейгал 1929: 5].

Сотрудники Санитарно-бактериологического института выезжали на участки вдоль линии Турксиба, проведенные бактериологические и серологические исследования на 7-м участке подтвердили диагноз брюшного тифа у 35 больных, в крови у 9 чел. была обнаружена культура бацилл брюшного тифа, у 29 чел. реакция Видалья дала положительный результат, что позволило констатировать эпидемию брюшного тифа. На 6-м участке были обнаружены несколько человек, зараженных брюшным тифом и малярией, у одного больного была положительная реакция Видалья с бациллами брюшного тифа 1/50 и с микробами мальтийской лихорадки 1/200. После этого было решено открыть в Талдыкургане и Сарканде Пастеровские прививочные пункты, сделать прививки всем рабочим Северной и Южной частей Турксиба [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 52. Л. 19–20].

В декабре 1930 г. были получены известия о распространении сыпного тифа в городе Алматы, эта проблема была обсуждена на экстренном заседании Чрезвычайной Комиссии по борьбе с эпидемиями. Было решено выделить помещения для изоляции больных, быстро подключить больницы в водопроводную сеть, открыть дополнительные прачечные в больницах, форсировать банное строительство в городе, обязать руководство Турксиба выделить для пассажиров помещения на вокзалах [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 56. Л. 53–54].

Местные органы власти также предпринимали профилактические меры: домовладельцев и арендаторов, заведующих общежитиями и общественными помещениями в городах, обязали произвести очистку выгребных и помойных ям и дворов от мусора, очистку улиц рядом с их усадьбами, улучшить санитарное состояние общежитий

и постоянных дворов [ЦГА НТД РК. Ф. 85. Оп. 1–6. Д. 56. Л. 32].

Перемещение населения из сельских местностей на крупные промышленные стройки в городах, сопровождавшее усиленную индустриализацию, привело к перенаселенности в плохих жилищах, где отсутствовала система общественного водоснабжения и удаления отходов. Эти условия привели к повторным вспышкам холеры, дизентерии, туберкулеза, брюшного тифа, гриппа и малярии. Быстрый рост заболеваемости инфекционными болезнями населения Казахстана в этот период был связан не только со слабостью профилактических мер, но и с массовым голодом, охватившим всю территорию республики в 1932–1933 гг.

Заключение

Распространение инфекционных болезней в первой трети XX в. и борьба с ними привели многие страны мира к необходимости создания тщательно продуманной глобальной системы здравоохранения, состоящей из различных сетей организаций, обслуживающих население. Из-за отсутствия подобной системы здравоохранения в дореволюционном Казахстане борьба с инфекционными заболеваниями носила эпизодический характер, средства борьбы с эпидемическими заболеваниями были очень ограничены, не хватало и хорошо обученных и опытных врачей, фельдшеров и медицинских сестер.

После образования СССР, несмотря на трудности восстановления экономики, разрушенной гражданской войной, предотвращение эпидемий считалось одной из важных задач государства. Союзные, республиканские и местные органы здравоохранения добились определенного прогресса в деятельности по профилактике

заболеваний, включая обследование источников инфекций и организацию лечения больных. Наибольшую проблему создавали инфекционные заболевания, такие как сыпной тиф, брюшной тиф, холера, оспа, дизентерия и другие болезни, распространяющиеся через пищеварительный тракт. Заболеваемость ими была связана не только с плохими условиями жизни населения, но и плохой личной гигиеной и гигиеной окружающей среды, а также отсутствием доступа к чистой питьевой воде. Чтобы предотвратить распространение инфекционных болезней, за счет государственных средств были профинансированы важные мероприятия в области санитарии, а также программы вакцинации; республика была полностью обеспечена оспенным детритом. Значительную роль в борьбе с эпидемиями сыграли также научно-исследовательские институты, которые выявляли природные очаги заражения, источники и механизмы передачи инфекции. Была организована вакцинация населения от опасных инфекционных болезней. Вакцины защищают не только здоровье иммунизированного человека, но и здоровье общества. Если уровень вакцинации достаточно высок, передача инфекционных заболеваний в сообществе прекращается, а это означает, что даже те, кто не вакцинирован, получают защиту.

Кроме вакцинации, человечество нашло много дополнительных стратегий против различных возбудителей инфекционных болезней. Антибиотики, пастеризация, чистая питьевая вода, медико-санитарное просвещение населения, борьба с бедностью и недоеданием, улучшение жилищных и санитарно-гигиенических условий, другие достижения в области общественного здравоохранения были и остаются решающими факторами в борьбе с эпидемиями.

Источники

ЦГА НТД РК — Центральный государственный архив научно-технической документации Республики Казахстан.

Литература

Бароян 1968 — Бароян О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М.: Медицина, 1968. 303 с.

Sources

Central State Archive of Scientific and Technical Documents of the Republic of Kazakhstan.

Васильев, Сегал 1960 — Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России / ред. А. И. Метелкин. М.: Гос. изд-во мед. литературы, 1960. 395 с.

Действия и распоряжения 1924 — Действия и распоряжения правительства РСФСР //

- Вестник здравоохранения Киргизии и Казахстана. 1924. № 1–2 (4–5). С. 77–78.
- Лотова, Идельчик 1967 — *Лотова Е. И., Идельчик Х. И.* Борьба с инфекционными болезнями в СССР (1917–1967): очерки истории. М.: Медицина, 1967. 432 с.
- Отчет народного комиссариата 1921 — Отчет народного комиссариата здравоохранения КССР 2-му всекиргизскому съезду советов. Оренбург: Тип. Губсовнархоза, 1921. 60 с.
- Отчет Совета 1922 — Отчет Совета труда и обороны Киргизской Советской Социалистической Республики за апрель – сентябрь 1922 года: Экономическое издание СТО и Госплана КССР. Оренбург: Тип. ГСНХ, 1922. 309 с.
- Сагиев 2020a — Холера в Республике Казахстан: пространственная и временная характеристики (атлас-справочник) / ред. З. А. Сагиев. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 164 с.
- Сагиев 2020б — Хронологический атлас-справочник заболеваний чумой на территории Среднеазиатского пустынного природного очага чумы в пределах Республики Казахстан / ред. З. А. Сагиев. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 276 с.
- Самарин 1958 — *Самарин Р. И.* Очерки истории здравоохранения Казахстана. Алма-Ата: Казгосиздат, 1958. 163 с.
- Соловьев 1924 — *Соловьев А. В.* Заразная заболеваемость в Кирреспублике за 1923 г. (Краткий статистический отчет) // Вестник здравоохранения Киргизии и Казахстана. 1924. № 1–2 (4–5). С. 58–67.
- Труды 1923 — Труды 3-го Всекиргизского съезда здравоохранения. Оренбург: Советская степь, 1923. 237 с.
- Чесноков 1946 — *Чесноков С. А.* Здравоохранение в Казахстане. Алма-Ата: Казогиз, 1946. 72 с.
- Шейгал 1929 — *Шейгал Я. С.* Медпомощь на Южтурскисе // Здравоохранение в Казахстане. 1929. № 3. С. 4–7.
- Штибен 1927 — *Штибен В. Д.* Отчет о деятельности Краевого Санитарно-Бактериологического института Казнаркомздрава имени КазЦИК'а (Кзыл-Орда) // Вестник здравоохранения Казахстана. 1927. № 1 (16). С. 107–131.
- Claeson, Waldman, 2021 — *Claeson M., Waldman R.* “Cholera”. Encyclopedia Britannica, Invalid Date, <https://www.britannica.com/science/cholera>. Accessed 16 December 2021.
- Davis 2018 — *Davis J. P.* Russia in the Time of Cholera: Disease under Romanovs and Soviets. London; New York: IB Tauris (Bloomsbury Publishing), 2018. 336 p.
- Hays 2005 — *Hays J.* Epidemics and Pandemics: Their Impacts on Human History. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. 526 p.
- Loomis 2018 — *Loomis J. S.* Epidemics: The Impact of Germs and Their Power over Humanity. Santa Barbara: Praeger, 2018. 323 p.
- Patterson 1993 — *Patterson K. D.* Typhys and its control in Russia, 1870–1940 // Medical History. 1993. No. 37. P. 361–381.
- Persico 1976 — *Persico J. E.* The Great Spanish Flu Epidemic of 1918 // American Heritage. 1976. Vol. 27. Is. 4. P. 28–31.
- Rosenberg 1962 — *Rosenberg Ch. E.* The Cholera Years: The United States in 1832, 1849, and 1866. Chicago: The University of Chicago Press, 1962. 257 p.
- Snowden 2019 — *Snowden F. M.* Epidemics and Society: From the Black Death to the Present. New Haven, CT: Yale University Press, 2019. 600 p.

References

- Baroyan O. V. The Fifty Year Long Struggle against Infections in the USSR: Outcomes and Some Topical Issues of Contemporary Epidemiology. Moscow: Meditsina, 1968. 303 p. (In Russ.)
- Chesnokov S. A. Public Health Services in Kazakhstan. Alma-Ata: Kazogiz, 1946. 72 p. (In Russ.)
- Claeson M., Waldman R. “Cholera”. Encyclopedia Britannica, Invalid Date, <https://www.britannica.com/science/cholera>. Accessed 16 December 2021.
- Davis J. P. Russia in the Time of Cholera: Disease under Romanovs and Soviets. London; New York: IB Tauris (Bloomsbury Publishing), 2018. 336 p. (In Eng.)
- Hays J. Epidemics and Pandemics: Their Impacts on Human History. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2005. 526 p. (In Eng.)
- Kyrgyz SSR Council of Labor and Defense: Report, April – September 1922. Orenburg: Tip. Orenburg Governorate Council of National Economy, 1922. 309 p. (In Russ.)
- Kyrgyz SSR People's Healthcare Commissariat: Report Delivered at the Second Kyrgyz National Congress of Soviets. Orenburg: Orenburg Governorate Council of National Economy, 1921. 60 p. (In Russ.)
- Loomis J. S. Epidemics: The Impact of Germs and Their Power over Humanity. Santa Barbara: Praeger, 2018. 323 p. (In Eng.)

- Lotova E. I., Idelchik Kh. I. The Soviet Struggle against Infectious Diseases, 1917-1967: Historical Essays. Moscow: Meditsina, 1967. 432 p. (In Russ.)
- Patterson K. D. Typhus and its control in Russia, 1870–1940. *Medical History*. 1993. No. 37. Pp. 361–381. (In Eng.)
- Persico J. E. The Great Spanish Flu Epidemic of 1918. *American Heritage*. 1976. Vol. 27. No. 4. Pp. 28–31. (In Eng.)
- Rosenberg Ch. E. The Cholera Years: The United States in 1832, 1849, and 1866. Chicago: The University of Chicago Press, 1962. 257 p. (In Eng.)
- RSFSR Government: deeds and decrees. *Vestnik zdavookhraneniya Kirgizii i Kazakhstana*. 1924. No. 1–2 (4–5). Pp. 77–78. (In Russ.)
- Sagiev Z. A. (ed.) Cholera in the Republic of Kazakhstan: Areal and Time Characteristics. Reference atlas. Almaty: Kazakh National University, 2020. 164 p. (In Russ.)
- Sagiev Z. A. (ed.) Plague Morbidity within the Central Asian Desert Disease Area (Republic of Kazakhstan): A Chronological Reference Atlas. Almaty: Kazakh National University, 2020. 276 p. (In Russ.)
- Samarin R. I. Public Health System of Kazakhstan: Historical Essays. Alma-Ata: Kazakhstan State Publ. House, 1958. 163 p. (In Russ.)
- Sheygal Ya. S. Southern section of the Turkestan-Siberia Railway: medical services revisited. *Zdravookhranenie v Kazakhstane*. 1929. No. 3. Pp. 4–7. (In Russ.)
- Shtiben V. D. Sanitary and Bacteriology Research Institute of Kazakh People's Healthcare Commissariat (Kyzylorda): Activity Report. *Vestnik zdavookhraneniya Kazakhstana*. 1927. No. 1 (16). Pp. 107–131. (In Russ.)
- Snowden F. M. Epidemics and Society: From the Black Death to the Present. New Haven, CT: Yale University Press, 2019. 600 p. (In Eng.)
- Solovyov A. V. Infectious morbidity in the Kyrgyz SSR, 1923: a brief statistical report. *Vestnik zdavookhraneniya Kirgizii i Kazakhstana*. 1924. No. 1–2 (4–5). Pp. 58–67. (In Russ.)
- The Third Kyrgyz National Congress of Public Health Departments: Proceedings. Orenburg: Sovetskaya Step, 1923. 237 p. (In Russ.)
- Vasilyev K. G., Segal A. E. A History of Epidemics in Russia. A. Metelkin (ed.). Moscow: State Publ. House of Medical Literature, 1960. 395 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 4, pp. 685–696, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (47) 07

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696

Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII–XIX в.)

Сергей Степанович Белоусов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovtlista@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Белоусов С. С., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье проанализирована государственная политика в отношении самовольных рыбацких поселений на калмыцких землях во второй половине XVIII–XIX в. Изучение данной темы позволяет глубже понять процессы исторического развития прикаспийских территорий Калмыкии и в целом российского Прикаспия. Главная цель статьи — раскрыть содержание государственной политики на протяжении второй половины XVIII–XIX в. в отношении самовольных переселенцев на калмыцких землях Прикаспия. В этой связи ставятся задачи: выявить причины возникновения самовольных переселенческих поселков, исследовать динамику государственной политики, определить национальный, сословный и профессиональный состав переселенцев, проанализировать взаимоотношения властей и жителей поселков. При написании статьи использовались историко-генетический и историко-сравнительный методы, а также опубликованные источники, материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Астраханской области, Национального архива Республики Калмыкия. *Результаты.* Автор исследовал обстоятельства возникновения каждого из самовольных рыбацких поселений, рассмотрел их национальный, сословный и профессиональный состав, раскрыл содержание политики властей в отношении их. Изучение обстоятельств возникновения переселенческих рыбацких поселков на калмыцких землях показало, что их образование было связано с развитием рыбной отрасли и отчасти с реализацией государством военно-полицейских задач на побережье Каспийского моря. Серьезно проблемами самовольных рыбацких поселений власти начали заниматься с середины XIX в., когда начались преобразования в рыбной отрасли. В конце XIX – начале XX в. поселки были выведены из-под управления калмыцких властей и легализованы, после этого было проведено их административно-территориальное и земельное устройство, окончательно завершившееся во втором десятилетии XX в. *Выводы.* Автор пришел к выводу о том, что политика властей в отношении самовольных рыбацких поселений на калмыцких землях отличалась от той, которая проводилась в других районах Калмыцкой степи. В Мочагах власти не настаивали на ликвидации самовольных поселений и предлагали их жителям свои варианты решения проблемы,

и только если самовольные переселенцы отвергали предложенные им условия пребывания на калмыцких землях, поднимался вопрос о выселении нелегальных переселенцев. В основе такой политики по отношению к самовольным поселениям прибрежной полосы Каспийского моря, и Мочагов в частности, лежали интересы рыбной отрасли, которые могли пострадать в случае сноса поселков и переселения их жителей.

Ключевые слова: переселенческая политика, Калмыцкая степь, Мочаги, рыбацкие поселки, самовольные переселенцы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А-19-119011490038-5).

Для цитирования: Белоусов С. С. Самовольные переселенческие рыбацкие поселения на калмыцких землях (вторая половина XVIII–XIX в.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 685–696. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696

Unauthorized Fishing Settlements of Migrants in Kalmyk Lands, Mid-18th and 19th Centuries

*Sergey S. Belousov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Belousov S. S., 2021

Abstract. Introduction. The article *aims at* analyzing the state policy regarding unauthorized fishing settlements of migrants on the Kalmyk pastures in the period between the second half of the 18th and 19th cc. to better understand the processes of historical development of the Caspian territories of Kalmykia and of the Russian Caspian region. Accordingly, the lines of research were as follows: to examine the causes for unauthorized settlements and the dynamics of the state policies in the region, to study the migrants (settlers) in terms of the ethnicity, social class, and occupation, as well as their relationship with the authorities. *Data and methods.* The study was based on materials of the Russian State Historical Archives, the State Archives of the Astrakhan Region, the National Archives of the Republic of Kalmykia, and published sources. Both historical-genetic and historical-comparative methods were employed for the analysis of the data. *Results.* The author investigated the history of each of the unauthorized fishing settlement, the migrants' backgrounds in terms of ethnicity, social class, and occupation, and the government's policies in relation to the migrants. The study shows that such settlements were related to the growth of fishing industry in the region and, partly, to the government's military and policing practices on the coast of the Caspian Sea. The authorities began to deal seriously with the problem of unauthorized fishing settlements on the Kalmyk pastures from the mid-19th century, with the start of transformation in the fishing industry. At the turn of the 20th century, the settlements were removed from the control of the Kalmyk authorities and were legalized, then, the process of their administrative-territorial and land structuring was started to finally complete in the second decade of the 20th century. *Conclusions.* The policy of the authorities in relation to unauthorized fishing settlements on the Kalmyk pastures differed from that in other areas of the Kalmyk steppe. In Mochagi, the authorities did not insist on the removal of such unauthorized settlements and negotiated with the settlers, and only if the latter rejected the proposed solutions for staying on the Kalmyk pastures, the question about their eviction was raised. Such policies on the problem of settlements on the coastal strip of the Caspian Sea, namely in Mochagi, were justified by the interests of the fishing industry to prevent any harmful effect in case of removal of villages and their inhabitants.

Keywords: resettlement policies, the Kalmyk steppe, Mochagi, fishing villages, unauthorized migrants (settlers)

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.

For citation: Belousov S. S. Unauthorized Fishing Settlements of Migrants in Kalmyk Lands, Mid-18th and 19th Centuries. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 685–696. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696

Введение

Во второй половине XVIII–XIX в. в северо-западной береговой части Каспийского моря образовалась сеть рыбацких поселений, большинство из которых основали самовольные переселенцы из верхневолжских и центральночерноземных губерний. Самовольные поселения отличались от обычных селений тем, что не имели административно-правового статуса, утвержденных местными органами управления, своего земельного надела, их жители не платили налогов и не несли повинностей. Они располагались на землях — казенных, находящихся в собственности частных лиц или в пользовании кочевников.

Многие годы власти не обращали на них особого внимания, негласно позволяя им существовать, пока в середине 1860-х гг. не началось реформирование рыбной отрасли. Преобразования в рыбном деле не могли не затронуть самовольные рыбацкие поселения, поскольку жизнь их обитателей изначально была связана с рыболовством. При решении вопроса самовольных ловецких поселков на калмыцких землях власти вынуждены были учитывать особенности их правового статуса и учитывать интересы калмыцкого населения. По этой причине политика властей в отношении самовольных рыбацких поселков на калмыцких землях имела свои особенности.

История самовольных рыбацких поселков Прикаспия во второй половине XVIII–XIX в. в отечественной историографии разработана слабо, при этом большинство работ написаны в досоветский период. Наибольший вклад в исследование данной темы внесли И. И. Михайлов, П. О. Зубович и А. М. Никольский [Михайлов 1856; Зубович 1896; Никольский 1898], в работах которых содержится много ценной информации по истории возникновения поселков и отношению к ним властей, уделено внимание

сословному и национальному составу поселений и организации их самоуправления.

Важные проблемы развития рыболовства на Каспийском море в XVIII–XIX вв. отражены в трудах К. Н. Лебедева и О. А. Гримма [Лебедев 1863; Гримм 1896]. В их книгах прослеживается история становления законодательства по рыбной отрасли, приводятся различные точки зрения и подходы, в том числе по вопросу самовольных рыбацких поселков.

Также представляют интерес для исследователя работы министров государственных имуществ М. Н. Островского и В. И. Вешнякова [Островский 1892; Записка статс-секретаря 1899], определявшие во время своего руководства министерством правительственный курс в отношении рыболовства, первый посетил в 1891 г. Калмыцкую степь, а второй в 1898 г. — Каспийские рыбные промыслы.

Интересные сведения о возникновении поселков, их жителях и занятиях собрали православные священники, среди которых в первую очередь следует отметить И. Покасова [Покасов 1909; Покасов 1911] и П. Реверсова [Реверсов 1879], опубликовавших на страницах журнала «Астраханские епархиальные ведомости» статьи по истории своих приходов.

В советский период государственная политика в отношении самовольных рыбацких поселений не была объектом самостоятельного изучения. Из работ, вышедших в послевоенный период, следует отметить статью П. Д. Сангаджиева, М. У. Монраева, в которой кратко изложена история Лаганского рыбацкого поселения [Сангаджиев, Монраев 1981].

Краткий обзор трудов по истории самовольных рыбацких поселений Калмыкии показывает, что данная тема в отечественной историографии разработана слабо. Между тем исследование данной темы не-

обходимо, так как позволяет добавить еще один штрих в изучение переселенческой политики в национальных регионах России. С данной темой тесно переплетены вопросы формирования населения, имперской политики в национальных районах, миграционная проблематика и др. Исследование также обогащает наши знания о формировании стационарных поселений и населения в приморской части Республики Калмыкия.

Главной целью статьи является раскрытие содержания государственной политики на протяжении второй половины XVIII–XIX в. в отношении самовольных переселенцев на калмыцких землях Прикаспия. В этой связи ставятся задачи: выявить причины возникновения самовольных переселенческих поселков, исследовать динамику государственной политики, определить национальный, сословный и профессиональный состав переселенцев, проанализировать взаимоотношения властей и жителей поселков.

Материалы и методы

Основными источниками для написания статьи послужили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Астраханской области (ГА АО) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Архивные документы включают переписку органов государственной власти, прошения жителей поселков, исторические справки о возникновении самовольных рыбацких поселений. Кроме того, использованы материалы Полного собрания законов Российской империи и статистические сведения Астраханского губернского статистического комитета, публиковавшиеся в ежегодных памятных книжках и отдельных сборниках.

Исследование проводилось с опорой на историко-генетический и историко-сравнительный методы, что сделало возможным изучить политику властей в динамике и в сравнительном аспекте.

Возникновение рыбацких поселков

Появление рыбацких поселений на калмыцких землях связано с развитием рыболовецкой отрасли и с военно-политическими интересами России на Каспии. Поселки возникли в Мочагах — местности, расположенной в юго-восточной части дельты

р. Волги, примыкающей к Каспийскому морю. Данная территория изрезана многочисленными протоками и заливами, между которыми находятся возвышенности, покрытые глинисто-песчаными и песчаными почвами. В Мочагах заниматься земледелием и скотоводством, вследствие указанных особенностей рельефа и плохого качества почв, сложно и невыгодно, поэтому и местное, и пришлое население трудилось в основном в сфере рыболовства.

Калмыков Мочаги привлекали тем, что в суровые зимние месяцы здесь можно было в камышах укрыть и прокормить свой скот, кроме того, бедные калмыки благодаря рыболовству находили себе здесь пропитание. Постепенно в Мочагах сложилась своеобразная группа постоянно проживавших на Каспийском побережье и занимавшихся рыболовством калмыков. В конце 1840-х гг. ее численность составляла приблизительно 5 000 кибиток. Для управления ими и надзора Комитет Министров России учредил 1 марта 1827 г. должность специального пристава и определил к нему в помощь толмача и 25 казаков. В его распоряжение также была передана лодка [ПСЗ РИ 1830: 219].

Одним из первых в Мочагах возник пос. Седлистый. Он начинался с крепости, заложенной в 1722 г. в устье р. Чулпан во время похода императора Петра I в Персию. Крепость выполняла роль опорного военного пункта в волжской дельте и одновременно являлась перевалочной базой для снабжения российских войск продовольствием и материалами. Внутри ее построили провиантские магазины, казарму, тюрьму и другие необходимые для военных нужд помещения. В 1801 г. в пос. Седлистом власти открыли таможенную, предназначенную для предотвращения контрабандного провоза соли, рыбы и других товаров. Она проработала до конца 1840-х гг., после чего была упразднена [Ровинский 1809: 334].

Во второй половине XVIII в. рядом с крепостью и таможней стали обосновываться на постоянное место жительства привлеченные выгодами от занятия рыболовством купцы, мещане, крестьяне и вышедшие в отставку солдаты. По сведениям А. И. Ровинского, в первые годы XIX в. их насчитывалось 32 двора [Ровинский 1809: 334].

В 1856 г. в поселке проживали 42 семьи, из которых 26 относились к мещанскому

сословию, 3 — к купеческому, и 13 семей являлись государственными крестьянами. Все мещане и одна купеческая семья происходили из жителей г. Астрахани, государственные крестьяне переселились из Астраханского уезда, две купеческие семьи — из г. Красный Яр Астраханской губернии [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 83]. Большинство жителей поселка вели лов рыбы самостоятельно, меньшая их часть нанималась на промыслы купцов Сапожниковых.

С государственными интересами связана также история основания пос. Бирючья Коса. Калмыки называли остров, на котором располагался поселок, — *Шарих*, что в переводе с калмыцкого языка означает «желтое болото», русские прозвали остров Бирючьей Косой [Покасов 1911: 653].

Автор статьи по истории поселка священник И. Покасов пишет: «До заселения острова эти места представляли из себя бесплодные пустыри да трясины, сплошь заросшие высокою, густою, непролазною, камышевою крепью, где находили себе прекрасное обиталище дикие звери — бирюки, лисы, кабаны и др. в компании с представителями пернатого царства. Все это подавало повод мореходам, шествовавшим на своих судах мимо этого острова, прозвать его Бирючьей Косой» [Покасов 1911: 654].

Поскольку остров занимал удобное географическое положение (находился на главном судоходном фарватере при впадении р. Волги в Каспийское море), то власти решили построить на нем карантин и перевести из пос. Седлистый таможенную заставу и военную брандвахту. В 1830 г. остров вывели из подчинения калмыцкого управления и начали возводить на нем служебные постройки. В 1862 г., однако, карантин закрыли, а военный гарнизон расформировали. На острове осталась лишь небольшая группа вышедших в отставку солдат, многие из которых к этому времени успели обзавестись семьями и обустроиться. Они не захотели переезжать в другие места и научились заниматься рыболовством. Вскоре к ним «быстро стали стекаться на вольное житье при вольных водах всевозможные выходцы из средних губерний, а также, ищущие счастья...», которые также освоили рыбацкую профессию и построили себе дома [Покасов 1911: 656].

Так на острове образовалось поселение с постоянным составом жителей. Среди пришлого населения преобладали мещане г. Астрахани, но много было и крестьян из Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Астраханской и Симбирской губерний [Покасов 1911: 656].

К середине 1870-х гг. поселок вследствие миграционного притока населения и естественного прироста увеличился до 80 дворов, в которых числилось 255 душ; из них 140 мужских и 110 женских [Описание 1877: 77].

Рыбацкие поселения возникли также на острове Четырехбугорном. Свое название он получил от четырех бугров, покрывавших его поверхность. На трех буграх мещанами, крестьянами и купцами было устроено 3 поселка: Вахромеевский, Разбугоринский и Рынок; на четвертом бугре, под названием Вышка, находился каменный маяк, который обслуживали и охраняли смотритель и воинская команда из 6 чел. [Реверсов 1879: 41].

В 1876 г. миссионерами был учрежден на острове приют, который в первый год принял 10 некрещеных мальчиков-калмыков из Яндыковского улуса [Реверсов 1879: 43].

В 1856 г. калмыцкая администрация по поручению губернских властей собрала сведения различного характера о жителях подведомственных ей 5 ловецких поселков. Согласно «Ведомости о лицах, самовольно водворившихся на буграх калмыцких под названием Разбугоринским, Олинским и Седлистовском», в трех поселках Четырехбугорного острова (Вахромеевский, Разбугоринский и Рынок) в то время проживали 111 семей; из них 52 числились государственными крестьянами, 6 — крепостными крестьянами, 36 — мещанами и 17 — купцами. По ведомости, все они поселились в период с 1810 по 1855 г., хотя некоторые авторы датируют появление первых жителей на острове 1770-ми гг. и даже эпохой правления императора Петра I.

Более половины жителей поселков острова Четырехбугорный прибыли из сел Астраханского уезда и г. Астрахани, 6 семей — из Красноярского уезда Астраханской губернии; из других губерний на остров переселились: 17 семей из Балахнин-

ского уезда Нижегородской губернии и 4 семьи крепостных крестьян графа Шереметева из Пензенской и Нижегородской губерний [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 75–80].

Главным занятием жителей поселков было рыболовство, при этом только 24 хозяина вели лов рыбы самостоятельно, а 87 — нанимались на рыбные промыслы арендаторов рыболовных вод — купцов Сапожниковых. Рыболовство приносило хорошие доходы и обеспечивало достаточно высокий уровень материального благосостояния большинства населения, что, безусловно, способствовало устойчивой динамике развития поселков. За период с середины 1850-х до середины 1870-х гг. количество дворов в трех поселках острова Четырехбугорного возросло со 111 до 150 (1 326 чел.) [Описание 1877: 77].

В конце 1830-х — начале 1840-х гг. рыбацкие поселки Мочагов пополнились освобожденными из плена Бухарского и Хивинского ханств морскими ловцами. До поселения в Мочагах они претерпели много лишений. Наглядным свидетельством тому служит история олинских рыбаков. Вначале они принадлежали помещику Симбирской губернии Дурасову, который переселил их на Каспийское побережье, заставив заниматься рыболовством, затем их продали астраханской помещице Милашевой, от последней они перешли во владение к помещице Чубаровой и затем к купцам Сапожниковым. Промышляя в море на своего хозяина, они были захвачены в плен туркменами и в середине 1830-х гг. вызволены из него оренбургским военным губернатором В. А. Перовским [Покасов 1909: 587].

После возвращения в Россию ловцы потребовали от своего хозяина отпустить их на волю, но получили отказ. Тогда крестьяне обратились в суд, который после трехлетнего разбирательства решил дело в их пользу.

Отсудив себе вольную, крестьяне нашли себе покровителя в лице арендатора смежных с владениями Сапожниковых вод купца Голикова, который пригласил их на работу и жительство на остров Оля. Купец организовал им на льготных условиях прием улова, снабдил продовольствием и деньгами, обеспечил орудиями лова. Первые две семьи прибыли на остров в 1842 г., а через год к ним присоединились еще 20 семей бывших пленников [Покасов 1909: 588].

Легализация поселков и их административное и поземельное устройство

До середины XIX в. все 6 образованных на мочажных землях самовольными поселенцами поселков не встречали противодействия со стороны властей и успешно росли и развивались. В начале 1850-х гг. ситуация круто изменилась. Астраханская палата государственных имуществ (АПГИ) приняла решение начать сдавать частным лицам в оброчное содержание находившиеся в ведении калмыцкой администрации 28 островов и бугров в Мочагах, а вырученные от аренды деньги перечислять в фонд общественного калмыцкого капитала. За аренду планировалось получать ежегодно 672 руб. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 8].

Из числа 28 предполагавшихся к сдаче в аренду островов на шести располагались поселки самовольных поселенцев, которые считали занятые ими земли своими и никогда не платили за них денег. В 1855 г. жителям поселков Разбугоринский, Вахромеевский, Рынок, Оля, Седлстый (168 семей) предложили заключить контракты на занимаемую ими территорию, пригрозив в противном случае выселить, а землю передать в аренду рыбопромышленникам [РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25478. Л. 2].

Ловцы, однако, отказались взять в аренду землю, на которой они жили и хозяйствовали. Тогда АПГИ приказала улусной полиции выдворить с территории поселков их обитателей, а имущество конфисковать. Но осуществить эти меры на практике не удалось, так как ловцы постоянно отлучались в море, да и добраться до островов, особенно в период распутицы, было крайне трудно [РГИА. Ф. 383. Оп. 19. Д. 25478. Л. 3].

АПГИ продолжала настаивать на удалении самовольных поселенцев и установила для них полугодовой срок (до октября 1855 г.) выселения, но и этот срок не был выполнен. В данном противостоянии самовольных поселенцев поддержала фирма «Братья Сапожниковы», на промыслах которых трудилось большинство жителей поселков, а также астраханский военный губернатор. На первых порах АПГИ поддерживало Астраханское губернское правление, но после неисполнения нескольких своих предписаний отказалось содействовать процессу выселения, предоставив решать данный вопрос администрации АПГИ

самостоятельно [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 104. Л. 80б.].

После сдачи островов в оброчное содержание жителям самовольных поселков пришлось иметь дело еще и с арендаторами. Последние добивались того, чтобы поселенцы платили им деньги за право проживания на арендуемых ими участках.

В 1857 г. попечитель Мочагов Сердюков и арендатор острова Оля купец Усачев приехали в пос. Оля и потребовали от его жителей выплачивать купцу по 80 руб. серебром в год за каждый дом, затем они объявили ловцам пос. Разбугоринский, чтобы они сломали свои жилища и выселились.

За ловцов вступился уполномоченный Комиссии Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов купец Ждановский. Он заявил, что действия властей не законны и к тому же «...лишают здешний малонаселенный край полезных людей, занимающихся морским и речным рыболовством, как главнейшим в этом крае предметом промышленности, и не соответствуют целям правительства по освоению малонаселенной территории» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 22].

По закону откупщики казенных рыболовных вод имели право не только производить уловы, но и бесплатно проживать на прибрежной территории. На это Министерство государственных имуществ (МГИ) ответило, что данное право распространяется только на территорию размером в 1 кв. версту, и то, если на этом пространстве расположены жилища ловцов и промыслы [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 40].

За используемую территорию, превышающую 1 кв. версту, жители должны уплачивать деньги арендатору. По мнению МГИ, жители поселков в калмыцких Мочагах не имели прав на бесплатное проживание и пользование землями еще и потому, что поселились самовольно, а поселки Оля и Седлистый к тому же располагались отдельно от промыслов [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 46об.].

Несмотря на предпринимаемые усилия, власти так и не сумели добиться ликвидации поселков, население которых упорно сопротивлялось выселению и отказывалось выполнять исходившие от властей распоряжения.

17 июня 1870 г. заведующий Мочагами доносил в Управление калмыцким на-

родом (УКН): «Самовольство и упорство разночинцев, проживающих по побережью Волги и Каспийского моря встречается при каждом исполнении в полицейском отношении...» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 66об.].

Когда в 1870 г. мировой посредник приказал заведующему Мочагами выслать к нему для взыскания податей из пос. Седлистый четырех крестьян, приписанных к месту своего прежнего жительства, то седлистовцы не только не выдали их, но еще и оскорбили сборщика податей.

В ответ на требования чиновников самовольные поселенцы рыбацких поселков говорили, что не обязаны выполнять их предписания, поскольку находятся в подчинении Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами. Рыбаки отказывались исполнять приказы чиновников, даже когда признаваемое ими руководство к этому их понуждало. Когда, например, жителям пос. Рынок зачитали приказ Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами об обязательном выполнении распоряжения чиновников полиции, то они долго и упорно не хотели давать подписку о том, что слышали упомянутый приказ [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 66об.].

Рыбацкие поселки на калмыцких землях не имели официальных, признанных властями органов власти, однако это не означало, что в них царил хаос и беспорядок в управлении. Из своей среды ловцы выбирали старост, которые были уполномочены вести переговоры с властями и вообще решать все общественные проблемы жителей поселков. 17 июня 1870 г. заведующий Мочагами сообщал в УКН: «Избирают по своему усмотрению под названием старост для разных нарядов, в некоторых поселках по третям, в некоторых — на полгода, и год, а большею частью старосты сменяются обществами этими по усмотрению, или же сами старосты оставляют свои должности по своему усмотрению, отчего часто чиновник не находит старост, а потому постоянно встречает затруднение при исполнениях — одним словом поселенцы эти управляются и разбираются между собою обществом всегда в кабаках» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 67об.].

Помимо поселковых старост, жители поселков, по распоряжению Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами, избирали участковых старост, которые, по свидетельству заведующего Мочагами, пользовались у местного населения «совершенным уважением» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 138. Л. 68].

На судьбу самовольных поселков в Мочагах решающее значение оказали административные преобразования в рыбной отрасли, произошедшие в середине 1860–1870-х гг. В 1865 г. правительство в целях увеличения прибыльности рыболовства на Каспии образовало из части казенных, калмыцких и выкупленных у отдельных лиц земель одноверстную береговую полосу, передав ее в ведение Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами.

При отводе береговой полосы 6 ловецких поселков, находившихся на калмыцких землях, в силу своего географического положения, оказались в черте одноверстной полосы и в 1873 г. были выведены из состава калмыцких земель.

28 июля 1878 г. вышло утвержденное императором Александром I положение Комитета министров «По предмету устройства поселков на прибережной полосе Каспийского моря», по которому все самовольные поселения Прикаспия легализовывались и до окончательного их устройства переводились на 24-летнюю усадьбную аренду. Оставшаяся не занятой жилыми домами и постройками земля изымалась и обращалась в общее пользование для временного пристанища ловцов и устройства промыслов [ПСЗ РИ 1880: 62]. Через год население поселков было переписано, а земля обмежевана.

Пока решался вопрос с самовольными рыбацкими поселками на калмыцких землях образовался новый поселок самовольных поселенцев. Он возник на острове Лаганский, где издавна находился рыбный промысел. Первоначально на нем проживали в основном пришлые люди, нанимавшиеся на сезонные работы и после их окончания возвращавшиеся домой. В середине 1870-х гг. часть работников решила обосноваться на Лаганском промысле на постоянное место

жительство и обратилась в МГИ с просьбой разрешить построить миссионерскую церковь. Все расходы по ее строительству взялся оплатить купец Казачков, занимавшийся в лаганских водах крупной добычей рыбы, он же выступил доверенным лицом от 9 лаганских семей, подписавших прошение о постройке церкви [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 4].

В 1877 г. церковь разрешили строить, а ободренные успехом лаганцы решили идти дальше, обратившись в 1882 г. в МГИ с просьбой об отводе земли церковному причту и школе, а также о наделении земель 9 русских семей [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 4об.].

Пока происходила переписка, население поселка росло, в основном за счет притока крестьян, мещан, купцов и отставных солдат из Астраханской, Пензенской, Саратовской и Воронежской губерний. В 1880-е гг. в пос. Лагань проживали уже 35 семей, а в 1890-е гг. — 58 [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 6].

Прибытие новых семей обострило земельную проблему. Она усугублялась еще тем, что Лагань располагалась на границе калмыцких земель и одноверстной береговой полосы, при этом все земельные угодья и большинство домов поселка находились на калмыцкой стороне, и лишь небольшая группа построек входила в пределы береговой полосы. Для лаганцев основным источником доходов и существования было рыболовство, но в то же время каждая семья для собственных нужд держала по 3–4 головы крупного рогатого скота, для содержания которого требовались пастбища и сенокосы, а они находились в пользовании калмыков [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. Л. 314].

Первые поселенцы выпасали свой скот на калмыцкой земле нелегально, однако, когда поселок разросся, делать это стало намного труднее. Кочевавшие на острове калмыки, обеспокоенные быстрым ростом населения поселка, начали жаловаться властям и требовать выселения самовольных поселенцев.

Допустившее возникновение самовольного поселения на калмыцких землях, УКН вынуждено было вплотную заняться данной проблемой. Главный попечитель калмыцкого народа предложил оставить лаганцам

земли под постройками, а сенокосами наделить в береговой полосе на условиях аренды. Он также полагал необходимым ввести штрафы за нелегальный выпас скота на калмыцкой земле и учредить в поселке полицейский пост из двух стражников, возложив их содержание на лаганцев, и, кроме того, обязать каждого домохозяина вносить ежегодную плату в размере 2 руб. для содержания управления, и взять лаганскому обществу на себя отправление почтовой повинности от о. Лагань до станции Терняковская [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 6об.-7].

В случае отказа выполнить эти условия Главный попечитель калмыцкого народа пригрозил лаганцам выселить их с острова силой, а церковь перенести в другой населенный пункт.

Жители пос. Лагань сочли предложение Главного попечителя калмыцкого народа неприемлемым для себя и его отвергли, «...заявив, что они не считают возможным согласиться на предложенные условия, в то же время не согласны и покинуть занятую ими землю, пока на нем остается Божий храм» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 8].

Побывавший в 1889 г. в Лагани чиновник МВД В. И. Гиппиус после ознакомления с ситуацией на месте признал справедливым отказ лаганцев выполнить условия УКН. По итогам командировки он доложил министру внутренних дел И. Н. Дурново о том, что «...отказ посельчан от предложенных им условий ни в каком случае не может быть приписан их упорству, а вызван совершенной невозможностью принять эти условия» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 9об.].

Причиной тому было то, что лаганцам предложили гораздо меньшее количество земли, чем они пользовались до этого. Малая площадь участка делала невозможным содержание скота для домашнего обихода, а между тем молочные продукты наравне с рыбными были главными в рационе питания рыбаков. В силу сложных природных условий острова лаганцы не занимались земледелием, поэтому большинство своей продукции и многие другие продукты питания им приходилось завозить из других мест, связь с которыми осуществлялась по морю и потому была нерегулярной и ненадежной.

Предложение о предоставлении аренды лаганцам в береговой полосе В. И. Гиппиус назвал «недоразумением», так как она, во-первых, предназначалась для временного пристанища ловцов, которые использовали для своих нужд все, «что там растет»; во-вторых, право брать на ней в аренду землю распространялось только на общества поселков береговой полосы, а Лагань находилась вне ее [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 13об.].

Астраханское управление Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами выдвинуло свой вариант решения проблемы: оно предложило перенести его на береговую полосу, после чего у лаганского общества появилось бы право на положенный прибрежным ловецким поселкам земельный надел. Правда, перенос поселка Управление обусловило условием перехода переселенцев от сетевого к крючковому лову, на что лаганцы не согласились [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 686. Л. 14].

Власти и жители пос. Лагань не пришли к единому решению вопроса, и дело опять затянулось на годы. Между тем быстрый рост поселка продолжался: в 1900 г. он насчитывал 191 двор и 565 жителей, из которых 510 человек принадлежали к крестьянскому сословию и 55 чел. — к мещанскому. В поселке имелось 15 больших морских лодок и 105 мелких, 110 голов КРС, 50 лошадей, 20 овец и 120 свиней [НА РК. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 139. Л. 136-136об.].

В июле 1904 г. император Николай II утвердил «Правила об общественном устройстве самовольных поселков», на основе которых впоследствии были сформированы органы управления в поселках и установлено административно-территориальное деление. Поселок Лагань вместе с поселками Бирючья Коса, Рынок, Вахромеев, Разбугорье, Седлистый, Оля и другими был объединен в Бирючкосинскую волость, с центром в пос. Бирючья Коса.

Для жителей самовольных поселков легализация стала большим успехом, однако она не решила их земельной проблемы. Большинство поселков были перечислены без надлежащего земельного обеспечения, что поставило под угрозу их дальнейшее развитие. Переселенцы надеялись получить в надел ближайшие к их поселениям

калмыцкие земли, но УКН из-за несогласия калмыков не решилось пойти на этот шаг. Других земель на островах, где располагались поселки, не имелось или их было недостаточно для того, чтобы обеспечить поселения необходимым количеством земли. Жителям рыбацких поселков не оставалось ничего другого, кроме как арендовать калмыцкие земли и просить власти наделить их землями.

Заключение

История возникновения переселенческих рыбацких поселков на калмыцких землях тесно связана с развитием рыбной отрасли и отчасти с реализацией государством военно-полицейских задач на побережье Каспийского моря. Поселения возникли в Мочагах, где рельеф местности и почвенно-климатические условия не позволяют в широких масштабах развивать скотоводство и земледелие, поэтому главным источником существования местного и пришлого населения являлось рыболовство. Занятие последним было делом выгодным, что стимулировало миграцию населения в прибрежные районы Каспийского моря.

Пять рыбацких поселков на калмыцких землях выросли из рыболовецких ватаг и два поселка образовались на основе военной крепости, карантина и таможни. Среди переселенцев преобладали крестьяне, значительную часть которых составляли мещане, в меньшей степени они были представлены купцами и отставными солдатами. Большинство из них были самовольными переселенцами, поэтому основанные ими поселения не признавались государством и не имели ни административного статуса, ни утвержденных властями органов управления. Поселковые общества представляли собой самоуправляющиеся единицы, осуществлявшие связь с властями посредством выборных из своей среды старост.

Власти знали о существовании самовольных поселений, но каких-либо мер в их отношении не предпринимали. Ситуация начала меняться с середины XIX в., когда число поселков и населения в Прикаспии значительно выросло и начались преобразования в рыбной отрасли. Государственная власть вынуждена была заняться проблемой устройства ловецких поселков.

В 7 самовольных рыбацких поселках, расположенных на калмыцких землях, преобразования проводились в рамках государственной политики административно-территориального и земельного устройства ловецкого населения Каспийского побережья, начатой в 1865 г. с выделения на нужды рыбацкого населения одноверстной полосы.

Шесть поселков на калмыцких землях вошли в одноверстную прибрежную полосу и были в 1873 г. выведены из-под управления калмыцких властей, затем в 1878 г. легализованы, такие же меры, но позже, были предприняты в отношении пос. Лагань. Полностью процесс административно-территориального и земельного устройства рыбацких поселков завершился во втором десятилетии XX в.

Необходимо отметить, что политика властей в отношении самовольных рыбацких поселений на калмыцких землях отличалась от той, которая проводилась в других районах Калмыцкой степи. В Мочагах власти не настаивали на ликвидации самовольных поселений и предлагали их жителям свои варианты решения проблемы, и только если самовольные переселенцы отвергали предложенные им условия пребывания на калмыцких землях, поднимался вопрос о выселении нелегальных переселенцев. В основе такой политики по отношению к самовольным поселениям прибрежной полосы Каспийского моря, и Мочагов в частности, лежали интересы рыбной отрасли, которые могли пострадать в случае сноса поселков и удаления их жителей.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.
НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГИА — Российский государственный исторический архив.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Historical Archive.
State Archive of Astrakhan Oblast.

Литература

- Гримм 1896 — *Гримм О. А.* Каспийско-Волжское рыболовство. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. 154 с.
- Записка статс-секретаря 1899 — Записка статс-секретаря Вешнякова по поездке на Волгу осенью 1898 года для ознакомления с Каспийско-Волжскими рыбными промыслами. Астрахань: [Б. м.], 1899. 49 с.
- Зубович 1896 — *Зубович П. О.* О самовольных поселках в Астраханском и Красноярском уезде // Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1894 год. Астрахань: Паров. новая рус. тип., 1896. С. 35–45.
- Лебедев 1863 — *Лебедев К. Н.* О Каспийском рыболовстве. СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса Вн. стражи, 1863. 136 с.
- Михайлов 1856 — *Михайлов И. И.* Астраханские ловцы // Библиотека для чтения. 1856. Отд. 1. Т. 137. С. 135–192. Т. 138. С. 113–136.
- Никольский 1898 — *Никольский А. М.* Астраханские морские ловцы: Статистико-экономическое описание. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1898. 174 с.
- Описание 1877 — Описание населенных мест Астраханского уезда, находящихся в ведении общей полиции // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Губерн. тип., 1877. Вып. 5. 184 с.
- Островский 1892 — *Островский М. Н.* Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. СПб.: Тип. Я. И. Либермана, 1892. 73 с.
- ПСЗ РИ 1830 — Полное собрание Российской империи СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии. 1830. Т. 2 (1827), 1138 с.
- ПСЗ РИ 1880 — Полное собрание законов Российской империи СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1880. Т. 53 (1878). Отд. 2. 346 с.
- Покасов 1911 — *Покасов И.* Бирючья Коса, Астраханского уезда (историко-статистический очерк села) // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 17. С. 652–661.
- Покасов 1909 — *Покасов И.* Поселок Оля (прихода с. Бирючьей Косы, Астраханского уезда) // Астраханские епархиальные ведомости, 1909. № 18. С. 586–591.
- Реверсов 1879 — *Реверсов П. И.* Материалы для церковно-приходской летописи Астраханского уезда, Четырехбугоринского селения, Николаевской церкви // Астраханские епархиальные ведомости. 1879. № 3. С. 40–44.
- Ровинский 1809 — *Ровинский И. В.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Имп. тип., 1809. 551 с.
- Сангаджиев, Монраев 1981 — *Сангаджиев П. Д., Монраев М. У.* О возникновении поселка Лагань и происхождении его названия // Исследования по исторической географии КАССР. Элиста: Калм. НИИИФЭ, 1981. С. 72–78.

References

- Astrakhan Uyezd: Description of Localities under Jurisdiction of the General Police. Series 'Transactions of Astrakhan Governorate Statistical Committee'. Astrakhan: Astrakhan Governorate Office, 1877. Vol. 5. 184 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. Vol. 2: The Year 1827. 1138 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1880. Vol. 53: The Year 1878. Part 2. 346 p. (In Russ.)
- Fisheries of the Caspian and the Volga: Report on State Secretary Veshnyakov's Fact-Finding Trip to the Volga, Autumn of 1898. Astrakhan, 1899. 49 p. (In Russ.)
- Grimm O. A. Fishing Industry in the Caspian and the Volga. St. Petersburg: V. Demakov, 1896. 154 p. (In Russ.)
- Lebedev K. N. On Caspian Fisheries. St. Petersburg: Special Internal Security Guards Headquarters, 1863. 136 p. (In Russ.)
- Mikhaylov I. I. Astrakhan fishermen. *Biblioteka dlya chteniya*. 1856. Vol. 137. No. 1. Pp. 135–192. Vol. 138. Pp. 113–136. (In Russ.)
- Nikolsky A. M. Astrakhan Sea Fishermen: Statistical and Economic Accounts. St. Petersburg: Ministry of the Navy, 1898. 174 p. (In Russ.)
- Ostrovsky M. N. Most Loyal Report of State Property Minister on the 1891 Journey to Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate. St. Petersburg: Ya. Liberman, 1892. 73 p. (In Russ.)
- Pokasov I. Biryuchya Kosa, Astrakhan Uyezd: historical and statistical accounts. *Astrakhanskije*

- eparkhial'nye vedomosti*, 1911. No. 17. Pp. 652–661. (In Russ.)
- Pokasov I. Village of Olya (a parish of Biryuchya Kosa, Astrakhanskogo Uyezd). *Astrakhanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1909. No. 18. Pp. 586–591. (In Russ.)
- Reversov P. I. Astrakhan Uyezd, Chetyrekhbugorinskoe, St. Nicholas Church: materials for parish chronicles. *Astrakhanskije eparkhial'nye vedomosti*. 1879. No. 3. Pp. 40–44. (In Russ.)
- Rovinsky I. V. Astrakhan and Caucasus Governorates: Accounts of Economic and Natural Conditions Related to Agriculture, Industry and House Keeping. St. Petersburg: Imperial Printing House, 1809. 551 p. (In Russ.)
- Sangadzhiev P. D., Monraev M. U. Village of Lagan: history and origin reviewed. In: *Studies in Historical Geography of the Kalmyk ASSR*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 72–78. (In Russ.)
- Zubovich P. O. On unauthorized settlements in Astrakhan and Krasnoyarsk Uyezds. In: *Peter the Great Society for the Research of Astrakhan Lands. The 1894 Annual Report*. Astrakhan: Novaya Russkaya Tipografiya, 1896. Pp. 35–45. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 4, pp. 697–709, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-697-709

Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929 гг.): этапы становления и организация первых научных исследований

*К 100-летию Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук*

Борис Ванданович Базаров¹, Анна Максимовна Плеханова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, академик РАН, профессор, директор
 0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе
 0000-0002-6573-4262. E-mail: plehanova.am@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Базаров Б. В., Плеханова А. М., 2021

Аннотация. *Цель статьи* — анализ истории создания Бурят-Монгольского ученого комитета, этапов его становления, выявление вклада его сотрудников в организацию и проведение научных исследований. *Материалы и методы.* Использование опубликованных материалов и неопубликованных документов, хранящихся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Государственном архиве Республики Бурятия, позволило восстановить историческую ретроспективу событий. Привлечение в качестве методологического инструментария основных научных принципов исторического исследования — историзма, системности и объективности, опора на комплексный подход, предполагающий применение методов системного анализа, локальной истории, проблемно-хронологического и историко-сравнительного методов, обеспечили достижение поставленной цели. *Результаты.* Бурят-Монгольский ученый комитет, созданный в июле 1922 г., был призван содействовать национально-культурному строительству бурят-монгольского народа и решать научно-исследовательские и просветительские задачи. Его становление проходило в условиях ограниченных бюджетных средств, массовой безграмотности населения, острейшего недостатка научных кадров, слабой организации печати и издательского дела, особенно на бурят-монгольском языке. Сотрудниками Буручкома было организовано изучение истории,

археологии, духовной и материальной культуры бурят, их языка и религии, положено начало экспедиционной деятельности. Значительное место в работе организации занимали перевод на бурятский язык учебной и общественно-политической литературы, терминологическая и словарная работа, подготовка и издание методических руководств, учебников, учебных пособий для бурят-монгольских школ. Формирование научной среды сопровождалось организацией библиотеки и музея, которые должны были стать базой для будущей научной работы. Эффективной деятельности Буручкама способствовало плодотворное научное сотрудничество с центральными научными учреждениями страны и Монгольским ученым комитетом. *Заключение.* Буручком, имевший в своем распоряжении небольшой коллектив научных сотрудников, достаточно успешно занимался организацией и проведением научных исследований в области истории, археологии, этнографии, языкознания. Ученый комитет решил важную задачу создания основ научных исследований в Бурят-Монголии, став центральным научным учреждением республики, исследующим проблемы гуманитарных наук.

Ключевые слова: Бурят-Монгольский ученый комитет, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Б. Б. Барадин, Г. Ц. Цыбиков, национально-культурное строительство, научно-исследовательская организация, история Бурятии, археология, этнография, бурятский язык, библиотека, Монгольский ученый комитет

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43092 «Советская модернизация бурятского общества в 1920–30-е годы».

Для цитирования: Базаров Б. В., Плеханова А. М. Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929 гг.): этапы становления и организация первых научных исследований // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 697–709. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-697-709

Buryat-Mongolian Scientific Committee, 1922–1929: Stages of Formation and Organization of Earliest Scientific Studies

Boris V. Bazarov¹, Anna M. Plekhanova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director

 0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate, Deputy Director for Science

 0000-0002-6573-4262. E-mail: plehanova.am@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bazarov B. V., Plekhanova A. M., 2021

Abstract. The article *aims at* shedding light on the history of the Buryat-Mongolian Scientific Committee: stages of its growth, contributions of its staff members in the organization of research and its implementation. *Materials and methods.* Both published and unpublished documents kept in the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and in the State Archive of the Republic of Buryatia were used as the main sources for the reconstruction of the past events while the data analysis was based on the main scientific principles of historicism, systematicity, and objectivity; the paper's comprehensive approach was implemented via the method of system analysis, problem-chronological and historical-comparative methods, and local history. *Results.* The Buryat-Mongolian Scientific Committee (Buruchkom), established in July 1922, was designed to promote the national-cultural construction in Buryat-Mongolia while focusing on research and educational tasks. It had to begin its operation under far from favorable conditions, such as poor funding, illiteracy of the population, a shortage of personnel, and practically non-existent printing and publishing, especially in the Buryat-Mongolian language. Nevertheless, Buruchkom organized the studies of Buryat history,

archaeology, spiritual and material culture, language and religion, and started field work as well. A significant portion of its activities was initially directed towards translation of educational and socio-political literature into the Buryat language, related terminological and lexical studies, preparation and publication of teaching materials, such as textbooks and teaching manuals for Buryat-Mongolian schools. The academic environment was enhanced with establishing a library and museum, which were of much relevance for future scientific work. Buruchkom's final success was due to its fruitful cooperation with the central scientific institutions of the country and the Mongolian Scientific Committee. *Conclusion.* Despite that its team of researchers was not numerous, Buruchkom managed to organize, as well as conduct research projects in the fields of history, archaeology, ethnography, and linguistics. Having accomplished an important objective of laying the foundations of science in the region, it has now become a leading academic center of the Republic, known for its research in the arts and humanities.

Keywords: Buryat-Mongolian Scientific Committee, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, B. B. Baradin, G. Ts. Tsybikov, national-cultural construction, scientific and research organization, history of Buryatia, archaeology, ethnography, Buryat language, library, Mongolian Scientific Committee

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 21-09-43092 'Soviet Modernization of Buryat Society, 1920s–1930s'.

For citation: Bazarov B. V., Plekhanova A. M. Buryat-Mongolian Scientific Committee, 1922–1929: Stages of Formation and Organization of Earliest Scientific Studies. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 697–709. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-697-709

Введение

1920-е гг. занимают особое место в истории нашего государства. Это время, когда кардинально менялись не только его социально-политическая система и экономическая организация, но и формировалось другое, отличное от традиционного, социокультурное пространство. Радикальные процессы сопровождалась, с одной стороны, ломкой старых устоев и представлений, с другой — формированием новой идеологии и культуры и соответствующих социокультурных институтов.

Составной и существенной частью культурного строительства стало развитие науки и сети научных учреждений, причем не только в центре, но и в отдаленных национальных регионах, где «с первых лет советской власти ставилась конкретная задача — организовать научные учреждения в тесном взаимодействии с задачами культурной революции» [Номогоева 2011: 110].

Исключительный интерес в этом смысле представляет Бурятия, где в 1922 г. в рамках национальных автономий — Бурят-Монгольской автономной области Дальневосточной республики и Бурят-Монгольской автономной области РСФСР — был

создан Бурят-Монгольский ученый комитет (Бурмонучком, Буручком, БУК), ставший первой научной организацией, призванной решить важную культурно-историческую задачу цивилизационного рывка (по терминологии тех лет — «цивилизационного подскока») проживающих на ее территории народов.

Степень изученности проблемы. Материалы и методы

Важность поставленных перед Буручком задач, значительный вклад научных сотрудников в социальное и национально-культурное строительство республики обусловили пристальный интерес исследователей к изучению его деятельности. Ученые достаточно детально проанализировали историю создания Бурят-Монгольского ученого комитета [Базарова 2010; Номогоева 2011; Лыксокова 2012; Цыпилова 2017], научные связи с Монгольским ученым комитетом [Аюшеева 2012; Хишигт 2012; Юсупова 2018], экспедиционную деятельность [Аюшеева, Ринчинова, Цыпилова 2017], выявили его роль в распространении научного книгоиздания [Бадлаева 2017].

Большая работа проделана сотрудниками Центра восточных рукописей и ксило-

графов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН), которые выявили большой пласт архивных документов по истории становления академической науки в Бурятии, провели их источниковедческий анализ и ввели в научный оборот [Бурят-Монгольский 2017].

В связи с предстоящим в 2022 г. 100-летним юбилеем Бурят-Монгольского ученого комитета исследование его истории вновь оказалось на гребне научной волны [Материалы 2020].

Целью данного исследования являлись анализ истории создания научной организации в Бурятии, этапов ее становления, выявление вклада ее сотрудников в организацию и проведение научных исследований, формирование научной повестки для будущих поколений ученых. Использование опубликованных материалов и неопубликованных документов, хранящихся в ЦВРК ИМБТ СО РАН и Государственном архиве Республики Бурятия позволили восстановить историческую ретроспективу событий. Привлечение в качестве методологического инструментария основных научных принципов исторического исследования — историзма, системности и объективности, опора на комплексный подход, предполагающий применение методов системного анализа и локальной истории, проблемно-хронологического и историко-сравнительного, обеспечили достижение поставленной цели исследования.

1922 г.: создание Буручкама

Решение об открытии Буручкама было принято на объединенной конференции по культурным делам представителей Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР и ДВР с участием монгольских делегатов, проходившей с 28 июня по 2 июля 1922 г. в селе Додо-Анинское Хоринского аймака. На совещании рассматривался широкий круг вопросов, связанных с формированием основ бурятской государственности и культуры нового типа с сохранением культурного наследия. 1 июля на очередном заседании конференции один из делегатов — видный бурятский ученый-монговед, общественный и политический деятель, один из лидеров бурятского национального движения Цыбен Жамцаранович Жамцарано — внес предложение «создать небольшой исследовательский аппарат, назвав его Комитетом изучения и разработки вопросов

национальной культуры... Этот комитет будет тем ядром, которое в дальнейшем быть может разовьется в Бурятскую академию наук» [ГА РБ. Ф. Р-60. Оп. 3. Д. 1. Л. 96].

После обсуждения предложение было поддержано 14 голосами при 5 воздержавшихся. Тогда же решили назвать комитет временным.

На конференции был избран состав Учкома — Г. Ринчинэ (1893–?), М. Н. Забанов (1894–1926), Ц. Ж. Жамцарано (1881–1942), Б. Б. Барадин (1878–1937), Г. Ц. Цыбиков (1873–1930). Председателем Комитета единогласно был избран Базар Барадиевич Барадин — выдающийся российский востоковед, яркий представитель национальной интеллигенции [Ванчикова 2013: 26–34].

Буручком начал свою деятельность как орган при Центральном совете по культурным делам Бурят-Монгольской РСФСР и ДВР (Бурмонсовкуд) [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д. 118. Л. 61об.]. Рабочему аппарату Ученого комитета было поручено разработать Положение, штаты и смету учреждения, представить эти материалы на утверждение Бурмонсовкуда.

1922–1923 гг.: «агинский» период Буручкама

С совещания в селе Додо-Анинском началась история Бурят-Монгольского ученого комитета. Созданный без особых указаний центра, до согласования политико-идеологических актов в области языка и культуры, Буручком, тем не менее, придерживался политических ориентиров, продиктованных послереволюционным временем. Перед научной организацией была поставлена цель — содействовать национально-культурному строительству бурят-монгольского народа путем реализации практических задач: организации переводческого и издательского дела, создания рукописного и библиотечного фондов, подготовки научных кадров, сбора материалов и изучения языка, литературы и истории.

Первоначально работа Учкома протекала в Агинском, где 21 июля 1922 г. состоялось его первое рабочее совещание, на котором решались организационные вопросы. Гомбожаб Цэбекович Цыбиков был избран непрямым секретарем Ученого комитета. Ему было поручено подготовить Устав Ученого комитета. Уже 8 августа проект был составлен, после обсуждения его доработка

была поручена Б. Б. Барадину. Откорректированный вариант был принят и утвержден на собрании Буручкома 19 апреля 1923 г. [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д. 118. Л. 89, 96].

Согласно принятому Положению (Уставу), Ученый комитет объявлялся «высшим ученым учреждением Бурятии, объединяющим все научные и культурные силы бурят-монголов для выполнения научно-теоретических работ в деле проведения в жизнь всех культурно-просветительных задач бурят-монгольского народа» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Д. 118. Л. 100]. Таким образом, Ученый комитет стал первой научной организацией в Бурятии, перед которой был поставлен широкий круг научно-исследовательских вопросов, включающих изучение национальной культуры, языка, литературы и истории.

В 1922–1923 гг. работа комитета в основном носила организационный характер и была связана с составлением проектов положений, сопровождавшихся объяснительными записками, например, о Бурят-Монгольском ученом комитете, о создании Бурятского национального университета, о национализации школ, об отделении тибетской медицины от церкви и ее регламентации. Сотрудники Учкома занимались подготовкой учебных пособий на бурятском языке по монголоведению, родному языку, общей начальной географии и другим предметам. Работа осложнялась кадровым дефицитом, недостатком финансового и материально-технического обеспечения.

1923–1925 гг.: деятельность Буручкома в составе Наркомпроса Бурят-Монгольской АССР

С образованием 30 мая 1923 г. Бурят-Монгольской АССР деятельность Буручкома была полностью поддержана государственностью РСФСР. В ходе организационного оформления республиканских советских учреждений Ученый комитет был переведен в г. Верхнеудинск и по решению Революционного комитета БМАССР введен в состав Народного комиссариата просвещения [ГА РБ. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 20. Л. 14], став государственной научной организацией.

С этого времени в республике началась планомерная научно-исследовательская деятельность, которую возглавил Базар Бара-

диевич Барадин как первый народный комиссар просвещения республики и первый председатель Буручкома, занимавший эту должность до 1929 г.

С открытием и началом работы Бурят-Монгольский ученый комитет поздравил Президиум Академии наук СССР, выразив уверенность в его результативной исследовательской деятельности и успешном взаимном научном книгообмене. Содействие академического научного сообщества имело важное значение для новообразованного учреждения — как на этапе формирования, так и в последующие годы.

24 декабря 1923 г. Президиумом БурЦИК было утверждено Положение о Буручкоме, которое организационно оформляло его как функциональную часть Народного комиссариата просвещения. Согласно документу, главной задачей ученого комитета являлось всемерное содействие «культурному развитию Бурят-Монгольской трудовой массы и распространению среди этой массы идеи социалистической культуры путем реализации бурят-монгольского языка в области просвещения» [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 4. Л. 9].

Считалось, что только посредством бурят-монгольского языка возможно «советское строительство, и вся идея социалистической культуры для бурят-монгольских трудовых масс станет делом понятным, действительно близким и родным» [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 4. Л. 9].

В качестве важной задачи было обозначено «всестороннее научное изучение Бурятии и родственного с ней по культуре Монголо-Тибетского Востока, значение которого в политическом и культурно-географическом отношениях чрезвычайно важно не только для Бурятии, но и для всего Союза ССР» [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 4. Л. 10].

Постановка этих задач свидетельствовала о том, что советская власть приняла предложенные национальной интеллигенцией приоритеты, дополнив их политико-идеологическим содержанием.

4 января 1924 г. состоялось первое организационное заседание Бурят-Монгольского ученого комитета при БурНКИП в Верхнеудинске [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 5. Л. 16–16об.].

Согласно Положению о Буручкоме в его составе были сформированы две сек-

ции: ученая и учебная. Перед ученой секцией были поставлены задачи разработки единого литературного языка, составления орфографического, терминологического и энциклопедического словарей, проработки методологии культурно-просветительской работы среди бурят и содействие подъему творчества масс. Сотрудники учебной секции должны были заниматься подготовкой школьной и внешкольной литературы и специальных словарей (бурятско-русского, толковых по отдельным отраслям знания и др.) [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 75]. Таким образом, Положение в основном отразило ориентировку Буручкома на помощь практической национально-просветительской работе.

И, действительно, в этот период своей деятельности сотрудники Буручкома были заняты преимущественно вопросами учебно-методического характера: подготовкой пособий для бурят-монгольских школ, разработкой учебных планов и программ для переподготовки учителей-монголистов и т. п. Большое место в работе отводилось изданию научно-популярной, художественной, политической и медицинской литературы. Значение этого направления деятельности «было очень важным в связи с нарастающими преобразованиями общества, значительным расширением горизонтов развития широких слоев населения, продвижением новых технологий и коренным изменением образа жизни» [Базарова 2010: 164].

Так, за пять первых месяцев 1924 г. Буручком были напечатаны на бурят-монгольском языке книга для детского чтения Д.-Р. Намжилона «Улан Туяа» («Красное зарево»), «Положение о Бурят-Монгольском ученом комитете», практические руководства «Как вести собрания» и «Наставление матерям», медико-просветительные и санитарно-гигиенические брошюры для населения «О венерических болезнях», «О сифилисе», «Натуральная оспа» [ЦВРК ИМБТ. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–4].

Важное место в работе исследовательского учреждения занимала организация научной библиотеки и музея, которые должны были стать базой для будущей научной работы. Фонды библиотеки комплектовались рукописными книгами, присылаемыми из районов и улусов, буддийской литературой,

трудами монголоведов, присылаемыми из Иркутского университета, Монгольского ученого комитета.

Кроме того, Буручком выполнял целый ряд функций, мало связанных с кругом его задач: разработкой проекта перевода делопроизводства на монгольский язык, установлением брачного возраста для женщин буряток, определением размеров взимания подоходно-поимущественного налога со служащих буддийского культа и т. п. [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 76].

Для научной деятельности оставалось мало времени. Сказывались ограниченные кадровые и финансовые ресурсы. Количество научных работников в этот период работы не превышало пяти, техническим аппаратом Буручком не располагал.

Тем не менее велась научно-исследовательская работа, направленная на создание единой монгольской орфографии. Профессором Г. Ц. Цыбиковым была составлена на монгольском языке «Грамматика монгольского языка» и издана Буручком в 1924 г.

М. Н. Забановым начато выявление и исследование бытовых черт в эпических произведениях эхирит-булагатов [Забанов 1929].

1925–1929 гг.: Буручком после реорганизации

Вопрос о необходимости усиления научно-исследовательской и учебно-издательской работы в республике был рассмотрен на II съезде Советов Бурят-Монгольской АССР, проходившем в Верхнеудинске в марте 1925 г. Было решено провести реорганизацию Буручкома путем его выведения из административного аппарата Наркомпроса и наделения статусом самостоятельного научно-исследовательского учреждения, подотчетного Бурят-Монгольскому ЦИК.

В состав Буручкома на правах отдельной издательской секции было включено Бурятское издательство, а в декабре 1925 г. на базе художественного бюро Бурполитпросвета была сформирована художественная секция. Таким образом, в составе научной организации стали функционировать четыре секции — научная, учебная, издательская, художественная. Штат учреждения был увеличен до 14 человек.

В июне 1925 г. было утверждено новое Положение о Буручком, которое конкретизировало стоявшие перед ним задачи:

«1) научно-исследовательская работа в области монгольского языкознания в целях практического разрешения вопросов повышения культурной квалификации родного языка; 2) изучение материалов по этническим культурам монгольских племен для разработки учебной, культурно-просветительской и научной литературы на родном языке; 3) содействие подготовке из среды бурят-монгол научных работников в области языка и литературы, истории и этнологии монгольских племен, в области научно-просветительской деятельности на родном языке, а также содействие в подготовке художественно-профессиональных работников в области национального искусства» [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 78].

В Положении впервые была четко отражена разработка вопросов искусства, взята установка на содействие организации института монголоведения и национального музея с научной библиотекой при нем.

Крупнейшим событием в жизни Буручкома после реорганизации стало участие в подготовке и проведении культурно-национального совещания, инициированного руководящими органами республики. Совещание проходило с 19 по 27 сентября 1926 г. в столице Бурят-Монгольской АССР — Верхнеудинске.

Его участниками стали передовые представители педагогической и научной общности, органов власти, напрямую участвующие в культурном и национальном строительстве молодой советской автономии. От Академии наук СССР на совещании присутствовал научный сотрудник Н. Н. Поппе. В работе культурно-национального форума принимала участие и делегация от Монгольской Республики.

Согласно повестке мероприятия, на нем был рассмотрен широкий круг вопросов: от конкретных проблем развития национальной школы, определения основ единого бурятского языка и развития монгольской письменности до общих вопросов духовной культуры народа. Были заслушаны следующие доклады: «1) М. Н. Ербанов «Культурно-национальное строительство Буреспублики»; 2) «Доклад о деятельности Буручкома»; 3) Г. Ц. Цыбиков «Монгольская письменность как орудие культурного строительства Бурятии»; 4) Б. Б. Барадин «Вопросы квалификации монголь-

ской языковой культуры»; 5) Б. Б. Барадин «Бурят-Монгольская школа и ее задачи»; 6) Г. Р. Ринчино «Роль и значение родного языка в бурят-монгольской школе»; 7) А. Г. Бажин «Перспективный 5-летний план национализации бурят-монгольской школы»; 8) П. Н. Дамбинов «Вопросы национально-художественного строительства и перспективы его развития»» [Материалы 2020: 5–6]. Из восьми докладов, озвученных на совещании, шесть были сделаны сотрудниками Буручкома.

Бурное обсуждение животрепещущих тем о национальном самосознании, развитии родной культуры, языка, образования выявило необходимость методической проработки многих вопросов, особенно языковой политики. По итогам совещания Буручкому было поручено «приступить в ближайшее время к научной проработке вопроса повышения квалификации монгольской языковой культуры» [Материалы 2020: 7].

Эту деятельность необходимо было организовать в тесной увязке с Монгольским ученым комитетом. Кроме того, участники совещания пришли к выводу о необходимости усиления работы по созданию единого бурятского литературного языка. В ходе обмена научным и практическим опытом были обозначены основные направления дальнейшего культурно-национального строительства.

Культурно-национальный форум имел широкий общественный резонанс, позволив впервые в концентрированном виде выявить существующие среди национальной интеллигенции взгляды на основные вопросы культурно-национального строительства и дать определенные установки на ряд последующих лет. Роль и значение этого совещания были отражены в заключительной речи Председателя Совнаркома БМАССР М. Н. Ербанова: «Не было такого момента, когда весь авангард культурно-национальных работников Бурятии собирался и обсуждал все те вопросы и задачи, которые имели не только узко-национальный характер, но и политическое значение, выходящее далеко за пределы Буреспублики, в частности для всего Монгольского Востока <...> Данное совещание, практически на основе учета всех работ, наметило определенные и твердые вехи в области культурно-на-

ционального строительства и возрождения бурят-монгольской народности» [Материалы 2020: 93].

Дальнейшая работа Буручкома проходила под знаком выполнения решений культурно-национального совещания. Была активизирована деятельность терминологической комиссии, организованной еще в 1925 г. В ее состав был включен представитель Монголчукома Буян-Нэмэху.

Результатом работы комиссии явилось издание в 1927 г. русско-монгольского терминологического словаря, охватывающего около 2 000 наиболее часто употребляемых политических и научных терминов, из которых 1 800 были согласованы с Монучкомом специально командированным в Улан-Батор-Хото Г. Ц. Цыбиковым. Была организована работа по составлению этимолого-орфографического словаря монгольского литературного языка, по выработке научной транскрипции (латинского типа) для монгольской диалектологии [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 85].

Еще одним направлением научных исследований стало археологическое и этнографическое изучение Бурятии. В 1927 г. были организованы две небольшие научные экспедиции археолого-разведочного характера. Ученым секретарем Буручкома, профессором Г. Ц. Цыбиковым совместно с В. В. Поповым был обследован древний курган на горе Сэбхэн на правом берегу р. Кижинги и открыто несколько писаниц на р. Ходун; Б. Б. Барадиным в районе левого берега р. Онон в Агинском аймаке исследованы выдувы от древних могил, произведены пробные раскопки, обнаружены предметы материальной культуры древнего человека [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 86–87].

В 1928 г. археологическим отрядом Академии наук СССР, Буручкома и Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова под руководством Г. П. Сосновского было проведено археологическое обследование долины р. Селенги, в ходе которого изучались древние культуры Забайкалья и уточнялась их классификация.

В порядке текущей работы сотрудниками научной и художественной секций проводилось изучение быта, культуры, религий (шаманизма и ламаизма). Летом 1927 г. П. Н. Дамбиновым и Р. С. Мэрды-

геевым было организовано экспедиционное изучение дацанского искусства на базе Анинского и Эгитуйского буддийских монастырей.

В 1928–1929 гг. изучением аларского диалекта и сбором образцов бурят-монгольской народной словесности занимались в Аларском аймаке члены совместной экспедиции Буручкома и Академии наук СССР под руководством Н. Н. Поппе. Летом 1929 г. были организованы еще две экспедиции: задачей первой в составе Б. Б. Бамбаева являлось изучение быта жителей Закаменского района, вторая экспедиция под руководством И. Л. Копылова исследовала буддийское искусство на базе Иройского, Гэгэтуйского и Тамчинского дацанов [Аюшеева, Ринчинова, Цыпилова 2017: 138].

В ходе экспедиций в ряде аймачных центров (Аларском, Боханском, Агинском, Хоринском, Троицкосавском, Баргузинском и Верхнеудинском) были организованы кружки любителей национального искусства. Был подобран и отредактирован материал для первого литературного альманаха на бурят-монгольском языке «Уран Угэсун Чимэг», изданный в объеме восьми печатных листов. «Художественной секцией был проведен ряд работ по сбору образцов устной народной словесности среди эхирит-булагатских, боханских, аларских, хоринских, селенгинских бурят-монголов.

Большинство материалов относится к шаманской поэзии, помимо этого есть образцы благопожеланий, поговорок, свадебных и прочих обрядов» [Цыпилова 2017: 218]. В 1927 г. было записано около 300 монгольских мелодий, в 1928 г. еще 104, была начата работа по сбору образцов национальных музыкальных инструментов [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 88].

Таким образом, после реорганизации Буручкомом было развернуто целенаправленное экспедиционное изучение региона. Несмотря на то, что экспедиции пока еще носили единичный характер, тем не менее собранные их участниками материалы имели важное значение не только с точки зрения изучения истории региона, но и для решения насущных практических вопросов в области национально-культурного строительства, языковой политики. Организация и успешное проведение научных экспеди-

ций в условиях слабого финансирования и недостатка научных кадров — показатель научного потенциала Буручкома, который проявился уже на этапе его становления и был реализован в дальнейшем.

Результативная научно-исследовательская деятельность, эффективное развитие академической среды, успешное формирование научных и просветительских кадров невозможны без фундаментального научно-справочного аппарата — библиотеки. Поэтому важным направлением деятельности Буручкома стало комплектование фондов научной библиотеки, пополнение ее ценными и редкими изданиями по истории народов Центральной Азии. С этой целью руководство Бурятского Ученого Комитета в лице его председателя Б. Б. Барадина организовало активную переписку с различными научными учреждениями и организациями (Академией наук СССР, Восточным институтом им. А. С. Енукидзе, Азиатским музеем АН СССР, Иркутским государственным университетом, Ленинградской публичной библиотекой, центральными издательствами и т. д.) о предоставлении дублетных изданий, организации книгообмена [Бадлаева 2017: 219].

В научную библиотеку передавались буддийские книги, вывезенные из дацанов. В 1928 г. из Чесанского дацана Х. Намсараевым был вывезен Ганджур (110 томов) на монгольском языке. Рукописный отдел активно пополнялся фольклорным материалом — пословицами, поговорками, загадками, бурятскими летописями В. Юмсунова, Ш.-Н. Хобитуева, этнографическими материалами М. Н. Хангалова [Лыскова 2012: 62].

К концу 1928 г. книгохранилище насчитывало уже свыше 3 000 томов печатной литературы, отдел рукописей и ксилографов содержал 580 зарегистрированных экземпляров и несколько сотен, находящихся в процессе обработки.

Важное место в работе Буручкома занимала издательская деятельность. Наиболее востребованными публикациями этого периода наряду с терминологическим словарем стали художественный альманах произведений бурятских писателей «Уран угэсын чимэг», сельскохозяйственный календарь, учебник для деревенских школ-передвижек «Политграмота», самоучитель

бурят-монгольского языка. В это же время приступили к изданию журнала «Соелун хубисхал» ('Культурная революция'). В 1925/26 гг. были опубликованы 53 издания, в 1926/27 гг. — 25 и в 1927/28 гг. — 15. Несмотря на сокращение ассортимента издаваемых книг, их общий объем сохранялся, составляя в 1925/26 гг. 95 печатных листов, 1927/28 гг. — 97 [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 90].

1927–1928 гг. были ознаменованы усилением связей с центральными научными учреждениями. Председатель Буручкома Б. Б. Барадин был командирован в Москву и Ленинград. Результатом поездки стала договоренность по основным вопросам совместной работы с Академией наук СССР. Заключено соглашение с Академией наук и Монголучкомом по поводу совместного издания «Образцов народной словесности монгольских племен». Было приобретено около 800 томов книг для библиотеки Буручкома [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 86].

Большое место в деятельности Буручкома занимало сотрудничество с Монгольским ученым комитетом. Благодаря достигнутым договоренностям Б. Б. Барадина и ученого секретаря Монголучкома Ц. Ж. Жамцарано было решено «...установить живую связь между ними, которая успешно развивалась в будущем — в течение всего периода становления и развития монгольской и бурятской науки» [Хишигт 2012: 9]. Стороны регулярно обсуждали волнующие вопросы, делились научной информацией, обменивались печатными изданиями. Для усиления связей с Монголией, помимо привлечения к работе Буручкома, стали вводить в практику командирование отдельных сотрудников Буреспублики в Монголию для изучения этнографии и языка, обмена опытом и повышения квалификации [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 2. Л. 13].

Для развертывания более масштабной научно-исследовательской работы, организации экспедиций, командировок, комплектования фондов библиотеки, оборудования кабинетов необходимы были значительные кадровые и материальные ресурсы. Однако финансовые возможности научно-исследовательского учреждения были ограниченными (таблица 1).

Таблица 1. Смета расходов Бурят-Монгольского ученого комитета (руб.)¹
 [Table 1. Cost estimate of the Buryat-Mongolian Scientific Committee (in rubles)]

	1925/26 гг.	1926/27 гг.	1927/28 гг.
Зарплата	8 934	13 751	14 504
Хозяйственные расходы	2 460	1 663	2 658
Расходы по учебной и научной части	19 541	27 364	17 658
Расходы на проведение массовых мероприятий	6 013	4 219	5 390
Расходы на приобретение и содержание типографского оборудования	875	949	—
Всего	37 823	47 946	40 210

Анализ данных, представленных в таблице, показывает, что ежегодно статьи расходов оставались прежними, но объем их финансирования менялся. Наблюдалось повышение ассигнований по линии заработной платы (за два года на 40 %). Значительное место в смете составляли «расходы по научной части», где львиная доля приходилась на издательские расходы, составлявшие в 1925/26 гг. около 17 000 руб., в 1926/27 г. — 24 266 руб., в 1927/28 г. — 16 616 руб. [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 94].

Отдельной строкой в бюджете организации шло финансирование массовых мероприятий, под которыми подразумевалось проведение курсов подготовки и переподготовки. В последующие годы это направление деятельности, как не связанное с прямыми функциями БУКа, было передано в Народный комиссариат просвещения. В целом средств, выделяемых республиканским бюджетом на содержание Буручкова и организацию научно-исследовательской деятельности, было недостаточно. Если в 1926/27 гг. финансирование учреждения увеличилось на 27 % по сравнению с предыдущим годом, то в 1927/28 гг. сократилось на 16 %, причем произошло это в основном за счет статьи расходов, направляемых на выполнение учебных и научных задач.

Необходимо отметить, что сотрудники Буручкова довольно самокритично оценивали свою деятельность, отмечая такие недостатки в своей работе, как «а) беспорядочное

ведение административно-хозяйственной работы; <...> в) отсутствие четкой деловой плановости в работе; г) слабую увязку работ Буручкова с Наркомпросом; д) загруженность Буручкова не относящимися к нему работами по переводам разной ведомственной литературы и деловых бумаг, что объясняется полной необеспеченностью центральных учреждений переводческими силами; е) слабую информированность широкой бурят-монгольской массы о работе Буручкова; ж) отсутствие учета на местах работников, могущих быть полезными сотрудниками Бурят-Монгольского Ученого комитета» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 7. Л. 7].

Объясняя недочеты в своей работе влиянием ряда неблагоприятных условий, таких как «недостаток в научно-подготовленных работниках, ограниченность средств и штата, лишаящая возможности широко развернуть научную работу и подготовить кадры молодых научных сил», Ученый совет научной организации констатировал, что из-за кадрового и финансового дефицита Буручком являлся «скорее канцелярией по научным делам и переводческим бюро для разных наших центральных учреждений», чем научным учреждением [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 7. Л. 7].

1929 г.: от Буручкова к Институту культуры

В 1928 г. в Буручкове был поднят вопрос о необходимости его реорганизации в Научно-исследовательский институт со значительным расширением круга деятельности [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 94].

¹ В таблице 1 использованы данные из: [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 92–93].

В апреле 1929 г. состоялось совещание, на котором был заслушан доклад заместителя директора комитета Иннокентия Петровича Хабаева (с 1929 по 1931 гг. занимал должность директора). Выступающий отметил, что Буручком «не уделял должного внимания задачам изучения ламаизма с целью изыскания наиболее целесообразных путей преодоления его в сознании людей..., производительных сил и естественных условий края» [ГА РБ. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 117. Л. 17об.].

По мнению докладчика, «для концентрации в едином центре всей научно-исследовательской работы необходимо создать Институт культуры ... с четырьмя отделами: отдел по изучению экономики и производительных сил; отдел лингвистики; отдел истории и этнологии с секцией ламаизма; отдел искусствоведения» [ГА РБ. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 117. Л. 17об.].

В результате обсуждения были приняты решения: «1) основные принципы реорганизации Бурят-Монгольского ученого комитета в Бурят-Монгольский Государственный Институт культуры признать правильными; 2) проект Положения об Институте культуры в целом одобрить» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 41. Л. 53–59об.].

Согласно Положению, Институт культуры должен был стать центральным государственным научно-исследовательским учреждением Буреспублики и содействовать своей деятельностью созданию научной базы для социалистического строительства Бурят-Монгольской республики [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1Б. Оп. 1. Д. 41. Л. 60–61об.].

Переименование, реорганизация и расширение круга деятельности Буручка означали завершение начального периода в истории первой научно-исследовательской организации Бурятии, в ходе которого происходили ее организационное оформление и становление, выработка стратегии развития и формулировка направлений научных исследований.

Заключение

Становление первой научной организации Бурятии пришлось на сложное для страны и региона время. В связи с нехваткой кадровых ресурсов, отсутствием необходимой исследовательской инфраструктуры и обо-

рудования, Буручком не имел возможности развернуть полномасштабную научную работу, его деятельность во многом сводилась к организационным мероприятиям.

«Научные силы Бурятии на данном этапе были крайне слабы и ограничивались всего лишь несколькими учеными из бурят, которые благодаря особому стечению обстоятельств смогли в неприветливых для „инородцев“ царских условиях получить специальную подготовку по той или иной специальности. Подрастающий „молдняк“, получивший квалификацию уже в послереволюционных условиях, дает основание надеяться, что в ближайшие годы узкие границы, определяемые этим фактором, удастся расширить», — отмечал председатель Учкома Б. Б. Барадин в отчете за 5-летний период деятельности учреждения [ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 340. Л. 92].

Несмотря на сложности, Буручком в течение семи лет своей деятельности внес значительный вклад в организацию и проведение научных исследований в области истории, археологии, этнографии, языкознания. С 1923 по 1929 гг. сотрудники Ученого комитета заложили основу для формирования фондов научной библиотеки и рукописного отдела, организовали словарно-терминологическую и переводческую работу, собрали значительное количество материалов по истории, языку, фольклору, литературе. В этот период готовилась латинизация бурят-монгольской письменности. Во всей этой работе Учком тесно сотрудничал с Академией наук СССР, Ленинградским и Иркутским университетами, Монгольским ученым комитетом. Став многофункциональной, научная организация сумела внести значительный вклад в решение широкого спектра проблем, связанных с национально-государственным и социально-культурным строительством республики.

Буручком решил важную задачу создания основ научных исследований в Бурят-Монголии, став центральным научным учреждением республики, исследующим проблемы гуманитарных наук. Направления и тематика научных исследований Ученого комитета сегодня продолжают активно разрабатываться сотрудниками Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Источники

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.
ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Литература

Аюшеева 2012 — *Аюшеева М. В.* О научных связях между Буручкомом и Монголучкомом // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 64–67.
Аюшеева, Ринчинова, Цыпилова 2017 — *Аюшеева М. В., Ринчинова О. С., Цыпилова С. С.* Экспедиционная деятельность Бурят-Монгольского ученого комитета (1922–1929) // Культура Центральной Азии: письменные источники / гл. ред. Ц. П. Ванчикова. Вып. 10. Улан-Удэ, 2017. С. 135–154.
Бадлаева 2017 — *Бадлаева Т. В.* Значение Бурятского ученого комитета в распространении научного книгоиздания (1920–1930-е гг.) // Мир Центральной Азии – 4: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 219–222.
Базарова 2010 — *Базарова В. В.* Формирование научных и общественных организаций Бурятии в области языка и культуры в 1920-е гг. // Власть. 2010. № 12. С. 161–165.
Бурят-Монгольский 2017 — Бурят-Монгольский ученый комитет (1922–1929) / авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева, О. С. Ринчинова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 248 с.
Ванчикова 2013 — *Ванчикова Ц. П.* Базар Барадиевич Барадин (1878–1937): его роль в становлении академической науки Бурятии // Национальные лидеры бурят: от идеи автономии к государственности: сб. науч. статей / отв. ред. чл.-корр. РАН Б. В. Базаров. Улан-Удэ, 2013. С. 26–34.

References

Ayusheeva M. V., Rinchinova O. S., Tsypilova S. S. Field studies of the Buryat-Mongolian Scientific Committee (1922–1929). In: Vanchikova Ts. P. (ed.) Culture of Central Asia: Written Sources. Vol. 10. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2017. Pp. 135–154. (In Russ.)
Ayusheeva M. V. On scientific relations between Buruchkom and Mongoluchkom. In: Baza-

Sources

State Archive of the Republic of Buryatia.
Center for Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS.

Забанов 1929 — *Забанов М. Н.* Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск: Изд. Бурят-Монгольского ученого ком., Тип. Буриздата, 1929. 36 с.
Лыскокова 2012 — *Лыскокова В. Ц.* Из истории создания и деятельности Бурят-Монгольского ученого комитета (по документам ГАРБ) // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 61–64.
Материалы 2020 — Материалы Первого культурно-национального совещания 1926 г. / авт.-сост. Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева, О. С. Ринчинова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. 296 с.
Номогоева 2011 — *Номогоева В. В.* Бурятия в 1920–1930-е гг.: опыт социально-культурной модернизации. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 318 с.
Хишигт 2012 — *Хишигт Н.* Научные связи Института истории Академии наук Монголии и Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 9–10.
Цыпилова 2017 — *Цыпилова С. С.* Бурят-Монгольский ученый комитет: этапы становления // Мир Центральной Азии – 4: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 216–219.
Юсупова 2018 — *Юсупова Т. И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018. 312 с.

rov B. V. (ed.) The World of Central Asia – 3. Collected scholarly papers. Ulan-Ude; Irkutsk: Ottisk, 2012. Pp. 64–67. (In Russ.)
Badlaeva, T. V. Buryat Scientific Committee and its impact in the development of scientific book publishing, 1920–1930s. In: Bazarov B. V. (ed.) The World of Central Asia – 4. Collected scholarly papers. Irkutsk: Otitisk, 2017. Pp. 219–222. (In Russ.)

- Bazarova V. V. Formation of scientific and public organizations of Buryatia in the field of language and culture in the 1920s. *Vlast*. 2010. No. 12. Pp. 161–165. (In Russ.)
- Khishigt N. Scientific relations between the Institute of History of the Mongolian Academy of Sciences and the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. In: Bazarov B. V. (ed.) *The World of Central Asia – 3*. Collected scholarly papers. Ulan-Ude; Irkutsk: Ottisk, 2012. Pp. 9–10. (In Russ.)
- Lyksokova V. C. Revisiting the history of creation and operation of the Buryat-Mongolian Scientific Committee: a case study of materials from the State Archive of the Republic of Buryatia. In: Bazarov B. V. (ed.) *The World of Central Asia – 3*. Collected scholarly papers. Ulan-Ude; Irkutsk: Ottisk, 2012. Pp. 61–64. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V. Buryatia, 1920–1930s: The Sociocultural Modernization Revisited. Ulan-Ude: Buryat State University, 2011. 318 p. (In Russ.)
- Tsypilova S. S. Buryat-Mongolian Scientific Committee: stages of formation. In: Bazarov B. V. (ed.) *The World of Central Asia – 4*. Collected scholarly papers. Irkutsk: Ottisk, 2017. Pp. 216–219. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Bazar Baradievich Baradin (1878–1937) and his role in the formation of Buryatia's academic science. In: Bazarov B. V. (ed.) *Buryat National Leaders: From the Idea of Autonomy to Statehood*. Collected scholarly papers. Ulan-Ude, 2013. Pp. 26–34. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Ayusheyeva M. V., Rinchinova O. S. Materials of the First Cultural and National Meeting in 1926. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2020. 296 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Ayusheyeva M. V., Rinchinova O. S. (comps.) *The Buryat-Mongolian Scientific Committee, 1922–1929*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2017. 248 p. (In Russ.)
- Yusupova T. I. Soviet-Mongolian Scientific Cooperation, 1921–1961: Formation, Development and Main Results. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. 312 p. (In Russ.)
- Zabanov M. N. Household Features in Epic Narratives of the Ekhirit-Bulagats. Verkhneudinsk: Buryat-Mongolian Scientific Committee, Buryazdat, 1929. 36 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 710–721, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.22(=512.141)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-710-721

Сихырсы ‘колдуны’ и колдовство в башкирской мифологии

Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, научный руководитель

 0000-0001-5997-9928. E-mail: hisamitdinova@list.ru

© КалмНИЦ РАН, 2021

© Хисамитдинова Ф. Г., 2021

Аннотация. Статья посвящена описанию мифологизированных персонажей башкирской мифологии *сихырсы* ‘колдуны’ и их названий. Целью статьи является выявление и интерпретация персонажей и их названий, а также связанной с ними другой лексики. Материалами послужили фольклорные тексты и словарные статьи различных словарей башкирского и других тюркских языков. Основными методами являются описательный и сравнительно-сопоставительный. Результаты. Установлены основные, наиболее распространенные наименования башкирских колдунов. Таковыми являются термины *сихырсы* и *бозомсо*, восходящие к лексемам *сихыр* ‘волшебство, колдовство, чародейство, магия’ и *бозом* ‘порча, колдовство, вредоносное воздействие с помощью мифологизированных предметов, средств’. Кроме них, в статье рассмотрены термины *осоксо* (‘колдун, наносящий вред с помощью заговоренной куклы’), *арбаусы* (‘колдун, наносящий вред с помощью заговора’), *амаллаусе* (‘колдун, наносящий вред с помощью заговоренных предметов и магических действий’) и др., характеризующие приемы вредоносных действий у башкирских колдунов. К терминам, связанным с колдунами и колдовством, приведены параллели из других тюркских и нетюркских языков, которые свидетельствуют о происхождении башкирских терминов. В результате установлено, что отдельные термины, как и стоящие за ними персонажи, имеют общеалтайское, некоторые — общетюркское, часть — межтюркское, иные — собственно башкирское происхождение; ряд слов является заимствованиями. В частности, сам термин *сихырсы* восходит к арабскому языку, а термины *бозомсо*, *арбаусы*, *осоксо*, а также *йелтеу* имеют параллели во многих тюркских языках. Кроме этого, термин *йелтеу* имеет фонетические варианты не только в тюркских, но и монгольских языках. Термины *бозомсо* и *арбаусы* имеют параллели в финно-угорских языках. В статье довольно подробно, с примерами рассмотрены приемы вредоносных действий башкирских колдунов. К наиболее распространенным приемам автором отнесены порча с помощью могильной земли, «покойницкой воды», иглы для шитья савана, сырого яйца, куклы, крови невинности, менструальной крови, колдовские действия с применением пота, узлов и особых заговоров, которые, по представлениям предков башкир, усиливали вредоносность используемого приема. В статье рассматриваются случаи применения колдовских действий

знахарями-*баксы*, т. е. положительными персонажами башкирской мифологии, для наказания зла, т. е. воров крупного скота, предметов, насильников. *Выводы.* Мифологизированные персонажи *сикхырсы* 'колдуны' относятся к отрицательным персонажам и имеют множество терминов в башкирском языке. В арсенале *сикхырсы* существуют различные средства и способы не только колдовства, но и избавления от их вредоносного действия. Все магические действия имеют свою терминологию, которая имеет чаще общетюркское или алтайское, иногда иноязычное происхождение.

Ключевые слова: башкирская мифология, колдун-*сикхырсы*, порча, средства колдовства, приемы порчи, заговор, заклинание

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: ААА-А-17-117040350082-3).

Для цитирования: Хисамитдинова Ф. Г. *Сикхырсы* 'колдуны' и колдовство в башкирской мифологии // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 710–721. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-710-721

Sikhyrsy Sorcerers and Witchcraft in Bashkir Mythology

Firdaus G. Khisamitdinova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Scientific Adviser

 0000-0001-5997-9928. E-mail: hisamitdinova@list.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khisamitdinova F. G., 2021

Abstract. Introduction. The article deals with the mythologized characters of the Bashkir mythology — *sikhyrsy* (*сикхырсы*, sorcerers). Its *aim* is to identify and to interpret the characters and their names, as well as other related vocabulary. *Data and methods.* The research materials include folklore texts and entries of dictionaries of the Bashkir and of other Turkic languages. The main methods employed for the analysis are descriptive and comparative. *Results.* The main, most common names of Bashkir sorcerers have been established. These are the terms *сикхырсы* and *бозомсо*, which come from lexemes *sykhyr* (*сикхыр*: magic, witchcraft, sorcery) and *bozom* (*бозом*: damage, witchcraft, harm effected with the help of mythologized objects and means). In addition, the article discusses the terms *osokso* (*осоксо*), *arbausy* (*арбаусы*), *iamialliause* (*ямалләүсе*), etc., characterizing the methods of Bashkir sorcerers' malicious actions. There are parallels from other Turkic and non-Turkic languages to the terms associated with sorcerers and witchcraft, which indicate the origin of Bashkir terms. Hence, it has been established that some lexical items, as well as the characters they refer to have pan-Altai roots, some are Turkic, some are inter-Turkic, still others are of Bashkir origin; and a number of words are loans. In particular, the term *sikhyrsy* (*сикхырсы*) itself goes back to Arabic, while the items *bozomso* (*бозомсо*), *arbausy* (*арбаусы*), *osokso* (*осоксо*), and *yelpeui* (*йелпеу*) have parallels in many Turkic languages. Interestingly, *йелпеу* has phonetic variants not only in the Turkic, but also in the Mongolian languages; and *бозомсо* and *арбаусы* have parallels in the Finno-Ugric languages. Also, the article discusses in some detail methods of Bashkir sorcerers' malicious actions, illustrating them with examples. According to the author, the most common of these are the use of grave earth, "mortuary water", needles to sew a shroud, raw eggs, dolls, blood of innocence, menstrual blood, as well as witchcraft based on the use of sweat, knots, and special incantations, which, according to the Bashkir ancestors, enhanced the harmfulness of techniques used. Finally, the article deals with cases of witchcraft of medicine men, positive characters of Bashkir mythology, who performed them to punish evil, namely, thieves of cattle and of goods, and rapists. *Conclusions.* The mythologized characters of *sykhyrsy* belong to negative characters and the Bashkir language has numerous items for their designation. The *sykhyrsy* had at their disposal a variety of means and methods to do harm, as well as antidotes to their harmful action. There is terminology for every magical action, the items often having Turkic or Altaic roots, and sometimes borrowed from other languages.

Keywords: Bashkir mythology, *sikhyrsy* (sorcerer), harmful action, means of witchcraft, methods of doing harm, incantations

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A17-117040350082-3 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture'.

For citation: Khisamitdinova F. G. *Sikhyrsy Sorcerers and Witchcraft in Bashkir Mythology. Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 710–721. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-710-721

Введение

В башкирской мифологии выделяется особая группа *сикхырсы*¹ 'колдуны, колдуньи'. Данная группа людей практически не изучена. Очевидно, это связано с тем, что *сикхыр* 'колдовство' в исламе считается большим грехом. Тем не менее следует отметить, что исследователями собран определенный материал, часть которого уже опубликован [БНТ 1995; Хисамитдинова 2006; Экспедиционные материалы 2006; Экспедиционные материалы 2008; Экспедиционные материалы 2010; Экспедиционные материалы 2018].

В последние годы увидели свет статьи фольклористов, этнографов и лингвистов, посвященные различным аспектам колдовства и магии, особенно колдунам-*арбаусы* 'заклинателям' и знахарям-*баксы* [Инан 1998: 41–182; Torma, Hisamitdinova 1992: 112–117; Султангареева 2014: 108–114; Минабаева 2002: 159–213].

Тема колдовства и магии в целом в тюркологической науке является малоизученной. Наиболее полно магия и колдовство изучены у чувашей, якутов и народов Южной Сибири [Салмин 2007; Функ 2005; Традиционное мировоззрение 1990; Алексеев 2004; СИГТЯ 2006; Минакова 2012] и др.

В башкироведении также данная тема является практически не изученной. Не разработана терминология, не установлена специфика, не описаны приемы, средства колдовских действий. Исходя из изложенного, предметом данной статьи является колдовство и колдуны у башкир. Целью статьи является описание арсенала средств

и приемов колдовства, установление собственно тюркских, общеалтайских и заимствованных явлений и лексем.

Для обозначения данной группы персонажей в башкирском языке и его диалектах зафиксированы слова и композиты *сикхырсы* 'колдун, колдунья', *сикхырсы эбей*, *сикхырсы карсык* 'старуха-колдунья', *бозомсо* 'делающий порчу', *бозом ебареусе* 'отправляющий порчу', *бозом яһаусы* 'делающий порчу', *йелнеу ебареусе* 'отправляющий порчу', *сарпыу ебареусе* 'отправляющий порчу', *күз бәйләүсе* 'чародей/чародейка', *каракитапсы* 'чернокнижник', *иргәйел* 'карлик, колдун', *иргәнәк* (диал.) 'карлик, колдун', *инәкә* (диал.) 'карлица, колдунья', *әмәлсе* 'делающий порчу', *әмәлләүсе* / *әмәлдәүсе* (диал.) 'делающий порчу', *хөсөт һалыусы* (диал.) 'делающий порчу', *сахир* 'колдун, ворожея', *һакалы мең карыш*, *үзе бер карыш* 'колдун сказок', *Бәһәрәмжә бәли* (диал.) 'летающий колдун', *шайтан-күрәзә* 'колдун-баксы, чародей', *арбаусы* 'ворожея, гадалка, знахарь, заклинатель' [АСБЯ 2011: 304; АСБЯ 2012: 520–521; АСБЯ 2018: 300–301; Хисамитдинова 2010: 70, 80, 87, 175]. Следует отметить, что ряд терминов башкирского языка, связанных с колдунами, колдовством и порчей, имеют параллели в других тюркских и нетюркских языках в том же значении. Ср.: тат. *сикхерче*, *бозымчы*; чув. *пас*, *пәскәйчәк*; каз. *бакишы*, *арбаушы*; кирг. *арбакчы*; алт. *илбичи*, ср. баш. *йелнеу*; др. тюрк. *arvisçi*, *jelviçi*; письм. монг. *ilbi*, *ilbe*, *jilbi*, *jelbi*, *jilvi*; мар. *пузукчо*; венг. *orvos* 'врач' и др. [Ахметьянов, 1 2015: 196; Ахметьянов, 2 2015: 166; ДТС 1969: 131; КРС 1985: 65; Махмудов, Мусабаев 1988: 37, 63; Севортян 1974: 169–170; ЧРС 1985: 280].

Приведенный материал свидетельствует о том, что в башкирском языке выработана

¹ В башкирском языке слово *сикхыр* имеет арабское происхождение и обозначает колдовство и магию [АСБЯ 2015: 557–570]. Люди, занимающиеся колдовством, называются *сикхырсы* 'колдун'.

довольно разветвленная система названий колдунов-*сихырсы*. Среди названий присутствуют как собственно башкирские, общепалатинские, общетюркские, межтюркские, так и заимствованные названия. В частности, название колдуна *сихырсы* имеет арабское, а его синонимы *бозомсо*, *иргәйел*, *иргәнәк*, *инәкә* и др. — тюркское происхождение.

Колдуны-*сихырсы*, по традиционным представлениям, являются отрицательными персонажами, наносящими вред кому-либо (колдовство, оболечение, подверженность воздействию чар, соблазн и др.). Они различными магическими приемами, предметами способны нанести ущерб здоровью, благосостоянию человека, его скоту, хозяйству. Данная группа персонажей, в отличие от «глазливых»² людей, вред наносит намеренно, наслав на человека болезнь, бесплодие, неудачу, бедность, даже смерть.

Колдуны-*сихырсы* в сказочной и реальной жизни

Условно колдунов-*сихырсы* можно разделить на две группы. Первую группу составляют мифические, встречающиеся только в сказках и других эпических произведениях фольклора персонажи. Данная группа персонажей обычно бывает связана с нечистой силой. В частности, в башкирской народной сказке «Болансы Мәргән» («Охотник на оленей Мерген») говорится о том, что колдун *иргәйел* был потомком не только человека, но и дью-пари, т. е. дивов, драконов. *Карлик-колдун, который унес твою сестру, не чисто человеческого рода. Его мать из человеческого, а отец из рода дью-париев. Поэтому его колдовство — это колдовство дью-париев*³ [БНТ 1976: 114].

Именно поэтому колдуны из сказок и эпосов умеют летать, превращаться в невидимок, предсказывать будущее.

Вторую группу колдунов представляют собой люди, обладающие, как считается, сверхъестественными способностями, которые могут нанести вредоносные действия

с помощью определенных приемов, предметов, слов, действий. Именно эта группа *сихырсы* ‘колдунов’ и является объектом исследования в данной статье.

Лексемы, обозначающие колдунов-*сихырсы*

В башкирском языке и его диалектах сохранилось множество лексем-обозначений вредоносных действий, приемов, предметов, с помощью которых совершалось колдовство. Наиболее распространенными являются лексемы *сихыр* ‘колдовство, чародейство, волшебство’; *бозом* ‘порча, колдовство, чародейство’ и их образования. Ср.: *сихыр*: *сихырлау* ‘навести порчу, заколдовать’, *сихыр ебәрәү* ‘наслать колдовство, порчу’, *сихыр эсәрәү* ‘напоить колдовским зельем’, *сихыр ташлау* ‘подбросить заколдованный предмет’, *сихыр еле* ‘колдовской ветер’; *бозом*: *бозоу* ‘навести порчу’, *бозом ебәрәү* ‘наслать порчу’, *бозом яһау* ‘сделать порчу’, *бозом һалыу* ‘подложить предмет для порчи’ и др. [АСБЯ 2011: 304; АСБЯ 2015: 557–558].

Следует отметить, что, кроме лексем *сихыр*, *сихырлау*, *бозом*, *бозоу* и их образований, в словарях зафиксированы другие слова и композиты. Ср.: *кеүләтеү* (диал.) ‘портить, испортить, нанести порчу’, *әмәлләү* ‘портить, заговаривать, нанести порчу, лечить магическими средствами и способами’, *ырымлау* ‘колдовать, заговаривать, лечить магическими способами’, *хөсөт һалыу* ‘портить, нанести порчу’, *осок һалыу* / *осок ташлау* ‘положить, подбросить заговоренный предмет’ и др., которые характеризуют способы насыщения вредоносных действий [АСБЯ 2014: 741–743; АСБЯ 2017: 394–395; АСБЯ 2018: 300–301].

Так, например, слово *әмәлләү* употребляется в значении ‘портить с помощью отдельных предметов’, а *ырымлау* — в значениях ‘колдовать, предсказывать с помощью определенных приемов, предметов’. Что же касается наименования колдовства *хөсөт кылыу*, то оно связано с ‘порчей при помощи наговоров, т. е. магических слов’ [АСБЯ 2018: 96, 300–301].

Лексема *осоклау* содержит значение ‘нанесения порчи с помощью определенных приемов, предметов, заговоров’ и др. [АСБЯ 2017: 742].

² «Глазливые» — люди, которые, по традиционным представлениям, наносят вред своим взглядом.

³ Отрывки из фольклорных текстов даны на русский язык в переводе автора статьи.

Средства и предметы, используемые при колдовстве

В башкирской народной культуре представлены некоторые данные о средствах, предметах нанесения вредоносного действия. Судя по экспедиционным материалам, в арсенале башкирских колдунов-*сихырсы* были представлены следующие средства колдовства: *кызлык каны* 'кровь девичьей невинности'; *күрем каны* 'менструальная кровь'; *катын-кыз тире* 'женский пот'; *кэбер / зыярат тупрагы* 'могильная / кладбищенская земля'; *мәйет һыуы* '«покойницкая вода», вода, которой обмывали покойника'; *кәфен энәһе* 'игла для шитья савана'; *эт һөтө* 'собачье (сучье) молоко'; *эт һөйәгәе, мал һөйәгәе* 'собачьи кости, а также кости других животных'; *кеше сәсе, тырнагы* 'волосы, ногти человека'; *бүре һеңере* 'волчьи сухожилия'; *сей йомортка, йомортка кабыгы* 'яйцо, яичная скорлупа'; *курсак* 'куклы'; *төйөнлө еп, бау* 'нити, веревки с узлами'; *иске сепрәк, иске-моско* 'старые тряпки'; *күмер, көл* 'угли, зола'; *сөй, энә* 'гвозди, иголки' и др. [Экспедиционные материалы 2008: 24–29, 62–63, 71–76, 82–86, 115–116, 146].

Перечисленные средства, предметы, согласно экспедиционным материалам, являются основными в арсенале башкирских колдунов-*сихырсы* и зафиксированы практически у всех этнотерриториальных групп башкир.

Рассмотрим более подробно отдельные, наиболее распространенные средства башкирской колдовской магии.

Кровь

Одним из наиболее распространенных средств в колдовстве башкирских магов является *кызлык каны* 'кровь девичьей невинности'. Судя по материалам, записанным в Учалинском и Бураевском районах Башкортостана, кровь девичьей невинности колдуньями-*сихырсы* обычно использовалась для внушения неприязни жениха к невесте или охлаждения молодых друг к другу. Такую порчу колдунье-*сихырсы* могли заказать соперницы, завистники, брошенные возлюбленные, враги той или иной семьи, рода. Для такого колдовства с помощью подкупа снохи, которая, по обычаям башкир, была назначена *кушыу еңгәһе* 'снохой, отвечающей за первую брачную ночь', добывались

тряпки невесты с кровью девичьей невинности. Затем эта кровь, смыв с этой тряпки, добавлялась в чай жениха, что приводило к появлению неприязни жениха к невесте [Фольклор 2014: 199].

Действительно, порча с помощью крови невинности, по древним верованиям, приводила молодых к сексуальным расстройствам, половому бессилию, бесплодию, отращиванию друг к другу [Славянские древности 2009: 181]. Именно поэтому близкие невесты (сестры, снохи) внимательно следили за снохой, ухаживающей за молодыми.

Страшным колдовством, большим грехом у башкир считается применение для колдовства-*сихыр* менструальной крови. Судя по материалам, менструальную кровь колдуны-*сихырсы* употребляли в колдовстве на смерть. Ее, как и кровь невинности, добавляли в чай, другой напиток или еду. Человек, которому с едой дали менструальную кровь, обязательно заболел. Испорченный такой кровью человек внезапно заболел, слабел, начинал сохнуть и умирал. Если кто в деревне внезапно начинал худеть, раньше говорили: его, наверное, опоили менструальной кровью... Если при добавлении менструальной крови в еду или питье произносишь наговоры на смерть, то человек быстро умирал, говорили раньше [Экспедиционные материалы 2006: 289].

Менструальной кровью портили как мужчин, так и женщин. Обычно мстили соперницы, брошенные жены, обиженные на что-то соседи, подруги, родственники. Такую порчу очень редко самые сильные *баксы* могли отвести. Опытные знахари-*баксы* сначала с помощью магических приемов пытались узнать, чем, как и кто испортил человека. Определив источник и приемы колдовства, в отдельных случаях опытный *баксы* мог избавить жертву от порчи, используя молитву *кайтарма* 'возвратная молитва'. Следует отметить, что порча с помощью менструальной крови зафиксирована в традициях многих народов мира [Славянские древности 2009: 181; Пивоева 2009].

Пот

Одним из сильных средств в колдовстве башкирских колдунов-*сихырсы* является *катын-кыз тире* 'женский пот'. Его обычно применяли для привораживания человека к определенному лицу. Колдуны с помощью пота внушали жертве страсть, болезненное

влечение к той женщине, чей пот был использован при колдовстве. В результате такой порчи мужчина страстно влюблялся в эту женщину или девушку. *Одна женщина долго не могла приворожить одного парня. Однажды она, когда мыла дом, стала собирать свой пот в посуду. Собрав пот, она добавила его в чай парня. С этого времени молодому человеку женщина стала нравиться. Так он и женился на ней* [БНТ 1995: 109].

Часто подобные магические действия с потом *сихырсы* проводили на помешательство, смерть. Обычно заказчиками такой порчи выступали брошенные возлюбленные, жены. Жаждавшие мести женщины с помощью колдунов и женского пота внушали мужчине болезненную страсть, которая приводила его к психическим расстройствам, безумию. Применение колдуном-*сихырсы* вредоносного заговора усиливало порчу. В результате жертва колдовства могла умереть, если сильный *баксы* не отводил эту порчу.

Земля

Одним из опасных средств колдовства башкирских колдунов-*сихырсы* являлась *кэбер / зыярат тупрагы* 'могильная / кладбищенская земля'. Обычно кладбищенская земля применялась в колдовстве на смерть. По рассказам башкир, обычно *сихырсы* и те, кто хотели кому-то смерти, приносили могильную землю и бросали под ноги жертвы [Фольклор 2012: 155].

У самарских и саратовских башкир, а также башкир-минцев записаны сюжеты о последствиях наступления на могильную землю. *Кладбищенская земля убивает жизненные силы человека, он начинает разочаровываться в жизни. У мужчин от могильной земли развивается половое бессилие. Порча с помощью кладбищенской земли бывает очень опасной* [Духовные сокровища 2008: 167; Экспедиционные материалы 2006: 95].

Интересно отметить, что порча с помощью кладбищенской земли является универсальной. Поэтому она зафиксирована во многих традициях [Славянская мифология 2002: 230; Сызранов 2020: 206–212].

Вода

Судя по полевым материалам, кроме могильной земли, в колдовских средствах башкирских колдунов-*сихырсы* присутствовала

«покойницкая вода», вода, которой обмывали покойника. В башкирском языке зафиксированы названия *мәйет һыуы / үлек һыуы* 'покойницкая вода' или 'вода мертвеца'. Этот вид колдовства считается очень опасным. «Покойницкая вода является источником сильного колдовства. Поэтому эту воду сразу после обмывания покойника, произнеся „бисмилла“, закапывают в укромном месте» [Сулейманова 2006: 19–20].

В колдовских действиях «покойницкую воду» обычно добавляли в еду или питье человека, которого хотели испортить. *Выливание «покойницкой воды» доверяли не каждому. Обычно давали только надежным людям. Я много слышала о том, что некоторые люди делали порчу с помощью воды, которой обмывали покойника* [Экспедиционные материалы 2010: 91].

Вещи покойника

Из «покойницких вещей» в колдовстве, кроме земли и воды, отдельные колдуны-*сихырсы* применяли иглу для шитья савана — *кәфен энәһе*. Иголлка, как острый предмет, обычно участвовала в колдовстве на смерть. Судя по полевым материалам, иглолку обычно втыкали в одежду и другие предметы жертвы. *Иголлку, которой шили саван, нельзя давать кому попало. Дурные люди его могут использовать для своей пользы. Если колдуны-сихырсы иглолку, которой шили саван, втыкали на чью-то одежду, вещи, то этот человек становился порченным. У мужчины воткнутая иглолка отнимала мужскую силу, а женщину она делала бесплодной* [Экспедиционные материалы 2010: 92].

Отдельные колдуны иглолку для шитья савана втыкали в куклу, олицетворяющую человека, на которого было направлено колдовство на смерть.

Молоко, кости собаки

В качестве колдовского средства башкирские колдуны-*сихырсы* использовали и собачье (сучье) молоко. В башкирском языке такое колдовство называлось *эт һөтө / кәнтәй һөтө сихырсы* 'колдовство собачьего молока, колдовство молока сучки', *катлама сихырсы* 'колдовство лепешки, замешанной на молоке собаки'. Для проведения такой порчи колдуны выдаивали суку, затем на этом молоке замешивали лепешку-*катлама*, которой скармливали жертву.

Однажды, чтобы вызвать отвращение мужа к жене, одна женщина выдоила суку, на этом молоке замесила тесто и испекла лепешку, которой угостила того мужчину. После этого мужчина перестал спать с женой. Узнав об этом, дядя Хажы нашептал на мед и масло и дал этому мужчине. Когда он съел нашептанные продукты, выпил чаю, избавился от колдовства [Экспедиционные материалы 2006: 141].

Интересно отметить то, что собака в башкирской мифологии обычно встречается в обережной магии, так как она является, как и волк, тотемным животным у башкир. Поэтому присутствие собаки, «собачьих предметов» в порче, по-видимому, к башкирам могло проникнуть из традиций контактирующих этносов.

Интересно отметить, что в колдовстве башкирских магов встречаются и собачьи кости. По-видимому, колдовство с костью у башкир было связано с тем, что высохшие кости животных являются обычно символом принадлежности предмета к миру мертвых. В этом случае колдовство с костью собаки могло иметь собственное происхождение. Вероятно, именно поэтому порча с помощью кости была распространена у большинства этнографических групп башкир.

Ниже приводится материал колдовства на смерть с помощью собачьей или другой кости, записанный у самарских и саратовских башкир. *Однажды заболела мама. Дед мой, который считался знахарем в деревне, посмотрев на маму, сказал: «Испортили, подбросив наговоренную кость собаки. Найдите эту кость, бросьте на перекресток 7 дорог, маме дайте понюхать шерсть любой собаки, порча пройдет». Маме дали шерсть соседской собаки, потом эту шерсть вместе с наговоренной костью закопали на перекрестке 7 дорог. Мама выздоровела [Духовные сокровища 2008: 135].*

Мертвые животные

Кроме собачьей или другой кости, в колдовстве на смерть башкирские колдуны-сихырсы применяли и самих мертвых животных, птиц и рептилий. Отдельные колдуны-сихырсы пользовались шерстью животных, перьями птиц, выползком змей, сухожилиями волков и т. д. Обычно мертвых животных или их части колдуны подбрасывали, подкидывали, подкладывали

вместе с наговорами жертве. Связь мертвых животных и их частей с миром мертвых была известна не только колдунам, но и всему традиционному обществу башкир. Поэтому обнаружение животных из мира мертвых оказывало огромное влияние на душевное состояние человека, вызывая у него страх, нервные припадки, безумие. Все это в конце концов приводило к смерти.

К группе наиболее опасных приемов порчи на смерть башкирских сихырсы с помощью мертвых животных относится колдовство с делением на части высушенной жабы. Суть колдовства сводится к тому, что высушенную жабу делили на четыре части, затем первую часть вместе с сырым яйцом закапывали в землю, вторую — бросали в воду, третью сжигали, четвертую пускали на ветер [ПМА 1991]. Такое колдовство ни один баксы не мог ни снять, ни вернуть тому, кто наслал, так как четыре части жабы были отправлены к четырем стихиям: воде, воздуху, земле и огню.

Нитки, веревки и т. д.

Из предметов неживой природы в колдовстве башкирских колдунов-сихырсы активно применялись нитки, веревки, старые тряпки, одежда, скрученные в узлы. Обычно такие предметы прятали в подушку и другие постельные принадлежности жертвы. По древним представлениям башкир, такие предметы в основном были направлены на вызывание у человека безумия. Для усиления порчи колдуны-сихырсы поили заговоренными снадобьями, читали вредоносные заговоры. Под воздействием такого колдовства жертва теряла способность думать, убегала из дома, дичилась людей, разговаривала сама с собой. В нашей деревне раньше жила Таиба-иняй, наша родственница. Ей кто-то с целью колдовства подложил в подушку заговоренную нитку с узелками, волосинками и еще чем-то. После этого Таиба-иняй сошла с ума. Она не делала ничего плохого никому. Она только одна в сопровождении козлят, щенков каждый день уходила в лес и бродила там целый день. Она ни с кем не разговаривала, говорила только сама с собой. Так она и умерла [ПМА 1990].

От порчи, нанесенной узелками, можно было избавиться, вовремя обратившись к сильным муллам-баксы. *Мой дед был силь-*

ным муллой-баксы. Когда наша мама заболела ни с того ни с сего, ее повезли к деду. Дед ее долго лечил нашептыванием. Перед отъездом домой дед маме сказал: «Дочь, посмотри-ка дома свою подушку». Дома мама осмотрела подушку и нашла в пуху какой-то маленький узелок. В нем были нитка с узелками, клочок волосинок и ногти. Их мама отделила от пуха подушки, вынесла на улицу и сожгла, сам видел. Когда узелок сгорел, из него какая-то жаба выпрыгнула будто. После этого мама выздоровела [Духовные сокровища 2008: 135].

Кроме нитки с узелками, в подложенных в подушку пучках встречались клочок шерсти, волосы, ногти, зола, уголек, земля, иголка, маленький гвоздик и др. Количество предметов колдовства обычно доходило до семи, которые в комплексе должны были отнять жизненные силы человека, лишить его разума. Как показывают материалы, такого заколдованного человека, по представлениям предков башкир, мог спасти только сильный мулла-баксы, в противном случае подвергшийся колдовству становился душевно больным, безумным. Аналогичные приемы колдовства и избавления от него зафиксированы у астраханских татар [Сызранов 2020: 206–212].

Объекты колдовства

Кроме самого человека, объектом колдовства часто становились скот, пасека, позднее дом, огород и другие хозяйственные принадлежности человека. Обычно колдовали с целью выжить семью, род из этого места, навредить их благосостоянию, благополучию, здоровью.

Для башкир скот был главным средством благополучия, поэтому объектом порчи часто становился скот. Колдуны-сихырсы для изведения скота втыкали в сарай для скота кости, рога, куски шкур павших животных, спутанные волосы, подкладывали золу, могильную землю. В результате такого колдовства, считалось, животные заболели, умирали, оставались яловыми, т. е. не давали приплода, приплод рождался мертвым или с различными уродствами. Повсеместно применялись порчи, направленные на отбирание молока (*һөт югалыу*), выкидыш приплода (*колон (бызау, бәрәс) һалыу*) и др.

Кроме скота, порча часто наводилась на дом и домашние постройки. Колдуны обыч-

но в фундамент дома подкладывали заговоренные тряпки, кости, битую посуду, угли, золу, спутанные волосы, веревку, мертвых животных, птиц, куклу. Если сильный баксы их вовремя не убирал, то дом становился беспокойным. В нем умирали хозяева, их дети. Частыми становились скандалы, случались пожары, дохла скотина. В результате оставшиеся люди были вынуждены покинуть этот дом. В этом случае башкиры говорили *нигезе короно* 'исчез фундамент', 'вымер род', 'исчез род'.

Снятие порчи

В башкирской народной культуре выработано множество способов профилактики и избавления от вредоносного действия колдунов-сихырсы. Во-первых, у башкир повсеместно применялись обереги, амулеты *бетеу*, освященные солью и мусульманской молитвой вода, яркая одежда и украшения. Пожилые башкиры запрещали садиться, ходить на опасные заколдованные места (зольницы, перекрестки, развилины, могильники, заброшенные постройки), с которых могла пристать порча. Тем, кто боится колдовства, советовали закопать на перекрестке 7 дорог или развилин рек нитку в рост человека с 40 узелками, которую трижды обводили вокруг головы, пояса человека [Экспедиционные материалы 2008: 120].

В целях профилактики колдовства при обнаружении предметов порчи муллы, баксы запрещали трогать их руками, ногами, так как порча-сихыр могла пристать к человеку. Обычно баксы советовали пользоваться металлическими инструментами типа вилы, лопаты, щипцы и др. В случае нечаянного схватывания предметов колдовства, чтобы не заболеть, рекомендуют приложить или засунуть руку в навоз. Говорят, порча-сихыр, оскорбившись, уходит от человека [Экспедиционные материалы 2018: 133].

По представлениям башкир, самой главной профилактической мерой является отсутствие веры в *сихыр*, его вредоносность. *Если не верить в сихыр 'порчу', то она не коснется тебя. Поэтому нельзя верить в колдовство. Сихыр пристает только к тому, кто в него верит. Когда веришь в сихыр, Аллах говорит: «Ты не мой» и отказывается от тебя. Тебя не оберегает. Поэтому и болеешь от колдовства* [Экспедиционные материалы 2008: 116].

Отвод от порчи

В башкирской народной культуре выработаны не только способы профилактики, но и отвода, избавления от колдовства. Судя по материалам экспедиций, способы, средства избавления от порчи у башкир самые разнообразные. При этом особо распространенными являются комплексные методы, применяемые муллами-баксы (*багымсы*). Особо эффективным считалось чтение молитв семье знахарями-баксы [Экспедиционные материалы 2006: 144].

Семь женщин-знахарей молитвами и сжиганием волчьих сухожилий наказывали, наводили порчу на воров, конокрадов. *Если потерянная вещь не находится, 7 самых авторитетных старушек нашей деревни вместе собираются и принимают решение об установлении и наказании вора сжиганием сухожилий волка. Это решение старушек становится известно всей деревне, в том числе и вору. Если вор не принесет украденную вещь, то начинал болеть. А когда начинали жечь сухожилие волка, вор начинал корчиться, метаться. Чтобы вор мучился долго, волчье сухожилие сжигали не сразу. Его сначала клали рядом с дровами, которые были поставлены для сушки. Сухожилия там нагреваются, сжимаются. Аналогично сжимаются сухожилия и вора, поэтому он начинает корчиться, в конце концов умирает в страшных муках* [БНТ 1995: 110].

Волк, напомним, является одним из тотемных животных башкир, поэтому логичны и обращения старух-баксы к волку в заговорах. Следует отметить, что обычай сжигания волчьих жил характерен для большинства тюрко-монгольских народов [Алексеев 1992: 46].

Изложенные факты свидетельствуют о том, что способ сжигания из метода вредоносного колдовства перешел в метод установления и наказания воров. Следует добавить, что в обряде наказания вора обычно применяется и заговор, который бывает направлен на установление настоящего вора, чтобы не был наказан невинный.

Заключение

Судя по приведенным материалам, можно констатировать, что башкирские колдуны-сихырсы в основном относятся к отрицательным персонажам. Они намеренно наносят вред кому-либо. Для этого ими выработан огромный арсенал средств, приемов, заклинаний. Довольно сложным нам представляется последний пример, описывающий порчу вора. Данным видом колдовства занимались не колдуны-сихырсы, а старушки-баксы, знахари, целью которых было наказание вора. Все это свидетельствует о том, что башкирские колдуны-сихырсы обычно выполняли как функцию баксы-знахарей, так и сихырсы, занимающихся вредоносной магией.

Полевой материал автора

- ПМА 1990 — Полевые материалы из Абзелиловского района. Записано в 1990 г. от Хисамитдиновой Г. (1924 г. р.), жительницы д. Ново-Абзаково.
- ПМА 1991 — Полевые материалы из Зилаирского района. Записано в 1991 г. от Ахмеров З., жительницы с. Юлдыбаево.

Литература

- Алексеев 1992 — Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. 248 с.
- Алексеев 2004 — Алексеев Н. А. Якутские мифы. Новосибирск: Наука, 2004. 460 с.
- АСБЯ 2011 — Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. 2. Уфа: Китап, 2011. 568 с.

Author's Field Data

- Informant 1: G. Khisamitdinova, b. 1924, resident of Novoabzakovo. Rec. in Abzelilovsky District (Republic of Bashkortostan, Russian Federation), 1990. (In Bash.)
- Informant 2: Z. Akhmerova, resident of Yuldybaevo. Rec. in Zilairsky District (Republic of Bashkortostan, Russian Federation), 1991. (In Bash.)

- АСБЯ 2012 — Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. 3. Уфа: Китап, 2012. 864 с.
- АСБЯ 2014 — Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. 6. Уфа: Китап, 2014. 944 с.
- АСБЯ 2015 — Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. 7. Уфа: Китап, 2015. 872 с.

- АСБЯ 2017 — Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. 9. Уфа: Китап, 2017. 980 с.
- АСБЯ 2018 — Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. 10. Уфа: Китап, 2018. 980 с.
- Ахметьянов, 1 2015 — *Ахметьянов Р. Г.* Этимологический словарь татарского языка. В 2 т. Т. 1. А–Л. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. 543 с.
- Ахметьянов, 2 2015 — *Ахметьянов Р. Г.* Этимологический словарь татарского языка. В 2 т. Т. 2. М–Я. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. 567 с.
- БНТ 1976 — Башкирское народное творчество. Сказки. В 6 кн. Кн. 1 / сост. М. Х. Мингажетдинов, А. И. Харисов; вступ. ст. М. Х. Мингажетдинова; коммент. Л. Г. Барага и М. Х. Мингажетдинова. Уфа: Китап, 1976. 376 с. (На башк. яз.).
- БНТ 1995 — Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / сост. А. М. Сулейманов, Р. А. Султангареева. Т. 1. Уфа: Китап, 1995. 560 с. (На башк. яз.).
- Духовные сокровища 2008 — Духовные сокровища башкир Саратовской и Самарской областей / сост.: Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина, Л. К. Сальманова, Г. Батыршина; отв. ред. Р. А. Султангареева, З. И. Яйкарова. Уфа: Деловая династия, 2008. 284 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. 677 с.
- Инан 1998 — *Инан А.* Шаманизм тарихта һәм бөгөн (= Шаманизм в истории и сегодня). Өфө: Китап, 1998. 225 б. (На башк. яз.).
- КРС 1985 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 973 с.
- Махмудов, Мусабаев 1988 — *Махмудов Х., Мусабаев Г.* Казахско-русский словарь. Алма-Ата: Казахская энциклопедия, 1988. 512 с.
- Минакова 2012 — *Минакова Р. С.* Лексика магических обрядов и колдовства в алтайском языке // Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2012. С. 36–40.
- Минибаева 2002 — *Минибаева З. И.* Традиционная медицина // Курганские башкиры: историко-этнографические очерки / авт.: Р. М. Юсупов, С. Н. Шитова, М. В. Мурзабулатов, З. И. Минибаева и др. Уфа: Гилем, 2002. С. 159–214.
- Пивоева 2009 — *Пивоева М. В.* Мифология крови // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 5. С. 38–41.
- Салмин 2007 — *Салмин А. К.* Система религии чувашей. СПб.: Лема, 2007. 653 с.
- Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: пратюркский язык-основа: картина мира пратюркского этноса по данным языка / Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. и др. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Славянская мифология 2002 — Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. Редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.), Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
- Славянские древности 2009 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4 / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
- Сулейманова 2006 — *Сулейманова Л. Р.* Лексика и фразеология погребально-поминального обряда в башкирском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 25 с.
- Султангареева 2014 — *Султангареева Р. А.* Магический фольклор башкир: специфика мифоритуальные особенности репертуара // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 26 (355). Филология. Искусствоведение. Вып. 93. С. 108–114.
- Сызранов 2020 — *Сызранов А. В.* Колдовство (сихр) у татар Астраханской области // Вестник антропологии. 2020. № 3 (51). С. 206–212.
- Традиционное мировоззрение 1990 — *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
- Фольклор 2012 — Фольклор гайнинских башкир / вступ. ст. Р. А. Султангареева; сост. Ф. Ф. Гайсина. Уфа: Гилем, 2012. 170 с.
- Фольклор 2014 — Фольклор учалинских башкир / сост. Р. Р. Зинурова, Р. А. Султангареева, Ф. Ф. Гайсина, Р. Р. Вагапова. Уфа: Гилем, 2014. 212 с.
- Функ 2005 — *Функ Д. А.* Мифы шаманов и сказителей. М.: Наука, 2005. 398 с.
- Хисамитдинова 2006 — *Хисамитдинова Ф. Ф.* Башкорттарзың им-том китабы (= Книга башкирских заговоров). Өфө: Информреклама, 2006. 180 б. (На башк. яз.).

- Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
- ЧРС 1985 — Чувашко-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. М.: Русский язык, 1985. 712 с.
- Экспедиционные материалы 2006 — Экспедиционные материалы 2004 года: Альшеевский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2006. 234 с.
- Экспедиционные материалы 2008 — Экспедиционные материалы 2006 года: Бураевский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Р. А. Султангареева, Г. В. Юлдыбаева, Г. М. Ахметшина, Ф. Ф. Гайсина, А. С. Сальманов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 240 с.
- Экспедиционные материалы 2010 — Экспедиционные материалы 2008 года: Балтачевский район / сост. Г. Р. Хусаинова, Г. В. Юлдыбаева, А. М. Хакимьянова, Ф. Ф. Гайсина, Р. Р. Зинурова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. 200 с.
- Экспедиционные материалы 2018 — Экспедиционные материалы 2017 года: Стерлибашевский район / сост. Г. В. Юлдыбаева, Ф. Ф. Гайсина, А. М. Хакимьянова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2018. 349 с.
- Torma, Hisametdinova 1992 — *Torma J., Hisametdinova F. G.* Magische Prophylaxe in der volkstümlichen Heilkunde der Baschkiren // *Ural-altaische Jahrbücher, Neue Folge*. B. 11. 1992. S. 91–102.
- Akhmetyanov R. G. Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 2 vols. Vol. 1: A–Л. Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. 543 p. (In Tat.)
- Akhmetyanov R. G. Etymological Dictionary of the Tatar Language. In 2 vols. Vol. 2: М–Я. Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. 567 p. (In Tat.)
- Alekseev N. A. Traditional Religious Beliefs of Siberian Turks. Novosibirsk: Nauka, 1992. 248 p. (In Russ.)
- Alekseev N. A. Yakut Myths. Novosibirsk: Nauka, 2004. 460 p. (In Russ.)
- Funk D. A. Myths of Shamans and Tale-tellers. Moscow: Nauka, 2005. 398 p. (In Russ.)
- Gaysina F. F. (comp.) Folklore of Gaina Bashkirs. R. Sultangareeva (foreword). Ufa: Gilem, 2012. 170 p. (In Bash.)
- Inan A. Shamanism: Past and Present. Ufa: Kitap, 1998. 225 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 2. Ufa: Kitap, 2011. 568 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 3. Ufa: Kitap, 2012. 864 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 6. Ufa: Kitap, 2014. 944 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 7. Ufa: Kitap, 2015. 872 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 9. Ufa: Kitap, 2017. 980 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. 10. Ufa: Kitap, 2018. 980 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. Mythological Dictionary of the Bashkir Language. Moscow: Nauka, 2010. 452 p. (In Bash and Russ.)
- Khisamitdinova F. G. The Book of Bashkir Spells. Ufa: Informreklama, 2006. 180 p. (In Bash.)
- Khusainova G. R. et al. (comps.) Expeditionary Materials of 2004: Alsheevsky District. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Research Centre of RAS), 2006. 234 p. (In Bash and Russ.)
- Khusainova G. R. et al. (comps.) Expeditionary Materials of 2006: Buraevsky District. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Research Centre of RAS), 2008. 240 p. (In Bash and Russ.)
- Khusainova G. R. et al. (comps.) Expeditionary Materials of 2008: Baltachevsky District. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Research Centre of RAS), 2010. 200 p. (In Bash and Russ.)
- Makhmudov Kh., Musabaev G. Kazakh-Russian Dictionary. Alma-Ata: Kazakhskaya Entsiklopediya, 1988. 512 p. (In Kaz. and Russ.)
- Minakova R. S. Vocabulary of Altaian magic rituals and spells. In: Professor Nikolay F. Katanov and His Scientific Heritage. Abakan: Khakassia Book Publ., 2012. Pp. 36–40. (In Russ.)
- Mingazhetdinov M. Kh., Kharisov A. I. (comps.) Bashkir Folklore: Folktales. In 6 vols. Vol. 1. M. Mingazhetdinov (foreword); L. Barag, M. Mingazhetdinov (comment.). Ufa: Kitap, 1976. 376 p. (In Bash.)
- Minibaeva Z. I. Traditional medicine. In: Yusupov R. M. et al. Bashkirs of Kurgan Oblast. Ufa: Gilem, 2002. Pp. 159–214. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M. et al. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Turk.)

- Pivoeva M. V. Mythology of blood. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2009. No. 5. Pp. 38–41. (In Russ.)
- Sagalaev A. M., Oktyabrskaya I. V. Traditional Worldviews of South Siberian Turks: Sign and Ritual. Novosibirsk: Nauka, 1990. 209 p. (In Russ.)
- Salmin A. K. Religious System of the Chuvash People. St. Petersburg: Lema, 2007. 653 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with Vowels. Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Turk. and Russ.)
- Skvortsov M. I. (ed.) Chuvash-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1985. 712 p. (In Chuv. and Russ.)
- Suleymanov A. M., Sultangareeva R. A. (comps.) Bashkir Folklore: Ritual Narratives. Vol. 1. Ufa: Kitap, 1995. 560 p. (In Bash.)
- Suleymanova L. R. Bashkir Terminology and Phraseology of Funeral and Memorial Rites. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ufa, 2006. 25 p. (In Russ.)
- Sultangareeva R. A. Bashkir magic folklore: specifics and features of repertoire. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014. No. 26 (355). Philology and Art Studies. Is. 93. Pp. 108–114. (In Russ.)
- Sultangareeva R. A. et al. (comps.) Bashkirs of Saratov and Samara Oblasts: Spiritual Treasure. R. Sultangareeva, Z. Yaykarova (eds.). Ufa: Delovaya Dinastiya, 2008. 284 p. (In Russ.)
- Syzranov A. V. Witchcraft (sikhr) among the Tatars of Astrakhans Region. *Herald of Anthropology*. 2020. No. 3 (51). Pp. 206–212. (In Russ.)
- Tenishev E. R. et al. Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. The Proto-Turkic Language: Proto-Turks and Their View of the World. Moscow: Nauka, 2006. 908 p. (In Russ.)
- Tolstaya S. M. (ed.) Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2002. 512 p. (In Russ.)
- Tolstoy N. I. (ed.) Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2009. 656 p. (In Russ.)
- Torma J., Hisametdinova F. G. Magische Prophylaxe in der volkstümlichen Heilkunde der Baschkiren (Magic prophylaxis in Bashkir folk medicine). *Ural-Altaische Jahrbücher, Neue Folge*. 1992. Vol. 11. Pp. 91–102. (In Germ.)
- Yudakhin K. K. Kyrgyz-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 973 p. (In Kyrg. and Russ.)
- Yuldybaeva G. V. et al. (comps.) Expeditionary Materials of 2017: Sterlibashevsky District. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Research Centre of RAS), 2018. 349 p. (In Bash and Russ.)
- Zinurova R. R. et al. (comps.) Folklore of Uchaly Bashkirs. Ufa: Gilem, 2014. 212 p. (In Bash.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 722–742, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 394

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742

Нарративы «детей Сибири» о депортации калмыков. Интервью с В. И. Бадмаевым и А. Н. Овшиновым

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Гучинова Э.-Б. М., 2021

Аннотация. *Введение.* Эта публикация посвящена депортации калмыцкого народа в Сибирь (1943–1957 гг.) и памяти об этом периоде среди калмыков, имевших личный опыт пребывания в ссылке. Она состоит из введения, двух интервью и комментариев к ним. Предлагаемые нарративы относятся к поколению калмыков, вывезенных в Сибирь в раннем детстве — в дошкольном возрасте. *Цель публикации* — выделение опыта детей Сибири как отдельной поколенческой страты с особым опытом испытаний и лояльностями: первой малой родиной становилась сибирская деревня, в которой проходила социализация ребенка. Кроме фактов о жизни в Сибири, которые своим разнообразием создают мозаику сибирской жизни калмыков, кроме рассказов о чувствах и переживаниях взрослеющих детей и их родителей, автору важно проследить, какими выражениями и вербальными формулами, какими сюжетами и ассоциациями создается спонтанный нарратив о годах депортации именно у «детей Сибири», и как использован язык травмы, который возникает при любом повествовании о травматическом событии. *Материалы и методы.* В статье использованы материалы расшифрованных текстов спонтанных интервью, полученных автором в 2006 г. у В. И. Бадмаева и в 2017 г. у А. Н. Овшинова. Они анализируются с помощью метода дискурсивного анализа. *Результаты* исследования свидетельствуют, что дискурсивные стратегии этих двух нарративов говорят об их позитивном характере. Автор аргументированно показывает, что «детей Сибири» можно выделить как группу депортированных, исходя из их опыта депортации и памяти об этом. Тексты интервью и комментариев будут интересны всем исследователям депортации калмыков и памяти об этом периоде.

Ключевые слова: депортация, калмыки, репрессии в СССР, Великая Отечественная война, Сибирь, память, нарратив, язык травмы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5). Автор выражает благодарность своим рассказчикам — В. И. Бадмаеву и А. Н. Овшинову.

Для цитирования: Гучинова Э.-Б. М. Нарративы детей Сибири о депортации калмыков. Интервью с В. И. Бадмаевым и А. Н. Овшиновым // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 722–742. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742

‘Children of Siberia’ and Their Narratives about the Kalmyk Deportation: Interviews with V. Badmaev and A. Ovshinov

Elza-Bair M. Guchinova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Guchinova E.-B. M., 2021

Abstract. *Introduction.* This publication is devoted to the issues of deportation of the Kalmyk people to Siberia (1943–1956) and the memories that the individuals have of their traumatic experience of the exile period. It consists of an introduction, two interviews, and comments on them. The narratives belong to Kalmyks who were of preschool age at the time of Siberian exile. The *purpose* of the publication is to focus on “children of Siberia” as a separate generational stratum, with their own specific experiences and loyalties; Siberian villages, sites of their socialization, becoming their homeland. Of relevance are the facts that contribute to the mosaic of the Siberian life of Kalmyks and the stories shedding light on the feelings and experiences of children growing up in Siberia. Also, the author was interested in analyzing the expressions and verbal formulas, plots and associations that create the protagonists’ spontaneous narratives, and the ways the language of trauma, which arises in any narrative of the traumatic event, is used in the material under study. *Data and methods.* The interviews were taken by the author from V. I. Badmaev (2008) and from A. N. Ovshinov (2018); presented in the form of transcribed texts, these are examined via the method of discourse analysis. *Results.* The discursive strategies of the two narratives indicate their largely positive character. The author shows that, for their specific exile experience, the “children of Siberia” should be singled out into a separate generational stratum. The material will be of interest to the student of the Kalmyk deportation history and the people’s memory of the exile.

Keywords: deportation, Kalmyks, repression, the Great Patriotic War, Siberia, memory, narrative, the language of trauma

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5). The author expresses gratitude to the interviewees — V. I. Badmaev and A. N. Ovshinov.

For citation: Guchinova E.-B. M. ‘Children of Siberia’ and Their Narratives about the Kalmyk Deportation: Interviews with V. Badmaev and A. Ovshinov. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 722–742. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742

Введение

Депортация калмыков — важная тема в истории калмыцкого народа, повлиявшая на все стороны жизни калмыков. Память о ней во многом зависит от того, к какому поколению принадлежит рассказывающий

об этом. Обычно выделяют «поколение 1», которое было выслано и провело 13 лет в Сибири, «поколение 2», которое родилось после возвращения, и «поколение 3» — так называемые «внуки Сибири» (см.: [Шевенова, Гучинова 2005]).

В этой публикации я хочу выделить «детей Сибири» — поколение, которое имело свой специфический депортационный опыт. С одной стороны, это были дети, выселенные в раннем дошкольном возрасте, поэтому они не почувствовали в полной мере лишений дороги, о них заботились старшие. Несмотря на перенесенные семейные трудности в первые месяцы и годы, дети часто их не помнят. В то же время они совсем не помнили Калмыкию, не скучали по ней, а родиной для них стала Сибирь. Возвращаясь в Калмыкию, они осваивали ее, знакомясь с ней и привыкая к ней, вспоминая и скучая по сибирской земле — своей малой родине.

К этому поколению можно отнести В. И. Бадмаева, который родился перед войной, в 1937 г., и А. Н. Овшинова, родившегося в 1942 г., в период недолгой оккупации Западного улуса. Немцев их семья не видела, но документ о рождении на немецком языке сохранился.

Несмотря на принадлежность к одной возрастной когорте, разница в 5 лет показывает разные опыты в рамках одного «сибирского детства». Валерию Бадмаеву, отец которого погиб на фронте в первые месяцы войны, оказавшемуся в Сибири младшим из двух братьев-школьников, в семье, в которой работала одна мама, пропадая в школе с утра до вечера, а дома оставались сестренка и слепая бабушка, пришлось не просто. Его рассказ о детстве почти весь полон воспоминаний о работе по хозяйству: *все лето проходило в труде, в труде, в труде*.

Алексей Овшинов был самым младшим в полной семье, в которой фронтовик по счастливой случайности в тот роковой день был на побывке дома. Старшие братья и сестра, любящие родители жалели мальчика, у которого рано проявились проблемы со зрением, но и он помнит не только велосипед и собаку Сильву, но и свой труд на огороде и по хозяйству.

Мои собеседники — известные в Калмыкии люди. Валерий Ишляевич Бадмаев долгие годы работал в области энергетики Калмыкии, Алексей Николаевич Овшинов — один из первых социологов республики, много лет преподает в Калмыцком государственном университете. Предлагаемые два интервью были свободными, с записью на диктофон. Разговор с В. И. Бадмаевым прошел в Элисте в 2006 г., с А. Н. Овшино-

вым — в 2017 г. в Элисте. Тексты интервью были авторизованы в 2021 г. В. И. Бадмаев добавил в расшифрованный текст интервью имена калмыков, которые вместе проживали с Бадмаевыми в сибирских селах. Методика опроса описана в предыдущих публикациях [Гучинова 2005; Гучинова 2019].

В. И. Бадмаев

Детство свое помню очень плохо, в основном — только со слов нашей мамы. Да и она не очень охотно вспоминала о том страшном периоде в жизни нашего отчества и нашей семьи в частности.

Отец мой, Ишля Манджиевич Бадмаев, родился 27 января 1906 г. в селе Актюбе-евка Приволжского улуса. Он должен был быть репрессирован в 1938 г. В то время он работал вторым секретарем Калмыцкого обкома партии, председателем Верховного Совета, также первым председателем Союза писателей Калмыкии. Однако его не успели арестовать. Кто-то позвонил ему ночью и предупредил: «Ишля, за тобой придут». Он сразу все понял и самолетом обкома вылетел в Москву в 4 утра. Это было летом 1938 г. А в 6 часов утра к нам пришли энкавэдэшники, чтобы его арестовать. Мама сказала, что он улетел в Москву, за ним вдогонку они вылетели самолетом. Как выяснилось позже, на отца был написан донос. Его обвиняли в связи с Анджуром Пюрбеевым, Антоном Амур-Сананом, которых уже расстреляли в сталинградской тюрьме.

Как мне рассказывала моя мама, Нямиш Шургановна Чудутова, 1910 г. р., в то время было такое положение: представители местных органов НКВД не имеют права производить арест на территории Москвы, поэтому отцу удалось сразу с самолета поехать на прием к М. И. Калинину. Тот внимательно выслушал его и сказал: «Я знаю, что Вы хороший марксист, тем более Вы сами учились и преподавали в Институте красной профессуры». Михаил Иванович предложил ему остаться в Москве и обещал помочь с работой и квартирой. Таким образом, отец стал сначала работать преподавателем, а затем и заведующим кафедрой марксизма-ленинизма в Институте золота и цветных металлов. Квартиру ему выделили на Большой Пироговке, где и поселились мы всей семьей: папа, мама, старший брат Гера и я, а позднее и наша младшая сестренка Кермен (Кармен).

Когда началась война, отца дважды вызывали в ЦК с предложением отправиться в ЦК Узбекистана для организации работы тыла. Однако отец с его очень плохим зрением пошел добровольцем на фронт. Его назначили комиссаром первого ополченческого московского полка, состоявшего в основном из представителей московской интеллигенции. Состав был направлен на Ленинградский фронт в конце августа 1941 г. Мы же писали, искали его... Но, как потом стало известно, их состав, как и все составы, направленные на Ленинградский фронт, немцы тщательно бомбили. Следов мы так и не нашли, а мама получила извещение о том, что отец пропал без вести.

В начале войны он успел отправить нас в Элисту. Когда немец подходил к Элисте со стороны Ростова, все бежали в сторону Астрахани. Мне было 4 года, я помню, как мы ехали на арбах, на подводах, запряженных волами. Лето, 40-градусная жара, воды и еды нет. Мы ехали с мамой, братом Генрихом, бабушкой Мацак Чудутовой и младшей сестренкой Кемой двух лет.

Как рассказывала мама, мы остались самыми последними из семей ответственных работников, успевших эвакуироваться в сторону Астрахани. И мы пошли через степь. Хочинов Алексей, редактор газеты «Улан хёёч» (отец Лидии Куриновой, ее мама — Ушкинова Мильчуха), довез нас до каравана. Помню, как немецкий самолет на бреющем полете летал прямо над нашим караваном беженцев. Я помню только красное смеющееся лицо летчика. Все разбежались, думали, что он будет стрелять. Скот перепугался. Мама рассказывала: меня искали-искали, а я чью-то туфлю схватил и куда-то убежал... Потом они меня нашли.

Жили мы [в эвакуации] в Актюбеевке Астраханской области. Когда летом 1943 г. была освобождена от фашистских захватчиков Элиста, мы вернулись в Калмыкию, в Башанту — на родину нашей мамы.

И выселяли нас из Башанты — это я хорошо помню. 28 декабря 1943 г. — страшная дата в жизни калмыцкого народа. Ночью стук в дверь. Бабушка у нас была слепая. Заходят двое военных. Нам дали пять минут на сборы. Что там за пять минут мама успела, то и взяли. А все вещи так и остались в московской квартире. Посадили нас в громадные машины с тентами — студебек-

керы и повезли в Сальск. Там нас погрузили в вагоны, предназначенные для перевозки скота, и повезли, оказывается, в Сибирь. Во что я был одет, не помню, но мы мерзли и голодали — это я помню хорошо. Когда ехали уже по территории Урала, стало еще холодней. Вагон не отапливался. Не знаю, как нас мама сберегла, но люди действительно замерзали. Ни еды, ни тепла. Единственно, помню, у мамы волосы были густые и длинные, а сестренка Кемочка была маленькая. Мама ее укрывала ими — держала сестренку под волосами, чтобы ей потеплее было. В нашем вагоне были окоченевшие трупы — на остановках их выносили. И потом их просто выбрасывали. Я не помню, сколько суток мы ехали, но выдержали.

Нас привезли на станцию г. Омск. Холод страшный, снег глубокий. Нас встречали подводы-розвальни. Солома, сено там. Нас повезли. Не помню, сколько от Омска, но привезли в большой амбар, тоже не отапливаемый. Но там было много соломы. В этой соломе мы жили и ждали, куда же нас поселят. Попали мы на 3-ю ферму совхоза № 54 Кагановического района Омской области. Здесь жили также: Нимяшевы (Петр Доржинович Нимяшев был позже председателем колхоза имени XXII партсъезда Городовиковского района); Эрдненовы, у них был сын Владимир; Айдаровы Александр и Наталья, их дочь Валя и приемный сын — русский рыжий мальчик, наверное, 1935 г. р., имени не помню; Хачиновы; дед Дорджи — большой умелец, шорник, делал всю сбрую для коня; был одинок, без семьи. На 1-й ферме жили: Джиджиковы; их сын Владимир и дочь Анна; Нембриковы Эрдни и Домна с дочерьми: Лидией, Светланой, Валентиной.

Мама в свое время окончила Астраханское педучилище. А там, куда нас привезли, учителей не было. Комендант, узнав по документам, что она учительница, да мама и не скрывала, направил ее работать в начальную школу. На ферме нам дали комнатку в бараке. Там и поселились мама, наша слепая старенькая бабушка и нас трое детей.

Сибиряки — добрый, отзывчивый народ. Вначале они были напуганы, там ведь распустили слухи, что едут людоеды — они нам это потом сами рассказывали. Кроме того, их удивило, что среди репрессированных были только женщины, старики, дети и ни одного мужчины.

А мужчины, отцы и деды наши, воевали на фронте. И как они воевали? Не могу не сослаться на опубликованную Министерством обороны СССР статистику о Героях Советского Союза, награжденных за подвиги в период Великой Отечественной войны, согласно которой на первое место по количеству Героев Советского Союза в расчете на 1 000 человек вышли осетины. А калмыки оказались на втором месте, но напомним, что указ Верховного Совета СССР о депортации калмыцкого народа вышел 28 декабря 1943 г., согласно которому в течение суток весь народ был снят с мест постоянного проживания и отправлен в скотных вагонах в Сибирь. Причем предполагалось дисперсное его расселение по всей территории Сибири. Омская, Тюменская, Новосибирская, Иркутская области, Красноярский и Алтайский края, Салехард и Сахалин — вот места поселения степняков-калмыков, численность которых, согласно предвоенной переписи, составляла 110 тысяч (точнее — 134 400 чел.).

Справедливость требует учитывать и тот факт, что, согласно данному указу, все калмыки-фронтовики были сняты со всех фронтов в январе 1943 г. и отправлены в Широклаг, откуда вернулись единицы. Следует отметить, что к чести некоторых отцов-командиров они не сдали своих воинов-калмыков. И до сих пор открываются новые и новые факты героического поведения наших земляков на фронте в 1943–1945 гг., но уже без наград. И кто знает, сколько еще Героев Союза могло бы быть у нашего народа. Например, 2–3 года тому назад разыскали 25-го защитника Дома Павлова в Сталинграде — Гарю Бадмаевича Хохолова, долгое время значившегося в списках как Неизвестный солдат.

Очень тяжело пережили мы первую зиму депортации. Голод косил калмыков. Репрессированным разрешили копать на совхозном поле картошку, оставшуюся с прошлого года. И мы взяли лопаты и копали мерзлую картошку. Мне было шесть лет, брату Гере пошел девятый год. И калмыки копали это поле, искали остатки мерзлой картошки. Мы с братом накопили ведро этой картошки, правда, изрыли много земли. Принесли домой, и мама нажарила лепешек. Мне до сих пор кажется, что это были самые вкусные и сладкие лепешки.

В 1944 г. я пошел в школу. Нас в классе было всего несколько человек. Мама была моей первой учительницей. Чернил не было, тетрадок не было. Я не знаю, где что она находила. Она, видимо, из старых книг страницы вырывала для нас, пяти учеников первого класса, свекольный сок в блюдечко выжимала, и этим красным соком мы писали. Свои первые буквы я написал свекольным соком.

Чтобы меня дразнили — такого я не помню. Там, где мы жили, были две семьи поволжских немцев, потом, уже в 1949 г., латышей привезли. Они приехали семьями со всем домашним скарбом. Богатые!

Мы, дети, дружно играли в лапту, футбол. Но в основном мы трудились. Сколько себя помню, по хозяйству, в огороде, в совхозе вся работа была на наших детских плечах. То свеклу, то турнепс полоть. То картошку совхозную окучивать, то свою. А сено заготовить для коровы! И дрова тоже! Чуть подросли, нас стали сажать на сенокосилки, на грабли конные. И так все лето проходило — в труде, в труде, в труде.

Когда четвертый класс окончил, встал вопрос: как быть с учебой? Средняя школа была только на центральной усадьбе. А наши родственники — Мутл Баранович Буринов и его жена Хавра Сареевна Курноскина жили в том районном центре, в селе Красноярка Омской области. И мама умудрилась получить у коменданта разрешение отвезти нас с братом к ним на учебу.

Мамин дядя Мутл Баранович Буринов был мужчиной высокого роста и крепкого телосложения, в прошлом борцом, чемпионом Ставропольской губернии. Он знал калмыцкие обычаи, и руки у него никогда не отдыхали. Многому научились мы с братом в этой семье. Мутл Баранович принимал участие в Гражданской войне и Великой Отечественной войне. Один из немногих солдат-калмыков, свой боевой путь он завершил в Берлине. Имел боевые награды, но никогда не показывал их, очевидно, чтобы не подвести своих отцов-командиров.

Жили там мы у дяди с тетей, как дома. Тетя Хавра всегда по утрам варила нам калмыцкий чай. Настоящей заварки не было, и мы с братом Герой собирали в лесу листья диких яблонь. Вначале черный чай пили, утром рано ходили в школу. Школа была с 8 утра. По 5–6 уроков. Находилась недалеко

ко, в 1 км от дома. Я пошел в 5 класс, а мой брат Гера там уже учился. На всю жизнь мы с братом сохранили благодарное отношение к этой семье.

У нас с Герой была обязанность делать заготовки продуктов на зиму. Картошку мы сажали, каждой семье совхоз выделял по 30 соток пахотной земли за пределами поселка. Там мы и выращивали картошку. И все лето — прополка, окучивание, правда, не поливали мы ее никогда. В бараке, где мы жили, у нас был подпол. Его мы забивали полностью — мешков до 40 туда входило. И на улице у каждой семьи был утепленный погреб. Его мы набивали тоже картошкой, утепляли соломой — и на зимнее хранение. За зиму мы и подпол, и погреб полностью опорожняли — только на картошке и жили.

А летом заготавливали ягоды и грибы — грузди, белые, подосиновики, подберезовики, опята. Мы с местными ребятами ходили, они нас учили, что можно кушать и как. Мухомор сразу видно. Мы варили грибы, жарили. Летом хорошо: как в лес пойдешь, там и ягоды разные, саранка, пучки. Всем этим наедаешься. Саранка — растение типа луковицы. Пучки — большое растение, сердцевина мягонькая, мы шкурку отдирали и ели. После школы быстрее домой. Делаешь уроки и помогаешь по хозяйству. Ходили в лес, заготавливали дрова, сено косили. Мамин дядя козу купил. Коза молоко давала, мы ее подкармливали.

Я, кажется, в седьмом классе учился, не помню точно, мне было лет 13, наверно. В лесу всем выделяли делянки — сухостой. Мама говорит: «Нам делянку выделили, тебе лесничий покажет». Поехал он на коне, я с ним рядом пешком, показал мне нашу делянку: «Вот ваша делянка, надо сухостой вырубать». Мама взяла на ферме у управляющего подводу, двух быков и телегу. Я этих двух быков запряг и поехал в лес. Приехал на свою делянку. Начал рубить. Пока с утра было прохладно, вроде ничего. Я уже много нарубил этого сухостоя, вытащил на опушку и загрузил телегу. Уже полдень. Тепло. Овод начал беспокоить быков. Они вначале головами мотали, хвостами. А потом быки — хвост трубой — как пошли по опушке леса с телегой! Понеслись в заросли тальника, местность болотистая. Бричка уперлась в один пенек, и быки остановились. Конечно, я тогда с ними замучился. Снова

разгрузил бричку. После полудня, когда жара спала и овод немного затих, с величайшим трудом, еле-еле я вытянул быков оттуда. Еле бричку развернул. Опять все это погрузил. Потом поехал туда, где заготавливал, и загрузил доверху воз. Домой приехал только поздно вечером. Мама говорит: «Где ты так долго был? Я уже хотела за тобой посылать кого-нибудь». Я говорю: «Да так случилось, что быки взбесились от овода».

Мы как-то понемногу обживались, маме как учительнице зарплату давали. Мы первой овечку приобрели, Сонькой ее назвали, кур купили, сарай построили. Появился у нас и песик Кузя, ведь хозяйство надо охранять. Потом уже и корову Розу приобрели. Всем в совхозе выделяли покос. Сено для Соньки и для Розы косили мы втроем — Гера, мама и я.

В 1945 г. нас почему-то перевели в соседнюю деревню. И в ней — я хорошо помню — кто-то скачет на коне вдоль деревни и что-то кричит — не поймешь. Подъехал ближе, стало ясно, он кричит: «Войне — конец! Победа!». Все выскочили на улицу, все кричат, кто плачет, кто смеется.

В то время жили все дружно, подлостей друг другу не делали. Все время с теплотой и благодарностью вспоминаешь о Сибири и сибиряках. Как так можно было поступить с нашим народом, ведь наше старшее поколение защищало родину, дралось с фашистами, а тут такую подлость сделать — все население выселить на гибель в лютую стужу. Выжили благодаря сибирякам. А когда слышу: вот Сталин то, вот Сталин войну выиграл... А ведь воевали-то и гибли простые люди и на их трупах держались знамена Победы.

Когда Сталин умер, я учился в 9 классе. Мы сидели за одной партой с Сашей Коровкиным. Мы были веселые. Тут такое горе — все плачут. А мы начали смеяться, всё хохочем и хохочем. На траурную линейку нас построили. А нам смешинка в рот попала, и мы не можем остановиться. Пальцем в бок ткни, и я хохочу. Нас с ним выгнали с траурной линейки. Еле отсмеялись.

Наступил 1954 год. Вот и 10 классов позади. Школа наша была хорошая, учителя были замечательные люди, любившие свои предметы и своих учеников, почти все из которых росли без отцов. Литературу и русский вел Мишин Михаил Трофимович. Книг

в основном не было, учебников не хватало. Всю поэзию он читал нам наизусть. А роман «Война и мир» Л. Н. Толстого достался мне только на одну ночь. Наш педагог привил нам на всю жизнь глубокую любовь и уважение к литературе и языку. А любовь к математике взрастила в нас Игнатенко Анна Николаевна. Благодарен ей за это! Немецкий язык вел Маевский Роберт Карлович, тоже репрессированный, волжский немец. Он сумел помочь нам понять богатство и красоту языка Гейне, Гете, Шиллера.

Все мы, кто окончил нашу школу в селе Красноярка, с искренней теплотой вспоминаем всех своих учителей. Благодаря им, у нас была очень хорошая подготовка, в основном все выпускники нашей школы поступали в институты.

Нам, калмыкам, было разрешено учиться только в сельскохозяйственных и ветеринарных институтах. В Омске был и тот, и другой. Наше село находилось в 40 км от Омска.

Мой брат Гера в 1952 г. поступил на мехфак Омского сельскохозяйственного института им. Кирова. Через два года и я окончил 10 классов. Я решил поступать в машиностроительный институт. Это решение созрело потому, что в летнее время я работал в нашем совхозе на сенокосилках, а с 8 класса работал уже на комбайне. Тогда я впервые заработал 800 рублей, и мама тогда купила мне хорошее пальто, а так я в фуфайке ходил. Я уже в механике кое-что начал соображать и работал на СТЗ — колесном тракторе, на НАТИ — гусеничном тракторе. У нас был совхоз молочного направления. Мы силос заготавливали.

Когда я окончил школу в 1954 г., я поехал в Омск и подал документы в Омский машиностроительный институт. А там не спрашивали, калмык ты или нет. Однако комендант каким-то образом узнал об этом и спросил меня: «Ты куда подал документы?» — «В Омский машиностроительный». — «Ты забыл, кто ты такой есть?» — «Ну я калмык». — «Ну вот, раз ты калмык, тебе нельзя учиться нигде, кроме как в сельхозинституте или ветеринарном».

Я расстроился, конечно. Приехал домой и сказал, что пойду работать, буду брату помогать деньгами и все такое прочее. Мать в слезы: «Отец, уходя на фронт, меня очень просил, чтобы я дала вам всем высшее об-

разование. Только учись». — «Нет, куда я хочу, меня не пускает комендатура».

Мама меня поругала, а я тоже уперся. Утром просыпаюсь, вижу — брат стоит. Мама сумела его каким-то образом вызвать. Спрашиваю: «Гера, ты что?». Он говорит: «Вставай, поговорим». Брат говорит: «Давай поступай к нам на мехфак. Там тоже техника, те же механизмы. Мать не расстраивай».

У калмыков есть такой обычай: если в семье умирает отец, то отцом для детей становится старший сын, а если умирает мать, то ее обязанности переходят к старшей дочери. Так было заведено и в нашей семье. Авторитет старшего брата Генриха для нас с сестрой был непререкаем. Поэтому я послушался брата, поехал сдавать документы в сельхозинститут.

Конкурс был семь человек на место. Я попал в 1-й поток. Экзамены начинались 1 августа. Мы сдали 5 экзаменов за 7 дней. И нам объявили: «Кто поступил, списки будут вывешены». Утром встаю после последнего экзамена, жил я в общежитии, иду, смотрю: я в списке поступивших! И висит объявление: «Кто поступил — в деканат срочно!».

Наш декан К. Беспалый говорит: «Дорогие товарищи, поздравляю вас с поступлением. Не знаю, кто где живет, но приказ такой: чтобы завтра все были здесь — завтра в 10 часов едете все на целину».

Благо, наш совхоз был в 12 км от Омска. Я — на молоковоз и домой. Маме даже не успел записку написать. Вытащил фуфайку, кирзовые сапоги, оделся по-рабочему. Утром уже был в институте. Пришли машины за нами, и нас — на целину. И вот мы с августа до самых заморозков поднимали целину в Омской области, в Русско-Полянском районе на границе с Казахстаном.

Коменданта звали капитан Сергиенко. Он нам не разрешал даже в соседнюю деревню сходить без его разрешения, но я так даже ни разу не расписался, хотя мне исполнилось 16 лет. Я все уклонялся и уклонялся. А потом уже началось послабление. Неприятно было, как будто я куда-то убегу. Мама просила расписываться. Мама всегда говорила: «Ничего никогда не говорить на людях, лучше вести себя тихо». Предупреждения были. Но иногда всё же приходилось и драться, если кто обидит. Обижали, гово-

рили: узкоглазые, предатели. Но это было только поначалу.

А потом мы сдружились, всё было нормально. Народ в Сибири отзывчивый, добрый. Все мы внутренне понимали: что-то не то происходит в нашем отечестве, но вслух об этом не скажешь, могут донести коменданту. Возмущаться нельзя тоже, иной раз и хочешь высказаться, но смолчишь, помня наказ мамы. Остался все же отпечаток тех предупреждений — побольше молчать.

В селе Красноярка, где жил наш двоюродный дедушка, мамин дядя — Мутл Баранович, проживало несколько калмыцких семей. Это поселение мы называли «хотон», в нем жили Буринов Мутл Баранович и Курносина Хавра Сареевна, сын Александр, у них жили и мы с Герой. Мутл Баранович — дядя нашей мамы (нахцх); Шириповы Бадма и Гуга; сыновья Ким, Иван, Александр, дочь (имя не помню); Ашиловы Овши и Груня; дети — Донара, Рая, Валера и племянница — Кая; Гендинова Гелана, ее дочери Раиса и Лидия; Насуновы Николай и Иван; Татниновы Тамара и Анатолий; Очировы Дорджи и Екатерина; Цеденова Мария; Азотовы, сын Анатолий; Хактинов Николай.

При нас, детях, точно ничего политического не отмечали и никаких разговоров не вели. Там же, где мама жила, мы никакие калмыцкие праздники не отмечали. Праздники калмыцкие мы отмечали в селе Красноярка, у маминого дяди, потому что там был калмыцкий хотон, все родственники по линии матери из Башанты, из Большедербетовского улуса.

Когда жизнь немного стала лучше и даже муку можно было купить в магазине, вот тогда и начали справлять Зул и Цаган Сар. Верблюдов, барашков, овечек лепили из теста и выпекали.

Дома мы говорили по-русски, но с калмыками, что приходили в гости, мама разговаривала по-калмыцки. Я был и пионером, и комсомольцем. В комсомол мы вступили всем классом — пошли в райком комсомола, и нам всем выдали билеты. Мы, калмыки, учились хорошо. Учителя нас даже в пример ставили. Там с нами в школе учились Боря Чурюмов, Маша Цеденова, Белла Лапсина.

Многие наши ребята-калмыки, постарше возрастом, на русских девушках жени-

лись, а Петр Нимяшев и Шучинов женились на сестрах-сибирячках. Они трудились хорошо, вообще к калмыкам относились с уважением. Калмыки, прирожденные животноводы, и в Сибири в основном за животными и ухаживали. Петя Нимяшев был главным конюхом. Кони у нас были хорошие — и тяжеловозы, и выездные лошади были, а коровы были племенные, очень хорошие — высокоудойные. В основном калмыки в животноводстве и работали.

В 1949 г. наш совхоз взял по надоям молока первое место, вот тогда директору совхоза Нечаеву Ивану Федоровичу и зоотехнику Нечаевой Дине Кузьминичне были присвоены звания Героев соцтруда. А когда калмыки собрались уезжать на родину, директор прямо переживал, не хотел отпускать их: «Ну куда же вы едете, на кого вы нас бросаете? Кто тут будет вместо вас работать?». Однако родина потянула — все уехали в родные степи.

Зимой 1956 г. я был студентом, и в троллейбусе встретил калмыка, он в Омске жил, он сказал мне, что нас реабилитировали и восстанавливают республику. «Откуда знаешь?» — «Мне из Москвы передали».

А потом уже в 1959 г., когда я окончил институт, у нас же было распределение. И председатель ГЭК сказал: «Ну, товарищи, он же у нас калмык, все мы знаем, что республику восстановили. Пусть едет восстанавливать теперь свою Калмыкию». А остальных всех по распределению направили.

Учился я хорошо, получал стипендию — 280 руб. Мы сразу же отдавали 140 руб. на талоны на трехразовое питание в студенческой столовой. Столовая наша была дешевая, потому что при институте было свое учебное хозяйство — и свиней, и коров своих держали, да овощная продукция своя была. Правда, мы подрабатывали. Студенты ведь как? Весной и осенью на Иртыше на разгрузке барж работали, а летом — на целине каждый год.

Студенческие годы вспоминаю всегда с удовольствием. С ребятами нашего курса до сих пор поддерживаем самые теплые отношения. До сих пор встречаемся и в своей любимой студенческой столовой. Обязательно отмечаем юбилейные даты, а в 2019 г. мы отметили 60 лет окончания института.

После поступления я сразу же сел на ДТ-54 (дизельный трактор), мы поехали за

300 км от Омска и погнали новые трактора. На этих тракторах мы поднимали целину. Потом у нас был такой порядок на мехфаке. Весенняя сессия наступает. А сев был в мае. Если мы не успеваем сдавать экзамены, мы сразу едем на целину, сеем. Отсеялись, приезжаем, сдаем весеннюю сессию и уезжаем на целину готовить комбайны к уборочной страде, когда рабочий день длится по 10–14 часов. Мы уже тогда штурвальными все были. Комбайны были прицепные. До самой глубокой осени пока дожди, снега не выпадут, все убирала хлеб. И там зарабатывали. Не столько деньгами, сколько натуроплатой — мы много зерна зарабатывали. Ну, куда его девать, это зерно? Мы его сдавали государству по закупочной цене, и нам деньги давали. Тратили на одежду. Возвращались в институт. И начиналась учебная пора!

Репрессированные как-то между собой тепло относились друг к другу. Понимали, что те и что мы... А такого прямо явного давления, вроде превосходства со стороны местного населения, я не помню. Учеба — работа, было не до девушек. Притом, когда мы поступили в институт, мы подружились несколько человек и дали клятву: пока мы на ноги не встанем, и лет по 30 нам не будет, не будем жениться. А мой друг Воронин на 4 курсе женился.

В школе и в институте я больше с русскими ребятами дружил. Калмыков же мало было. В нашем институте из калмыков учились на мехфаке Манцаев Владимир — 1-й выпуск, Бадмаев Генрих, я — Бадмаев Валерий, Надиев Эрдни; на зоофаке — Куринова Зинаида; на агрофаке — Джиджиков Владимир; на гидромелиоративном — Чурюмов Виктор; на мясомолпроме — Янжинова Мария.

В Омске была улица Луговая, там иногда зимой собиралась калмыцкая молодежь. Все общались между собой только на русском языке. Наверно, дело в том, что носители языка, наши бабушки и дедушки, не выдержав голода и холода первых двух зим, остались навечно лежать в сибирской земле. Бабушку нашу Мацак Чудутову мы тоже похоронили в Сибири. Она нашу сестренку Кему страшно берегла. Говорила, что она — девочка и ей еще рожать детей.

Дисперсное расселение тоже сыграло свою негативную роль в угасании нашего

языка. Ведь нас разбросали по разным селам и деревням, и расселяли по 5–6 семей. Если бы мы скученно жили бы, как в Алтайском крае жили кетченеровцы, — все в одном районе. Им повезло, у них и старшее поколение сохранилось. Поэтому они и язык хорошо сохранили...

Я с удовольствием пел в институтском хоре. С удовольствием пою и до сих пор. Увлекался фотографией. Когда я поступил в институт, мой дядя, мамин самый младший брат, Адольф Шурганович Чудутов поздравил меня и подарил мне фотоаппарат. Спортом не занимался, а у брата моего Генриха в институте был первый разряд по боксу и первый разряд по волейболу.

Брат матери Василий Шурганович Чудутов не был репрессирован. Сам он зоотехник, был танкистом, потом работал в Москве в органах государственной безопасности, оттуда его как калмыка освободили. Однако ему дали возможность выбора места жительства. Он поехал в Белоруссию — директором совхоза, а оттуда — в Омскую область директором совхоза. Он вызвал нашу маму в Киргизию в 1955 г.

В 1956 г. первой на родину уехала мама. Ее вызвали из Киргизии через Москву в оргкомитет. В оргкомитет входили тогда А. Б. Берденов, О. И. Городовиков, Б. О. Джамбинов, А. М. Джамбинов.

В первый раз я приехал в Элисту в 1958 г., тут вообще ничего не было. После таких городов, как Омск, было странно, что в нашей столице стоял всего лишь один красный дом¹, а все остальные стояли разбомбленные и зияли черными глазницами пустых окон. Похоже, как калмыков отправили в ссылку, так здесь вся жизнь и остановилась.

С дипломом в 1959 г. я сразу поехал в Башанту, где уже работала мама вторым секретарем Западного райкома партии. К климату адаптировались быстро. Когда я приехал в Калмыкию, мне говорили: этот тайный осведомитель, этот... А мы тогда не чувствовали. У нас таких не было.

Паспорт я получил уже в Калмыкии. А до этого ходил со справкой, что я действительно есть я, и, когда я поступал в институт, я поступал тоже со справкой, паспорта у меня не было.

¹ Здание общественного назначения.

Все держалось на женщинах. Мало вернулось наших мужчин после фронта и после Широкагала. Конечно, каждый старший калмык, кто с фронта пришел... Вот наш дед, мамин дядька — Мутл Баранович Буринов, он всю войну прошел, до Берлина дошел. А мамин младший брат, Адольф Шурганович Чудутов, командир пулеметного отделения, под Сталинградом был тяжело ранен, ему ногу оторвало. Все равно... Наши бабушки все время молились, молились, чтобы они вернулись.

Все наши ребята в Башанту вернулись с сибирскими женами, потому что в нашем селе девушек-калмычек на выданье не было. А подросшим парням надо было семьями обзаводиться, кстати, у нас все нормально воспринимали такие браки.

В семье мы часто вспоминали и до сих пор вспоминаем Сибирь, там же детство и юность прошли. Друзей много там осталось. В 2004 г. меня разыскивали одноклассники и однокурсники. Мне позвонили однокурсники, говорят: Валера, еле нашли тебя. На июль планируем встречу — 45 лет выпуска института. А потом звонят одноклассники: собираем всех, кто 50 лет назад закончил Красноярскую школу. На эту встречу я поехал со своей женой, Наной Санджиевной Бадмаевой.

Нас так тепло встречали в Омске. Однокурсники с женами приехали. На вокзале — с цветами. Воронин Эрнест сказал: никаких гостиниц, никаких вопросов, будете жить у меня. Город изменился за эти годы — красивее стал. Когда я приезжал на 20-летие окончания института в 1979 г., приехало 98 выпускников. А в 2004 г. на 45 лет окончания института нас собралось всего 36 человек. Мы собрались сначала у корпуса своего мехфака, ходили по его коридорам и аудиториям. Кстати, мне было особенно приятно увидеть на стенде, посвященном первому выпуску мехфака в 1954 г. фотографию нашего земляка — Манцаева Владимира Борисовича.

Нас пригласили в актовзый зал института. Вел эту встречу наш однокурсник Подгорный Борис Николаевич. Потом к нам обратился с приветственным словом проректор института. Каждый о себе рассказывал. «Дай Бог всем здоровья дожить до золотого юбилея — 50 лет!», — как заклинание звучала эта фраза в устах каждого выступающего.

В один из дней нашего пребывания в Омске в 8 утра за нами приехали из Красноярска мои одноклассники — Николай Палецкий, староста класса, и Валентин Пономарев, наш комсорг. Здание школы, в которой мы учились, вернули под церковь. А школа располагается уже давно в центре поселка Красноярка в двухэтажном современном здании, которое было построено в свое время, кстати, моим другом и одноклассником — Ворониным Эрнестом Иннокентьевичем.

Хотона, в котором жили калмыки, уже нет. Конечно, там ведь одни землянки были. Мы с одноклассниками съездили на кладбище, на могилы учителей. Я им поклонился и поблагодарил их за всю их любовь к нам — детям, оставшимся без отцов.

Я очень жалею, что в совершенстве не знаю свой родной язык, — меня это гнетет. Слушаешь дикторов, иногда не понимаешь, что они говорят. Потеряли мы родной язык. В этом Сталин виноват — так называемый «отец народов». Какой он отец, детей своих расшвырял, расстрелял, разбросал по миру.

А. Н. Овшинов

Свой род я практически не знаю. По молодости лет так, к сожалению, бывает, пока родители были живые, я этим не интересовался. Со слов родителей я знаю, что мой отец Овшинов Николай Джальдинович жил в Башанте вместе с мамой. Что было до этого, я не знаю. Они вдвоем остались. Он жил с мамой вдвоем в своем доме типа землянки, у них была кормилица-корова, как обычно. В один прекрасный день он решил эту корову продать. Он же хозяин, мама-то старенькая. Никто не мог понять, в чем дело, почему продать. А он решил стать фотографом и купить все принадлежности для этого. Кого-то нанял, тот его обучил, и он стал фотографом.

Мама моя Овшинова Номга (по-русски Вера) Манжиковна, 1902 г. р., была беломошвеем, работала в швейном цеху. Отец — Микуш (по-русски Николай), 1897 г. р., закончил гимназию, работал товароведом. Был грамотным по тем временам. Отец был чоновцем, с бандитами воевал. Он прошел гражданскую войну, финскую войну, Отечественную войну. Теперь правнуки выносят его фотографию на Бессмертный полк. Он награжден медалью «За оборону Сталин-

града», был ранен под Матвеевым курганом около Таганрога. Отец был разведчиком, а после контузии стал писарем. Сейчас я не могу проверить, все его документы — солдатскую книжку серого цвета, наградной лист — я собрал и сдал в республиканский музей.

Есть семейная фотография, мне недавно сестра рассказала. Оказывается, ему было настолько тяжело, что он решил попрощаться с нами: на оборотной стороне той фотографии написаны прощальные слова. А потом получилось так, что ему отпуск дали, и он приехал домой на несколько дней, Таганрог же рядом. Уже время подошло возвращаться. Еще с вечера собрал рюкзак, 28 декабря рано утром в 6 утра он пошел в военкомат. А ему там говорят: «Иди домой». — Как я пойду домой, чтобы меня под трибунал?» — «Ты иди, потом узнаешь».

Он вернулся, а тут пришли солдаты.

В Башанте всех собрали в школе. С одной стороны, нашей семье повезло — был мужчина. От того, что отец был с нами, повезло и другим. Вокруг были дети или старики. А потом к ним присоединился хромой мужчина. Я в то время был грудной, мне было где-то полгода. Пока сидели в школе и ждали транспорта, отец отпросился домой и успел оставшуюся живность (то ли хрюшку, то ли теленка) заколоть. У отца была такая предпринимательская, организаторская жилка. А уже вечером на «студебекерах» отправили в Сальск. А там — в теплушках в Ханты-Мансийск.

Я родился в 1942 г. У меня есть метрика на немецком языке. Родители ничего не говорили про оккупацию, вроде бы и немцев там не было. В 1943 г. старший брат Володя закончил школу, в Астраханское летное училище поступил. Но там, видимо, знали, что калмыков будут выселять. В это время шли эшелоны с ранеными. А его вызвали и сказали: «Мальчик, езжай домой». Чтобы выехать из Астрахани, он забинтовал себе ногу, вроде как бы раненый, и так приехал в Башанту.

На четыре года был младше второй брат Петр. Он школу не закончил, лодырь был, у него с учебой не получилось. Примерно на четыре года младше сестра моя Нина, 1935 г. рождения, училась в школе на момент выселения. После сестры иду я.

А я был из двойняшек. У меня был братишка Анатолий. Но его не стало до высылки еще. Как-то еще до высылки постарше которые возили его на тележке, уронили. Так что я теперь живу за двоих.

У родителей была швейная машинка «Зингер», мама гордилась ею, она отдала ее соседям. У отца было хорошее немецкое двустольное ружье, тоже отдали соседям, сами. Ничего практически не смогли взять. В школе до вечера ждали эти «студебекеры», и отец сумел отпроситься, чтобы заколоть нашу живность, у нас то ли хрюшка была, то ли теленок. Ему пошли навстречу, он зарезал, и это мясо он взял с собой в дорогу.

В вагоне, кроме отца, был один больной мужчина, с ним подросток. Остальные все — женщины и дети. В основном сестра за мной ухаживала. В вагоне все же была буржуйка, нар не было. Солома была. В углу дырка вместо туалета. На окнах — решетка. Я всегда говорю, что выжил за счет молока матери. Братья бегали за кипятком, за водой и хлебом. Снабжали всех в вагоне. Когда подъехали к Омску, тот старик умер, у него оказался тиф. Некому было его из вагона вытащить, некому было похоронить, и вот отец и братья достали подводу и полностью возились с этим стариком, похоронили его. После этого два брата и сестра заболели тифом. Попали в больницу в Омске. Это мне мама не один раз рассказывала, я помню. Она все распродала, что можно было, все обменяла, чтобы в больницу носить передачи. Старший брат месяц с лишним валялся без памяти в больнице. Врач сказал: «Старшего вы, наверное, потеряете, надежды нет». Второй брат полегче болел, полмесяца всего, сестра еще легче перенесла.

А в это время в Омске... Вот как торопились с этой депортацией. Довезти-то довели, а дальше в Ханты-Мансийск на пароходе надо четверо суток ехать. Помните фильм «Волга-Волга»? Там такой пароход с лопастями, вот на таком пароходе нам надо было четверо суток шлепать. К этому времени Обь замерзла, и дальше Иртыш замерз. Поэтому всех калмыков выгрузили и разместили в каком-то совхозе или колхозе. Только весной нас собрали снова и погрузили до конечной станции, это был Ханты-Мансийск.

Нас привезли в Самарово, поселок на слиянии Иртыша и Оби, раньше ямщицкое поселение было. Когда всех разместили в школе, всем дали хлеб и головы муксуна. Там и муксун, и щука есть. Голова же — деликатес. Нас накормили.

Здесь были бараки построены. Там повсюду горы, между ними плато в 3 км. Здесь горы, низина, а здесь — деревянный тротуар, верх и вниз ведет, и дорога.

Я смутно помню, что мы жили в каком-то доме в низине. Помню, что в школу еще не ходил. Как-то брат средний очень поздно пришел домой и принес два таких красивых пугача. Отец на него рассердился, отобрал пугачи, открыл подвал и бросил туда их. А когда он открыл подвал, вода в подвале была под самую дверь. Это мы в низине жили. Рыбоконсервный комбинат находился внизу, калмыки там работали. А жили все наверху.

Сейчас у меня зрение плохое. Я же зрение потерял, я даже в армии не служил из-за этого. Там же в вагоне грязь, умыться нечем. Закутают от холода и все. У меня очень болели глаза. Через несколько лет болезнь проявилась. Я помню, утром проснешься, и на свет я не мог смотреть. Помню, мама занавесит одеялом окно, и я лежал так целыми днями. Мама рассказывала, что носила меня в больницу за 3 км вверх и вниз в Самарово. Я молча лежу на плече, как только подходим к больнице, начинаю орать. Ничего не видел, но чувствовал. Ничего не помогало. Однажды встретила одна женщина, русская, что ли. Она спросила, и мама рассказала, что со мной. Она сказала: а вы попробуйте сахар измельчить и дунуть в глаза через трубочку прямо в глаза. Мама мне дунула. Ой-ой-ой! Жгло страшно. Но с тех пор глаза у меня больше не болели. Я жалею, что только два раза мне сделали. Надо было все же насильно в третий или в четвертый раз сделать. После этого мои глаза перестали болеть. До сегодняшнего дня не болят. Сколько я потерял зрение, на этом остановилось. С возрастом я хрусталик поменял. У меня утолщение роговой оболочки, вижу плохо. Это вот остатки той роскоши в Сибири... Очень мне помогла та женщина...

Первые воспоминания у меня связаны со школой. С 1-го по 4-й класс я ходил в эту школу. Мама-то у меня швея, она любую одежду перелицует и перешьет. Я был хоро-

шо одет, как тут можно жаловаться? Всегда все подогнано по мне, я был чистенький, даже без заплат на штанах. Мама и фуражки шила для всех нас. Единственное, что мама обувь не шила. У меня была любимая собачка Сильва. Мы уехали, оставили ее родственникам.

Там была фотостудия, и хозяином был мой отец. Многие в Элисте мне говорили, что помнят это. Даже Кугультинов мне как-то сказал: «А ты знаешь, у меня есть фотография, которую твой отец снял».

Отец взял с собой увеличитель, штатив, коптилку, красный фонарь, ванночки. Помню, что сестра старшая просила у отца коптилку на новогодний вечер в школе, что второй брат стал помогать отцу. Они ездили по стойбищам хантов и манси и фотографировали их, привозили оттуда что-нибудь. В Ханты-Мансийске жили в основном высланные: мы, калмыки, татары, немцы и русские — из Москвы, из Ленинграда.

Первое время и отец с братьями, и мама должны были работать. Отца и старших братьев сразу отправили на лесоповал. Там холодно было зимой, под 40 градусов мороза, холодина. Однажды, помню, поздно вечером стук в дверь. Мы испугались. Оказывается, брат мой средний приехал домой на лыжах с лесоповала. Соскучился, видимо. Потом стало послабление.

Маме не разрешили работать по специальности, она же — «враг народа». И мама работала грузчицей на погрузке соли и рыбы на плашкоуте. Она утром уходила в фуфайке, приходила вечером поздно. Она была дородная женщина, ей лет 50, наверное, было. Конечно, здоровье уже было не то, но что делать, заставляли.

Однажды мы ее долго ждали, есть хотелось, есть-то нечего было: ни чая, ничего нет. За работу маме давали чекушку сливок. Она в карман ее положит и приносит. Она пришла вся мокрая. Потом рассказывала — она плохо говорила по-русски — что ее татарская девушка спасла. Шел дождь, она поскользнулась на мокром и упала в реку. Два раза она под воду уходила, а на третий раз фуфайка ее подняла наверх, и татарка смогла вытащить ее. Уже позже ей разрешили работать в швейной мастерской. Так что все работали.

У мамы была сестра, тетя Наташа. Ей, наверное, лет под 40 было. Она еще в Кал-

мыкии работала связисткой, где-то в Цоросе. Она без семьи была, но со своим братом жила. Она работала мотористом на катере. Хорошая такая. Я ее помню. Тетя Наташа водила моторную лодку. Потом я узнал: якорь опускали, и она попала под цепь, обе ноги оторвало. Мы ее там оставили в Сибири.

Второй брат поступил в школу юнг, его оттуда выгнали, он хулиганом был. Потом он поступил работать на рыбоконсервный комбинат, там работал помощником моториста. Позже он начал учиться на шофера. Ездил на таких огромных машинах, как КРАЗ, которые на дровах работали. Выучился и стал профессиональным водителем, права получил там.

Старший брат в 1948 г. уехал в мореходное училище в Тобольске. Он получил диплом штурмана дальнего плавания на китобойных судах. Но ему не разрешили работать из-за того, что он калмык, и он получил вторую специальность капитана речного флота. Он был капитаном речного судна и ходил верх и вниз из Ханты-Мансийска по Оби и Иртышу. Он расчищал сплавы. Как-то он меня взял с собой. Он был занят своими делами. А я был сам по себе. И как-то упал в воду и наглотался мазута, приехал домой больной, желтенький весь. В Сибири он был единственный капитан — калмык.

Отец мой был хороший организатор. Он был в хороших отношениях с комендантом, и тот шел где-то навстречу. Он даже разрешил моей сестре поехать после окончания школы в Свердловск поступать в политехнический институт. Она на три «пятерки» и одну «четверку» сдала экзамены, прошла по конкурсу, но ее не зачислили, потому что она калмычка. Перед зачислением ее отправили домой.

Потом она поступила в институт сельскохозяйственных машин в Барнауле. Когда мы переехали сюда, она перевелась из Барнаула в Сталинградский политех. Она была единственный инженер-конструктор в Калмыкии. Научной степени у нее не было, но она преподавала в университете лет десять такие предметы, как ТММ (теория механизмов машин) или, как студенты говорят, «тут моя могила», и ДМ (детали машин). Это очень трудные дисциплины.

Учительница очень хорошая была. Брат учился в Тобольске и привез большие апель-

сины, которые я видел тогда в первый раз. В тот же день я делал домашнее задание и торопился перед второй сменой. Поставил кляксу, стал стирать и стер до дыр. Я посмотрел на дыру и заклеил дырку. Тут же я схватил эти апельсины и от всей души решил подарить учительнице. Из самых хороших чувств ей отдал. А она поняла, что я хочу замолить дырку в тетради и всему классу показала дырку. Поставила мне кол, единственный в моей жизни. Но обидно было не за кол, а за то, что она так истолковала, что я этим своим подношением хотел замолить эту дыру в тетради.

По нации мы никого не различали. Все мы дружили. У меня был друг Саша Диулин. Мы с ним переписывались, а потом потерялись. Однажды мы решили, что я должен подраться со своим товарищем из класса. Все — человек 20 — собрались и пошли в лес. Там была такая поляна, на которой мы часто играли. Все окружили нас, и мы стали с ним махать кулаками. Никто друг друга не оскорблял, ничего между нами не было для драки. Мы были примерно равные по силам. Мне повезло, я ему разбил нос. Я сразу же побежал к ручейку, набрал воду и помогал ему обмыть нос. Потом мы обнялись и побежали в школу.

В пионеры я вступил, и это была большая честь. Впервые я там узнал, что такое пионерский лагерь. Как-то я в огороде возжусь, наверное, в 4 классе уже был, и папа у меня спрашивает: «Ты хочешь поехать в пионерский лагерь?». Конечно, хочется поехать. Поехали мы, человек 200 разных национальностей. Такие неприхотливые были. Нас, человек 200 детей, на баржу загнали: девочек в одну сторону, мальчиков — в другую. Одна молоденькая пионервожатая с девочками была. И мы несколько суток ехали без еды. Ни мама с собой не дала еды, ни там ничего. Даже воды не было, закрыли нас как узников, и мы молча ехали несколько суток. Молча сидим, спим. Открыли, когда приехали. Приехали куда-то, вокруг горы, лес. Мы снова на каком-то плато, внизу Обь. Несколько разбитых домов было, развернули столовую. Что-то вроде сцены соорудили. Баянист один был. Кормили нас. Жили мы в палатках, из увеселений тоже ничего не помню. Разве что был санитарный день. Все мы высыпали на берег Оби со своими грязными вещами. Мне особенно стирать

нечего было. И сестренка была нашей снохи Светлана Бакинова, потом она работала адвокатом в Элисте. Я же не могу отстать от других, и я вытащил чистое и отдал ей стирать. Вот это я помню. Время подошло, нас забрали и повезли домой. Никаких проблем особенных не было, чтобы кто-то жаловался или дрался. Мы были все одинаковые, в поношенных одеждах, ходили гурьбой, все скромные.

Я был ударником, хотя пятерок было больше. Наша учительница Нина Леонидовна Вергунова старалась хороших учеников поощрить в конце четверти. Перед летними каникулами она лучшим ученикам по окончании учебного года дарила что-нибудь, например, по полметра сатина. Несколько раз я получал, мама мне рубашку сошьет, я бегаю в ней все лето. Благодаря отцу у меня был велосипед — вначале старенький, с него цепь всегда слетала, потом уже новый был.

Однажды зимой перед Новым годом учительница сказала четверым мальчикам пойти с нею и мне в том числе. Мне сказала взять санки, и я сбежал домой за санками, я недалеко жил. После уроков мы пошли на хлебокомбинат. Там для всех учеников нам дали по горячей булочке по количеству детей в классе. Мы их сложили на санки, завернули в одеяло. А нам дали по одной булочке дополнительно. Ведь как она продумала все, не просто кого-то взяла, а тех, кого хотела поощрить.

5 марта 1953 г. для меня был темный-темный день. Знаете, почему? Урок физкультуры должен был быть. Я учился в 3 классе. Мы же с утра до вечера на лыжах зимой. Утром, если с вечера не сделал, быстро уроки сделал и сразу на лыжи до обеда. В обед прибежал, поел и в школу. Урок физкультуры должен быть первым. С утра ждал я этого урока. Ждем-ждем, уже на лыжах стоим на горке, а преподавателя нет. Не дождались, поехали в школу, и там узнали. Все плачут. Урок физкультуры сорвался, из-за этого я запомнил. Нам сказали, чтобы мы траурные ленточки прикрепили к галстуку. Чтобы дети плакали, я не видел, и в семье у нас никто не плакал. А вот жена моя рассказывала, что в их семье мама и сестра, все ревели. Тут пришел отец ее, мой тесть, я его не видел, он в Сибири остался, его бревном придавило, он там умер. И он им сказал: что

вы плачете? Пройдет немного времени, и мы вернемся все домой в Калмыкию. Как он мог такое знать? Предчувствовал, наверное.

Про политику у нас в семье не разговаривали. А я был огорчен, что урок физкультуры пропал. Дома говорили все время по-русски, мама с папой между собой по-калмыцки. В наших местах калмыки говорили по-русски, а вот в Красноярском крае, где моя супруга была, где жил Алексей Балакаев, другие наши артисты, там калмыки между собой по-калмыцки говорили. Там они сцену оборудовали, ставили концерты и спектакли.

Вот мои братья рассказывали, что они собирались на вечеринки, но все говорили между собой по-русски и по-калмыцки не танцевали и не пели. Сказывалось все-таки, что Городовиковский район — Западный улус — по-русски хорошо говорили. Моя жена хорошо говорит по-калмыцки, она и поступила учиться [на калмыцкое отделение], а я все понимаю, но не говорю. Когда мы вернулись, мы изучали калмыцкий язык между сменами, но какой там язык.

Дома какие-то праздники мама отмечала. Она борцыки жарила — в виде солнца, лодки, зажигала лампадки. Зажигала спички. Что это, какие именно праздники, я не знаю. Но мама, видимо, знала, про себя молилась, но не рассказывала нам.

Я запомнил такой праздник в Ханты-Мансийске, как День песни. Из Самарово до Ханты-Мансийска пять километров. Мы ездили туда на День песни на целый день. На стадионе. Впервые я видел там хор. На столах продавали книги. Папа мне дал денег, я долго выбирал и выбрал почему-то «Герой нашего времени». Там и буфет был. Люди всегда ждали этого праздника.

Внизу был рыбный клуб. Туда ходили старшие. А мы по воскресеньям туда ходили в кино. С 2 часов шло кино. Один мальчик собирал у нас деньги и стоял в очереди. Очередь в кассу не стояла в линию в затылок, там все толкались. Он всегда нам покупал. А мы в это время играли.

Помню один фильм так заканчивался: победа наших под Сталинградом, на подводной лодке приплывает Сталин, выходит и закуривает трубку. Несколько раз я смотрел фильм про какого-то композитора, но не Чайковского. Оно нужно нам было? Но мы не выбирали, что шло, то и смотрели.

Мы играли в лапту, в футбол тряпичным мечом, в обруч бегали наперегонки, на ходулях наперегонки. Это были наши игры, хорошие игры. А старший брат на мандолине и на баяне хорошо играл, а его жена — на гитаре.

Я был самый любимый в семье, и меня никто не заставлял делать домашнюю работу. Но я помню, что я и сажал картошку, и собирал ее. Сестра носила воду ведрами на коромысле, примерно километр надо было идти по неровной дороге. Если воды нет, топили снег. Я тогда маленький был, видно меня жалели. Сестра с братом дрова рубили, меня не допускали, все-таки опасно. Дома меня все называли Лёня, так пошло от старшего брата, у которого лучший друг детства в Башанте был русский парень Лёня. И вот он меня все-время Лёня называл. А пишуся я Алексей. Сын мой внука тоже назвал Алексей.

Наши где-то в апреле поехали в Калмыкию. Внизу, недалеко от школы пристань. Конечно, провожали их, гуляли основательно, пили все, провожали. Я был на уроках, никогда не пропускал и побежал проститься. Они уехали, меня оставили до окончания учебного года с маминым братом и гагашкой. Школу я закончил, и гагашка неграмотная меня повезла.

Ехали мы домой с братьями Курнеевыми, Сергеем и Володей, они младше меня. Они с бабушкой Анисьей и я. Какие мы все были санамр (здесь: жили одним днем). До сегодняшнего дня у меня в голове не уместается. Как можно так было ехать четверо суток. Понятно, денег нет, купили самый дешевый билет, и не плацкарт, а вообще место не указано. Где будет место, там можно прикорнуть. Прямо на палубе нашли место поближе к двигателю, чтобы теплее. Взяли они какое-то одеяло, расстелили. А палуба, чтобы не скользить, вся в шишках. Вот сверху постелили тонкое одеяло. Четверо суток так пролежали. Кушать ничего нет, ни та бабушка, ни моя не подумали. Ведь можно было же взять с собой картошку вареную, ничего не взяли. Однажды в Тобольске остановка была где-то в 12 ночи. Бабушки говорят: ты за ними смотри, мы спустимся, посмотрим, может, продукты найдем. Конечно, ничего не нашли. Вот так и привезли нас в Тюмень.

В 1955 г. вся наша семья выехала оттуда. Брат уже жил в Тюмени, и мы поехали

к нему. Там жила тетя Саня Кичикова со своими братьями. У нее был неплохой дом, сарай, кухня. Мы там жили у них. Тетя Саня была медработник. Мы прожили еще год в Тюмени, я ходил в школу, в 5 класс. Мне рельсы были в новинку, я по ним ходил сам собой. А шпалы руками трогал, они новенькие были, обмазанные смолой, видно, запах сосны такой вкусный был.

А потом из Тюмени мы поехали в Казахстан. Там мы жили в Каскиленском районе, это запад Казахстана, примерно 100 км от Алматы. Нас туда пригласил Манцынов Басан Омбукович, он считается племянником моего папы. Он тогда в профсоюзах работал. Его жена Тася работала заведующей детским садиком. Вначале они кибитку развернули, потом они жили в половинке финского домика. Я там учился в вагоне: с одной стороны мы жили, с другой стороны — школа. В Казахстане я увидел впервые многое, чего не было в Сибири: змей, цесарку, фрукты и т. д.

Потом уже приехали сюда, в Элисту, я пошел в 1-ю школу. Через месяц родители решили ехать на родину в Башанту. В Башанте я запомнил пыльные бури. Я всегда в чистой белой рубашке ходил. Пока придешь в школу, она уже серая, сам весь грязный. Учился в старой школе. Закончил ее в 1960 г.

Отец был беспартийным, а старший брат у меня был коммунист, я и сестра тоже были коммунистами. Меня принимали здесь в школе. Я с большим энтузиазмом вступал. Когда мне предложили, я сразу согласился. Тогда на учителей, на интеллигенцию давали очень мало мест. Каким образом школе дали это место? Я тогда в седьмой школе работал. Меня пригласил секретарь партийной организации Кантемиров Сергей, отчества не помню, русский. Так конфиденциально меня завел в кабинет директора, посадил. Я думаю: что я натворил? Говорит: мы решили Вам предложить... Я сразу согласился и всегда гордился этим. Потом я же в Элисте освобожденным секретарем работал три года...

Чем становишься старше, тем воспоминания становятся рельефнее. Наверное, это у всех так. Там, где мы жили, не могу сказать, чтобы кто-то меня прессовал. Только один раз математичка сказала мне что-то обидное, связанное с национальностью, обозвала меня. Больше таких случаев не

было. Ну, был еще один, но другой. Я в школе на перемене стоял у окна вполоборота, о чем-то задумался и не заметил, как мимо проходил директор. Он меня сильно обидел, так отчитал. Он, видно, подумал, что я не захотел поздороваться. Мы были приучены на морозе, даже 30-градусном, снимать шапку перед учителями. До сих пор, как захожу в помещение, я снимаю головной убор.

Я был маленький. Но те, кто учился в ремесленном, они обзывали парней-калмыков, задирались. Были случаи, что и дрались. Я помню дразнилку тех лет: «Калмык с котелком, ты куда шагаешь? В райком за пайком, разве ты не знаешь?». А тогда были большие консервные банки, и иногда давали что-то вроде жмыха, остатки пережаренной рыбы в масле. Сестра рассказывала, как она несла хлеб по талонам. К брату Петру на танцах придрался высокий русский парень, наверное, из-за девушки. А Петр был хулиган и поддержку чувствовал, но он засадил в глаз ему и поставил синяк. Так вот я помню, что лежу на печи и заходит тот парень с отцом и хотят получить сатисфакцию за синяк. Отец, кажется, согласился заплатить.

Как-то в школе нам дали несколько приглашений на новогоднюю елку в Ханты-Мансийск. И я ходил. Целый день там лазил. Моя учительница не посмотрела, что я калмык. Она тоже была депортированная, ее отец был священником. Она, оказалось, была орденоносцем, у нее был Орден Ленина.

Позже я три раза был в Ханты-Мансийске: в 2002 г. Поездом Памяти, потом с делегацией калмыцкого Хурала, потом с женой в 2013 г. Меня тянет туда. Там никого у меня нет, просто хотелось посмотреть.

Когда я ездил Поездом Памяти в 2002 г., я был одним из руководителей Поезда. Этот поезд шел в Тюмень, Омск, Томск и до Красноярска. Меня попросили в Тюмени выступить. Организация поезда была хорошая. Некоторые заранее выехали и организовали, чтобы могилы привести в порядок. Поезд остановился: полный вокзал, столько людей! Русские, калмыки — все, кто узнал, все пришли. Руководство, оркестр. Мне дали слово, и я выступил. Заранее я не готовился, а спонтанно выступил, и мне захотелось рассказать об учительнице. Я рассказал о ней, назвал имя-отчество, высказал благодарность. Потом мы целый день ездили по кладбищам. Нас же 500 человек было

в поезде. Автобусов было много, больше десяти. Погода хорошая, но как подъезжаем к кладбищу, начинает дождь моросить. Садимся в автобус, солнце выходит. И так несколько раз. Как будто специально кто-то кран включает-выключает.

В одном месте ко мне подходят две девушки и просят дать интервью для одной тюменской радиостанции. Вы не могли бы поделиться своими воспоминаниями? Ну, я рассказал про учительницу. Я в Тюмени учился в 5 классе. Вечером у нас был большой прием в администрации города в таком большом зале. С нами ездили «Ойраты», они выступать должны были. В это время ко мне подходят и приглашают к телефону. Я удивился: кто меня может здесь знать? Оказалось, что мое выступление слышал внук моей учительницы Анатолий. А я и не знал, что у нее есть внук. То, что три внучки есть, знал. Он, оказывается, уже давно живет в Тюмени, предприниматель по линии искусства. Он в тот день приехал из командировки, включил телевизор и услышал, что говорят о его бабушке. Мы договорились встретиться. Вечером мы вернулись к 11. Анатолий такой довольный пришел, с супругой, выселенной немкой. Имени не помню, отчество Генриховна. Понимаете, как бывает в жизни? Мы потом долго переписывались, а потом он уехал в Германию, и мы потерялись. Жаль.

Дети Сибири. Комментарии

Валерий Бадмаев и Алексей Овшинов родились в полных калмыцких семьях: Валерий был вторым сыном у Бадмаевых, Алексей — младшим, четвертым сыном, как говорится у калмыков — был последышем (*отхн көвүн*) — в семье Овшиновых.

Их отцы относились к тем калмыкам, кто боролся за Советскую власть, разделял ее ценности и отстаивал с оружием в руках в годы Великой Отечественной войны. В обеих семьях доминировали модернизированные семейные отношения, в которых женщина имела свою профессию и могла зарабатывать своим трудом. Особенно это относится к семье Бадмаевых, которые несколько предвоенных лет жили в Москве. Дети Бадмаевых и Овшиновых росли, социализируясь в советской школе, говорили дома по-русски, не были религиозны и не практиковали дома религиозные ритуалы.

Когда началась Великая Отечественная война, Ишля Манджиевич Бадмаев, будучи преподавателем в Институте красной профессуры, имел право на бронь — и как ценный сотрудник, и по медицинским показаниям как человек с сильной близорукостью (диоптрии были: -7 и -8). Но уже в первый военный месяц Ишля Манджиевич записался в ополчение и поехал защищать Ленинград с полком ополченцев — преподавателей московских вузов, их состав разбомбили, они не доехали до линии фронта. Нямиш Шургановна получила извещение, в котором было написано, что И. М. Бадмаев пропал без вести.

Родители рассказчиков носили калмыцкие имена, как большая часть калмыков. Трое детей Бадмаевых были названы не калмыцкими именами, а в соответствии с духом эпохи. И. М. Бадмаев назвал первенца в честь своего любимого поэта — Генриха Гейне, второго сына — в честь Валерия Чкалова, который незадолго до рождения В. И. Бадмаева совершил свой беспосадочный перелет из СССР в США. Младшая дочь Бадмаевых, родившаяся в 1939 г. в Москве, получила испанское имя Кармен в знак солидарности с испанским народом и его республикой, но позже ее стали звать по-калмыцки Кермен. Нямиш Шургановна стала для своих сибирских учеников Ниной Шургановной.

Стали отзываться на русские имена и старшие Овшиновы. Номга Манжиковна для сибиряков стала Вера, Микуш Джальдинович Овшинов — Николаем. Овшиновы также в свое время выбрали для детей русские имена: Володя, Петр, Нина, Алексей и Анатолий и этим облегчили их жизнь в Сибири.

Как начинается свой рассказ А. Н. Овшинов, *свой род я практически не знаю*. Это признание могли бы разделить многие его ровесники. Родители часто не рассказывали детям о своих предках, потому что всегда были заняты работой, не считали это особенно важным, может быть, ждали, когда дети подрастут, а также и особенно тогда, когда не хотели, чтобы дети располагали семейной информацией, которая могла бы им помешать в жизни. Высока вероятность, что среди предков Овшинова были те, кто относились к социально враждебным слоям — зайсангам (калмыцкой аристократии), зажиточным крестьянам, скототорговцам

или духовенству, потому мы и наблюдаем провал в памяти, провал в знании: кто были предки, чем занимались? Табу на нежелательное прошлое длилось, может быть, 40 лет, но его результат продолжает сказываться, и о молчании своих прадедов сожалеет современная молодежь.

В. И. Бадмаев признается, что *детство свое помню очень плохо, в основном только со слов нашей мамы. Да и она не очень охотно вспоминала...* Возможно, что травматические события блокировались в памяти на некоторое время. И антропологи называют период в 30 лет, как необходимый для преодоления травматического события [Ассман 2014: 25]. Но для этого также нужны и благоприятные социальные условия. Калмыки стали рассказывать о депортации в конце 1990-х гг. не просто потому, что прошло 30 лет с тех пор, как они вернулись на родину. Это стало возможным потому, что политика партии в то время стала либеральнее, а Закон 1991 г., признавший депортации народов преступными актами, легитимизировал воспоминания о годах депортации и задал тренд на виктимизацию воспоминаний.

Однако какие-то воспоминания о раннем детстве сохранились, потому что *мама не один раз рассказывала*. Это свидетельство, что остается в памяти следующего поколения крепко, то, что рассказывается старшими многократно. В данном примере Н. М. Овшинова рассказывала о самом тревожном моменте: как по дороге в места выселения заболели все старшие дети тифом и лежали в инфекционной больнице Омска, и как врачи готовили родителей к худшему развитию событий.

Ранние воспоминания В. И. Бадмаева связаны с эвакуацией из Элисты в Астраханскую область летом 1942 г. Перед нами предстают почти кинематографические кадры: немецкий самолет, смеющееся лицо летчика, которому нравится, как напуганы люди и скот, и совсем некинематографическое продолжение: 4-летний мальчик, схвативший туфлю и убежавший в степь.

Первые воспоминания А. Н. Овшинова связаны со школой. Речь идет об осознанных воспоминаниях, о становлении субъектности. Стоит отметить и мудрую учительницу у А. Овшинова, которая находила возможности для поощрения при-

мерных учеников, создавая в классе атмосферу добра и справедливости. Недаром так долго длятся контакты с ней и ее внуками. Но помнит своих школьных учителей и В. И. Бадмаев: как «всю поэзию» при дефиците книг читал по памяти учитель русской литературы Михаил Трофимович Мишин, как любовь к математике взрастила в учениках Анна Николаевна Игнатенко, как уроки немецкого языка вел Маевский Роберт Карлович, тоже репрессированный, волжский немец. Эта благодарность школьным учителям, и прекрасно знавшим свой предмет, и уважавшим своих учеников — характерная черта для памяти многих калмыков.

Удивительна история о том, как отец рассказчика Микуш Овшинов незадолго до войны продал свою корову, кормилицу семьи, и освоил новую специальность фотографа. Этот судьбоносный выбор был не просто удачей, был не только своевременным решением умного человека с хорошей интуицией. Он отражает начинавшийся разворот народа от аграрной экономики, от крестьянского хозяйства к современной экономике, к городской культуре и городским профессиям, который начинался тогда, когда люди сами определяли свой выбор, а не когда его подсказывали власти.

Хороший организатор, каким он запомнился сыну, Микуш Джальдинович, видимо, хорошо чувствовал время и хотел жить в ногу с ним. Жизнь показала верность его выбора — и потому, что весь частный скот остался в Калмыкии, а фотоувеличитель и фотоаппарат вполне можно было увести с собой и создать свое дело в новом месте. Работа фотографа была социально востребована, фотографии были нужны и гражданам, и государству. Более того, специфика работы предполагала смешанные формы собственности, в которых успех предприятия во многом зависел от инициативности и других личных качеств владельца. Даже в эпоху жесткого тоталитаризма находилось пространство для экономической многоукладности — пусть точечное, пусть в очень отдаленном месте.

В нарративе А. Н. Овшинова не раз подчеркивается грязь как имплицитный знак опасности. Соответственно, грязнее всего / опаснее было в вагоне, увозящем людей в Сибирь. Грязь трактуется в антропологии как «то, что не на своем месте» [Дуглас 2000: 65].

В данном смысле все было не на своем месте: и люди были не у себя дома, в скотских вагонах, не предназначенных для перевозки людей, не в больницах были больные, и живые люди ехали вместе с умершими. Кроме такого символического толкования, существуют и более конкретные определения нечистого, связанного с жизнедеятельностью человека. Небольшое пространство вагона, тесное для 40 человек, в центре которого была печь, для которой надо было добывать топливо на остановках, а если она топилась, на нее можно было упасть при резком торможении и обжечься, щели в стенах и полу вагона, из которых дуло представляли опасность символически и реально. Именно грязь вагона, в котором в течение трех недель было невозможно толком вымыть руки или умыться, и видится причиной проблем со зрением у маленького Лёни.

Когда страхи первых лет ушли и зрение у мальчика наладилось, жизнь налаживалась, и рассказчик это время маркирует чистотой в одежде, которую с любовью ему шила мама. В его нарративе мы встречаем уточнение: *я был «чистенький»*. Это подтверждение того, что опасности уже не угрожают.

Любовь и уважение к матери А. Н. Овшинов выражает то, как он называет ее профессию: *белошвея*. В русском языке нет такого слова, есть близкое — белошвейка, которая отличается от швеи своей специализацией: она шьет белье — постельное и нижнее. В калмыцкой традиции все женщины умели шить — кто-то лучше, кто-то хуже. А профессиональные портнихи обычно не имели узкой специализации и шили все, что требуется — от нижней одежды до верхней. Нежное отношение к матери А. Н. Овшинов передает несуществующим обозначением профессии, видимо, отказываясь от суффикса «к», который часто имеет оттенок небрежности и смущал рассказчика.

Важный вопрос, который поднимает В. И. Бадмаев, ставший особенно актуальным в последние годы, — вопрос о героизме калмыков, участников Великой Отечественной войны. Статистика, которую приводит Валерий Ишляевич, относится к советскому периоду истории. Но постперестроечные открытия в области военной истории дали новые сведения о калмыках —

Героях Советского Союза: во-первых, их количество пополнилось именем Э. Л. Бадмаева, который был представлен к званию Героя Советского Союза в сентябре 1945 г. Но присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 11604) Э. Л. Бадмаеву было только указом президента СССР от 5 мая 1990 г.

Стали также известны имена героев, которые были представлены в 1944–1945 гг. к званию Героя, но из-за пункта о национальности после указа от 27.12.1943 были награждены другими орденами. Таких героев-калмыков, чьи представления на звание Героя Советского Союза были доказаны, восемь [Очиров 2019: 187], но наградить их по тем же представлениям оказалось невозможным.

Как и в каждом спонтанном рассказе, мы замечаем, какие новые нюансы появляются в повествовании о своей судьбе, и встречаем то типичные языковые формулы для калмыцкого нарратива о Сибири, то, наоборот, редкие, свойственные только этой биографии, подробности. Все важно для исследования, остановимся на некоторых из них.

А. Н. Овшинов рассказывает о дороге в Сибирь: *в теплушках в Ханты-Мансийск*. Вновь замечаем, какая ирония заключается в том, что неотопливаемые вагоны железнодорожного состава были названы теплушками. Обратим внимание, что в Ханты-Мансийск невозможно добраться по суше, в теплушках, но для рассказчика Сибирь — это в первую очередь локус, в котором он провел свое детство, — Ханты-Мансийск, поэтому он так и обозначает маршрут.

Вокруг были дети или старики. А потом к ним присоединился хромой мужчина. В этом нарративе не раз проявляется демографический дисбаланс высланных: здоровый мужчина на весь вагон был только М. Овшинов. Если учесть, что по переписи 1939 г. калмыков насчитывалось 134 тыс. чел. [ВПН 1992: 65], а в Красной Армии служила 21 тыс. калмыков из республики [Максимов 2010: 344] и 4,6 тыс. калмыков — жителей других областей [Очиров 2019: 175].

По подсчетам У. Б. Очирова в Красной армии служил каждый пятый калмык, т. е. «почти все взрослое мужское население» [Очиров 2019: 175].

В образе хромого мужчины мы видим символ ущербной маскулинности калмыцких мужчин 1944–1945 гг., которым отказали в праве носить оружие и сослали в трудовой лагерь. Не доехал этот хромой инвалид до Сибири, как не доехали к своим семьям многие широклаговцы. Образы инвалидности проявляют язык травмы, который отражает самочувствие репрессированного человека как беспомощного, как неполноценного в своих правах.

Приведенные в рассказе несчастные случаи также формируют язык травмы: упала Н. М. Овшинова в реку и спаслась благодаря проходившей мимо татарке и тулупу, который не дал утонуть. Падая в реку и сам Ленья, наглотался мазута. Самый трагичный случай: упала тетя Наташа и попала под якорную цепь, потеряв обе ноги, — стихия воды как стихийное бедствие для степняков подстерегает в незнакомой, чуждой природе Сибири.

Часто калмыки избегают лексики, связанной со смертью, применительно к членам своей семьи. Так, А. Н. Овшинов говорит: *оставили в Сибири* или *он в Сибири остался, его бревном придавило*. Вместо выражения «похоронили» автор использует эвфемизм, который смягчает оценку трагического события. Это в целом соответствует буддийскому отношению к переживаемому событию, изменить которое человеку не дано. Хотя *наши бабушки все время молились* — мы слышим эти слова от рассказчика не о своей конкретной бабушке, а в целом — о старшем поколении. Не кто-то конкретно и явно, а в целом бабушки создавали такую атмосферу, в которой не стоило стенать и роптать на судьбу, а надо было жить и работать, надеясь на лучшее. Это не прямое, а косвенное влияние старшего поколения, которое свое буддийское мировоззрение растворяло в этике терпения, милосердия и сострадания, что не было опасным для внуков, пионеров и комсомольцев, не было чревато и для детей-коммунистов.

Стигматизованность принадлежности к калмыцкому народу отразилась в стигматизации на первых порах калмыцкой культуры, часть которой, связанная с верой и с калмыцкими календарными праздниками, имевшими буддийские элементы в толковании и ритуале, ушли в приватную сферу. Как рассказывает А. Н. Овшинов, *какие*

именно праздники, я не знаю. Но мама, видимо, знала, про себя молилась, но не рассказывала нам. Не случайно из всех праздников детства ему больше всего запомнился День песни в Ханты-Мансийске.

Как рассказывает В. И. Бадмаев, *там и поселились мама, наша слепая старенькая бабушка и нас, трое детей*. В этом нас — винительном падеже вместо именительного — отражается язык травмы и его прагматика, выражающая объект действия, а не его субъект. Маленькие трое детей — в воспоминании Бадмаева — не *мы*, а *нас*, ведь выселяли, отвозили на станцию, перевозили в вагоне, распределяли на жилье — нас.

Ярким воспоминанием о первой зиме осталось, что *калмыки копали это поле, искали остатки мерзлой картошки*. Мерзлая картошка — не человеческая еда. Если она могла быть применима в качестве пищи, то только для домашних животных. Язык травмы актуализирует эту кризисную еду, тем самым показывая статус высланных калмыков как близкий статусу животного. И удивительная детская память помнит лепешки из мерзлого картофеля как самую вкусную еду в жизни.

Травматическая память всегда фиксирует нехватку: в Сибири это было нехватка родины, своего дома, своего скота, нехватка свободы — свободы передвижения, свободы в решении своей судьбы в выборе образования и проч.

Спустя годы травмировать стало то, о чем в Сибири не задумывались, — незнание родного языка. Как признается А. Н. Овшинов, *а я все понимаю, но не говорю. Когда мы вернулись, мы изучали калмыцкий язык между сменами, но какой там язык*.

В. И. Бадмаев также признается: *Я очень жалею, что в совершенстве не знаю свой родной язык, — меня это гнетет. Слушаешь дикторов, иногда не понимаешь, что они говорят*. Травма проявляется здесь нехваткой родного языка, без которого позитивная самооценка у человека неполная. Через вопрос о знании родного языка создаются социальные, культурные и моральные границы своих и чужих, «правильных» калмыков и «неправильных».

Хотя вопрос о том, что читали дикторы, также требует изучения: калмыцкий идеологический язык общественно-политических газет и телевидения часто был

искусственным, «деревянным», как говорят калмыки. Часто это были тексты, которые писались по-русски и переводились на калмыцкий язык. С помощью вопроса о языке очерчиваются темпоральные границы будущего (неужели народ перейдет на другой язык?) и прошлого (золотого века, когда все свободно говорили и писали на калмыцком языке).

Хотя оба собеседника безоговорочно признают родиной Калмыкию, для детей Сибири малой родиной остается тот ее уголок, в котором прошло детство. Недаром каждый из них не раз съездил во взрослом возрасте в те места: *Позже я три раза был в Ханты-Мансийске: в 2002 г. Поездом Памяти, потом с делегацией калмыцкого Хурала, потом с женой в 2013 г. Меня тянет туда. Там никого у меня нет, просто хотелось посмотреть*.

В. И. Бадмаев также не раз посетил Омск и Омскую область, чтобы встретиться с одноклассниками и однокурсниками: *В семье мы часто вспоминали и до сих пор вспоминаем Сибирь, там же детство и юность прошли. Друзей много там осталось*.

Разные по жизненным обстоятельствам два моих собеседника были вторым поколением советских калмыков, а относительно депортационного периода их можно отнести к одному поколению «детей Сибири». Ровно как родители, они были ограничены в своих правах и не могли свободно выбирать профессию и вуз обучения, но в отличие от родителей они активнее реагировали на большое общество, стараясь лучше учиться и быть не хуже других — в своей мальчишеской кампании, в спорте, в школьном хоре.

Они оказались на дистанции от многих калмыцких традиций и даже языка, потому что советская молодежь была увлечена идеалами всего человечества. Они вернулись в Калмыкию, привыкали к ней, включая и пыльные бури, от которых рубашка становилась серой прямо с утра. Приписанная родина стала настоящей степной родиной, но и Сибирь не дает забыть о себе. В терминах Дж. Александера рассказы В. И. Бадмаева и А. Н. Овшинова можно считать прогрессивными, депортация и незаслуженное обвинение народа было воспринято как «историческое распутье, которое постепенно будет преодолено» [Александр 2013: 164]. Годы

депортации были позитивно пережиты в предложенных интервью представителей «детей Сибири», потому что они и были

травмированы меньше, чем их родители, и в целом судьбы этих семей сложились относительно благополучно.

Литература

- Александр 2013 — *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013. 639 с.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем.: Б. Хлебников. М.: НЛО, 2014. 323 с.
- ВПН 1992 — Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / сост. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиromская, А. А. Исупов, И. Н. Киселев. М.: Наука, 1992. 256 с.
- Гучинова 2005 — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь: Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. № 3. 2005. С. 400–442.
- Гучинова 2019 — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь. Две истории о депортации калмыков (интервью с С. М. Ивановым и

- С. Э. Нарановой) // *Oriental Studies*. 2019. № 3. С. 397–422. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422
- Дуглас 2000 — *Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 281 с.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Очиров 2019 — *Очиров У. Б.* Жители Калмыкии — военнослужащие Красной Армии, представленные, но не награжденные «Золотой звездой» // *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2019. № 2. С. 174–188. DOI: 10.22162/2541-9749-2019-8-2-174-188
- Шевенова, Гучинова 2005 — *Шевенова С. И., Гучинова Э.-Б.* Память в наследство. Депортация калмыков в школьных сочинениях. СПб.: Алетея, 2005. 228 с.

References

- Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. G. Olkhovikov (transl.). Moscow: Praxis, 2013. 639 p. (In Russ.)
- Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. B. Khlebnikov (transl.). Moscow: NLO, 2014. 323 p. (In Russ.)
- Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo Pole, 2000. 281 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. 'Everyone has one's own Siberia': Two stories of the Kalmyk Deportation (interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova). *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 397–422. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422
- Guchinova E.-B. M. Everyone has his/her own Siberia: Two stories about the deportation of

- Kalmyks. *Forum for Anthropology and Culture*. 2005. No. 3. Pp. 400–442. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Red Army servicemen from Kalmykia and the Gold Star medal: the singled out but never awarded ones. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. No. 2. Pp. 174–188. (In Russ.) DOI 10.22162/2541-9749-2019-8-2-174-188
- Polyakov Yu. A., Zhiromskaya V. B., Isupov A. A., Kiselev I. N. (comps.) The Soviet Census of 1939: Main Results. Moscow: Nauka, 1992. 256 p. (In Russ.)
- Shevenova S. I., Guchinova E.-B. The Inherited Memory: Kalmyk Deportation in Schoolchildren's Essays. St. Petersburg: Aletheia, 2005. 228 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 4, pp. 743–757, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 297

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-743-757

К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в республиках Башкортостан и Татарстан

Айбулат Валиевич Псянчин¹, Эльза Венеровна Мигранова², Айрат Янсурович Зарипов³

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

доктор географических наук, профессор, директор, заведующий отделом этнологии

 0000-0002-1428-4337. E-mail: psyanchin@mail.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-8227-2357. E-mail: mig.el@mail.ru

³ Уфимский государственный авиационный технический университет (д. 12, ул. К. Маркса, 450008 Уфа, Российская Федерация)

доктор философских наук, профессор

 0000-0002-4649-3942. E-mail: a-y-zaripov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Псянчин А. В., Мигранова Э. В., Зарипов А. Я., 2021

Аннотация. *Введение.* В полиэтничных обществах проблема взаимодействия между различными народами является предметом постоянного внимания и мониторинга со стороны правящих органов с целью предупредить возникновение осложнений в данной сфере. *Цель* исследования — выявление отношения населения к проблемам этнической и общероссийской идентичности, определение степени вовлеченности граждан республик Башкортостан и Татарстан в глобальные социальные и общественные трансформационные процессы российского общества. *Материалы и методы.* Данное исследование выполнено на анализе материалов соцопросов, проведенных в 2020–2021 гг. среди населения двух соседних республик — Башкортостана и Татарстана в рамках реализации проекта «Сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик как условие укрепления российского федерализма». Выбор объектов исследования не случаен, так как эти республики были и остаются одними из ведущих субъектов РФ как по уровню социально-экономического развития, так и по уровню гражданского и этнического самосознания. *Результаты.* Исследование показало, что, несмотря на то, что в последние годы этническая и региональная идентичности остаются актуальными для населения данных регионов, значительно усиливается и общероссийская идентичность; имеется востребованность

ванность в развитии институтов гражданского общества, в создании более доступных условий для активного вовлечения населения в экономические, общественные и социальные процессы. Социологические опросы помогают корректировать подходы, а также уточнять и конкретизировать некоторые понятия, связанные с этнологической проблематикой. В статье дается анализ различным видам идентичности, в том числе таким понятиям, как «общероссийская нация», «этническая идентичность», которые часто порождают дискуссии в научной среде. На основе данных новых этносоциологических исследований предпринимается попытка уточнения содержания данных понятий, процессов, влияющих на их формирование, соотношение с другими формами идентификации индивидов, бытующими в современном российском социуме. *Выводы.* Процесс формирования общероссийской идентичности сопровождается определенными трудностями, связанными с наличием проблем экономического и бытового характера. Позитивные изменения в экономической, политической, социальной сферах, способствующие повышению качества жизни населения, раскрытию человеческого потенциала, могут оказать существенное изменение в данный процесс. Полиэтничность и поликультурность, а также поликонфессиональность привносят своеобразие в формирование мировоззрения граждан выбранных субъектов РФ, и выяснение особенностей менталитета населения — это одно из необходимых условий для выработки адекватной политики в данной области.

Ключевые слова: российская идентичность, этническая идентичность, этническое самосознание, гражданское и государственное самосознание, родные языки, культура, федерализм, межнациональные отношения

Благодарность. Исследование выполнено по проекту «Сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик как условие укрепления российского федерализма» Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Для цитирования: Псянчин А. В., Мигранова Э. В., Зарипов А. Я. К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в республиках Башкортостан и Татарстан // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 743–757. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-743-757

The Issue of Ethnic and All-Russian Identity in the Republics of Bashkortostan and Tatarstan Revisited

Aybulat V. Psyanchin¹, Elza V. Migranova², Ayrat Ya. Zaripov³

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave, 450054 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Geography), Professor, Director, Head of Ethnology Research Department

 0000-0002-1428-4337. E-mail: psyanchin@mail.ru

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave, 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8227-2357. E-mail: mig.el@mail.ru

³ Ufa State Aviation Technical University (12, Karl Marx St., 450008 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor

 0000-0002-4649-3942. E-mail: a-y-zaripov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Psyanchin A. V., Migranova E. V., Zaripov A. Ya., 2021

Abstract. Introduction. In multiethnic societies, the issues of interaction between different peoples is the subject of monitoring, as well as of constant attention, on the part of the government as a measure of preventing any contradictions and complications in this area. The article *aims at* studying the

populations' attitudes and perceptions in terms of local and national (federal, Russian) identities in the Republics of Bashkortostan and Tatarstan, as well as the degree of their involvement in the global social transformations of the Russian society at large. *Data and methods.* The research focuses on the analysis of the results of 2020–2021 surveys of the population of the two neighboring republics conducted within the framework of the Project «Preservation and development of the ethnocultural and linguistic diversity of the republics as a condition for promoting Russian federalism». When selecting the objects for the research the authors were guided by the fact that Bashkortostan and Tatarstan are leading subjects of the Russian Federation both in terms of socio-economic development and an awareness of civil and ethnic identities. *Results.* The study shows that while their ethnic (regional) identities have recently been of relevance for the populations in both republics, at the same time, there is a growing awareness of their national (federal) identity; there is an interest in promoting institutes of civil society, as well as in facilitating greater access to active involvement of the people in the economic, social, and public processes. Sociological surveys help correct approaches, as well as clarify and specify some concepts related to ethnological issues. This article, for example, includes analysis of various types of identities, including such concepts as «all-Russian nation», «ethnic identity», which are in the center of discussions in the scientific community. Granted the data of new ethno-sociological studies, the study attempts to further clarify the conceptual bases of these notions, the processes contributing to their formation, and their relationship with other forms of individuals' identities and loyalties characteristic of modern Russian society. *Conclusion.* The process of growing national (federal) identity may encounter some difficulty, granted that there are problems in the economic sphere and everyday life. Positive changes in the economic, political, and social areas that will further a better quality of life and provide greater opportunities for development of human potentialities may significantly improve the situation. A diversity of ethnic, cultural, and confessional backgrounds characteristic of the populations in the regions in question contribute to the specific features of their worldviews, loyalties and perceptions, and the study of the mentalities of the people is of urgent relevance for the development of adequate policies in the area.

Keywords: Russian identity, ethnic identity, civil and state identity, native languages, culture, federalism, interethnic relations

Acknowledgements. The reported study was funded by Fundamental and Applied Research Program, theme 'Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of All-Russian Identity, 2020–2022', project 'Preservation and Development of Ethnocultural and Language Diversity in Russia's Ethnic Republics as a Means to Strengthen Russian Federalism'.

For citation: Psyanchin A. V., Migranova E. V., Zaripov A. Ya. The Issue of Ethnic and All-Russian Identity in the Republics of Bashkortostan and Tatarstan Revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 743–757. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-743-757

Введение

Тема идентичностей (общероссийской, региональной, этнической, конфессиональной, языковой и др.) и формы их проявления в российском обществе стали мейнстримом в социологических, политологических, философских, этнологических, антропологических исследованиях последних десятилетий. Дискуссии разворачиваются по отношению к терминам и определениям, количественным измерениям, вариантам их проявлений, динамике развития и т. д. [Тишков 1996; Тишков 2003; Тишков 2008; Тишков 2013; Тишков 2017; Дробижева

2017; Дробижева 2020; Жаде 2007; Злоказов 2015; Зарипов, Зайлалов 2017; Файзуллин 2020; Егорова 2021; Ильин 2021; и др.].

Менталитет российского общества, ориентирован в основном на сохранение и культивирование традиционных ценностей: семьи, религии, государства, коллективизма и др. Также и две основные религии, исповедуемые подавляющим большинством населения (православие и ислам), в целом транслируют вышеуказанные ценности. Это сыграло в некоторой степени объединяющую роль в истории новой России и во многом определило ба-

зовые мировоззренческие установки россиян.

Однако это не означает, что российское общество консервативно, закрыто, не способно к восприятию и усвоению новых ценностей. Стремление к личной свободе и демократии, равенству и верховенству закона и уважению прав человека, плюрализму мнений, терпимости, справедливости и т. д. в той или иной степени присутствовало и присутствует в чаяниях и общественном сознании россиян.

Задачами данного исследования является определение восприятия гражданами Башкортостана и Татарстана современного состояния федерализма в России, выявление факторов успешного развития местного самоуправления, определение соотношения этнической, локальной, республиканской, общероссийской идентификации населения указанных республик. Также важной задачей исследования явилось нахождение ценностей и объединяющих начал для различных видов идентичностей. И это неслучайно, поскольку идентификация — это процесс, сопровождающийся принятием ценностей определенного круга. Изучение данных проблем позволяет в некоторой степени выявить тенденции формирования новых траекторий общественного развития.

Выбор объектов исследования неслучаен: в этих национальных республиках РФ политические, социальные, экономические процессы более динамичны, чем в других регионах, и их влияние на развитие общероссийских тенденций существенно. Следует отметить и активность населения, которое не индифферентно к происходящим событиям, выражает и отстаивает свое мнение теми или иными легальными способами, доступными в гражданском обществе. Башкортостан и Татарстан были и остаются ведущими субъектами РФ и по уровню развития, и по уровню проявления гражданского и этнического самосознания, что является немаловажным фактором общественной стабильности в стране.

В последние десятилетия в отечественной научной среде активно обсуждается проблема государственной (гражданской) и этнической идентичностей россиян [Тишков 2017; Кожанов 2013; Мартынов, Пуртова 2013; Санина, Павлов 2015; и др.].

Дискуссии возникают не только в связи с какими-то определенными событиями (обсуждение в органах власти проекта государственной национальной политики, Стратегии государственной национальной политики, принятие Конституции в новой редакции и т. д.), но и ведутся постоянно. Такое внимание объясняется тем, что научное сообщество пытается найти ответ на вопрос — стали ли россияне единой нацией?

Безусловным фактом является то, что Российское государство представляет собой своеобразный поликультурный феномен и имеет многоэтнический состав населения государства, сложившийся веками, с множеством культур, вероисповеданий, исторических судеб, ментальностей и идентичностей, уникальностью каждого народа. Многовековое совместное сотрудничество народов не могло не породить ощущение единства, общей истории, общих концептов и мифов.

В советское время основным содержанием национальной политики было конструирование социалистических наций, поддержка их развития, пропаганда интернационализма и дружбы народов, а в позднесоветское время — «расцвет и сближение наций» в рамках советского народа как «нового типа исторической общности людей» [Тишков 2017: 542].

После распада СССР перед Российским государством в полный рост встала задача формирования новой государственной идентичности. В 1990-е гг. в эпоху суверенитетов этот процесс шел одновременно с подъемом этнической идентичности в этнотерриториальных образованиях, впоследствии стало наблюдаться усиление общероссийской идентичности.

Говоря об историографии проблемы, отметим, что в ряде работ встречаются утверждения о том, что российская нация уже сформировалась. Так, исследования, проведенные рядом ученых, показывают, что в России на протяжении двух последних десятилетий в целом сложилась политическая нация и сформировалась национально-государственная идентичность [Российская идентичность 2020: 29].

Однако не все ученые, общественные и политические деятели согласны с данным утверждением. Ряд исследователей отрицает существование российской политической нации [Паин, Федюнин 2018: 172; и др.].

Даже сами понятия «российская нация», «общероссийская идентичность», «гражданская идентичность», «этническая идентичность» и т. д. остаются дискуссионными [Санина 2012: 57–65; Дробужева 2020: 37–50].

Большое внимание данным вопросам уделяется в работах В. А. Тишкова [Тишков 1996; Тишков 2003; Тишков 2008; Тишков 2013; Тишков 2017; и др.]. По его определению «общероссийская идентичность» — это «солидарность и повседневная лояльность, чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим» [Тишков 2013: 66].

Ученый ставит на первое место необходимость утверждения среди граждан РФ общероссийской национальной идентичности (самосознания), общероссийского патриотизма и гражданской солидарности при сохранении и развитии этнокультурного многообразия населения страны. При этом «национальное» понимается им не как синоним «этнического», а как общегражданское понятие. По мнению В. А. Тишкова, эти две формы самосознания (этническая и общероссийская) не исключают, а дополняют друг друга. Однако ученый не склонен преувеличивать роль этнических культур и общностей в построении государства и жизни современного общества [Тишков 2017: 537–538].

Несмотря на то, что не все исследователи поддерживают тезис о сформировавшейся российской нации, позитивное отношение к данной теме в общественно-политической и академической среде уже сложилось [Согрин 2011; Цветков 2009].

В свою очередь ряд исследователей, в том числе башкирский ученый Ф. С. Файзуллин, считает, что этничность обладает значительным потенциалом, воздействующим на развитие общества и государства [Файзуллин 2020: 54]. По его мнению, этничность следует рассматривать как свойство человеческого сообщества, разграничивающее одну объективно существующую этническую общность от другой, а приверженность людей к своим этническим факторам (культуре, языку и т. п.) нельзя трактовать лишь как дань традициям и уважение к своим корням или же лишь как чувство принадлежности к воображаемым сообществам и мифам. Научный анализ, по его словам,

дает основания утверждать, что этничность есть более сложное и многогранное явление, скорее даже духовное, психологическое образование, способствующее социальному прогрессу общества, явление, обладающее огромным потенциалом развития. Более того, снижение уровня реализации этнического потенциала в полиэтнических государствах может стать причиной распада самого государства [Файзуллин 2020: 56].

Подобную точку зрения высказывают и некоторые другие авторы, считающие, что полиэтнической и поликонфессиональной стране нужны федеративные отношения, ориентированные на сохранение и дальнейшее развитие этнокультуры и языка населяющих ее народов [Филимонов 2018: 78–80].

Говоря о формировании российской нации, необходимо подчеркнуть, что 30 лет, прошедшие после распада СССР, вряд ли стали тем отрезком времени, когда российская нация успела сформироваться. Во многих странах данный процесс занял значительные временные отрезки и сопровождался многочисленными трудностями и своеобразием, выработкой единых ценностей, гражданственности, идентичности. В странах Европы, например, только в последние полвека можно констатировать относительную консолидацию населения и формирование гражданского общества.

Представления о формировании российской нации невозможно рассматривать по аналогии с «советским народом». Несмотря на то, что в общественном сознании отдельных представителей старшего поколения этот конструкт до сих пор жив в виде мифологем, он уже не является актуальным для новых поколений и не воспроизводится ими. В связи с этим появляется необходимость поиска объединяющих начал для формирования среди граждан России, особенно молодежи, общегосударственной идентичности.

Поколение, родившееся после распада СССР, еще не так активно влияет на общественные процессы, чтобы изменить содержание общественного сознания, выработать общие для новых условий ценности, сформировать цели и траектории будущего развития страны.

При формировании единой нации, кроме того, что людей объединяют объективные предпосылки (единая территория проживания

ния, государство, единое юридическое пространство, экономика) должны присутствовать и субъективные связи и отношения, которые спланируют людей не в результате некой витальной необходимости (совместная трудовая, хозяйственная деятельность), а основанные на сакральности — на духовных, психологических, ментальных, возможно, и на мифологических началах, позволяющих говорить о близости, родстве или же о добрососедских, братских, доброжелательных отношениях между представителями разных общностей. Совокупность объективного и субъективного, внешнего и внутреннего, глобального и локального, необходимого и случайного, мистического и реального формирует из разных общностей со специфической культурой, языком, менталитетом нечто единое, целое, которое в конечном счете и называется нацией.

В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» отмечается, что «многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации» [Стратегия 2012]. То есть констатируется факт наличия в России российской нации, созданной на основе многообразия этносов, культур, религий, традиций, взаимодействовавших и взаимодействующих между собой.

Материалы и методы

Данное исследование выполнено на анализе материалов соцопросов, проведенных в 2020–2021 гг. среди населения двух соседних республик — Башкортостана (РБ) и Татарстана (РТ) в рамках реализации проекта «Сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик как условие укрепления российского федерализма» Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общерос-

сийской идентичности», рассчитанной на 2020–2022 гг. Этносоциологическим исследованием было охвачено по 1 000 человек (согласно характеристикам генеральной совокупности) в каждом из обозначенных субъектов РФ. Отдельные результаты исследования нашли отражение в публикациях авторов [Мигранова 2021; Псянчин, Каримов, Мигранова 2021].

В качестве сравнительно-сопоставительного материала привлечены результаты соцопросов, проведенных Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», Институтом социологии РАН, Всероссийским центром изучения общественного мнения, национальными исследовательскими центрами республик Башкортостан и Татарстан среди россиян в различные годы.

При проведении данного исследования были использованы различные методы, а также проанализированы идеи представителей философской, социологической, антропологической, психологической школ и направлений, высказанные в различные периоды. Комплексный подход позволил раскрыть сложные явления в области межнациональных отношений и нациестроительства. Были использованы как общенаучные методы (диалектический и системный подходы), так и специфические методы социологии (анкетирование, сравнительный анализ). Диалектический подход к изучению сложных явлений обеспечил возможность выделить реперные моменты, влияющие на формирование самосознания личности, структурный анализ позволил обратить внимание на важные стороны процесса идентификации индивидов при их социализации, сравнительный анализ — выявить предпочтения респондентов по тем или иным проблемам, поднимаемым в исследовании. Использование исторического и логического методов познания позволило реконструировать и связать исследования прошлых лет с потребностями сегодняшнего дня и с современными материалами.

Проведенный анализ отношения респондентов к отдельным понятиям и явлениям в сфере межнациональных отношений позволил выяснить проблемные моменты в общественном сознании россиян и обобщить (синтезировать) полученный материал в виде определенных выводов и рекомен-

даций. Аксиологический подход, наряду со структурным, дал возможность раскрыть основные ценностные ориентиры и предположения в структуре массового общественного сознания жителей двух соседних субъектов РФ.

Этническая и общероссийская идентичность: особенности, маркеры и тенденции формирования (на примере республик Башкортостан и Татарстан)

Отражение идей федерализма в общественном сознании населения

В рамках данного исследования мы также попытались определить восприятие гражданами современного состояния федерализма в России. Наша страна испокон веков тянулась к федеративному устройству, поскольку она состоит из многих национально-территориальных образований, большинство из которых вошло в ее состав добровольно [Нурғалиева, Мухтасарова 2015: 257].

Данный вопрос невозможно решить без учета того, как респонденты в целом представляют себе суть данного государственного устройства. Как оказалось, лишь половина жителей обеих республик знает, что такое федерализм; более 30 % имеют о нем смутные представления, а около 20 % и вовсе не имеют понятия о федерализме. При этом на вопрос «Каким Вы видите оптимальное государственное устройство России?» большинство опрошенных (46,5 % в РБ и 56,7 % в РТ) ответили: «федеративным»; за «унитаризм» высказались 15,1 % в РБ, 8,1 % — в РТ; за конфедератизм (союз независимых государств) — 8,9 % в РБ и 4,3 % в РТ; 30 % респондентов в обоих субъектах РФ затруднились ответить на этот вопрос [ПМА 2020–2021].

С тем, что федерализм в современной России является истинным, согласились 25,5 % башкортостанцев и лишь 19,5 % татарстанцев; затруднились ответить на данный вопрос 45,8 % респондентов в РБ и 50,6 % — в РТ [ПМА 2020–2021].

В целом исследование показало, что современное население довольно слабо представляет себе суть данного государственного устройства, имеет смутное, поверхностное понимание федерализма. Эта тема, скорее, находится на периферии общественного сознания, во всяком случае,

согласно данным проведенного соцопроса, не относится к числу актуальных на сегодняшний день.

Одним из важных атрибутов гражданского общества является совершенствование местного самоуправления как одного из значимых звеньев федерации. В ходе исследования респондентам было предложено выбрать сферы, где регионам, по их мнению, необходима большая самостоятельность. Так, около 76 % жителей Республики Башкортостан на первое место поставили экономические вопросы, в том числе связанные с распределением налогов, поступающих в бюджет региона (у жителей РТ экономическая сфера оказалась на третьем месте — 69,7 %) [ПМА 2020–2021].

Жители Республики Татарстан отдали первенство проблемам, связанным с самостоятельностью в решении вопросов культурной, национальной и языковой политики, — 78,2 % (в РБ эта область расположилась на третьем месте — 73 %) [ПМА 2020–2021].

На втором месте в обоих субъектах оказались социальные вопросы, связанные с образованием, здравоохранением, ЖКХ, социальной защитой и пр. 73,5 % жителей РБ и 74,4 % жителей РТ согласились с тем, что регионам необходима большая самостоятельность в решении проблем, существующих в данной сфере. На последнее место жители и Татарстана, и Башкортостана отнесли политическую сферу, однако процент считающих, что регионам необходима большая политическая самостоятельность, все равно оказался высоким — 61 % в РБ и 51,7 % в РТ.

Таким образом, мы видим, что экономические, социальные, культурные и политические вопросы, по мнению респондентов, являются важными факторами успешного развития регионов. В числе преобразований, необходимых современному российскому обществу для его дальнейшего стабильного развития, также было названо «совершенствование органов власти и управления, сокращение бюрократического аппарата». За этот пункт высказались почти 54 % опрошенных жителей Башкортостан и 38,4 % жителей Татарстана. Значительное количество респондентов высказались за усиление мер социальной защиты населения (50,6 %

в РТ и 36,5 % — в РБ), экономических реформ (43,3 % в РТ и 21,4 % — в РБ), необходимость развития культуры, образования и науки отметили 40,4 % в РТ и 24,8 % в РБ [ПМА 2020–2021].

Пандемия коронавируса обострила проблемы в системе здравоохранения, о чем также упомянули опрошенные. За преобразования в данной сфере высказались 59,1 % жителей Татарстана и 36,4 % респондентов из Башкортостана [ПМА 2020–2021].

О взаимодействии идентичностей

Важной задачей исследования являлось также определение соотношения этнической, региональной и общегражданской идентичностей, имеющих значение для процесса национального строительства в РФ.

В Республике Башкортостан (безотносительно национальности) считающих себя только россиянами по результатам соцопроса оказалось больше, чем в Республике Татарстан (31,2 % против 27,6 %), — так же, как и тех, кто отнес себя только к жителям своей республики, — 13,1 % в РБ и 12,4 % в РТ [ПМА 2020–2021].

Однако процент жителей, одновременно считающих себя и жителями республики, и россиянами, оказался выше в Татарстане — 37,0 % (в РБ — 28,5 %); количество ощущающих себя человеком своей национальности в республиках оказалось примерно одинаковым — 11,2 % в РБ и 10,3 % в РТ [ПМА 2020–2021].

В Башкирии почти в два раза больше оказалось тех, кто отождествляет себя с жителями своего города или села: 8,0 % против 4,3 % таковых в Татарстане [ПМА 2020–2021].

Людьми мира назвали себя 6,2 % жителей РТ и 5,4 % жителей РБ. Стабильно низкий уровень мировой идентификации свидетельствует об определенной закрытости, патриархальности россиян, неготовности основной массы населения выйти за государственные рамки.

Рассмотрение идентичности, с точки зрения представителей различных национальностей, показало следующую картину: так, среди русского населения республик зафиксирован наибольший процент выбирающих *российскую идентичность* — 54,1 % в РБ и 48,9 % в РТ. Ощущающих себя только россиянами среди представителей титуль-

ных этносов республик оказалось одинаковое количество — 11,7 % среди башкир в РБ и 11,8 % среди татар РТ [ПМА 2020–2021].

Среди других народов обеих республик данный показатель значительно возрастает — почти до 40 % и более. И среди татар РТ, и среди башкир РБ преобладают те, кто ощущает себя в равной степени *и россиянами, и жителями своих республик (татарстанцами или башкортостанцами)*. Таковых среди башкир РБ оказалось 38 % и около 43,4 % среди татар РТ; 28 % русских в РТ и около 22 % русских в РБ считают себя одновременно и россиянами, и жителями своих республик [ПМА 2020–2021].

Исследование позволяет выявить и показатели *этнической идентичности*: среди башкир РБ, считающих себя прежде всего представителями своего народа, оказалось 13 % (среди татар РТ — 14,1 %); среди других народов РБ и РТ — около 20 %. Для русского населения этническая идентичность, как правило, равняется российской идентичности.

Что касается *региональной (республиканской) идентичности*, то в настоящее время среди башкир РБ только башкортостанцами ощущают себя 27,1 %. Причем в последние два десятилетия отчетливо прослеживается тенденция снижения доли тех, кто считает себя больше башкортостанцем, чем россиянином. Так, в 1995 г. таковых среди башкир было больше чем в 2 раза — 61,4 % [Нургалеева, Мухтасарова 2015: 258].

Аналогичное снижение наблюдается и среди других народов Башкортостана. В ходе нашего соцопроса башкортостанцами назвали себя около 13 % татар РБ (в 1995 г. — 31,9 %); 6,8 % русских РБ (против 15,2 % в 1995 г.) и около 3 % представителей других национальностей, проживающих в РБ (против 13,1 % в 1995 г.).

Сходные значения зафиксированы и в Республике Татарстан: татар, считающих себя в первую очередь татарстанцами, сегодня насчитывается 21,4 %; только татарстанцами считает себя ничтожно малое число русских РТ — 2,2 % и чуть более 9 % представителей других народов РТ [ПМА 2020–2021].

Касаясь *локальной (местной) идентичности*, отметим, что жителями своего города или села назвали себя 5,4 % русских Республики Башкортостан и 5 % русских Республики Татарстан; 6,7 % башкир в РБ

и лишь 2,5 % татар в РТ; наибольший процент отождествляющих себя со своей малой родиной — более 20 % — зафиксирован у представителей других народов РБ и РТ (удмуртов, чувашей, марийцев, мордвы и пр.).

С *гражданами мира* ассоциировали себя 7,2 % русских в РБ и 8,8 % русских в РТ, лишь 2,2 % башкир в РБ и 4,8 % татар в РТ, а также от 0–5 % представителей других народов республик [ПМА 2020–2021].

На вопрос «Должны ли все народы, живущие в России, создать общегражданскую нацию?» в Башкортостане положительный ответ дали более 45 %, а в Татарстане 41,4 % респондентов, причем наибольшее число согласных с данным утверждением в обеих республиках ожидаемо оказалось среди русского населения более 50 %. Несогласие с данным утверждением в РБ высказали 37,3 % респондентов, а в РТ — 40,1 % [ПМА 2020–2021].

Вообще формирование общегражданской идентичности может быть успешным лишь в том случае, если оно опирается на историческое прошлое, на некий фундамент, сплачивающий разнородные элементы общества. Это демонстрирует и проведенное исследование.

Одним из главных объединяющих российских факторов жителями РБ, и РТ был назван русский язык — язык межнационального общения. Его выбрали почти 90 % опрошенных (в РБ 88,9 %, в РТ 89,0 %); 6 % не согласны с данным утверждением; 5 % населения затруднились с ответом на этот вопрос.

Не только в России, но и в других полиэтнических государствах, имеющих сложный культурный, этнический, конфессиональный состав, именно один общий язык берет на себя объединяющую, консолидирующую функцию. Кроме языка, объединяющим фактором для населения Башкортостана и Татарстана, является «общая история». Более половины респондентов объединяющим признаком назвали также «общую территорию, совместное проживание на территории России». И это не случайно, поскольку именно через культуру и общее историческое прошлое формируется и представление о национальных интересах, лояльность государству, любовь к Родине, и индивиды вовлекаются в единую систему социального пространства.

Согласно определению Л. М. Дробижевой, под гражданской идентичностью следует понимать отождествление людей с гражданами страны, представление о государстве, стране в образе «мы», а также чувство общности, солидарности, ответственность за дела в стране [Дробижева 2017: 96].

Деятельные элементы, главным образом, и отличают гражданскую идентичность от государственной. Проанализировав степень ответственности респондентов за положение дел в своей семье, в своем доме, дворе, улице, в своем городе или селе, в своей республике и, наконец, в стране в целом, можно сделать вывод, что чем дальше от индивида отстоит объект, тем ниже степень его ответственности. Так, в полной мере ответственными за свою семью назвали себя 78,9 % респондентов из РБ и 81,3 % из РТ (еще около 15 % населения считают, что отвечают за семью отчасти); за положение дел в своем доме, дворе, улице готовы взять на себя ответственность 34,7 % опрошенных граждан Башкортостана и 37,7 % граждан Татарстана (отчасти, готовы это сделать более 40 % населения обеих республик); однако уже почти на порядок ниже число тех, кто в полной мере ощущают свою ответственность за события, происходящие в родном городе или селе: 17,4 % в РБ и 12,6 % — в РТ (отчасти готовы нести такую ответственность немногим более 35 %). Еще ниже процент разделяющих ответственность за судьбы республик: 15,9 % в РБ и 7,1 % в РТ (четверть опрошенных готовы отвечать отчасти); а свою ответственность за положение дел в России осознают лишь 14,1 % жителей Башкортостана и 5,4 % жителей Татарстана (чуть больше 20 % населения считают, что отвечают за это отчасти) [ПМА 2020–2021].

По мере снижения процента личной ответственности респондентов увеличивается процент считающих, что за ту или иную сферу деятельности отвечают другие. Так около 47 % опрошенных в РБ и почти 60 % в РТ считают, что за положение дел в России отвечают не «они», а «другие», в то время как ответственными за судьбу семьи «другие» названы лишь в 1–3 % случаев [ПМА 2020–2021].

Таким образом, мы видим, что «семья» и «страна» располагаются на противоположных полюсах ответственности. В связи

с этим увеличивается необходимость повышения ответственности граждан за страну; на это должны быть направлены усилия СМИ, образовательной системы, общественных объединений, учреждений культуры и пр.

Исследование позволило также выявить степень, качество и эмоциональную компоненту гражданской идентичности. Почти половина опрошенных респондентов РБ и РТ отметили, что испытывают гордость, осознавая себя россиянами. Номинально считают себя россиянами и осознают это лишь как факт, не испыты-

вая при этом никаких чувств, около 30 % населения. У 17 % граждан принадлежность к российскому обществу вызывает неоднозначные, противоречивые чувства. Лишь 3,5 % опрошенных отметили, что не ощущают себя россиянами [ПМА 2020–2021]. Это также может свидетельствовать о сложении общегражданской общности в России.

В приведенной ниже таблице отражены ответы респондентов из Республики Башкортостан, которые демонстрируют в том числе и степень гражданской идентичности населения (%) [ПМА 2020–2021].

Таблица 1. Ответы респондентов из Республики Башкортостан на вопрос: «О ком Вы можете сказать «Это мы» и с кем в большей степени ощущаете близость?»

[Table 1. Answers of respondents from Bashkortostan to the question 'Who is us and who do you feel closest with?']

Ощущаю близость:	в значительной степени	в некоторой степени	не ощущаю близости	затрудняюсь ответить
с людьми той же профессии	46,2	36,4	8,6	7,0
с людьми такого же достатка	23,6	39,5	21,8	12,6
со всеми гражданами России	29,7	36,0	18,6	11,9
с людьми той же национальности	37,3	42,1	11,3	6,2
с людьми, говорящими на том же языке	44,0	35,6	11,3	6,2
с жителями Республики Башкортостан	34,1	40,6	12,8	9,4
с жителями своего города, села	42,2	36,3	11,1	7,4
с людьми своей веры	35,1	34,8	15,0	11,6
с людьми, придерживающимися тех же политических взглядов и убеждений, что и у меня	32,3	35,0	13,8	15,6

Аналогичные опросы, проведенные Высшей школой экономики и Институтом социологии РАН в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения в 2005 и 2015 гг. в 39 регионах РФ, дают возможность проследить динамику развития гражданской идентичности. Так, в 2005 г. о том, что ощущают близость со всеми гражданами России, заявили 20 % опрошенных (иногда — 45 %); в 2015 г. — 26 % россиян (иногда — 49 %) (цит. по: [Дробижева 2017: 101]).

Несмотря на то, что в Республике Башкортостан по сравнению с большинством коллективных идентичностей (кроме близости с людьми такого же достатка), гражданская идентичность стоит несколько ниже, ее показатели все же выросли по сравнению с общероссийскими показателями 2005

и 2015 гг. и составили почти 30 % (иногда ощущают такую близость 36–37 %). Также наше исследование показало рост числа граждан, ощущающих близость по политическим взглядам: если в 2005 г. в России таковых было 23 % (иногда — 37 %), а в 2015 г. — 29 % (иногда 39 %); то в 2020 г. наше исследование зафиксировало почти 33 % (в некоторой степени ощущают такую связь еще 35 % опрошенных).

Этнополитологи в своих работах также отмечают, что наиболее близко к идентичности по политическим взглядам в иерархии идентичностей находится гражданская идентичность и характеризуют последнюю как политически насыщенную [Дробижева 2017: 101].

Опыт многолетних этносоциологических исследований подтверждает возмож-

ность совмещения гражданской и этнической идентичности, если эти идентичности базируются на позитивной смысловой направленности и той, и другой идентичности, а не на внутригрупповом этноцентризме и фаворитизме [Дробижева 2017: 107].

Этносоциологическое исследование, проведенное нами на территории двух соседних субъектов РФ — в Башкортостане и Татарстане, в целом показало сходную картину. Этнический фактор, переживший всплеск в эпоху суверенитетов, в последние 20 лет постепенно снижался; а соотношение общероссийской и региональной (в том числе этнической) идентичностей претерпело эволюцию в сторону усиления последней. Не последнюю роль в этом играли и играют урбанизационные процессы. Однако при этом необходимо учитывать тот факт, что российская идентичность все равно остается идентичностью полиэтнического общества.

Гражданская идентичность не отменяет этническую и региональную. В Республиках Башкортостан и Татарстан этнический фактор остается важной составляющей идентичности населения. Осознавая свою принадлежность к Российскому государству, и башкиры, и татары, и другие народы страны ценят и передают из поколения в поколение культурное наследие своего народа. Однако родные языки, служащие важным маркером этнической идентичности, постепенно сдают свои позиции, особенно в городах, повсеместно сокращаются сферы их применения.

При этом нерешенные вовремя проблемы, особенно этнически насыщенные, способны привести к всплеску социальной и общественно-политической активности определенной части населения, усилению влияния национальных объединений, росту этнической идентичности в ущерб общероссийской. Безусловно, развитие гражданского общества, нормальное функционирование социальных и государственно-управленческих институтов, своевременное конструктивное решение проблем, волнующих общество, способны предупреждать «уличные» формы давления на власть. Уровень конфликтности может быть также снижен за счет выстраивания позитивной коммуникации между властью и обществом, в том числе с национальными элитами.

Говоря о выборе идентичности, конструирующей самим индивидом под воздействием окружающего бытия, событий, явлений, процессов, необходимо иметь в виду, что это его самостоятельный выбор и ориентация на определенные ценности. Формирование общероссийской идентичности в различных регионах нашей страны происходит по-разному и сопровождается сосуществованием с ней других идентичностей — этнической, региональной, религиозной, политической, трайбалической и др. (так называемая полифония идентичностей) [Barrett 1999: 318].

В такой «конкуренции» идентичностей общегражданская идентичность должна выступать как наиндивидуальная, надэтническая, надконфессиональная конструкция, архитектором и инициатором которого должно выступить само государство. И в ее основе должны лежать определенные ценности, которые бы разделялись большинством граждан страны (демократия, соблюдение гражданских и политических прав и свобод личности и общностей, федерализм, сменяемость власти, честные выборы и др.). Другими словами, для формирования в массовом сознании россиян конструкции под названием «российская идентичность» нужны аттрактивные ценности, вызывающие чувство эмоциональной близости, способные к объединению и побуждающие граждан к идентификации себя с данным государством и являющиеся внутренним и внешним ресурсом идентификации [Côté, Schwartz 2002 : 574–575]. Как подчеркивают некоторые исследователи, идентификация — это процесс незавершенный [Белинская 2018: 11].

Отрадно, что в обеих республиках среди ответов на вопрос «В каких случаях Вы больше ощущаете себя россиянином?» преобладает следующий (можно было выбрать несколько вариантов): «Я ощущаю себя россиянином постоянно, независимо от ситуации» (в РТ — 47 %, в РБ — 38,1 %). 30–40 % респондентов ответили так: «Во время побед наших спортсменов на Олимпиадах и на других крупных соревнованиях»; 15–20 % выбрали ответ: «Во время выборов Президента РФ, выборов в Государственную Думу и т. д.»; примерно столько же опрошенных ощущают себя россиянами во время своего пребывания за границей или

во время официальных государственных праздников.

Несмотря на то, что значительная часть респондентов затруднилась с определением федерализма, в целом идеи данного государственного устройства как союза равноправных, хотя и разнообразных в культурном, духовном, экономическом отношении субъектов РФ, близки россиянам независимо от национальностей и могут стать триггером консолидационных процессов.

Заключение

Как показало проведенное исследование, сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик, по мнению как опрошенных респондентов, так и экспертного сообщества, является необходимым условием укрепления российской государственности и способно оказать по-

зитивное влияние на межнациональные отношения. Сохранение традиций, культуры, обрядов, религий, возможность использования родных языков, сочетание общероссийского самосознания с региональным способны снять напряженность в отношениях между центром и регионами, между этническими общностями, в целом будут способствовать развитию гражданского общества в России.

Формирование российской нации не противоречит идеям федерализма. Скорее наоборот, становление общероссийской идентичности является важным общественно-политическим наполнением данного государственного устройства. Другими словами, именно в единстве многообразия этносов и народов и в их позитивном взаимодействии заключается успешное развитие федерализма в России.

Полевые материалы авторов

ПМА 2020–2021 — Социологические опросы в рамках реализации проекта «Сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик как условие укрепления российского федерализма» (проведены в 2020–2021 гг. в Республике Башкортостан (РБ), Республике Татарстан (РТ)).

Литература

- Белинская 2018 — *Белинская Е. П.* Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Т. 8. Вып. 1. Психология и педагогика. 2018. С. 6–15.
- Дробижева 2017 — *Дробижева Л. М.* Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации полиэтничного общества // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 96–108.
- Дробижева 2020 — *Дробижева Л. М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
- Егорова 2021 — *Егорова А.* Проблема классовой идентичности: между социальным и политическим [электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2021. № 1 (135). С. 50–61 // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2021/1/problema-klassovoj-identichnosti->

Author's Field Data

Preservation and Development of Ethnocultural and Language Diversity in Russia's Ethnic Republics as a Means to Strengthen Russian Federalism: sociological surveys within the Project (Republics of Bashkortostan and Tatarstan), 2020–2021.

mezhdusoczialnym-i-politicheskim.html (дата обращения: 10.08.2021).

- Жаде 2007 — *Жаде З. А.* Проблема идентичности в современных социальных теориях [электронный ресурс] // Философия и общество. 2007. Вып. № 2 (46). С. 173–184 // URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/254221/> (дата обращения: 10.08.2021).
- Зарипов, Зайлалов 2017 — *Зарипов А. Я., Зайлалов И. И.* Поиск идентичности в эпоху постмодернизма: аксиологические парадоксы этнического самосознания. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2017. 125 с.
- Злоказов 2015 — *Злоказов К. В.* Современные модели развития идентичности личности (в контексте эриксоновской традиции) // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 99–108 // URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2562/1/povr-2015-11-17.pdf> (дата обращения: 17.08.2021).
- Ильин 2021 — *Ильин В. А.* «Казус реципрокности» и другие «неудобства с идентичностью» // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 222–235.

- Кожанов 2013 — *Кожанов И. В.* Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 3 [электронный ресурс] // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9187> (дата обращения: 16.10.2021).
- Мартынов, Пуртова 2013 — *Мартынов М. Ю., Пуртова В. С.* Этническая и гражданская идентичность // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2013. № 3. С. 149–157.
- Мигранова 2021 — *Мигранова Э. В.* Трансформация религиозного мировоззрения башкир // *Ватандаш*. 2021. № 1. С. 120–126.
- Нургалиева, Мухтасарова 2015 — *Нургалиева Э. Н., Мухтасарова Э. А. Р. Г. Кузеев о федерализме и гражданском обществе // Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: ООО «Полиграфсервис», 2015. С. 257–259.*
- Паин, Федюнин 2018 — *Паин Э. А., Федюнин С. Ю.* Проблемы гражданской нации в России и на западе: общее и особенное // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2018. № 1. С. 171–191.
- Псянчин, Каримов, Мигранова 2021 — *Псянчин А. В., Каримов А. Г., Мигранова Э. В.* К вопросу об этноязыковом портрете жителя полиэтнического города (на примере социологического исследования в г. Уфе) // *Городские башкиры: этническая идентичность в условиях полиэтнического города*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. С. 140–147.
- Российская идентичность 2020 — *Российская идентичность: созидательный потенциал культуры казачества: монография / под общ. ред. С. Н. Лукаша. Армавир: РИО АГПУ, 2020. 228 с.*
- Санина 2012 — *Санина А. Г.* Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // *Социологические исследования*. 2012. № 12. С. 57–65.
- Санина, Павлов 2015 — *Санина А. Г., Павлов А. В.* Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // *Управленческое консультирование*. 2015. № 9. С. 30–40.
- Согрин 2011 — *Согрин В. В.* Что есть российская нация и российский народ (Обобщающая работа В. А. Тишкова) // *Общественные науки и современность*. 2011. № 1. С. 117–125.
- Стратегия 2012 — *Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/ (дата обращения: 17.08.2021).*
- Тишков 1996 — *Тишков В. А.* О нации и национализме // *Свободная мысль*. 1996. № 3. С. 30–38.
- Тишков 2003 — *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Тишков 2008 — *Тишков В. А.* Российский народ и национальная идентичность [электронный ресурс] // *Россия в глобальной политике*. 2008. № 4 (июль–август) // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossijskij-narod-i-nacionalnaya-identichnost> (дата обращения: 18.08.2021).
- Тишков 2013 — *Тишков В. А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
- Тишков 2017 — *Тишков В. А.* Россия в XXI веке // *Этническое и религиозное многообразие России*. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 536–550.
- Файзуллин 2020 — *Файзуллин Ф. С.* Этничность и ее роль в развитии современного общества // *Башкирская идентичность в тюркоязычной культурной парадигме России: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. Ч. 1. Уфа: Самрау, 2020. С. 54–64.*
- Филимонов 2018 — *Филимонов А. Г.* Политическая нация в современной России // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2018. № 4 (71). С. 76–80.
- Цветков 2009 — *Цветков О. М.* Российская гражданская нация: проблемы укрепления и интеграции // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, психология, культурология*. 2009. № 3. С. 189–192.
- Barrett 1999 — *Barrett R.* Indexing polyphonous identity in the speech of African American drag queens // *Re-inventing identities: The gendered self in discourse / eds. M. Bucholtz, A. C. Liang, L. A. Sutton. New York: Oxford University Press, 1999. Pp. 313–331.*
- Côté, Schwartz 2002 — *Côté J. E., Schwartz S. J.* Comparing psychological and sociological approaches to identity: Identity status, identity capital, and the individualization process // *Journal of Adolescence*. 2002. № 25. Pp. 571–586.

References

- Barrett R. Indexing polyphonous identity in the speech of African American drag queens. In: Bucholtz M., Liang A. C., Sutton L. A. (eds.) *Re-Inventing Identities: The gendered Self in Discourse*. New York: Oxford University Press, 1999. Pp. 313–331. (In Eng.)
- Belinskaya E. P. Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*. 2018. Pp. 6–15. (In Russ.)
- Côté J. E., Schwartz S. J. Comparing psychological and sociological approaches to identity: Identity status, identity capital, and the individualization process. *Journal of Adolescence*. 2002. No. 25. Pp. 571–586. (In Eng.)
- Drobizheva L. M. All-Russian national identity: searching for definition and distribution dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*. 2020. No. 8. Pp. 37–50. (In Russ.)
- Drobizheva L. M. Russian civil identity: dynamics and potential to consolidate polyethnic society. In: *Ethnic and Religious Diversity of Russia*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2017. Pp. 96–108. (In Russ.)
- Egorova A. The issue of social class identity: between the social and political. *Neprikosnovenny zapas*. 2021. No. 1 (135). Pp. 50–61. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2021/1/problema-klassovoj-identichnosti-mezhdu-sotsialnym-i-politicheskim.html> (accessed: August 10, 2021). (In Russ.)
- Faizullin F. S. Ethnicity and its role in the development of contemporary society. In: *Bashkir Identity in the Turkic Cultural Paradigm of Russia*. Conference proceedings. Vol. 1. Ufa: Samrau, 2020. Pp. 54–64. (In Russ.)
- Filimonov A. G. Political nation in the modern Russia. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2018. No. 4 (71). Pp. 76–80. (In Russ.)
- Ilyin V. A. Ilyin V. A. 'The casus of reciprocity' and other 'inconveniences with identity'. *Social Psychology and Society*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 222–235. (In Russ.)
- Kozhanov I. V. Civil and ethnic identity of a person: the problem of interrelation and interdependency. *Modern Problems of Science and Education*. 2013. No. 3. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9187> (accessed: October 16, 2021). (In Russ.)
- Lukash S. N. (ed.) *Russian Identity: The Constructive Potential of Cossack Culture*. Armavir: Armavir State Pedagogical University, 2020. 228 p. (In Russ.)
- Martynov M. Yu., Purtova V. S. Ethnic and civic identities. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2013. No. 3. Pp. 149–157. (In Russ.)
- Migranova E. V. Transformation of the Bashkir religious worldview. *Vatandash*. 2021. No. 1. Pp. 120–126. (In Russ.)
- Nationalities Policy Strategy of the Russian Federation to 2025. On: Garant.ru (law information portal). Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (accessed: August 17, 2021). (In Russ.)
- Nurgalieva E. N., Mukhtasarova E. A. Rail G. Kuzeev about federalism and civil society. In: *The Fourth Kuzeev Readings — Ethnos, Society, Civilization*. Conference proceedings. Ufa: Poligrafservis, 2015. Pp. 257–259. (In Russ.)
- Pain E. A., Fedyunin S. Yu. The problems of the civil nation in Russia and in the West: general and special. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2018. No. 1. Pp. 171–191. (In Russ.)
- Psyanchin A. V., Karimov A. G., Migranova E. V. Ethnolinguistic portrait of an urban commoner against polyethnic background: a sociological survey in Ufa. In: *Urban Bashkirs. Ethnic Identity in Polyethnic Urban Environment*. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of RAS), 2021. Pp. 140–147. (In Russ.)
- Sanina A. G. The shaping of Russian identity: a civil-and-state approach. *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*. 2012. No. 12. Pp. 57–65. (In Russ.)
- Sanina A. G., Pavlov A. V. State identity: towards the definition of a concept and problem statement. *Administrative Consulting*. 2015. No. 9. Pp. 30–40. (In Russ.)
- Sogrin V. V. What are Russian civil nation and Russian people: V. A. Tishkov's summarizing work analyzed. *Social Sciences and Contemporary World*. 2011. No. 1. Pp. 117–125. (In Russ.)
- Tishkov V. A. About nation and nationalism. *Svobodnaya mysl'*. 1996. No. 3. Pp. 30–38. (In Russ.)
- Tishkov V. A. Requiem for Ethnos: Studies in Sociocultural Anthropology. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.)
- Tishkov V. A. Russia in the 21st Century. In: *Ethnic and Religious Diversity in Russia*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2017. Pp. 536–550. (In Russ.)
- Tishkov V. A. Russia's people and national identity. *Russia in Global Affairs*. 2008. No. 4 (July–August). Available at: <https://globalaffairs.ru>

- ru/articles/rossijskij-narod-i-naczionalnaya-identichnost (accessed: August 18, 2021). (In Russ.)
- Tishkov V. A. The People of Russia: History and Essence of National Consciousness. Moscow: Nauka, 2013. 649 p. (In Russ.)
- Tsvetkov O. M. Russian civic nation: problems of strengthening and integration. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, psikhologiya, kul'turologiya*. 2009. No. 3. Pp. 189–192. (In Russ.)
- Zaripov A. Ya., Zaylalov I. I. Searching for Identity in the Postmodernist Era: Axiological Paradoxes of Ethnic Consciousness. Ufa: Ufa State Petroleum Technological University, 2017. 125 p. (In Russ.)
- Zhade Z. A. The identity issue in contemporary social theories. *Philosophy and Society*. 2007. No. 2 (46). Pp. 173–184. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/254221/> (accessed: August 10, 2021). (In Russ.)
- Zlokazov K. V. Contemporary models of person's identity development (in the context of Erikson's tradition). *Pedagogical Education in Russia*. 2015. No. 11. Pp. 99–108. Available at: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/2562/1/povr-2015-11-17.pdf> (accessed: August 17, 2021). (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 4, pp. 758–769, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811(161.1)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-758-769

Тюрки в ранних арабских источниках: модусный анализ сочинения Ахмеда Ибн Фадлана о путешествии на Волгу

Ахмед Мохаммед Нассер Аль-Рахби¹, Виктория Николаевна Зарытовская², Рената Сергеевна Фаизова³

¹ Российский университет дружбы народов (д. 10, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук
 0000-0003-4010-1634. E-mail: al_rakhbi_a@pfur.ru

² Российский университет дружбы народов (д. 10, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук
 0000-0001-9910-7913. E-mail: widaad@yandex.ru

³ Университет КАЗГЮУ (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М. Нарикбаева)
(д. 8, Коргалжинское шоссе, 010000 Нур-Султан, Казахстан)
кандидат исторических наук, профессор Высшей гуманитарной школы
 0000-0002-1321-8530. E-mail: renata.faizova@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Аль-Рахби А. М., Зарытовская В. Н., Фаизова Р. С., 2021

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья посвящена вопросу субъективности представления тюркских племен в тексте рукописи арабского посланника Ибн Фадлана, совершившего в начале X в. путешествие с миссией из Багдада в Волжскую Булгарию. Авторы ставили *целью*, прибегнув к новейшим лингвистическим теориям, проанализировать влияние личности самого составителя как носителя определенной культуры и конкретных религиозных убеждений, а также историко-бытовых условий написания им произведения на проецируемый в тексте модус, который задает смысл всего исторического документа. *Материалы и методы.* Для полноты изысканий авторы обращались к восстановленному арабскому оригиналу, сравнивая имеющиеся русские переводы между собой и с исходным материалом. Кроме того, учитывались работы современных арабских исследователей различных видов дискурса наследия Ибн Фадлана как части истории и мировоззрения арабов Средневековья. В статье обозначены преобладающие темы и мотивы при описании общественного уклада, традиций и ритуалов

встреченных Ибн Фадланом племен, прежде всего огузов, описаны модусы (осуждения, страха, удивления, восхищения и др.), в которых они реализованы, и выделены языковые средства их экспликации, нарушающие нейтральный стиль повествования. Результаты позволяют сделать *вывод* об обусловленности модуса произведения средневековым мышлением и характерной для араба-мусульманина картиной мира, а также официальным статусом произведения Ибн Фадлана при дворе в Аббасидском халифате периода его расцвета. Выдвигается версия о возможном вымышленном отрывке текста, морфология которого указывает на его сказочный характер. При этом авторы обращают внимание на попытки самого Ибн Фадлана найти точки соприкосновения обеих цивилизаций, прежде всего в поисках божественного, и установить взаимопонимание между народами, у которых в то время еще не было тесных связей — ни культурных, ни торговых.

Ключевые слова: история тюрок, огузы, арабские рукописи, Ибн Фадлан, модус текста

Для цитирования: Аль-Рахби А. М., Зарытовская В. Н., Фаизова Р. С. Тюрки в ранних арабских источниках: модусный анализ сочинения Ахмеда ибн Фадлана о путешествии на Волгу // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 758–769. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-758-769

Turks in Early Arabic Sources: A Modus Analysis of Ahmad Ibn Fadlan's Manuscript Describing His Journey to the Volga

Ahmed Mohammed Nasser Al-Rahbi¹, Viktoriya N. Zarytovskaya², Renata S. Faizova³

¹ Peoples' Friendship University of Russia (10, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer

 0000-0003-4010-1634. E-mail: al_rakhbi_a@pfur.ru.

² Peoples' Friendship University of Russia (10, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor

 0000-0001-9910-7913. E-mail: widaad@yandex.ru.

³ M. Narikbayev KAZGUU University (M. Narikbayev Kazakh Humanitarian Law University University) (8, Korgalzhin Highway, 010000 Nur-Sultan, Kazakhstan)

Cand. Sc. (History), Professor

 0000-0002-1321-8530. E-mail: renata.faizova@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Al-Rahbi A. M., Zarytovskaya V. N., Faizova R. S., 2021

Abstract. Introduction. The article examines the subjectivity in the representation of Turkic clans in ibn Fadlan's famous memoirs devoted to the Arab mission trip undertaken from Baghdad to the Volga Bulgaria in early 10th c. Informed by the latest linguistic theories, the authors *aim* to analyze how the *modus* of his text, i.e. the meaning of the entire historical document, is influenced by the memoirist's personality as a bearer of certain cultural characteristics and of specific religious beliefs, as well as by historical and everyday circumstances at the time the travelogue was written. *Data and methods.* Both the reconstructed Arabic original and available Russian translations and commentaries were used in a comparative mode. In addition, the authors considered the recent works of Arab scholars discussing the issue of discourse types of ibn Fadlan's heritage in the context of the medieval Arab history and thinking. The article focuses on the prevailing themes and motifs in the text of the Arab traveler, when describing the social structures, traditions, and rituals of the Turkic ethnic groups he encountered (chiefly Oгуzes), to identify the moduses (of condemnation, fear, surprise, admiration, etc.) through which these were realized, as well as the linguistic means of their expression that disturbed the neutral style of the story. The *results* of the analysis allow to *draw a conclusion* that the modus of the work was largely shaped by the medieval way of thinking and the world picture characteristic of the Arab-

Muslim traveler, as well as by the official status of ibn Fadlan's work at the court of the Abbasid Caliphate in its heyday. Also, the authors point out that there is a passage in the text that may be fictional, its morphology being largely of a fabulous character. Notably, attention should be drawn to ibn Fadlan's attempts to find some possible commonalities between the civilizations, especially in the heavenly realm, and to promote an understanding between the peoples, even if neither cultural nor trade interaction between them existed at the time.

Keywords: history of the Turks, Oghuz, Arabic manuscripts, ibn Fadlan, modus of the text

For citation: Al-Rahbi A. M., Zarytovskaya V. N., Faizova R. S. Turks in Early Arabic Sources: A Modus Analysis of Ahmad Ibn Fadlan's Manuscript Describing His Journey to the Volga. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 758–769. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-758-769

Введение

Дошедшие до нас списки рукописей арабских путешественников Средневековья имеют неоспоримую научную ценность как наиболее ранние хронологически источники, «сыгравшие выдающуюся роль в установлении этногенеза» [Ковалевский 1950: 265] и не только. В них представлена многогранная картина той части мира, жизнь которой на заре Средневековья описана крайне скудно, в первую очередь из-за того, что другие записи в ходе истории были утеряны [Крачковский 1939: 9].

Речь идет об известных трудах багдадцев периода Аббасидского халифата первой половины X в. — Ахмеда Ибн Фадлана с его отчетом о путешествии на Волгу, Ибн Хаукаля с его сочинением «Пути и страны» [The Oriental Geography 1964], Абу Исхака аль-Истахри с «Книгой климатов»¹, аль-Масуди, автора энциклопедического труда «Золотые копи и россыпи самоцветов», прозванного арабским Геродотом [Ал-Масуди 2002], а также уроженца Андалусии исламского миссионера Абу Хамида аль-Гарнати [Большаков 1971] и Ибн Баттуты, берберского путешественника и купца XIV в. с его «Подарком, созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий» [Выписка из арабского путешественника 1818] и др.

Эти путевые заметки и составленные по их итогам рукописи включают уникальные этнографические, географические и климатические сведения, способствовавшие прояснению ряда исторических вопросов.

¹ «Книга климатов» Абу-Исхака аль-Истахри аль-Фарси (около половины X-го века) [электронный ресурс] // URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/14.htm (дата обращения 15.08.2021).

Так, они содержат ценнейшие наблюдения о религиозных верованиях, общественных отношениях, правовых нормах, торговом обмене, монетах и многом другом, что касалось увиденных арабскими путешественниками народов (огузов, киргизов, карлуков, кимаков, печенегов, хазар, болгар, а также славян), в первую очередь тюрков Центральной Азии и Волги, а также славян и хазар, на раннюю историю которых обращены пристальные взгляды отечественных исследователей [Ибрагимов 1988; Миккульский 1998; Галкина 2010].

Обнаруженная в 20-х гг. прошлого столетия в иранском Мешхеде относительно полная (более двух сотен листов, конец безвозвратно утрачен), но, главное, подлинная рукопись секретаря посольства халифа аль-Муктадира (годы жизни: 895–932) Ахмеда Ибн Фадлана о путешествии его миссии (921–922 гг.) из Багдада к болгарскому царю, изъявившему желание принять ислам, заключала важный материал для специалистов — не только историков, но и филологов, приступивших к ее анализу и переводу. Фотокопия Мешхедской рукописи, которая хранится в библиотеке при гробнице имама Али ибн-Риза (Мешхед, Иран), в 1935 г. была передана правительством Ирана в дар Академии наук СССР [Ковалевский 1956: 6].

Основатель советской школы арабистики академик И. Ю. Крачковский и позднее профессор А. П. Ковалевский, если речь идет о русскоязычном сегменте изучения этого источника, подвергли текст лингвистическому анализу согласно актуальным в середине прошлого века языковым теориям. Однако еще тогда И. Ю. Крачковский в своем предисловии к переводу и комментари-

ям к «Путешествию Ибн Фадлана на Волгу» (1939 г.) писал, что проделанная им самим серьезная работа «только первый шаг в исследовании нового материала и не претендует на решение всех вопросов, связанных с Ибн Фадланом вообще» [Крачковский 1939: 5]. Академик подчеркивал, что «из вступительной статьи ясно, сколько таких вопросов подлежит дальнейшему изучению как историков, так и филологов» [Крачковский 1939: 5].

Вместе с тем со времени открытия рукописи лингвистические теории не стояли на месте, развиваясь с уклоном в антропо- и текстоцентричность, т. е. представляя текст как целое в качестве объекта исследования и пропуская его через социологию и психологию. В частности, обозначенный еще Ш. Балли лингвистический модус, который позволяет «осмыслить высказывание относительно условий и условностей общения» [Шмелева 1994: 27], увидеть мотивацию автора и глубже понять текст, сегодня анализируется весьма широким инструментарием, устанавливающим субъективную часть смысла и имплицитное качество высказывания и объясняющим их генез.

Отметим, что понятие модуса в лингвистике за последние годы стремительно разрослось, выйдя на уровень текста и охватив как композицию текста, его модальность, так и оценочную лексику, в том числе наречий, частиц, во всем их спектре и др., что совсем недавно выпадало из исследовательского фокуса. Сегодня «сам подбор фактов и их расположение можно назвать модусно-ориентированными, а иногда прямо — чистым модусом» [Копытов 2015: 73].

Провести модусный анализ текста Ибн Фадлана позволяют три обстоятельства: во-первых, автор является очевидцем описанного, а не перекладывает чужие записи, что, надо сказать, было распространено в арабской словесной традиции Средневековья². Так, сначала стали известны именно укороченные пересказы отрывков из Ибн Фадлана более поздних авторов XII и XV вв. (персов Наджиба Хамадани и Амина Рази соответственно) [Ковалевский 1956: 7], а также извлечения из рукописи, сделанные

в XII в. Якутом (Йакутом ар-Руми) [Ковалевский 1956: 7], прозванным И. Ю. Крачковским «ученейшим компилятором», для «Географического словаря» [Крачковский 1939: 9].

Во-вторых, мы располагаем достаточно полным и законченным в композиционном и смысловом отношении сочинением, дающим возможность проводить сравнения различных частей текста, осуществлять выборку и делать выводы на основе цепочки примеров, а не одиночных словоупотреблений, а также корректно сравнивать отрывки по модусу. Как мы предполагаем, детальный анализ модуса текста Ибн Фадлана позволит пересмотреть закрепившуюся точку зрения о том, что путешественник описывает традиции и нравы встреченных народов в несколько негативном ключе, «во многом односторонне», «пренебрежительно относится к людям ничтожным» [Ковалевский 1956: 7–8].

В-третьих, что касается самого литературного арабского языка, на котором написана рукопись, то закрепленный и кодифицированный в Коране в VII в., то он не претерпел столь значительных изменений, как европейские языки, в том числе и русский, который, как известно, развился за это время из древнерусского в современный. Безусловно, с новыми явлениями в арабскую лексику проникали неологизмы, становившиеся со временем его неотъемлемой частью, а слова, обозначавшие отжившие явления и устаревшие предметы быта, например, уходили на второй план, а потом исчезали из оборота, но, тем не менее, арабский язык сохранил мощный остов своего словаря и грамматики [Derwish 2008]. Следовательно, расхождения между языком Ибн Фадлана и современным литературным арабским языком столь незначительны, что не могут повлиять на наши выводы.

Материалы и методы

Для проведения объективного исследования мы опирались как на работы советской школы арабистики ее наиболее плодотворного классического периода (И. Ю. Крачковский, А. П. Ковалевский) [Крачковский 1955–1960; Ковалевский 1934; Ковалевский 1965; Ковалевский 1973], так и на статьи современных арабских исследователей [Алнадаф 2018], в том числе не переведенные

² Нурлан З. Переписчики арабских книг [электронный ресурс] // URL: <http://alfarabinur.kz/arabskaya-literatura/perepischiki-arabskikh-knig.html> (дата обращения: 16.08.2021).

на русский и английский языки [Al-Harthi 2014], в которых авторы оперируют такими актуальными на сегодня для лингвистики понятиями, как *дискурс*, *модус*, *концепт*, *картина мира*, *лингвокультурема* и др., и представляют свой взгляд как носители арабского языка и культуры на сочинение Ибн Фадлана.

В рамках работы мы попытались провести модусный анализ текста средневековой рукописи, определив его жанр, стилистические регистры, использованные средства экспрессии и др. Безусловно, мы не ограничились несколькими переводами рукописи на русский язык и использовали дополняющие и уточняющие друг друга переводы И. Ю. Крачковского [Крачковский 1939] и А. П. Ковалевского [Ковалевский 1956]. Мы провели сравнительный анализ адекватности переводов в интересующих нас отрывках, а также неоднократно обращались к скан-копии самой мешхедской рукописи и ее современной перепечатке восстановленного текста в дамасском издании 1959 г. [Ibn Fadlan 1959].

Генезис модуса текста Ибн Фадлана и его экспликация

Исторические условия создания текста и определение его жанра

Вначале выскажем несколько соображений о тех исторических и социальных условиях, в которых создавался текст, целях его написания и предполагаемом адресате — без этого невозможно приступить к полноценному анализу модуса текста и сделать выводы о качестве его содержания. Во-первых, нельзя не обратить внимание на «ангажированность» приближенного к власти автора, назначенного фактически послом халифа, который составлял свои записи для двора [Al-Harthi 2014: 27], поэтому, скорее всего, не мог нарушать неписанное правило, на которое указывает в своем исследовании «модуса неприятия» Ибн Фадлана оманская исследовательница Джоха аль-Харти, заключавшегося в выражении цивилизационного превосходства ислама, Багдада и арабской культуры в целом [Al-Harthi 2014: 28].

Косвенно нашу точку зрения подтверждает то, что сочинение Ибн Фадлана (на арабском: *Risaalat Ibn Fadlan*) получило сразу статус *рисаля*, т. е. послание, официальное обращение, в котором по традиции должны

быть соблюдены элементы протокола³, в нашем случае — багдадского двора, «система управления которого предполагала высокую степень централизации всего управленческого аппарата» [Варьяш 2020: 14].

На официальный статус документа указывает и жанровая характеристика в виде отчета. Автор исправно вносит даты: какого месяца и какого числа по мусульманскому календарю он прибыл с миссией в тот или иной город или выдвинулся караваном из него. Интересно, что Дж. аль-Харти выдвигает предположение, что положительные отрывки, касающиеся тюрок, если такие имели место, могли быть намеренно изъяты либо самим автором, либо какими-то официальными лицами, иначе текст не прошел бы цензуру [Al-Harthi 2014: 31].

О практике цензуры в халифате писал и отечественный историк-арабист И. М. Фильштинский, упоминая, что в обязанности почтового ведомства «входило также такое деликатное дело, как просмотр корреспонденции и информирование правительственных инстанций о ее содержании» [Фильштинский 2006: 34].

Также не исключено, что само путешествие оставило у автора негативные впечатления, повлиявшие на модус изложения. Ведь посольство потерпело полную неудачу: на хазарских территориях в то время мусульмане подвергались репрессиям [Ковалевский 1956: 33]; не получивший средств на строительство крепости правитель болгар, к которому была направлена миссия с целью сделать его подданным аль-Муктадира, предпочел не рисковать связями со Средней Азией [Ковалевский 1956: 28–29]; огузы, занимавшие тогда область западного Казахстана, ислам также не приняли [Ковалевский 1956: 26]. Среди знати огузов, как свидетельствует Ибн Фадлан, наибольшее влияние имел Этрек, начальник войска. Ибн Фадлан преподнес ему щедрые подарки. Этрек радушно принял посольство, но к предложению принять ислам отнесся крайне осторожно, сказав, что даст халифу

³ Hamid Al-Ahmed. Ar-rasaail al-adabiyya: jins adabiy laa yafnii (= Литературный жанр письма: неисчезнувший вид литературы) [электронный ресурс] // URL: <https://www.nashiri.net/index.php/articles/literature-and-art/6026-2016-12-08-07-43-05> (дата обращения: 16.08.2021).

ответ, когда послы будут ехать обратно [Ковалевский 1956: 36].

Сам путь был полон очевидных трудностей: «Итак, мы остановились на этой остановке два дня, потом мы устремились в страну турок, не сворачивая ни перед чем, и никто нам не встретился в пустынной степи без единой горы. Итак, мы ехали по ней десять дней, и нам встретились бедствия, трудности, сильный холод и последовательное выпадение снегов, при котором холод Хорезма был подобен дням лета. И мы позабыли все, что проходило мимо нас, и были близки к гибели наших душ» [Ковалевский 1956: 125]. Можно предположить, что модус повествования в таких экстремальных для рассказчика условиях может поменяться в сторону негативного отношения к описываемым вещам, фактам и событиям вследствие пережитых потрясений.

Средневековое мышление и ислам как факторы, повлиявшие на формирование модуса текста

Ключевое значение для понимания модуса текста имеет и тот исторический факт, что до II в. по хиджре⁴ у арабов не было тесных отношений с тюрками, даже в сфере торговли [Кункова 2011: 57]. Привычный для арабов мир ограничивался Индией, Китаем и Римской Империей. Излишне напоминать, что непознанное в Средневековье порождало множество легенд и предположений, обрастающих массой шокирующих подробностей (достаточно вспомнить читаемую на Руси «Александрию»). В то время «пограничье обитаемого мира традиционно рассматривалось как территория неблагоприятная» [Водолазкин 2020: 296].

Люди Средневековья «предостерегали друг друга, чувствуя угрозу идентичности, обращали внимание на то, что неосторожные и неразумные одеваются по чужой моде, говорят на чужом языке, оскверняют себя чужой едой и питьем, забываются на чужих праздниках» [Варьяш 2020: 86].

Для Средневековья вообще была характерна религиозная экзальтированность. А что касается багдадца Ибн Фадлана, то «важнейшее место в его картине мира занимала религия, повлиявшая на формирование общей оценки другого общества с точки зрения арабо-мусульманского видения»

[Алнаддаф 2018: 116]. Именно это видение продиктовало Ибн Фадлану при составлении рукописи смещение фокуса на вещи и понятия, которые особо важны в исламе, — вера в единобожие, церемонии поклонения, бракосочетания, похоронные обряды и др. [Ковалевский 1956: 126].

Так, Ибн Фадлан в одном из эпизодов своего сочинения не может не обратить внимания на то, что булгары положительно относятся к лаю собак, радуются ему как доброму знаку, поскольку у арабов-мусульман еще со времен Пророка лай собаки — предвестник нехорошего, их не принято держать в качестве питомцев [Пузанов 2018: 63]. От нейтральной лексики к оценочной автор отходит и при упоминании о том, что тюрки не носят бороды, что являлось для мусульманина-араба нормой, и сравнивает безбородого то с козлом, то с евнухом [Ковалевский 1956: 128–129].

Если не обращать внимания на оценочные сравнения, то в тексте Ибн Фадлана слышится сочувствие, например, когда он, используя неоправданно длинный ряд глаголов движения, говорит о кочевниках, которые живут в палатках, останавливаются то в одном месте, то в другом, что поселения их разбросаны повсюду по степям, что они перемещаются, когда и куда придется, и находятся в бедственном положении. Воздействие на читателя в этом отрывке усиливает не только семантика движения-скитания, но и фонетический ассонанс согласных, а также рифма, например: *نولح تريو نولحي* *yahulluuna wa yartahiluuna* ‘останавливаются и пускаются в путь’ [Ibn Fadlan 1960: 91].

Прослеживается у Ибн Фадлана и попытка найти точки соприкосновения с тюрками в понимании божественного. Для этого он при передаче слов героев повествования использует типичные религиозные формулы на арабском (например, *ля илляхи илля алла ва мухаммеду расул аллахи*) либо переводит с языка тюрков нечто близкое к этому, либо обстоятельно поясняет от себя, что это по большому счету одно и то же и по-арабски, и на языке тюрков: «Я слышал, как они говорили „Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед пророк Аллаха!“, или а если кого-нибудь из них постигает несправедливость, то поднимает голову к небу и говорит „Бир тенгри“, а это по-тюркски „клянусь богом единым“, так как „бир“ по-тюркски один, а „тенгри“

⁴ По григорианскому стилю VIII в. н. э.

на языке тюрков — „бог“» [Ковалевский 1956: 125–126].

Вопрос о подлинности и достоверности рукописи Ибн Фадлана

Неоднократно выражалось в научных кругах сомнение в достоверности рукописи Ибн Фадлана [Вестберг 1908; Спицын 1899; Markwart 1924]. Наиболее авторитетными отечественными специалистами оно однозначно опровергалось с утверждением документального, а не фантазийного характера текста [Ковалевский 1956; Тизенгаузен 1900; Якубовский 1948].

В первую очередь их мнение основывалось на содержащихся в сочинении точных географических данных, которыми можно было оперировать только в случае установления их эмпирическим путем. Обратимся к лингвистическому анализу отрывка: «Он сказал: и мы уехали из страны этих [людей] и переправились через реку Джарамсан, потом через реку Уран, потом через реку Урам, потом через реку Байнах, потом через реку Ватыг, потом через реку Нийасна, потом через реку Джавшыз» [Крачковский 1939: 67]. Подобное строгое перечисление точных сведений, не уведующее читателя в сторону от фактов и не маскирующее их эмоциональным описанием чего-либо, по нашему убеждению, автор может включать в текст, только если он более чем уверен в них либо проверял сам.

Тем не менее элемент художественного вымысла в тексте, несомненно, присутствует, поскольку в нем часто заинтересован рассказчик. Прибегая к этому, автор вносит элемент интриги и усложняя сюжет, автор делает текст более привлекательным для читателя. Сам жанр средневековой арабской литературы *рихля* (описание путешествия в поисках знания или в целях миссионерской деятельности)⁵, к которому тяготеет текст Ибн Фадлана, нельзя назвать сугубо документальным, лишенным индивидуального начала. Так, в одном из эпизодов Ибн Фадлан сообщает то, о чем сам он мог только догадываться или предполагать, в крайнем случае, получить из третьих рук, но из текста видно, что он не мог быть свидетелем событий, которые описаны в тексте. Он не понимал язык тюрков: до этого в дороге ему

переводит тюрк-слуга Такин, и он сам неоднократно просит его переводить то, что хочет сказать. Согласно Ибн Фадлану, военачальники огузов, собранные Этреком на совещание, обсуждали вопрос не о принятии ислама, а о том, как поступить с самими послами. Предложения были следующие: убить, дочиста ограбить или отдать хазарам в обмен на пленных соплеменников [Ковалевский 1956: 129].

Отметим, что именно подобные сцены, в достоверности которых мы имеем право сомневаться, создают в полотне текста Ибн Фадлана негативный модус угрозы и страха перед другим, который мы не можем со всей уверенностью признать как отражающий реальность.

Традиции и нравы тюрков в фокусе арабского путешественника

Если не анализировать сравнение церемоний погребения, бракосочетания и т. д., имеющие строгие каноны в исламе, с традициями тюрков, которые вызвали у багдадских посланников невольное осуждение именно из-за несоответствия их принятому у арабов, что выразилось в неоднократных восклицаниях *للا رف غتسا* *astaghfiru allah* 'Помилуй, боже!', можно отметить, что Ибн Фадлан, вслед за другими арабскими авторами, описывает определенные черты устройства общественной жизни и моральные принципы тюрков, которые находит достойными упоминания и уважения.

Один из арабских исследователей пишет: «Ат-Таухиди (ум. в 932 г.) в своей книге «Интерес и дружелюбие» сделал схожие с аль-Джахизом логические заключения... Он выделил ряд культурных особенностей для каждой нации, в том числе для европейских народов: у персов политика, литература, постановления и налоги. У Рима знания и мудрость. У Индии мысль, видение, проворность и магия. У тюрков мужество, смелость и отвага» [Алнадаф 2018: 103]. Неслучайно, что качества тюрков описаны практически синонимическим рядом. Подбор близких по значению единиц, одного семантического поля, говорит ни о чем ином, как о впечатлении от силы этого морального качества тюрков, которое мало называть одним словом⁶.

⁵ Сочинение Ибн Фадлана тяготеет к этому жанру, однако, строго говоря, нельзя утверждать его принадлежность к жанру *рихля*.

⁶ *Muraadifaat wa addad jara fii qaaamuus al-maany* (= Синонимы и антонимы к слову смелость) // *Mufradaat Allughat* (= Арабский тезау-

Возьмем для иллюстрации описание похоронной традиции огузов, по модусу совершенно отличное от приобретенного известность благодаря картине Генриха Семирадского «Похороны знатного руса» (1883) отрывка описания похорон славян. Несмотря на несхожесть ритуала огузов канонам ислама (например, тело не погребалось в земле), синтаксис, выбранный Ибн Фадланом в этом отрывке — стройный, сжатый и стремительный с отсутствием эмоционально-окрашенной лексики, сменой коротких предложений с предикативами — соответствует картине похорон настоящего воина: «...возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилем и накладывают и над ним нечто вроде купола из глины. [Потом] возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают [все] это на деревянных сооружениях и говорят: „Это его лошади, на которых он поедет в рай“. Если же он когда-либо убил человека и был храбр, то [они] вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: „Вот его отроки, которые будут служить ему в раю“» [Крачковский 1939: 63].

Ибн Фадлан отмечает военную доблесть огузов. Неслучайно, что «в летописном сказании „Огузнаме“ повествуется о походах огузского кагана на запад, а в тюркских легендах и летописях часто встречаются сведения о походах огузов в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и китайские земли» [Политическое положение].

Мы обнаруживаем три проходящие красной нитью сквозь повествование Ибн Фадлана мотивы в описании тюрок:

1) сила родственных связей. Так, из-за несогласия членов клана главы племен не принимают ислам: «Первый из их царей и главарей, кого мы встретили, был Йынал Маленький. Он прежде принял [было] ислам. Но ему было сказано: «Если ты принял рус» [электронный ресурс] // URL: <https://www.almaany.com/ar/thes/ar-ar/أر/ج> (дата обращения: 16.08.2021).

ислам, ты уже не главенствуешь над нами». Тогда он отказался от своего ислама» [Ковалевский 1956: 127];

2) развитые общинные отношения. Как известно, огузское государство опиралось на военную демократию: народное собрание у огузов созывалось раз в год, а с расцветом общества верховная власть управления страной стала принадлежать великому и малому курултаю [Курылев 1964]. Ибн Фадлан засвидетельствовал еще в 20-х гг. X в. демократичное общественное устройство огузов: «И управляет ими совет между ними. Но только пока они потратятся на что-либо, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и уничтожает то, на чем они уже сошлись» [Крачковский 1939: 60]. В этом отрывке находим нарушение нейтрального порядка слов, когда автор, придворный всевластного и единолично правившего халифа, «излишне» дважды описывает в превосходной степени самого жалкого и самого ничтожного (но влияющего на решение), выражая к нему свое явное негативное отношение, а также описывает его действие (по отмене решения) деструктивным глаголом — отменить, уничтожить. В арабской рукописи выделенные слова русского перевода — прилагательные с коннотацией пренебрежения لذرأ arzal [Баранов 2006: 294] и سَخْ akhass [Баранов 2006: 220] и глагол ضَرَقْنَ naqada [Баранов 2006: 825] [Ibn Fadlan 1959: 91];

3) строгое соблюдение денежно-правовых норм на основе принципов высокой морали.

Тюрки, как упоминает Ибн Фадлан, преследуя своих должников, не брали с них лишнего: «Потом он идет к самому выдающемуся из купцов, которого он видит среди них, развязывает его имущество... и берет из его дирхемов соответственно его имуществу (бывшему в пользовании) у этого (умершего) купца без лишнего зернышка» [Крачковский 1939: 62]. Здесь ‘без лишнего зернышка’ — дословный перевод образного фразеологизма وَابَحِ الْوِ wa la habbat, подчеркивающего совесть берущего.

Специалисты-тюркологи также замечают, что «Ибн-Фадлан в отношении башкир применяет термин „халк“, т. е. „народ“, но никак не „кабила“ (племя, род), которым он охарактеризовал огузов и эсегиль. Это — показатель более высокого уровня сплоченно-

сти и самосознания башкир» [Аминев 2011: 207]. То, что Ибн Фадлан называет остальных тюрок именно племенами — قبايل qabiilat, по нашему убеждению, не означает, что арабский путешественник использует этот термин, чтобы показать «незрелость», неорганизованность или отсутствие сплоченности в их рядах. Если более глубоко взглянуть на концепт слова qabiilat и его употребление как в Средневековье, так и сегодня, мы не увидим в нем подобного содержания, говорящего, что у племени нет самосознания себя как целого, как народа. Qabiilat в арабской картине мира подразумевает исключительно родственную общность и скорее соответствует европейскому понятию *фамилия* в широком ее понимании или славянскому понятию *род* со всей возможной положительной коннотацией этих слов. И сегодня в паспортах граждан ряда арабских государств графа фамилия значится как qabiilat.

Вероятные искажения модуса текста Ибн Фадлана при переводе на русский

Нельзя не коснуться и того, что перевод отдельных лексических единиц заставляет пересмотреть иногда позицию автора по отношению к объекту описания и то, какие именно коннотации и эмоции он хотел до нас донести. Например, в арабском исходном тексте встречается эпитет тюрок زيفر زafirin по отношению к группе лиц (или к лицу) [Ibn Fadlan 1959: 130], который немецкий и российский арабист первой половины XIX в., профессор Казанского университета Х. Френ, как указывает И. Ю. Крачковский, пропустил при переводе, хотя последний также его не перевел, но до этого использовал перевод этой же единицы как «сильно пахнущий» исключительно в отношении еды и оставил в конце своего издания комментарий о неясности слова, описывающего людей, эту еду употреблявших [Крачковский 1939: 115–116].

А. П. Ковалевский же в обоих случаях поставил в русском переводе слово «вонючий», которое снижает стилистику текста и переводит модус в негативный: «У них совершенно нет ни оливкового масла, ни масла сезама, ни животного жира, и, право же, они употребляют вместо этих жиров рыбий жир. И все, что они с ним употребляют, бывает **вонюче** от жира, и они сами из-за этого бывают **вонючи** из-за жира» [Ковалевский 1956: 136].

Наши изыскания в арабском тезаурусе, которым не располагали специалисты первой половины прошлого века, приводят к тому, что данное слово, по форме действительно обладающее категориями множественного числа, мужского рода и одушевленности, не имеет столь негативное оценочное составляющее, так как в том числе, далеко не в первом своем словоупотреблении, стоит в ряду синонимов, объединенных общим понятием *смелости* [Mufradaat Allughat].

Заключение

Рукопись X в. арабского путешественника Ибн Фадлана как исторический источник имеет огромную научную ценность. При этом текст ее содержит не только объективные данные (даты, имена племенных вождей, расселение народов, состав металлов монет, перечень встреченных путешественником представителей других народов и пр.), но к тому же, тяготея к художественным формам, отражает мышление и настроения автора, обусловленные временем, местом и обстоятельствами ее написания, а также картиной мира автора как носителя арабо-мусульманской культуры.

Повествование ведется от первого лица, в нем присутствует авторское начало, автор выражает свое отношение к тому, что фиксирует, — как открыто, так и имплицитно — такими средствами, как выбор объекта описания, последовательность изложения, нарушение нейтрального порядка слов, использование эмоционально окрашенной лексики, повторы, снижение стиля и др. Все это создает определенный модус, влияющий на те выводы, которые делают из текста историки, этнографы, теологи, культурологи и другие специалисты, приступающие к ее изучению.

Мы попытались объяснить направление модуса текста Ибн Фадлана официальным статусом письма, нормами шариата, арабской картиной мира, средневековой религиозной экзальтированностью, отсутствием тесных отношений с тюрками в тот исторический период и др., а также рассмотреть конкретные языковые средства его реализации: узкий выбор тем для описания (похоронные обряды, практика демократии, единобожие и др.), многочисленные нарушения нейтральности речи, когда автор осуждает то, что вступает в противоречие с нормами

ислама, либо восхищается какими-то качествами встречаемых племен, прибегая к изменению порядка слов, синонимическому ряду эпитетов и др.

Проведенный анализ показывает, что текст рукописи написан в определенных идеологических рамках, за которые автор не мог объективно выйти. Вместе с тем мы пытались сосредоточиться на тех моментах, которые сближают арабскую и тюркскую культуры и вызывают у обоих народов взаимное уважение. В ходе анализа мы также

показали, насколько выбор переводческих средств при передаче отдельных арабских слов и фразеологизмов, в своих отрывках являющихся ключевыми для понимания смысла, смещая модус исторического документа.

Все это, по нашему убеждению, позволяет проанализировать рукопись Ибн Фадлана в нескольких измерениях — от исторического до лингвокультурологического — и уточнить не только передаваемый набор смыслов, но и объяснить их генезис.

Источники

Ibn Fadlan 1959 — *Ibn Fadlan*. Risaalyat Ibn Fadlan [Сочинение Ибн Фадлана]. Damascus: Almajmuatal Aalyamiya Al-arabiya, 1959. 230 p. (In Arab.)

Литература

- Алнаддаф 2018 — *Алнаддаф Сафуан Нассиф*. Образ Европы в представлении арабов в Средние века: факторы формирования образа // История повседневности. 2018. № 2 (7). С. 98–108.
- Ал-Масуди 2002 — *Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ибн Али ал-Масуди*. Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.]. М.: Наталис, 2002. 800 с.
- Аминев 2011 — *Аминев З. Г.* Восточные авторы о башкирском обществе // Актуальные проблемы истории и этнологии: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию со дня рождения Р. З. Янгузина и 20-летию образования кафедры истории РБ и этнологии (г. Уфа, 15 ноября 2011 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 207–214.
- Баранов 2006 — *Баранов Х. К.* Большой арабско-русский словарь. М.: Живой язык, 2006. 926 с.
- Большаков 1971 — *Большаков О. Г.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: ГРВЛ, Наука, 1971. 134 с.
- Варьяш 2020 — *Варьяш И. И.* Мусульманская Европа. Сигналы идентичности. СПб.: Наука, 2020. 255 с.
- Вестберг 1908 — *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе [электронный ресурс] // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XIII. Январь-февраль. Отдел наук. СПб.: Сенатская тип., 1908. С. 364–412. (Библиотека Руниверс). URL: <https://runivers.ru/bookreader/book461079/#page/1012/mode/lup> (дата обращения: 10.08.2021).

Sources

- Ibn Fadlan. Eyewitness Accounts by Ibn Fadlan. Damascus: Almajmuatal Aalyamiya Al-arabiya, 1959. 230 p. (In Arab.)
- Водолазкин 2020 — *Водолазкин Е. Г.* Дом и остров, или Инструмент языка. М.: АСТ, 2020. 384 с.
- Выписка из арабского путешественника 1818 — Выписка из арабского путешественника // Вестник Европы. 1818. Ч. 101. № 20. С. 287–298.
- Галкина 2010 — *Галкина Е. С.* Этнотопы Восточной Европы в циклах «о тюрках» арабской географической литературы [электронный ресурс] // Rossica antiqua. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnosy-vostochnoy-evropy-v-tsikle-o-tyurkah-arabskoy-geograficheskoy-literatury/viewer> (дата обращения 15.08.2021).
- Ибрагимов 1988 — *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: ГРВЛ, Наука, 1988. 128 с.
- Ковалевский 1934 — *Ковалевский А. П.* Описание восточных рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета // Библиография Востока. 1934. Вып. 7. С. 93–115.
- Ковалевский 1950 — *Ковалевский А. П.* О степени достоверности Ибн-Фадлана // Исторические записки. Т. 35. М.: Изд-во Института истории АН СССР, 1950. С. 265–293.
- Ковалевский 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во АН СССР, 1956. 344 с.
- Ковалевский 1965 — *Ковалевский А. П.* Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1965. 63 с.
- Ковалевский 1973 — *Ковалевский А. П.* Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным Аль-Масуди // Вопросы историо-

- графии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973. С. 62–79.
- Копытов 2015 — *Копытов О.* Концепция модуля на пространстве текста и ее возможности для исследования медиатекста // *Медиалингвистика*. 2015. № 4 (10). С. 69–82.
- Крачковский 1939 — *Крачковский И. Ю.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 228 с.
- Крачковский 1955–1960 — *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. 1–6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955–1960.
- Кункова 2011 — *Кункова В. И.* Торговые отношения арабов до династии Аббасидов // *Общество. Среда. Развитие (Тегга Нумана)*. 2011. № 1. С. 57–60.
- Курылев 1964 — *Курылев В. П.* Общественный строй огузов по данным эпоса «Деде Коркут». М.: Наука, 1964. 8 с.
- Микульский 1998 — *Микульский Д. В.* Арабский Геродот. М.: Алетея, 1998. 229 с.
- Политическое положение — Политическое положение. Государства раннего средневековья Казахстана [электронный ресурс] // *История — наставница жизни*. URL: <http://www.timeshistory.ru/historys-639-1.html> (дата обращения: 11.08.2021).
- Пузанов 2018 — *Пузанов Д. В.* Сообщение Ибн Фадлана о гадании населения Поволжья по собачьему вою и поздние приметы тюркских и славянских народов // *Историко-культурное наследие народов Урало-Приволжья*. 2018. № 4. С. 63–67.
- Спицын 1899 — *Спицын А. А.* О степени достоверности записки Ибн-Фадлана. СПб.: [б. и.], 1899. 16 с.
- Тизенгаузен 1900 — *Тизенгаузен В.* В защиту Ибн-Фадлана // *Записки Восточного отделения Русского археологического общества*. Т. XIII. СПб.: Тип. Имп. АН, 1900. С. 24–32.
- Фильштинский 2006 — *Фильштинский И. М.* История арабов и халифата (750–1517 гг.). М.: АСТ; Восток-Запад, 2006. 349 с.
- Шмелева 1994 — *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск: Изд-во КГУ, 1994. 47 с.
- Якубовский 1948 — *Якубовский А. Ю.* К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках // *Советская археология*. 1948. Т. X. С. 250–270.
- Al-Harhi 2014 — *Jokha Al-Harhi*. Ibn Fadlan fii balyadil ajaib: Al-uhra fii rihlya Ibn Fadlan (= Ибн Фадлан в краях чудес: другой в записках Ибн Фадлана) // *Majjyalat Haliil*. 2014. № 2. Pp. 27–34 (In Arab.)
- Derwish 2008 — *Derwish Ahmed*. Madkhal ilaal adab alarabiyyil hadith (= Введение в современную арабскую литературу). Cairo: Dar al-uluum, 2008. 215 p.
- Markwart 1924 — *Markwart J.* Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert // *Ungarische Jahrbücher*. B. IV. Heft 3/4, 1924. Pp. 261–334 (In Germ.)
- Mufradaat Allughat — Taerif wa maenaa zifr fi mejm almaeani aljamie (= Определение и значение корня zifr и его переводы) [электронный ресурс] Mufradaat Al-lughat [Арабский тезаурус] // URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/arfz/> (дата обращения: 10.08.2021) (In Arab.)
- The Oriental Geography 1964 — *The Oriental Geography of Ebn Haukal an Arabian traveler of the tenth century / transl. by Sir W. Ously*. London, 1800. 327 p.

References

- Al-Masudi. The Meadows of Gold and Mines of Gems [History of the Abbasid Dynasty, 749–947]. Moscow: Natalis, 2002. 800 p. (In Russ.)
- Alnaddaf S. N. The image of Europe in the representation of the Arabs in the Middle Ages: Factors of forming the image. *History of Everyday Life*. 2018. No. 2 (7). Pp. 98–108. (In Russ.)
- Aminev Z. G. Oriental authors about Bashkir society. In: *Topical Issues of History and Ethnology. Jubilee conference proceedings* (Ufa; November 15, 2011). Ufa: Bashkir State University, 2011. Pp. 207–214. (In Russ.)
- Baranov Kh. K. Unabridged Arabic-Russian Dictionary. Moscow: Zhivoy Yazyk, 2006. 926 p. (In Russ.)
- Bolshakov O. G. Travel of Abu Hamid al-Gharnati to Eastern and Central Europe, 1131–1153. Moscow: Nauka — GRVL, 1971. 134 p. (In Russ.)
- Definition and meaning of the root *zifr*, and its translations. In: *Mufradaat Allughat* (Contemporary Dictionary of Arabic). Available at: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/arfz/> (In Arab.)
- Derwish A. An Introduction to Modern Arabic Literature. Cairo, 2008. 215 p. (In Arab.)
- Excerpt from one Arabian traveler's notes. *Vestnik Evropy*. 1818. Vol. 101. No. 20. Pp. 287–298. (In Russ.)
- Filshinsky I. M. History of Arabs and the Caliphate, 750–1517. M.: AST; Vostok-Zapad, 2006. 349 p. (In Russ.)

- Galkina E. S. Ethnic groups of Eastern Europe in the cycle 'On the Turks' from Arab geographical literature. *Rossica Antiqua*. 2010. No. 1. Pp. 54–98. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnosy-vostochnoy-evropy-v-tsikle-o-tyurkah-arabskoy-geograficheskoy-literatury/viewer> (accessed: August 15, 2021). (In Russ.)
- Jokha Al-Harhi. Ibn Fadlan in the wonderland: The other in Ibn Fadlan's writings. *Majjyalat Haliil*. 2014. No. 2. Pp. 27–34 (In Arab.)
- Ibragimov N. Ibn Battuta and His Travels in Central Asia. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. 128 p. (In Russ.)
- Kopytov O. The concept of modus in a text and its potential to explore mediatext. *Media Linguistics*. 2015. No. 4 (10). Pp. 69–82. (In Russ.)
- Kovalevsky A. P. Central Scientific Library of Kharkov State University: A description of Eastern manuscripts. In: *Bibliography of the East*. Vol. 7. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1934. Pp. 93–115. (In Russ.)
- Kovalevsky A. P. Ibn-Fadlan's accounts: Degree of reliance revisited. *Istoricheskie zapiski*. 1950. Vol. 35. Pp. 265–293. (In Russ.)
- Kovalevsky A. P. Ahmad Ibn-Fadlan's Manuscript about His Journey to the Volga in 921–922 AD. Kharkov: USSR Academy of Sciences, 1956. 344 p. (In Russ.)
- Kovalevsky A. P. Chuvashes and Bulgars in Ahmad Ibn-Fadlan's Accounts. Cheboksary: Chuvash State Publ., 1965. 63 p. (In Russ.)
- Kovalevsky A. P. Slavs and their neighbors in the early to mid 10th century AD as described by Al-Masudi. In: Korolyuk V. D. (ed.) *Slavic-German Relations: Questions of Historiography and Source Studies*. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 62–79. (In Russ.)
- Krachkovsky I. Yu. Ibn-Fadlan's Journey to the Volga. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1939. 228 p. (In Russ.)
- Krachkovsky I. Yu. Selected Works. Vols. 1–6. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1955–1960. (In Russ.)
- Kunkova V. I. Trade relations of Arabs prior to the Abbasid conquest. *Terra Humana*. 2011. No. 1. Pp. 57–60. (In Russ.)
- Kurylev V. P. Book of Dede Korkut: Insights into Social Structure of Oghuz Turks. Moscow: Nauka, 1964. 8 p. (In Russ.)
- Markwart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert (A tenth-century Arabian account of arctic (Uralic) lands). *Ungarische Jahrbücher*. 1924. Vol. IV. Part 3/4. Pp. 261–334 (In Germ.)
- Mikulski D. V. Arabian Herodotus. Moscow: Altheia, 1998. 229 p. (In Russ.)
- Mufradaat Allughat — Taerif wa maenaa zifr fi mejm almaeani aljamie (= Opređenje i značenje kornya zifr i ego perevody) [elektronnyy resurs] Mufradaat Allughat [Arabskiy tezaurus] // URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/arfz/> (data obrashcheniya: 10.08.2021) (In Arab.)
- The Oriental Geography of Ebn Haukal, an Arabian Traveler of the Tenth Century. W. Ously (transl.), etc. Beirut, Paris, 1964. Vols. 1–2. 327 p. (In Eng.)
- Propp V. Ya. Morphology of Magic Folktale. Moscow: Labirint, 2001. 192 p. (In Russ.)
- Puzanov D. V. Peoples of the Volga, their dog howl divination rites, and later superstitions of Turks and Slavs: An account by Ibn Fadlan. *Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Ural-Volga Region*. 2018. No. 4. Pp. 63–67. (In Russ.)
- Shmeleva T. V. Semantic Syntax. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University, 1994. 47 p. (In Russ.)
- Spitsyn A. A. Ibn-Fadlan's Manuscript: Degree of Reliance Revisited. St. Petersburg, 1899. 16 p. (In Russ.)
- States of Early Medieval Kazakhstan: Political situation. On: *Magistra Vitae* (online historical portal). Available at: <http://www.timeshistory.ru/historys-639-1.html> (accessed: August 11, 2021). (In Russ.)
- Tiesenhhausen W. In defense of Ibn-Fadlan. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1900. Vol. XIII. Pp. 24–32. (In Russ.)
- Varyash I. I. Muslim Europe: Identity Signaling. St. Petersburg: Nauka, 2020. 255 p. (In Russ.)
- Vodolazkin E. G. House and Island: Or the Tool of Language. Moscow: AST, 2020. 384 p. (In Russ.)
- Westberg F. Analyzing Oriental sources on Eastern Europe. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1908. No. XIII (January–February). Pp. 364–412. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book461079/#page/1012/mode/1up> (accessed: August 10, 2021). (In Russ.)
- Yakubovsky A. Yu. Atil and Bolgar, 9–10 centuries AD: Historical topography revisited. *Sovetskaya arkheologiya*. 1948. Vol. X. Pp. 250–270. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 770–796, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.22, 623.445

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796

Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи»

Леонид Александрович Бобров¹, Алексей Михайлович Пастухов²

¹ Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

инженер лаборатории гуманитарных исследований

 0000-0003-0151-1796. E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бобров Л. А., Пастухов А. М., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрен *цзюань* 41 цинского источника второй половины XVIII в. «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» (ЦХСТ), посвященный вооружению и военной символике ойратского населения Джунгарского государства. Данный раздел ЦХСТ ранее не переводился на русский язык и не становился объектом отдельного научного исследования. *Цель исследования* — изучить и ввести в научный оборот сведения *цзюаня* 41 ЦХСТ, касающиеся вооружения и знамен джунгар. *Результаты.* Рассматриваемое сочинение было составлено по инициативе императора Цяньлуна по результатам присоединения к Цинской империи территории Джунгарского государства. Для изучения новых земель была направлена группа цинских чиновников и европейских специалистов. Основные исследовательские работы в Джунгарии были выполнены в 1756–1757 гг. Изучение Восточного Туркестана завершилось весной 1759 г. В том же году началась работа над текстом, которая продолжалась, с перерывами, на протяжении 23 лет (1759–1782). В числе прочих в работе над произведением приняли участие маньчжурские военачальники — участники боевых действий в Центральной Азии. В источнике описаны джунгарское оружие дистанционного и ближнего боя, доспехи, а также два типа джунгарских знамен. Описание каждого предмета сопровождается транскрипцией его оригинального названия. В некоторых случаях указываются материал изготовления и основные типовые размеры. Сопоставление данных ЦХСТ с подлинными образцами джунгарского вооружения и изобразительными материалами показало, что имперские чиновники весьма достоверно описали особенности их конструкции и оформления. Некоторые сведения источника являются уникальными и не встречаются в других произведениях XVIII в. Особое значение материалы ЦХСТ имеют для атрибуции различных видов вооружения, упомянутых

в монголоязычных источниках XVII–XVIII вв., а также монгольском и ойратском эпосе. Цинские авторы соотнесли оригинальные названия оружия и доспехов ойратов с их конструктивными особенностями, что открывает широкие перспективы для более детального и всестороннего изучения письменных произведений и эпоса населения Центральной Азии. *Выводы.* Проведенный анализ показал, что ЦХСТ является наиболее ценным и подробным цинским письменным источником по вооружению и знаменам джунгар середины XVIII в., выявленным и вводимым в научный оборот к настоящему времени.

Ключевые слова: «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи», Джунгария, оружие джунгар, доспехи джунгар, джунгарские знамена

Благодарность. Исследование проведено в рамках Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Бобров Л. А., Пастухов А. М. Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 770–796. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796

Weapons and Banners of Dzungaria's Oirats, Mid-18th Century: A Case Study of *Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi*

Leonid A. Bobrov¹, Alexey M. Pastukhov²

¹ Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate
 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml@mail.ru

² Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Engineer, Humanities Research Laboratory
 0000-0003-0151-1796. E-mail: chinesewarfare@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bobrov L. A., Pastukhov A. M., 2021

Abstract. Introduction. The article deals with “Qinding Huangyu Xiyu tuzhi” (QHXT), the Qing source of the second half of the 18th century, namely its chapter (*juan*) 41 devoted to the weapons and military symbols of the Oirats of the Dzungarian state (1635–1758). The chapter in question has not been translated into Russian, neither has it been the subject of a special study so far. The *aim* of the present article is to introduce the evidence of this part of the Qing source on the weapons and banners of the Dzungars. **Results.** The compilation of the document was initiated by Emperor Qianlong after the territory of the Dzungar state was annexed to the Qing Empire. A group of Qing officials and of European specialists was sent to explore the newly acquired lands. The work in Dzungaria was largely carried out in 1756–1757, while the study of East Turkestan was completed in the spring of 1759. The work on the text itself began the same year to continue for about 23 years (1759–1782). Manchu military leaders who participated in the war in Central Asia took part, among others, in the compilation of the document. The source includes descriptions of Dzungarian weapons for distant and close combat, armor, and two types of Dzungarian banners. Each item is supplied with description and transcription of its original name. In some cases, the material used for their manufacture and typical sizes are indicated. The data of the written source under study compared with authentic samples of Dzungar weapons and pertaining visual materials has shown that the Qing officials described the features of their construction and decoration with high degree of reliability. Some of this information is unique and can be found in no other sources of the period. The data of the source is of special relevance for attributing various types of weaponry cited in Mongolian sources of the 17th–18th cc., as well as in the Mongolian and Oirat epics. The Qing authors made comparisons of the original names of the Dzungar weapons and armor with their construction features, which opens new avenues for elaborate studies of written works and epics of Central Asian populations. **Conclusion.** The analysis undertaken in the present article has shown that to date QHST is the most valuable and detailed Qing written source on the weapons and banners of the Dzungars of the middle of the 18th century.

Keywords: “Qingding Huangyu Xiyu tuzhi”, Dzungaria, Dzungar weapons, Dzungar armor, Dzungar banners

Acknowledgements. The reported study was funded by state assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. FSUS-2020-0021.

For citation: Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Weapons and Banners of Dzungaria’s Oirats, Mid-18th Century: A Case Study of *Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi*. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 770–796. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796

Введение

Одним из важных направлений в деле изучения военно-культурного наследия ойратов является введение в научный оборот ранее неизвестных широкому кругу специалистов материалов о вооружении и военной символике джунгар, содержащихся в цинских письменных источниках конца XVII–XVIII вв. Важнейшим из них является «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» (далее — «Сиюй тучжи»)¹, в текст которого цинскими авторами были помещены наиболее подробные сведения по интересующей нас тематике [Бобров, Пастухов 2021].

В историографической перспективе материалы «Сиюй тучжи» неоднократно использовались исследователями при изучении истории народов «Западного края» первой половины – середины XVIII в. Однако различные сведения, содержащиеся в указанном сочинении, привлекались весьма неравномерно. Так, например, если данные по общественно-административному устройству и экономике Джунгарии активно анализировались и публиковались в научных статьях и монографиях, то некоторые другие разделы «Сиюй тучжи» долгое время не становились объектом научного исследования. К их числу относятся и сведения об оружии, доспехах и знаменах ойратского населения Центральной Азии.

Начало создания «Сиюй тучжи» было непосредственно связано с присоединением к Цинской империи обширных территорий Джунгарского государства во второй половине 50-х гг. XVIII в. Для повышения эффективности управления новыми землями следовало составить географические карты,

зафиксировать новые границы империи, а также разобраться в особенностях общественно-административного устройства Джунгарии, истории, в материальной и духовной культуре местного монголо- и тюркоязычного населения, генеалогии местной аристократии и т. д. В числе прочих вопросов маньчжурские власти интересовало вооружение и военное дело джунгар, которые более полувека противостояли Цинской империи в Центральной Азии.

Главным инициатором создания «Сиюй тучжи» был сам император Цяньлун (годы правления 1735–1796). Анализ источников показал, что 25 марта 1755 г. (т. е. еще до захвата цинскими войсками долины р. Или — политического центра Джунгарии) правитель Поднебесной издал указ, в котором предписывал своим военачальникам исследовать присоединяемые территории. Уже 19 июля 1755 г. император утвердил руководителей исследовательской экспедиции. В ее состав были включены, как высокопоставленные цинские чиновники, так и европейские специалисты. Основные работы в Джунгарии были выполнены в 1756–1757 гг. Изучение Восточного Туркестана завершилось весной 1759 г. В том же году началась работа над текстом, которая продолжалась, с перерывами, на протяжении около 23 лет (1759–1782). В числе прочих, над произведением трудились маньчжурские военачальники — участники боевых действий в Центральной Азии: Агуй, Чжаохуй, Шухэдэ, которые принимали непосредственное участие в сражениях с ойратами Джунгарии и мусульманами Восточного Туркестана. Снабженное географическими картами, ксилографическое издание «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» было опубликовано в 1782 г. [ЦХСТ 1782].

¹ Данный сокращенный вариант названия подтверждается его упоминанием в императорских указах, а определение *Циньдин* (высочайше утвержденный) этот труд получил в 1782 г.

Давая оценку «Сиюй тучжи» как историческому источнику, следует отметить, что это самое масштабное, разностороннее и подробное исследование, посвященное Центральной Азии, среди всех китайских произведений, датированных эпохой Древности, Средневековья и раннего Нового времени. В значительной степени это обусловлено особым отношением к данной работе со стороны императора Цяньлуна. Правитель Поднебесной лично контролировал процесс составления текста, а также утверждал кадровый состав руководства комиссий, занимавшихся подготовкой произведения.

Особое внимание при этом уделялось достоверности собираемых сведений. Значительная часть информации была получена непосредственно от представителей местного населения, в том числе ойратских и тюркских феодалов хорошо знакомых со спецификой подчиненных им земель. Это было сделано в 1756–1759 гг., т. е. практически сразу после включения Джунгарии и Восточного Туркестана в состав Цинского государства, когда воспоминания о суверенном периоде существования «Последней кочевой империи» были еще свежи. Собранные данные проверялись и уточнялись цинскими военными и гражданскими чиновниками [Бобров, Пастухов 2021: 510–517].

Указанные факты свидетельствуют в пользу высокой научной ценности «Сиюй тучжи» как источника по истории и этнографии Джунгарии и Восточного Туркестана первой половины – середины XVIII в. Однако необходимо учитывать, что указанное сочинение представляет собой сложное многоплановое произведение, в котором актуальная информация с мест перемежается вставками из более ранних китайских исторических хроник, а также иными материалами.

Основная часть сведений по вооружению и военной символике ойратов Джунгарии сгруппирована авторами «Сиюй тучжи» в рамках специального подраздела «Вооружение» (кит. *Гунчжань чжи цзюй*)² в *цзюане* 41. Кроме того, отдельные данные, касающиеся оружейного производства, во-

енного дела джунгар, разбросаны по другим подразделам и главам исследуемого источника.

Цель исследования — изучить и ввести в научный оборот сведения *цзюаня* 41 «Сиюй тучжи», касающиеся вооружения и знамен ойратов Джунгарии. Данный раздел сочинения ранее не переводился на русский язык и не становился объектом отдельного научного исследования³. Вместе с тем указанные материалы представляют значительный интерес для археологов, военных историков, оружейников, этнографов, занимающихся изучением военно-культурного наследия народов Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Материалы и методы

Главным методологическим основанием оружейных исследований являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение) [Бобров, Ожередов 2021: 12].

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов [Бобров, Ожередов 2021: 12].

Особую ценность для темы нашего исследования представляют сообщаемые авторами «Сиюй тучжи» сведения о линейных размерах предметов вооружения и военной символики джунгар. При переводе в метрические единицы показателей длины нами использованы расчеты У Чэнло, согласно

³ По информации, доступной авторам, указанный *цзюань* ранее не был переведен и на английский язык. Исключением является короткий пассаж про размеры джунгарского огнестрельного оружия, опубликованный в «History of Civilizations of Central Asia» [History of Civilizations... 2003: 166].

² Букв. ‘Утварь, [чтобы идти] в наступательный бой’.

которым в эпоху Цин 1 *чжан* составлял 3,2 м, 1 *бу* — 1,6 м, 1 *чи* — 32 см, 1 *цунь* — 3,2 см, 1 *фэнь* — 0,32 см [Школяр 1980: 358; Бобров, Пастухов 2021: 508, 509].

Особо подчеркнем, что в «Сиюй тучжи» приведены усредненные (типовые) размеры предметов центральноазиатского вооружения. Сомнительно, чтобы члены цинских экспедиций и комиссий целенаправленно проводили замеры значительного количества джунгарского оружия, а затем на основе представительной выборки вычисляли их средние размеры. Последние, скорее всего, устанавливались «на глазок» в ходе осмотра захваченных военных трофеев. Именно эта условная величина и заносилась в документ. Но даже с этой поправкой сообщаемые сведения представляют исключительный научный интерес, поскольку они не имеют аналогов среди других письменных источников рассматриваемого периода.

Сведения цзюаня 41 «Сиюй тучжи» о вооружении и военной символике джунгар середины XVIII в.

О некоторых структурных и содержательных особенностях цзюаня 41 «Сиюй тучжи»

В тексте «Сиюй тучжи» каждому предмету вооружения, снаряжения и военной символики посвящен отдельный абзац, в котором читателю сообщаются сведения об оригинальном названии соответствующего предмета. Затем следует его краткое описание. В некоторых случаях составители «Сиюй тучжи» сравнивают ойратское или мусульманское вооружение с цинскими аналогами, отмечая их сходство и (или) различие в оформлении и конструкции, указывают материал изготовления, а также сообщают основные типовые размеры рассматриваемых предметов.

Представленные нами переводы соответствующих пассажей «Сиюй тучжи»⁴ снабжены развернутыми комментариями, которые были подготовлены авторами настоящего исследования на основе сопоставления сведений «Сиюй тучжи» с другими письменными, а также вещественными

и изобразительными источниками XVII–XVIII вв. Подобный подход позволяет оценить степень достоверности сообщений цинских чиновников, что имеет важное значение для определения научной ценности «Сиюй тучжи» в деле изучения вооружения джунгар и их соседей первой половины и середины XVIII в.

Помимо основной информации с описанием вооружения и военной символики ойратов, в текст «Сиюй тучжи» вставлены стихотворения императора Цяньлуна, посвященные «мечу [варваров] фань» (*фань-цзян*), захваченному у Ходжи Джахана, «доспехам [варваров] фань» (*фаньцзя*), «мусульманскому мечу» (*хуйцзянь*), «мусульманскому стягу» (*хуйду*) и др. Данные стихотворные вставки будут переведены и проанализированы в рамках специального научного исследования.

Стилистика сообщаемых в «Сиюй тучжи» сведений дает основание предположить, что описания предметов вооружения и военной символики могли дополняться в рассматриваемом произведении их изображениями. Однако соответствующий иллюстративный ряд в известных нам цинских изданиях «Сиюй тучжи» пока не обнаружен.

Следует отметить, что китайская транскрипция слов монгольских и тюркских языков отличается некоторой спецификой за счет практически полного отсутствия закрытых слогов за исключением слогов, заканчивающихся на звук «-н»/«-нь». Также в китайском языке нет, как такового, звука «р», который заменяется различными открытыми слогами, начинающимися со звука «л» или же слогом «эр». Кроме того, в современной фонетике некоторых монгольских языков произошли определенные изменения, которые необходимо учитывать при реконструкции первоначальной фонетики транскрибируемого термина. В связи с этим точность китайской транскрипции ойратских слов может варьироваться, отражая не только технические особенности процесса транскрибирования, но и нормы произношения XVIII в.

Перевод цзюаня 41 «Сиюй тучжи» о вооружении и военной символике джунгар середины XVIII в.

Цзюань 41. Одежда и утварь 1. Джунгары (Чжуньгаэр бу)... Вооружение (Гунчжань чжи цзюй).

⁴ Для облегчения восприятия оригинальный текст «Сиюй тучжи» выделен курсивом. Перевод с китайского языка выполнен А. М. Пастуховым по ксилографическому изданию памятника, опубликованному в сканированном виде на сайте ctext.org [ЦХСТ 1782].

«Илэду (伊勒都). Это сабля/палаш (кит. дао 刀). По форме [она] как и те, что [делают] во внутренних землях⁵, только у рукояти из железа сделан упор, [расходящийся] на обе стороны вместо хушоу⁶» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Очевидно, что «илэду» — это достаточно точная китайская иероглифическая транскрипция монгольязычного названия длиннокликового оружия (монг. *илд* [БАМРС, 2 2001: 269], *ildü* [Гедеева 2015: 157]; калм. *үлд* [КлРС 1977: 549]).

Значительный интерес представляет тот факт, что термин *илд* в отечественной историографии традиционно переводится как «меч», т. е. оружие с прямым двулезвийным клинком. Однако в тексте «Сиюй тучжи» термин *илэду* (*илд*) уверенно соотносится с однолезвийными *дао* (刀).

В иероглифическом словаре «Канси цзыдянь» (康熙字典), составленном по повелению императора Канси в 1716 г.⁷, отмечается, что ««внешне *дао* [имеет] обух и лезвие»⁸, т. е. представляет собой разновидность однолезвийного оружия, но отнюдь не меча. В тексте уложения «Хуанчао лица туши» [ХЛТ 2004], работа над которым велась параллельно с «Сиюй тучжи», имеются многочисленные описания длиннокликового оружия, обозначенного словами, включающими родовую морфему *-дао*. Это либо сабли и палаши, либо древковое оружие типа *яньюэдао*⁹ и т. п., т. е. исключительно однолезвийное оружие [ХЛТ 2004: 699, 701–704, 710, 711, 714–720]. Ни

⁵ Внутренние земли (кит. *нэйди* 内地) — употребительное в старых текстах обозначение собственно Китая, т. е. территории к югу от Великой Китайской стены.

⁶ *Хушоу*, также *паньхушоу* (букв. ‘защита руки / диск, защищающий руку’) — традиционное обозначение круглой гарды в виде диска. Гарды подобного типа более известны отечественным оружейникам под японским названием *цуба*.

⁷ В XVIII–XIX вв. данный словарь считался наиболее авторитетным компендиумом иероглифических знаков, вобравшим в себя как древние, так и синхронные ему толкования.

⁸ См.: [Канси цзыдянь].

⁹ *Яньюэдао* — разновидность рубящего оружия, представляющего собой более или менее изогнутый однолезвийный клинок на деревянном древке. Китайский аналог европейской *глейфы*, сибирской *пальмы*, японской *нагинаты*.

в одном случае слово *дао* не используется в этом источнике для обозначения обоюдоострого оружия типа меча, для которого применяется другой специальный иероглиф — *цзянь* (劍).

Подобная атрибуция термина *дао* сохранилась в китайском оружейоведении вплоть до настоящего времени. Например, в специальном словаре «Чжунго гудай цию да цыдянь. Бинци, синцзюй» («Большой словарь материальной культуры Китая прошедших эпох. Оружие, орудия наказания») *дао* определяется как «рубящее оружие с лезвием вдоль одной из сторон» [ЧГЦДЦ 2002: 67]. Таким образом, традиционная атрибуция *илд* как обоюдоострого меча, как минимум, не является единственно возможной.

Весьма характерно, что цинские авторы не видят особой разницы между джунгарскими и цинскими клинками, а в качестве главного отличия *илэду* называют использование вместо традиционной для Восточной Азии дисковидной гарды-хушоу так называемых «упоров [расходящихся] на обе стороны». Под ними легко угадывается типичная для мусульманского Востока (и некоторых других территорий) крестообразная, удлинненно-ромбическая или фигурная гарда, крестовина которой располагалась перпендикулярно по отношению к клинку и рукояти¹⁰.

Действительно, среди вещественных и иконографических материалов встречаются как подлинные образцы, так и изображения длиннокликового оружия ойратов и их южносибирских вассалов с крестообразной гардой [Бобров, Худяков 2008: 281, рис. 88, 3, 4, 293, рис. 92, 4; Armaments and Military 2008: 142]¹¹.

Однако наряду с ними джунгарами использовались и прямые однолезвийные палаши, а также сабли с дисковидной гар-

¹⁰ В археологических работах для обозначения подобной разновидности гард часто используется термин «перекрестье».

¹¹ С территорий Северо-Западного Китая и Монголии (расположенных по соседству с Джунгарией и Восточным Туркестаном) происходит серия однолезвийных палашей (*чжибэй-дао*) XVII–XIX вв. с фигурными гардами, перпендикулярными рукояти [Смертельная красота... 2015: 328, 329, 331]. Весьма вероятно, что подобное оружие было известно джунгарским воинам и могло учитываться составителями «Сиюй тучжи» в рамках категории длиннокликового оружия, обозначенного как *илэду*.

дой. Это дает основание предположить, что составителей рассматриваемого цинского источника интересовали, в первую очередь, оригинальные центральноазиатские образцы вооружения, отличавшиеся по своей конструкции и оформлению от типовых имперских аналогов.

В целом описание «Сиюй тучжи» позволяет предположить, что под термином *илд* в Джунгарии середины XVIII в. обычно подразумевался не меч, как считалось ранее, а длинноклинковое однолезвийное оружие — палаш или слабоизогнутая сабля. Последний вариант дополнительно подтверждается тем, что самым распространенным клинковым оружием цинской конницы были именно слабоизогнутые сабли, а авторы «Сиюй тучжи» подчеркивают главным образом лишь различия маньчжурских и джунгарских гард, отмечая при этом сходство клинков: «по форме [илэду] как ... те, что [делают] во внутренних землях»¹².

Косвенным подтверждением атрибуции *илд* как сабли является сообщение османского путешественника Эвлия Челеби, посетившего калмыцкие кочевья в конце 1666 — начале 1667 гг. Среди прочих «употребительных слов» ойратов он упоминает термин *улды* (т. е. *илд*), который был пере-

веден в русскоязычном издании 1979 г. как «меч, сабля» [Челеби 1979: 176]. Однако в турецком издании книги Э. Челеби в качестве османского эквивалента термина «*üldi*» указано «*kiliç*». В эпоху позднего Средневековья и Нового времени данный термин использовался тюркоязычным населением Евразии как родовое понятие длинноклинкового оружия вообще. Однако в узком значении он обозначал именно саблю.

Возникает закономерный вопрос: когда термин *илд* стал широко использоваться для обозначения меча? Наиболее вероятно, что это произошло в период постепенного вытеснения традиционных видов вооружения из военного обихода монголоязычных кочевников, когда границы между различными видами и типами клинкового оружия стали постепенно стираться. Вероятно, этому мог способствовать тот факт, что термином *илд* первоначально могли обозначаться как сабля, так и палаш с прямым однолезвийным клинком, который визуально напоминал двулезвийный клинок меча¹³.

«**Цзида** (濟達). Это копье (кит. *цян 鎗*). Те, которые длинные, — примерно 1 чжан 2–3 чи [в длину] (около 3,8–4,1 м. — Л. Б., А. П.), а которые короткие — в длину не менее 1 чжан (от 3,2 м. — Л. Б., А. П.). Для наконечника (кит. *тоу 鐵*) берут чистую сталь (кит. *чуньган 純鋼*) и делают в длину около 6–7 цунь (около 19–22 см. — Л. Б., А. П.) с обеих сторон древка. Обматывают [древко] конской гривой и из верблюжьей шерсти делают шарик (кит. *цю 毬*), [который] привязывают посередине древка немного ближе к одному из концов, пронизывая через отверстие. Привязывают [к древку] кожаные ремни, чтобы было легче нести [оружие] при скачке» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Составители «Сиюй тучжи» сумели достаточно точно передать название ойратского колющего длиннодревкового оружия — «цзида» (от монг. *жад* [БАМРС, 2001: 155], *žida* [Дыбо 2015: 221]; калм. *жид*

¹² Основной разновидностью длинноклинкового оружия Восьмизнаменных войск и войск Зеленого знамени Цинской империи были сабли, традиционно обозначаемые в современном оружьеведении как *яньмаодао* и *люедао*. Отличительной особенностью *яньмаодао* (досл. ‘гусиное перо’) являлся широкий массивный клинок, незначительный изгиб которого начинался лишь в последней трети сабельной полосы. В свою очередь, плавный изгиб клинка *люедао* (досл. ‘ивовый лист’) можно наблюдать уже в конце первой или начале второй трети клинка. Все основные разновидности цинских сабель снабжались дисковидными гардами-*хушоу*. Палаши с дисковидной гардой практически не применялись в Восьмизнаменных войсках и китайских отрядах Зеленого знамени, но использовались воинами халхасских и тибетских ополчений. Однако такое оружие было слабо знакомо китайским жителям Поднебесной — основным читателям «Сиюй тучжи». Это позволяет предположить, что под *илэду* в данном цинском произведении понимались, в первую очередь, привычные для китайского населения слабоизогнутые сабли, но снабжённые экзотической для дальневосточного региона крестообразной гардой.

¹³ Характерно в данной связи, что в современном языке синьцзянских ойратов уже не наблюдается четкого разделения терминов традиционного вооружения: так, словом *үлде* (*үлдү*) может обозначаться и меч, и сабля [Тодаева 2001: 366]. То же самое наблюдается и в отношении слова *селме*, которым могут называть, как меч, так и саблю [Тодаева 2001: 293].

[КлРС 1977: 226]), синьцзян.-ойрат. *жиде* [Тодаева 2001: 142])¹⁴.

Высокую ценность для нашего исследования представляют сведения о размерах ойратских копий и пик, сообщаемые цинскими авторами, которые делят ойратское длиннодревковое оружие на «длинное» (около 3,8–4,1 м) и «короткое» (от 3,2 м). Отметим, что даже самые короткие варианты ойратских копий превышают в длину три метра, т. е. они сопоставимы с самыми длинными вариантами пик, применявшихся русскими казаками и кавалеристами регулярных частей российской армии XVIII–XIX вв.¹⁵ Эти данные хорошо коррелируют с сообщениями современников о том, что пики кочевников были значительно длиннее своих казачьих аналогов [Бобров 2014: 123, 124, 131].

Весьма вероятно, что и ойратские пики длиной более четырех метров не являются фантазией цинских авторов. Во всяком случае русский посол капитан И. Унковский, посетивший Джунгарию в 1722–1723 гг., упоминает джунгарские «копья» еще большей длины: «...Оружие у них луки, *копья* длиною 7 ½ *аршин* (около 5,3–5,4 м. — Л. Б., А. П.), и много имеют пищалей, токмо все с *жаграми*¹⁶, и сабли имеют» [Веселовский 1887: 194]¹⁷.

¹⁴ Следует принять во внимание, что в кириллическом алфавите, используемом при записи монгольских и ойратских слов, буквы «ж» и «жж» означают звук «дж», а буква «з» — звук «дз».

¹⁵ Для сравнения: общая длина казачьих пик первой трети XIX в. обычно составляла 2,8–2,85 м, казачья пика образца 1839 г. имела длину около 3,4 м, кавалерийская пика образца 1843 г. — от 2,84 до 3,2 м, образца 1862 г. — 2,76 м и т. д. [Кулинский 1994: 135–139].

¹⁶ *Жагра* — русское название серпентина фитильного ружья.

¹⁷ Первым российским императором Петром I (1682–1725) был введен аршин, равный 71,12 см, который был окончательно утверждён в качестве стандартного только в царствование императора Александра I (1801–1825). Однако при царе Алексее Михайловиче (1645–1676) был также введён «указной» аршин длиной в 71,776 см, который использовался параллельно с аршином Петра I весь XVIII в. и в начале XIX в. Таким образом, длина джунгарского копья, в зависимости от разновидности аршина, могла составлять от 533,4 до 538,32 см. При этом следует учитывать, что в Джунгарии, по

К сожалению, целые древки джунгарских пик пока не обнаружены, однако цинские изобразительные материалы (в том числе прижизненные портреты ойратских полководцев на цинской службе, отличающиеся высокой степенью достоверности в передаче деталей) подтверждают наличие у ойратов копий длиной около 3–4 м.

Дополнительным косвенным аргументом в пользу возможности использования подобного оружия является цинское копье с *отрезом*¹⁸ для воинов отряда *Цзяньжуйин*¹⁹, выполненное, возможно, в подражание центральноазиатским аналогам и достигавшее в длину 3,296 м, что практически в точности соответствует длине «короткого» джунгарского копья в тексте «Сиюй тучжи» (от 3,2 м) [Бобров 2013: 193].

Согласно «Хуанчао лица туши», копье китайских войск Зеленого знамени²⁰ (также всей видимости, не имелось четко установленных стандартов размеров копья, а измерения были проведены И. Унковским приблизительно, «на глазок».

¹⁸ *Отрез* — заточенный прямой клинок удлинённо-прямоугольной или удлинённо-трапециевидной формы, крепившийся встык к древку копья или пики. Служил для защиты древка от ударов противника, а также не позволял вражескому воину перехватить рукой древко пики и отклонить колющий удар копья (с этим связано оригинальное название *отрез*, данное ему российскими казаками XVIII в.). В случае необходимости *отрез* мог также использоваться для нанесения рубящих ударов. В военной практике народов Великой степи пики с *отрезами* продолжали применяться вплоть до второй половины XIX в. [Бобров 2013: 184–195].

¹⁹ По данным Н. Я. Бичурина, отряд *Цзяньжуйин* (ошибочно именуемый им *Жуй-цзя-ин*) представлял собой своего рода спецназ, способный действовать в отрыве от основных сил и выполнять различные боевые задачи вплоть до штурма крепостей. Численность отряда, созданного в июле 1748 г. в ходе войны с горными племенами Цзиньчуани, была невелика — всего 4 000 чел., в том числе 200 командиров и 3 800 рядовых бойцов [Бичурин 2002: 207].

²⁰ Несмотря на то, что данное копье предназначалось для китайских подразделений цинских войск, оно применялось также латниками «[войска] Восьми знамен» (кит. *Бацзи 八旗*). Последнее представляло собой основу вооружённых сил чжурчжэньского государства Поздняя Цзинь (с 1636 г. — Цинской империи)

снабженное *отрезом* предположительно центральноазиатского образца) достигало в длину 4,78 м [ХЛТ 2004: 727], что близко по размерам к пятиметровому копыю из сообщения И. Унковского. Наконец, пика длиной в «три сажени и аршин (*дэлим*)», т. е. примерно 5,5 м, упоминается в монгольском законе 1718 г.²¹

Определенный интерес представляет замечание авторов «Сиюй тучжи» о двух наконечниках-*тоу* из «чистой стали», которые насаживались «с обеих сторон древка». Речь идет о собственно стальном наконечнике и коническом подтоке, который насаживался на пята копыя или пики. Наличие подтоков на джунгарском длиннодревковом оружии подтверждается цинскими изобразительными материалами (рис. 1, 1).

Находки конических и копьевидных подтоков происходят с территории Центральной Азии и Южной Сибири [Худяков 1980: 53, табл. X, рис. 4, 8; LaRocca 2006: 179, fig. 82; Бобров, Худяков 2008: 298, рис. 93, 4].

При этом некоторые образцы центральноазиатских и южносибирских наконечников, действительно, имеют длину в 19–22 см. Однако основная масса наконечников (как и их цинские аналоги) имеют

вплоть до середины XIX в. Войска Поздней Цзинь состояли из восьми «знаменных корпусов» (маньчж. *гуса*, кит. *гушань* 固山), каждому из которых было даровано знамя определенной расцветки. Позднее число корпусов возросло до 24 — к восьми чжурчжэньским (маньчжурским) *гуса* добавились восемь монгольских и восемь китайских «знамен». Однако первоначальное название — «Восемь знамен» — сохранилось. «Войсками Зеленого знамени» (кит. *Люйци* 綠旗, *Люйинбин* 綠營兵) называлась часть вооруженных сил Цинской империи, набранная преимущественно из китайцев, не включенных в состав привилегированных китайских корпусов Восьми знамен (кит. *ханьцзюнь Бацзи* 漢軍八旗) [Бобров, Худяков 2003: 127, 128; Непомнин 2005: 104, 105].

²¹ Монгольская сажень (*алд*) равнялась расстоянию между двумя разведенными в сторону руками. Исходя из перевода монгольского выражения *таван алд урга* (укрюк в 5 *алд*) как «восемьметровый укрюк», можно вычислить длину *алд* — ок. 1,6 м [БАМРС, 1 2001: 73]. Аршин (*дэлим* — от *дэлих* ‘натягивать лук до отказа’) составлял, таким образом, около 60 см [БАМРС, 2 2001: 107].

значительно большие размеры [Бобров, Худяков 2008: 297–308].

Не исключено, что цинские авторы «Сиюй тучжи» указали не общую длину всего наконечника «цзида», а лишь длину его пера.

Таким образом, приведенные в «Сиюй тучжи» сведения о средних размерах ойратских пик (общая длина — около 3,2–4,1 м, при длине наконечника или его пера около 18–21 см) следует признать достоверными. Однако это не означает, что ойратами не могли использоваться образцы длиннодревкового оружия как меньшего, так и большего размера.

В приведенном выше описании «цзида» указывается, что джунгары «обматывают [древко] конской гривой». По всей видимости, речь идет об обмотке конским волосом верхней части древка под наконечником и *отрезом*. Подобная обмотка упомянута в «Хуанчао лици туши» при описании копыя отряда *Цзяньжуйин*: «Под ним (*отрезом*. — Л. Б., А. П.) дерево обмотано по кругу красным и черным конским волосом» [Бобров 2013: 193].

Судя по изображению копыя в «Хуанчао лици туши» и портрету ойратского полководца Аюши на цинской службе (рис. 1, 2), подобная обмотка могла покрывать всю верхнюю часть пики от нижнего края втулки наконечника до нижнего края *отреза* (достигавшего в длину 44,8 см), а иногда и ниже [Бобров 2013: 186, рис. 1, 16]. Не исключено, что плотная волосая обмотка использовалась не только для украшения оружия, но и для усиления верхней части деревянного древка пики, которое традиционно являлось главным объектом атаки для рубящего оружия противника [Бобров 2013: 190, рис. 5, 191, рис. 8, 192, рис. 9].

В приведенном выше тексте «Сиюй тучжи» отмечается, что жители описываемого региона «... из верблюжьей шерсти делают шарик, [который] привязывают посередине древка немного ближе к одному из концов, пронизывая через отверстие» [ЦХСТ 1782: цз. 41]. По всей видимости, речь идет о какой-то разновидности копейного значка (предположительно небольшого волосяного бунчука), форма и система подвеса которого отличались от цинских аналогов²².

²² В середине XVIII в. длиннодревковое оружие цинских воинов могло украшаться под наконечником волосяными кистями различных

1.1

1.2

Рис. 1. Конный портрет «Хар-баатара» Аюши — ойратского военачальника на службе Цинской империи (картина художника Дж. Кастильоне (Лан Шинина) «Аюши с копьем уничтожает мятежников» написана между 1760 и 1766 гг.). Музей Гугун, г. Тайбэй, о. Тайвань

[Fig. 1. Equestrian portrait of Khara Baatar Ayushi — Oirat warlord in the Qing service (painting by G. Castiglione (Lang Shining) titled 'Ayushi Holding a Spear to Eradicate Rebels', created circa in 1760–1766). National Palace Museum, Taipei, Taiwan]

На портрете ойратского офицера на цинской службе Аюши, где пика показана наиболее детально, в верхнюю часть древка вставлена пара металлических колец или иных фиксаторов округлой формы, к которым подвешены миниатюрные волосяные кисточки (рис. 1, 2). Судя по другим изображениям, подобные украшения были весьма характерны для ойратского длиннодревкового оружия²³. Они также присутствуют и на копье отряда *Цзяньжуйин* [Бобров 2013: 186, рис. 1, 16].

Возможно, именно об этом копейном значке и идет речь в тексте «Сиюй тучжи». Вставлявшиеся в древко стержни колец, действительно, «пронизывали» его «через отверстия», а короткие миниатюрные кисточки (отличавшиеся от более длинных и широких цинских кистей, крепившихся непосредственно под наконечником) могли напомнить маньчжурским авторам волосяные «шарики». Однако не исключено, что под «шариком из шерсти» может скрываться и другая разновидность волосяного бунчука, который охватывал древко пика или копья наподобие околыша меховой шапки или уплощенного шара. Подобные украшения, выполненные преимущественно из шерсти яка, встречаются на тибетском длиннодревковом оружии позднего Средневековья и раннего Нового времени [LaRocca 2006: 175; Бобров, Худяков 2008: 304, 298, рис. 93, 6].

Завершая описание *цзида*, составители отмечают, что джунгары к своим копьям «привязывают кожаные ремни, чтобы было

типов. Так, например, кистью из выкрашенного в красный цвет конского волоса снабжались «длинное копье [воинов] охранных отрядов Отважной Конницы» (*хуцзюнь Сяоци чанцянь*) Восьмизнаменных войск, а также «длинное копье [китайских воинов] Зеленого Знамени» (*Люйин чанцянь*) и комбинированное копье «тигровый зуб» воинов Зеленого Знамени (*Люйин хуяцянь*), наконечник которого был дополнен парой загнутых вниз клинков, напоминавших клыки тигра [ХЛТ 2004: 723; *Armaments and Military* 2008: 249].

²³ Цинские материалы свидетельствуют, что копья джунгар и их мусульманских вассалов обычно украшались парой кисточек, однако также известны изображения центральноазиатских пик, древка которых украшены одним или тремя миниатюрными волосяными бунчуками.

легче нести [оружие] при скачке». В этих «ремнях» несложно узнать стандартные для пик воинов Великой степи и сопредельных территорий кожаные темляки, служившие для ношения длиннодревкового оружия за спиной воина. Большая петля (в центральной части древка) выполняла функции погонного ремня, позволявшего носить копье за правым или левым плечом. Малая петля, привязанная у нижнего конца древка, играла роль дополнительного фиксатора. Она охватывала щиколотку или носок сапога всадника, обеспечивая древку вертикальное положение.

Подобный способ ношения пика существенно облегчал ее транспортировку, освобождал руки всадника для управления конем, а также применения оружия дистанционного и ближнего боя. Перед началом копейной атаки воин мог быстро достать пик из-за спины, высвободив из кожаных петель руку и ногу. Судя по сообщениям современников, номады могли проделать эту процедуру (которую казаки называли «навешать пик») прямо на полном скаку [Смоленский 1873: 240].

Изображение описанных в «Сиюй тучжи» кожаных петель можно увидеть на том же портрете Аюши (рис. 1, 1).

«*Нуму* (努穆). Это лук (кит. гун 弓). По форме похож на те [луки], что используют во внутренних землях, но немного меньше. Вместо бересты для украшения используют кожу козла (кит. шаньян 山羊). Из [волоса] с конской гривы и хвоста делают тетиву (кит. сянь 弦)» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Цинскими авторами достаточно точно воспроизведено название лука в монгольских языках: монг. нум [БАМРС, 2 2001: 425], *пит*, *питип* [Гедеева 2015: 157]; калм. нумн [КлРС 1977: 386], синьцзян.-ойрат. нуман/номун [Тодаева 2001: 253].

Оправданным выглядит сравнение нуму с цинскими луками. Известные образцы центральноазиатского и южносибирского метательного оружия, действительно, конструктивно близки своим маньчжурским аналогам²⁴. При этом их средние размеры

²⁴ В обоих случаях активно используются «веслообразные» костяные накладки на рукоять, плечевые накладки из рога, обклейка сухожилий берестой и др. [Бобров, Худяков 2008: 79–95; *Armaments and Military* 2008: 31–35, 97, 99–109].

нередко несколько меньше цинских луков, что соответствует данным «Сиюй тучжи»²⁵.

Вызывает интерес технологическая деталь, отмеченная цинскими авторами: «... вместо бересты для украшения используют кожу козла». На большинстве известных на сегодняшний день центральноазиатских и южносибирских луках для гидроизоляции *кибити* и защиты сухожилий от механических повреждений применяется именно береста [Бобров, Худяков 2008: 80–86, 88, 91, 94].

Кожаная обклейка *кибити* также встречается, но значительно реже [Бобров, Худяков 2008: 80; Даржа 2013: 31, 32]. Возможно, как и в случае с крестообразной сабельной гардой, внимание цинских авторов привлекли наиболее экзотические конструктивные и оформительские решения, в то время как привычные материалы и технологии были проигнорированы²⁶.

Вероятно, та же ситуация наблюдается и с тетивами луков. Утверждение о том, что жители Центральной Азии «из [волоса] с конской гривы и хвоста делают тетиву», верно лишь отчасти. Большинство подлинных образцов центральноазиатских и южносибирских тетив выполнены из кожи или тонких, плотно свитых крученых сухожильных нитей, вытянутых из позвоночных жил быков и других крупных животных. Центральная часть тетивы обматывалась шелковой нитью или тонкой кожей. Подобная мера позволяла предохранять тетиву от износа при частом соприкосновении с ушком стрелы. Наиболее дешевые тетивы плелись из кожи (в том числе шкур коров, лошадей, домашних козлов-кастратов, козорогов, медведей, а также самцов сибирской косули и др.), из разволокненных прошлогодних стеблей крапивы, конопли или корней деревьев (ели, кедра и др.) и т. д. [Бобров, Худяков 2008: 80, 87; Даржа 2013: 32, 33].

²⁵ Преобладающий размер *кибити* центральноазиатских луков: со спущенной тетивой — 140–170 см, с натянутой — 130–160 см. Большинство известных цинских луков имеют длину *кибити*, со спущенной тетивой, около 165–180 см, с натянутой — 155–170 см.

²⁶ Обклейка *кибити* лука полосами бересты являлась традиционным элементом оформления цинских луков рассматриваемого периода [Armaments and Military 2008: 31, 100, 103, 105, 107].

В то же время не исключено, что до включения в состав Цинской империи Джунгарии и Восточного Туркестана на данных территориях, действительно, преобладали тетивы из конского волоса. В настоящее время можно констатировать, что данный вопрос требует дополнительного изучения.

«*Суму* (蘇穆). Это стрелы (кит. цзяньгань 箭). По форме похожи [на стрелы, используемые] во внутренних землях, но немного короче. Древко стрелы (кит. цзяньгань 箭桿) деревянное, также называется *суму*. Качество [стрел] хорошее, [отделка] тонкая, [стрелы] очень мощные» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

В монгольских языках стрела — это монг. *сум*, *сумун* [БАМРС, 3 2001: 128], *sumin*, *suman* [Гедеева 2015: 157], калм. *сумн* [КлРС 1977: 461], синьцзян.-ойрат. *суман/сумун* [Тодаева 2001: 302; Пюрбеев 2009: 284]. Цинская транскрипция и в этом случае передает звучание ойратского слова достаточно точно.

Конструктивное сходство стрел кочевников Центральной Азии и воинов Цинской империи подтверждается анализом вещественных материалов. В обоих стрелковых комплексах были масштабно представлены как стрелы с широким плоским (асимметрично-ромбическим, секторным, овально-крылатым) пером, предназначенные для поражения бездоспешных воинов противника и боевых коней, так и «универсальные», и «бронебойные» стрелы различных (но в целом схожих) типов [Бобров, Худяков 2008: 95–108; Armaments and Military 2008: 39, 41, 44, 45, 109, 110, 112–115, 117–135].

К сожалению, до нашего времени дошли в основном лишь наконечники монгольских, ойратских и южносибирских стрел, а также фрагменты древков, что затрудняет проверку сведений о том, что цинские стрелы были длиннее своих центральноазиатских аналогов. Имеющиеся данные, кажется, подтверждают сведения «Сиюй тучжи», однако для обоснованного вывода требуется несколько большая выборка²⁷.

²⁷ Косвенным подтверждением данных о более коротких стрелах джунгар являются приведенные выше сведения о применении кочевниками луков меньших размеров по сравнению с цинскими аналогами. Известные материалы свидетельствуют, что длина стрел обычно прямо пропорциональна размерам лука, для которого они предназначены.

Вызывает интерес высокая оценка джунгарских стрел цинскими военными. Дистанционный кавалерийский бой с применением лука и стрел являлся одним из ключевых элементов цинского тактического искусства рассматриваемого периода. Изготовлению саадаков, оснащению ими войск, а также обучению солдат лучной стрельбе уделялось повышенное внимание. Тот факт, что составители «Сиюй тучжи» подчеркивают «хорошее» качество, «тонкую» отделку «мощных» джунгарских стрел, свидетельствует в пользу того, что последние действительно были выполнены на достаточно высоком уровне.

«Шоло (碩羅). Это обоюдоострый меч (кит. *цзянь* 劍). Те, которые длинные, — 3 чи с лишним (около 1 м. — Л. Б., А. П.), которые короткие, — 2 чи с лишним (более 64 см. — Л. Б., А. П.). Ножны меча (кит. *цзяньцяо* 劍鞘) делаются из кожи (кит. *пи* 皮). На конце эфеса (кит. *тань* 鐔) имеется кольцо из меди (кит. *тунхуань* 銅環).

[Следуют] Высочайшие составленные стихи в [год под циклическими знаками] бинцзы (1756. — Л. Б., А. П.) «О мече [варваров] фань»²⁸ [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Транскрипцией «шоло» цинские авторы передали монгольское название оружия, известное, как *шор* [БАМРС, 4 2002: 369]. В «Сиюй тучжи» оно соотнесено с иероглифом *цзянь* (劍).

В Цинской империи рассматриваемого периода словом *цзянь* обозначалась особая разновидность колюще-рубящего оружия с обоюдоострым (двулезвийным) и, как правило, прямым клинком. В большинстве случаев под термином *цзянь* понимался меч или, реже, обоюдоострый кинжал, *кончар*²⁹, шпага и т. д.

²⁸ Далее в тексте цинского источника приведено стихотворение императора Цяньлуна, посвященное мечу [варваров] *фань* (*фаньцзянь* 蕃劍), захваченному у Ходжи Джахана. Обычно под *фанями* в синологии понимают тибетские племена. Однако в «Сиюй тучжи» данный термин часто используется в более широком значении, в том числе для обозначения населения Центральной Азии в целом.

²⁹ Кончар — разновидность длинноклинкового оружия с узким прямым граненым клинком, предназначенным преимущественно для нанесения колющих ударов.

Особо подчеркнем, что главной отличительной особенностью *цзянь* от *дао* было наличие двух лезвий, а форма клинка являлась важным, но при этом вторичным признаком. По данной причине, например, прямой, но однолезвийный церемониальный палаш членов императорской свиты *Шэньфэн* (神鋒, «Волшебное острие») был обозначен в «Хуанчао лица туши», как *дао* [ХЛТ 2004: 700]³⁰, а изогнутый (в значительном числе случаев), но обоюдоострый кинжал *ханджар* — как *цзянь* [ЦХСТ 1782: цз. 42].

Тем не менее наиболее распространенной разновидностью *цзянь* на Дальнем Востоке рассматриваемого исторического периода были все же именно мечи³¹. Таким образом, первой достоверно установленной особенностью конструкции оружия *шор* было наличие двулезвийного, предположительно прямого, клинка³².

Традиционно считается, что мечи имели ограниченное распространение среди воинов Центральной Азии рассматриваемого

³⁰ Показательно, что указанное церемониальное оружие относится к так называемым «мечевидным» палашам, т. е. имеет не скошенное, а остроугольное острие, характерное для меча. Тем не менее наличие лишь одного лезвия позволило составителям «Хуанчао лица туши» уверенно отнести *Шэньфэн* к категории *дао*.

³¹ В современных толковых словарях китайского языка термин *цзянь* объясняется следующим образом: «*цзянь*, название оружия; с двух сторон имеются лезвия, посередине проходит ребро жесткости, внизу имеется рукоять» [Ван 1937: 1296]. Таким образом, под *цзянь* понимается оружие с обоюдоострым клинком ромбического сечения. При этом, если *дао* определяется как «рубящее оружие», то функциональное назначение *цзянь* особо подчеркнуто словами: «колюще-рубящее оружие» (刺劈兵器) [ЧГЦЦ 2002: 176].

³² Интересно, что в некоторых словарях термин *шор* вплоть до недавнего времени переводился как «копье» [Мулаева 2010: 79]. Подобные ошибки в атрибуции, вероятно, обусловлены в том числе тем, что указанный термин использовался относительно редко. Так, например, он ни разу не упомянут в крупнейших сборниках законов кочевников Центральной Азии «Их Цааз» (1640 г.) и «Халха Джирум» (первая половина — середина XVIII в.), в которых перечислены многочисленные разновидности защитного и наступательного вооружения [Пюрбеев 2009].

периода. Тем не менее подлинные образцы мечей XVII–XVIII в. различных типов зафиксированы среди монгольских, ойратских, тибетских и южносибирских материалов позднего Средневековья и Нового времени [Бобров, Худяков 2008: 264–269].

Наибольшее число мечей происходит с территории Тибета, который был связан с Джунгарией тесными политическими и культурными контактами. Некоторые из наивысших тибетских мечей снабжены упомянутым в «Сиюй тучжи» металлическим кольцом, к которому крепился темляк или кисть из шелковых лент [Бобров, Ожеревдов 2021: 187, рис. 90, 2]³³. Их ножны могли обтягиваться кожей или даже целиком изготавливаться из данного материала. Длина таких мечей составляет около 70 см, что соответствует размерам «короткого шоло» в тексте «Сиюй тучжи» [LaRocca 2006: 163, 164; Бобров, Худяков 2008, 265, рис. 80, 3]. Указанные факты позволяют предположить, что под термином *шоло* в тексте рассматриваемого источника, скорее всего, скрывается именно указанная разновидность центральноазиатского меча.

В то же время не исключено, что в категорию «шоло» цинскими авторами могли заноситься и некоторые другие виды и типы длиннокликового оружия, в том числе *кончары* и шпаги европейского образца. Последние попадали к ойратам в качестве трофеев в ходе конфликтов с русскими или приобретались в частном порядке джунгарскими дипломатами во время поездок в Россию. Несмотря на запреты царских властей, джунгарские посланники тайно нанимали местных мастеров, чтобы те обучили ойратских оружейников. Так, например, некий «иноземец» «шпажный мастер» И. Федоров взялся обучать двух джунгарских ремесленников тому, «как делают шпаги и их калят» [Бобров, Худяков 2008: 261]³⁴.

³³ Акцентирование внимания читателя «Сиюй тучжи» на размещении кольца для темляка на конце эфеса, вероятно, обусловлено тем, что для жителя Поднебесной это выглядело не совсем привычно, так как на регламентированном цинском длиннокликовом оружии темляк, как правило, крепился не к сабельному навершию, а пропускаясь через сквозное отверстие в рукояти.

³⁴ Интересно в данной связи, что в монгольских словарях *шор* определяется как «ору-

Таким образом, в настоящее время *шор* («шоло» в «Сиюй тучжи») может быть атрибутирован как разновидность длиннокликового оружия с обоюдоострым и, наиболее вероятно, прямым клинком. Выделялись «короткие» (более 64 см) и длинные (около 1 м) *шор*, носившиеся в кожаных ножнах. Навершие рукояти снабжалось медным кольцом для темляка или кисти из матерчатых лент.

Наиболее вероятно, что под *шор* подразумевалась разновидность обоюдоострого меча тибетского типа. Не исключено, что в эту же категорию заносились и другие виды оружия с прямым обоюдоострым, в том числе граненым, клинком. Ограниченное распространение подобного оружия среди кочевников Центральной Азии обусловило редкость его упоминаний в письменных (в том числе монгольских и ойратских) источниках XVII–XVIII вв.

«Духулаха (都呼拉哈). Это шлем (кит. чжоу 胄). По форме [их шлемы] похожи на [те, что используются] во внутренних землях (т. е. в Китае. — Л. Б., А. П.). Или же из тонкого железа (кит. теи 鐵皮)³⁵ в передней части шлема делают чжаньянь³⁶, изпод которой едва видны оба глаза» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Таким образом, среди «духулаха» (от монг. дуулга [БАМРС, 2 2001: 79], *duuly-a* [Дыбо 2015: 237], калм. дуулх [КлРС 1977: 217], синцзян.-ойрат. дуулха [Тодаева 2001: 136]) цинские авторы выделяют наголовья, «похожие» на традиционные для империи шлемы чжоу, а также некие оригинальные (непривычные для жителей Дальнего Востока) шлемы с дополнительной защитой лица «из тонкого железа».

Действительно, подавляющая часть как ойратских, так и цинских металлических шлемов XVII – середины XVIII в. относит-

жие длиннее меча, шпага» или даже «штык» [БАМРС, 4 2002: 369; Тодаева 2001: 460]. Последняя атрибуция для оружейного комплекса региона середины XVIII в. неприменима, однако акцент на узкий прямой граненый клинок в определении термина *шор* в словарях весьма показателен.

³⁵ Досл. из ‘железной кожи’, т. е. из железного тонкого листа или тонкой пластинки.

³⁶ Чжаньянь (障面) — букв. ‘ширма на лицо’.

ся по материалу изготовления к классу железных, по конструкции тульи — к отделу клепаных. И те, и другие, как правило, снабжены козырьками, а также комбинированными наверхними, состоящими из цилиндрического или полусферического подвешива и трубки-втулки для плюмажа. Однако тулья цинских *чжоу* обычно клепались из двух пластин, а в комбинации с козырьком использовался специальный налобник *хуэ* (часто снабженный надбровными вырезами) [Бобров и др. 2017: 1151–1164].

Что касается центральноазиатских и южносибирских шлемов, то они в большинстве случаев клепались из 4–8 пластин, дополнительно зафиксированных обручем. Налобники *хуэ* (護額), столь характерные для цинских наголовий, на ойратских материалах пока не зафиксированы [Бобров, Худяков 2008: 416–445, 453–463, 474].

Исключительный интерес для темы нашего исследования представляет упомянутая в описании «ширма на лицо» *чжанмянь* [ЦХСТ 1782: цз. 41]. Не до конца понятно, что за защитный элемент описан авторами «Сиюй тучжи». С одной стороны, в корейском языке существует термин *има каригэ* (кор. 이마가리개, букв. ‘лобная ширма козырек / предмет, дающий тень’), который применяется в современных исследованиях для обозначения налобной пластины с надбровными вырезами, аналогичной цинской *хуэ*. Однако сомнительно, чтобы маньчжурские и китайские авторы второй половины XVIII в. стали использовать для хорошо знакомого им защитного элемента столь сложное и развернутое описание, как то, что приведено в «Сиюй тучжи». Очевидно, что речь идет о какой-то оригинальной, непривычной для императорских чиновников конструкции. К сожалению, составители «Сиюй тучжи» отмечают лишь две основные характеристики *чжанмянь* — это малая толщина металла, из которого она была изготовлена, и то, что из-под нее «едва видны оба глаза» [ЦХСТ 1782: цз. 41]. Это дает широкое поле для интерпретаций: от кольчатого или кольчато-пластинчатого сегмента, прикрывающего лицо, до нестандартного козырька, налобника необычной формы или даже железной маски-личины.³⁷

³⁷ На первый взгляд, соотнесение *чжанмянь* с ‘тонким железом’ (‘железной кожей’)

Глухие кольчужные лопасти (в том числе изготовленные из тонких железных колец), закрывающие значительную часть лица, зафиксированы на некоторых центральноазиатских и сибирских шлемах XVII–XVIII вв. [Бобров, Худяков 2008: 448, 449, 458, рис. 189, 5, 467, рис. 193; Ахметжан 2015: 83, рис. 33, 5].

С территории Восточного Туркестана происходит кольчато-пластинчатый шлем синдского образца с треугольной лицевой кольчужной лопастью с вырезами для глаз [Бобров, Борисенко, Худяков 2010: рис. 13], а также шлемы черкесского типа, привезенные в регион волжскими калмыками. Последние снабжены широким кольчужным сегментом, прикрывавшим верхнюю часть лица³⁸.

как будто бы исключает вероятность ее изготовления из кольчатого полотна, так для кольчуги в китайском языке существовал специальный термин — *соцзыцзя* (также упомянутый в «Сиюй тучжи»), где *соцзы* означает ‘цепочку’, а *цзя* — ‘доспех’. Однако необходимо учитывать, что изучаемое произведение было скомпилировано на основе сведений разных информантов. Над компиляцией этих данных в единый текст трудились разные чиновники. Если одни из них хорошо представляли конструкцию кольчатой брони, то для других это было варварской экзотикой, описать которую привычным способом было затруднительно. Это не позволяет в настоящее время полностью отказаться от возможности интерпретации *чжанмянь* как защитного элемента, изготовленного из кольчатой брони, тем более учитывая широту ее распространения на рассматриваемой территории (см. ниже).

³⁸ См., например, шлем, хранящийся в фондах музея «Возвращение на Восток» (Dong Gui 東歸博物館), уезд Хэцзин, Баян-Гол-Монгольский автономный округ, Синьцзян-Уйгурский автономный округ КНР. Обычно появление подобных шлемов в регионе связывают с «Торгутским побегом» 1771 г. Однако значительные массы калмыков переселялись в Джунгарию и ранее. Так, например, около 15 тыс. кибиток кочевников из Северного Прикаспия прибыли в Центральную Азию вместе с Санджипом (сыном хана Аюки) в начале XVIII в. [Тепкеев 2018: 170, 181, 183, 184]. Воинами Восточной Европы и Северного Кавказа XVIII в. также применялись различные виды наголовий снабженные кольчато-пластинчатыми бармицами. Налобная часть последних могла снабжаться пластиной (или пластинами) прямоугольной формы [Бобров,

Наконец, не исключено, что под термином *чжанмянь* может скрываться обычная *мисюрка* или кольчужный «башлык» с лопастью, прикрывающей лоб или верхнюю часть лица. Эти разновидности боевых наголовий были хорошо известны ойратам и их тюркским соседям XVII–XVIII вв., но являлись оружейной экзотикой для жителей континентальной Восточной Азии [Бобров, Худяков 2008: 469–472]. Возможно, дальнейшее изучение вещественных, изобразительных и письменных источников позволит уточнить значение термина *чжанмянь*, упомянутого в тексте «Сиюй тучжи».

«**Хуякэ** (呼雅克). Это кольчуга (кит. соэзыцзя 鎖子甲). Или же имеются такие [доспехи], которые делают из шелковой ваты (кит. мянь 綿). Их название — **элебокэ/аолэбокэ** (鄂勒博克). Высочайшие составленные стихи в [год под циклическими знаками] бинцзы (1756. — Л. Б., А. П.) «О доспехах [варваров] фань...»³⁹ [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Термином *хуяг* (монг. *хуяг*, *қиуау*, калм. *хуйг*) в монгольских языках в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени обычно обозначался корпусный доспех (без учета структуры его бронирования). Если требовалось уточнить особенности его конструкции, то к слову *хуяг* добавляли поясняющее определение. Кольчуга обозначалась как *küü-e' kuo*. Именно так она записана, например, в тексте законодательного памятника XVIII в. «Халха Джирум» [Пюрбеев 2009: 284]⁴⁰.

Сальников 2018: 16–30]. Кольчато-пластинчатые шлемы, дополненные налобными пластинами и масками, применялись в различных регионах Южной Азии, которые поддерживали с подвластным Джунгарии Восточным Туркестаном разнообразные (в том числе экономические) контакты [Бобров, Сальников 2018: 11–14]. Однако находки подобных северокавказских и южноазиатских наголовий на территории Джунгарии пока не зафиксированы.

³⁹ Далее в тексте «Сиюй тучжи» приведено стихотворение императора Цяньлуна, посвященное «доспехам [варваров] фань» (*фаньцзя 蕃甲*).

⁴⁰ В современном монгольском языке кольчуга обозначается словосочетанием *гархин хуяг* [Пюрбеев 2009: 284; БАМРС, 1 2001: 391], т. е. «кольчатый доспех» (от *гархи(н)* — мелкое металлическое кольцо). Также использовались термины *хөө хуяг*,

В тексте «Сиюй тучжи» также весьма точно передано звучание центральноазиатского «мягкого» стеганого панциря, который обозначался как *olboy quyaу* [Пюрбеев 2009: 284] или просто *olboy/олбог*.

После вытеснения традиционного защитного вооружения из широкого военного обихода данный термин стал обозначать тюфяк, подстилку, стеганный матрац и т. д. Однако народная память сохранила и оригинальное значение термина — «куртка стеганая на пеньковой пакле и надеваемая на войне», «дорожная короткая куртка стеганая на вате» [Банзаров 1955: 163, 304; БАМРС, 2 2001: 467]⁴¹.

Широкое использование джунгарами и их вассалами конца XVII – первой половины XVIII в. как кольчатых, так и стеганых панцирей подтверждается вещественными, изобразительными и письменными источниками [Бобров, Худяков 2008: 392–416].

«**Бао** (包). Это пушки (кит. *пао* 礮)⁴². Из железа (кит. *те* 鐵) делают ствол, для заряда используют селитру (кит. *сяохуан* 硝黃) и свинцовые снаряды (кит. *цяньтань* 鉛彈). [Их огнестрельное оружие] относится либо [к типу] длиной 2–3 чи (64–96 см. — Л. Б., А. П.) и диаметром 3 цунь (9,6 см. — Л. Б., А. П.), который везут на спине верблюдов и стреляют, или [к типу] длиной 2–3 чи (64–96 см. — Л. Б., А. П.) и диаметром 5–6 цунь (16–19,2 см. — Л. Б., А. П.), из которых стреляют с деревянного лафета (кит. *муцзя* 木架)⁴³, или же [к типу] длиной 4 с лишним чи (более 128 см. — Л. Б.,

хөө дээл [БАМРС, 4 2002: 141] ‘кольчатый доспех’ и ‘кольчатая одежда’ соответственно.

⁴¹ Стоит обратить внимание, что в данном пассаже «Сиюй тучжи» в качестве набивки джунгарского мягкого доспеха *олбог* названы очески шелковой ваты, что в условиях отсутствия собственного развитого шелководства в Джунгарии кажется маловероятным (см. ниже).

⁴² В данном случае, исходя из контекста, подразумевается несколько более широкое значение китайского слова *пао* (礮) — огнестрельное оружие вообще.

⁴³ Основные значения слова *муцзя* (木架) — деревянный каркас, деревянная конструкция, деревянная рама, обрешетка, деревянная клетка; деревянный козел; деревянная рама; рамная деревянная опора. В данном случае наиболее уместным представляется перевод «лафет», независимо от его конкретной конструкции.

А. П.), похожие на [те] фитильные ружья (кит. *няоцян* 鳥鎗), что [используют] во внутренних землях, из которых стреляют с рук. Заведующие огнестрельным оружием люди именовались „баоцинъ“ (包沁)» [ЦХСТ 1782: цз. 41]⁴⁴.

Монгольское название огнестрельного оружия *буу* (*бии*) цинские составители «Сиюй тучжи» передали как *бао*, а должность джунгарского чиновника — «заведующего огнестрельным оружием» (монг. *буучин*) — как *баоцинъ*⁴⁵.

В качестве материала для изготовления стволов названо железо, а в качестве сырья для боеприпасов — свинец (кит. *цянь* 鉛), что верно лишь отчасти (см. ниже).

Несколько странным выглядит утверж-

⁴⁴ В другой части текста авторы «Сиюй тучжи» отмечают: «Ремесленники (*у-лу-тэ* 烏魯特, монг. *урад* [БАМРС, 3 2001: 340]) являются кузнецами (*тецзян*) и отливающими утварь [литейщиками]. Золотых дел мастера (*а-эр-та-цинъ*, монг. *алтачин* [БАМРС, 1 2001: 79]) являются теми, кто выполняет все работы по изображению и ваянию будд. *Буучинэр* (*бао-ци-на-эр*) являются теми, кто ведаёт пушками и ружьями в военном лагере, и прочими подобными делами. *Буучин* (*бао-цинъ*) особо ведают пушками» [ЦХСТ 1782: цз. 29].

⁴⁵ Судя по материалам «Цин ши гао», мастера по изготовлению пушек были преимущественно мусульманами, однако расселены они были в восточной части Джунгарии на территории *отока Буучин* по соседству с *отоком* пограничной стражи — *Джахачин*, располагавшимся на территории Монгольского Алтая: «Изначально ойрат Мамут (Ма-му-тэ) прозывался Кукэсинь и был *зайсаном* джунгарских *джахчинов*. *Джахчины* — в переводе «охранные войска» (*сюньцзу*), возглавлялись *зайсанами*. Мамут ведал Алтайским караулом, пас скот в Булаган-Цагаан Тохой. К востоку от него находилась Халха и рубежи Урянхая, к западу — Джунгария, рубежи *буучинов*, разных джунгар и *галдзатов* с пятью *джаса*. *Буучины* являлись мусульманским племенем (*хуйцзу*). Джунгары называют пушку *бао* (包), заставляя мусульман ведаёть пушками, отсюда и название. *Галдзаты* и пять *джаса* — это все джунгарские *отоки*. *Оток* — это как *цзолин* (монг. *суман* [БАМРС, 3 2001: 128]) в *ци* (монг. *хошун* [БАМРС, 4 2002: 123])» (см.: [ЦШГ 1927: цз. 523]). В «Синьцзян чжи ляо» уточняется, что общая численность населения *отока Буучин* составляла 1 тыс. кибиток при трех *зайсанах* [Очилов 2010: 11].

дение, что джунгары «для заряда используют селитру (кит. *сяохуан* 硝黃)», а не порох (кит. *хояо* 火藥). Селитра, действительно, является основным компонентом дымного пороха (наряду с древесным углем и горючей серой), но не может быть использована в качестве самостоятельного взрывчатого вещества, действие которого аналогично пороху. Вероятно, в данном случае составители «Сиюй тучжи» допустили ошибку (описку?).

Все джунгарское огнестрельное оружие авторы сочинения делят на три основные группы. Рассмотрим их более подробно.

К первой относятся крупнокалиберные ружья или легкие малокалиберные пушки длиной около 64–96 см (возможно, в данном случае имеется в виду не общая длина оружия, а только длина ствола) с диаметром дульного среза около 9,6 см. Эти ружья «везут на спине верблюдов и стреляют» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

В русских письменных источниках XVIII в. данная разновидность джунгарского огнестрельного оружия названа «пушками походными» [Бобров, Пастухов 2007: 203, 208].

По всей видимости, они представляли собой аналог русских *затинных пищалей* и иранских *джазаиров* (*джазаиль*). Визуально это оружие напоминало обычные фитильные ружья, но отличалось массивным ложем, внушительными размерами и большим калибром. В тексте «Хуанчао лица туши» помещено описание и изображение трофейного «мусульманского орудия» (кит. *хуйпао* 回礮), имеющего вид длинного крупнокалиберного ружья, и специального ясельного «седла», в котором оно перевозилось [Бобров, Пастухов 2007: 210, рис. 1, 3].

Согласно этим данным, общая длина оружия составляла 1,6 м [Бобров, Пастухов 2007: 210, рис. 3, 211].

По единодушному мнению цинских и российских современников крупнокалиберные ружья («пушечки», «пушки походные») транспортировались на спине верблюдов или коней [Бобров, Пастухов 2007: 203].

Первые образцы крупнокалиберных фитильных ружей появились на вооружении джунгар, вероятно, во второй половине XVII в., а возможно, и ранее [Бобров, Пастухов 2007: 209].

В начале 40-х гг. XVIII в., согласно данным ойратских дипломатов (подтвержденных российскими современниками), в джунгарских войсках находилось около трех тысяч крупнокалиберных ружей — «пушек походных, которые на верблюдах возят» [Бобров, Пастухов 2007: 203].

Ко второй группе отнесены орудия легкой полевой артиллерии. Они имеют ту же длину, что и крупнокалиберные ружья (около 64–96 см), но значительно больший диаметр ствола (около 16–19,2 см). Из них «стреляют с деревянного лафета» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Эти сведения весьма близки другим источникам, сообщающим данные о размерах и конструкции джунгарских орудий. Так, например, посещавший Джунгарию в январе 1749 г. кашгарский купец Айтбага Баймуратов описал ойратские пушки как орудия «длиною аршина полтора (около 1 м) ... кои и возятся на верблюдах» [Бобров, Пастухов 2007: 228].

Трофейные джунгарские пушки близкого размера изображены на цинских картинах второй половины XVIII в. Интересно, что эти орудия не имеют колесной базы, но к их передней части (недалеко от дульного среза) привязан деревянный брус, обеспечивавший приподнятое положение дула при стрельбе [Бобров, Пастухов 2007: 214, рис. 2, 1].

Возможно, что именно это приспособление названо в тексте «Сиюй тучжи» «деревянным лафетом». В противном случае под ним могла пониматься более сложная деревянная (в том числе рамчатая) конструкция, также зафиксированная в цинских изобразительных материалах XVIII в. [Бобров, Пастухов 2007: 227, рис. 6, 1].

Кроме отмеченных составителями «Сиюй тучжи» «железных» орудий⁴⁶, свинцовых пуль и ядер, джунгары использовали для производства оружия и боеприпасов и другие металлы. Так, например, ойратский посол Дондук (Дюринг) сообщал, что «... зенгорцы, те пушки и к ним ядра, а также мортиры сами делают из меди, чугуна и железа, а ядра и из олова, к чему оную медь, чугун и железо, и олово сами ж делают» [Бобров, Пастухов 2007: 203].

⁴⁶ В указанном контексте, вероятно, имеются в виду артиллерийские стволы, изготовленные из чугуна.

Сведения об орудиях, изготовленных из медного сплава, подтверждаются и другими источниками [Бобров, Пастухов 2007: 192, 196, 202, 205, 206, 228, 233].

Третью группу джунгарского огнестрельного оружия составляют ружья длиной более 128 см, которые авторы «Сиюй тучжи» считают «похожими» на «... няо-цян, что [используют] во внутренних землях» [ЦХСТ 1782: цз. 41], т. е. на фитильные ружья цинского производства.⁴⁷

Сопоставление известных образцов джунгарских ружей и их изображений с цинскими аналогами позволяет сделать вывод, что они обладали схожей конструкцией и размерами, хотя и имели некоторые отличия, заключающиеся в оформлении ствола, деревянного ложа, приклада и др.

Данные о типологии и размерах огнестрельного оружия джунгар, зафиксированные в «Сиюй тучжи», уникальны. Среди письменных свидетельств XVIII в. сложно найти источник, в котором бы указанная проблематика была бы рассмотрена столь же подробно и детализированно. Особое значение это имеет для изучения джунгарских крупнокалиберных ружей и пушек, подлинные образцы которых пока не обнаружены и известны лишь по изобразительным материалам [Бобров, Пастухов 2007: 210, рис. 1, 3, 214, рис. 2, 1, 2].

«Мани (瑪呢). Это знамя (кит. 旗). Из хлопчатобумажной ткани делают полотнище (кит. 幅) полностью разных цветов⁴⁸. Имеются знамена длиной почти в

⁴⁷ В отечественных исследованиях термин *няоцян* традиционно переводят как ‘дробовики’ или ‘охотничьи ружья’. Подобный перевод неверен по своей сути, поскольку значение ‘охотничье ружье’ или ‘дробовик’ слово *няоцян* получило только в XX в., когда устаревшее фитильное оружие стало использоваться преимущественно охотниками или ополченцами. В XVI–XIX вв. *няоцян* представляло собой обычное фитильное ружье, которое применялось и в имперских «Восьмизнаменных» войсках. Так в «Хуанчао лици туши» среди вооружения цинских воинов, например, упоминается «армейское *няоцян*» (кит. *биндин няоцян* 兵丁鳥鎗).

⁴⁸ В данном контексте фраза *цзайсэ цзюнь* 雜色俱 (досл. ‘разноцветное полностью/все’) может означать как полотнище, сшитое из ткани разных цветов, так и окрашенное разными цветами. Кроме того, нельзя исключать, что данной

чжан (до 3,2 м. — Л. Б., А. П.) и шириной как их длина [в соотношении] 10 к 8, испи- санные ламаистскими мантрами по всему полотнищу. При ветре [полотнища] дви- жутся и [словно] читают [мантры] наи- зусть. [Знамена-мани] выставляют зайса- ны и [начальники] ниже их» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Этимология слова в рассматриваемом контексте не до конца понятна. Возможно, что для обозначения знамени использова- но наименование чудодейственного драго- ценного камня из буддийской религиозной традиции — *мани* (санскр. ‘драгоценный камень’), в значении ‘драгоценность’, ‘со- кровище’. На изображениях XVIII в. ойрат- ские знамена иногда увенчаны характерным фигурным навершием, которое может быть атрибутировано и как символическое обо- значение «драгоценности» — *мани* [Бобров, Худяков 2008: 315, рис. 97, 12; Бир 2013: 246]⁴⁹.

Судя по описанию, основным элемен- том джунгарского знамени-*мани* был цвет- ной флаг, представляющий собой большое прямоугольное полотнище, примерно 3,2 на 2,6 м, выполненное из хлопчатобумажной ткани. Авторы «Сиюй тучжи» не акценти- руют на этом внимание читателей, но, судя по подлинным ойратским знаменам и их изображениям, матерчатый флаг крепился к древку вертикально, т. е. упомянутая «дли- на» соответствует «высоте» полотнища. По- добная форма знамен, восходившая к фла- гам раннесредневековых кочевников, была характерна для монголоязычных номадов Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, Худя- ков 2008: 314–316].

Значительный интерес представляют со- общения авторов «Сиюй тучжи» о том, что поверхность знамени была покрыта «... ла- маистскими мантрами по всему полотнищу. При ветре [полотнища] движутся и [словно]

читают [мантры] наизусть» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Традиция написания мантр и молитв на боевых знаменах была связана с представ- лением об охранительных функциях свя- щенных текстов. Если подобное знамя бу- дет развеиваться, то «прекратятся междоусо- бия, эпидемии, неприятель будет поражен» [Шараева 2012: 55].

Подлинный образец ойратского воин- ского знамени, покрытого мантрами, еще в начале XX в. хранился в Александровском хуруле⁵⁰ и был осмотрен Г. Н. Прозрителе- вым. По мнению исследователя, оно отно- силось «ко времени появления калмыков в России» [Прозрителев 1912: 90], т. е. к XVII в.

На тканевой основе флага «...начертаны только изречения на тибетском языке. На знамени имеется надпись: „Саин-Ка Исиль- бе“, т. е. князь Саин Исельбеев⁵¹. На зна- мени начертаны три „тарни“ (заклинания) бурханов: Очир-Вани, Цаган-Шюкюртэни и Наймен-гегени... Кроме этих закли- наний (молитв) на знамени этом есть молит- ва „ОЛЬЗЕ ДАВХАР“» [Прозрителев 1912: 92–94]. Данные заклипания должны были сделать владельца знамени крепким «как железо», защитить от оружия противника, злых духов и прочих опасностей, а также помочь в различных начинаниях [Прозрите- лев 1912: 92–94].

По замечанию Г. Н. Прозрителева: «Зна- мя это весьма чтится калмыками по име- ющимся на нем святым начертаниям, но прочесть их никто из калмык не может и до- ступно чтение тибетской рукописи только духовным лицам» [Прозрителев 1912: 95].

Судя по фотографии знамени, тексты располагались в центральной части верти- кально расположенного полотнища, а по

⁵⁰ Хурул — буддийский храм (монастырь, обитель) в ойратском ламаизме.

⁵¹ Досл. ‘Святом телохранителе Исильбэ’ (саин ‘благый’, ка — ойратская форма слова хя ‘телохранитель, адъютант’). Возможно, что речь идет о знамени о ойратском правителе и полководце Эсэльбэйн Саин-Ка (букв. ‘Сайн-Ка, [сын] Эсэльбэ’). С 1574 г. он являлся правите- лем хойтов, относился к числу наиболее влия- тельных ойратских князей. Упомянут в числе героев знаменитого сказания «Песнь о походе Убаши-хунтайджи на ойратов» [Письменные памятники 2016: 170, 171, 236, 237].

фразой цинские авторы пытались указать на то, что джунгары применяли знамена, отличавшие- ся между собой цветом полотнища.

⁴⁹ Возможно также, что под рассматрива- емым термином подразумевается *чинтамани*, т. е. «Драгоценность, исполняющая желания». В монгольском языке этот камень чаще называ- ется *Эрдэнэ* или *Чандмань Эрдэнэ* [БАМРС, 4 2002: 306].

его периметру флаг был снабжен широкой (красной?) каймой. Как и другие ойратские знамена, полотнище флага из Александровского хурула было дополнено длинными узкими лентами, так называемыми «языками». Использование яркой цветной ткани на указанном знамени хорошо коррелирует с сообщением авторов «Сиюй тучжи» о том, что джунгарские стяги «...полностью разных цветов» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Покрытые мантрами знамена, украшенные яркой вышивкой, цветными изображениями и аппликацией продолжали использоваться калмыками вплоть до первой четверти XX в. [Шараева 2012: 55]⁵².

Примечательно, что, согласно «Сиюй тучжи», использовать подобные знамена могли не только *зайсаны*⁵³, но и нижестоящие командиры. Это дает основание предположить, что цветные, покрытые буддийскими мантрами флаги прямоугольной формы являлись одной из основных разновидностей знамен высшего и среднего командного состава джунгарской армии первой половины – середины XVIII в.

Также отметим, что в «Сиюй тучжи» указан, вероятно, максимальный размер полотнища подобного знамени. Подлинные образцы ойратских флагов, а также джунгарские знамена на изображениях рассматриваемого периода обычно имеют значительно меньшие размеры [Бобров, Худяков 2008: 314, 315].

«*Тукэmani* (圖克瑪呢). Это большие знамена с бунчуком (кит. да дуци 大纛旗). Длина в чжан (3,2 м. — Л. Б., А. П.), ширина так же, как и [у] знамен [mani]. Для полотнищ используют шелк зеленого цвета, расписанный ламаистскими мантрами по верху. [Эти знамена] выставляют тайджи» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Транскрипция *тукэmani* передает монгольское слово *туг-мани*, т. е. дословно «флаг-драгоценность».

Размеры *туг-мани* были несколько большими, чем обычного знамени-*мани*, применявшегося *зайсанами* и нижестоя-

щими командирами⁵⁴. Наряду с размером главными особенностями *туг-мани* были материал изготовления (шелк вместо хлопчатобумажной ткани), а также зеленый цвет полотнища.

Судя по описанию, древко знамени могло также дополнительно снабжаться волосным бунчуком-*туг* (кит. ду 纛). Джунгарские знамена с вертикальным полотнищем и бунчуком под фигурным навершием изображены на картинах середины XVIII в. [Бобров, Худяков 2008: 315, рис. 97, 12].

Не до конца понятна фраза о том, что зеленое шелковое полотнище было покрыто «*ламаистскими мантрами по верху*» [ЦХСТ 1782: цз. 41]. Это можно трактовать как нанесение надписей поверх зеленой ткани, так и указание на их расположение в верхней части флага.

Согласно «Сиюй тучжи», правом на использование подобных «больших знамен с бунчуком» обладали только *тайджи*. Последние делились на «больших тайджи» (кит. да тайцзи 大台吉), которые стояли во главе четырех основных ойратских племен, и «малых тайджи» (кит. сяо тайцзи 小台吉).

Информацию о вооружении и военной символике джунгар в *цзюане* 41 «Сиюй тучжи» цинские авторы подытоживают исторической справкой о военном деле предшественников ойратов в Центральной Азии. Здесь же дается общая оценка военного искусства джунгар.

«В разделе „Повествование о тюрках“ („Туцзюэ чжуань“) в „Бэй ши“⁵⁵ среди оружия [тюрков] имеются роговые луки (кит. цзяогун 角弓) и свистящие стрелы (кит. минди 鳴鏑), панцири (кит. цзя 甲) и копыя (кит. шо 稍), палаши / сабли (кит. дао 刀) и щиты (кит. дунь 楯), знамена (кит. ци 旗) и бунчуки (кит. ду 纛), на верху которых устанавливали золотую голову волка (кит. цзинь лантоу 金狼頭). Поднимая войска в поход, делают зарубки на дереве, считая [войско], а также печатают воском стрелу с

⁵⁴ Знамя-*мани* было в длину «почти в чжан», т. е. несколько менее 3,2 м (см. выше). В то время как длина *туг-мани* уверенно определяется в 1 чжан, т. е. в 3,2 м.

⁵⁵ Имеется в виду историческая хроника «Бэй ши» («История Северных династий»), которая описывает события 386–618 гг. Данная хроника была составлена в период правления династии Тан (618–907).

⁵² В Тибете покрытые мантрами разноцветные «молитвенные флаги» (*Dar Cho*) используются в различных религиозных церемониях вплоть до настоящего времени.

⁵³ Согласно подсчетам А. И. Чернышева, в Джунгарии середины XVIII в. насчитывалось не менее 64 *зайсанов* [Чернышев 1990: 74].

золотым наконечником, считая это верительным знаком.

В „Повествовании о жуаньжуанях“ („Жуаньжуань чжуань“) впервые говорится о воинских установлениях — 1 000 человек составляли войско (кит. цзюнь 軍), над войском ставился 1 полководец (кит. цзян 將). 100 человек составляли знамя (кит. чуан 幢), над знаменем ставился 1 военачальник (кит. шуай 帥). Шэлунь⁵⁶ изучил законы Среднего Государства и, установив воинские правила (букв. ‘порядки и войско’. — Л. Б., А. П.), творил разбои на границах.

В „Повествовании об уйгурах“ („Хуйгу чжуань“) в „Тан шу“⁵⁷ [говорится]: „Сяцзясы“⁵⁸ — это древнее владение Цзянькунь⁵⁹. Среди их военного [снаряжения] есть луки и стрелы (кит. гуни 弓矢), а также знамена (кит. цичжи 旗幟). Их всадники раскалывают дерево (кит. симу 析木) и делают щиты (кит. дунь 盾), которые закрывают ноги до бедра, а также используют круглые щиты (кит. юандунь 圓盾) на плечах, чтобы предохраняться от стрел и клинков (кит. шицзэнь 矢刃)“.

На основании древних воинских установлений жуаньжуаней, воинского снаряжения тюрков и считавшегося сильнейшим среди западных племен [тюрков] шато, в наши времена [джунгары] тоже полагались на крепкие доспехи (кит. цзяньцзя 堅甲) и острое оружие (кит. либин 利兵), чтобы убивать из ненависти, сделавшись [самыми] жестокими и коварными среди племен северо-запада. [Мы] изучили их воинское снаряжение (кит. чжаньцзюй 戰具), особенно описав их знамена (кит. циду 旗幟), полностью исписанные санскритскими письменами.

⁵⁶ Шэлунь (? – 410) — первый каган жуаней.

⁵⁷ Имеется в виду цз. 217 «Уйгуры» династийной хроники «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан»), которая описывает события времен правления династии Тан (618–907). Сама хроника была составлена в 1044–1060 гг. в период правления династии Сун (960–1279).

⁵⁸ Сяцзясы — владение в Центральной Азии и Южной Сибири, отождествляемое с каганатом енисейских кыргызов (840–925).

⁵⁹ Цзянькунь — владение в Центральной Азии и Южной Сибири, отождествляется с землями енисейских кыргызов и, на основании «Синь Таншу», с владением Сяцзясы.

Однако, хотя [они] и приняли буддийскую веру, все же на самом деле [следовали принципу] выживает сильнейший⁶⁰, и они скорее умерли бы, чем изменили себе. [Они] умели хорошо воевать (кит. шаньчжань 善戰) и были хороши в поле (кит. шаньчжэнь 善陣)⁶¹, но полностью зависели от воздаяния!» [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Выводы

Проведенный анализ цзюаня 41 «Сиюй тучжи» показал, что в нем систематизирована информация о вооружении и военной символике джунгар, известная цинским чиновникам второй половины XVIII в. Можно предположить, что большинство этих сведений было получено членами исследовательской экспедиции в Джунгарию и Восточный Туркестан в 1756–1759 гг. Основными информантами, вероятно, выступили представители местного ойратского и тюркского населения, а также цинские военнослужащие, принимавшие участие в присоединении данных регионов к империи. Позднее указанные сведения могли быть дополнены и отредактированы членами императорской комиссии, в состав которой входили маньчжурские военачальники — участники боевых действий в Центральной Азии.

В тексте «Сиюй тучжи» описаны по две разновидности клинкового, длиннодревкового оружия, корпусных панцирей и шлемов, три вида огнестрельного оружия, лук и стрелы, а также два варианта знамен ойратов Джунгарии. Описание каждого предмета сопровождается транскрипцией его оригинального названия. В некоторых случаях указываются материал изготовления и основные типовые размеры.

Следует отметить, что цинские авторы продемонстрировали неплохое знакомство с монгольскими языками, удачно транскрибируя при помощи иероглифов слова, обозначающие названия различных видов и типов оружия и доспехов. Это позволило уверенно идентифицировать большинство предметов упомянутых в источнике.

Сопоставление данных «Сиюй тучжи» с подлинными образцами вооружения ойратского населения Центральной Азии, а также

⁶⁰ Букв. ‘пищей сильного является мясо слабого’.

⁶¹ Букв. ‘[умели] хорошо выстраивать войска в поле’, т. е. вести полевое сражение.

их изображениями, показало, что цинские авторы весьма достоверно описали особенности конструкции и оформления оружия дистанционного и ближнего боя, а также доспехов населения изучаемого региона. Это, в свою очередь, заставляет с доверием отнестись и к информации о тех предметах и элементах вооружения, которые упомянуты в тексте, но пока не подтверждены вещественными источниками. К числу таких предметов можно отнести, например, дополнительную защиту для лица «из тонкого железа» на ойратских шлемах (*чжанмянь*).

Большую научную ценность представляют сведения «Сиюй тучжи» о размерах и оформлении длиннодревкового оружия, крупнокалиберных ружей, пушек и знамен, так как в других письменных источниках XVII–XVIII вв. соответствующая информация дана кратко либо вовсе отсутствует.

Характеризуя *цзюань* 41 в целом, следует отметить достаточно высокую оценку, которую дали цинские авторы вооружению и военному делу своих западных противников. Так, в частности, они отмечают, что ойраты «полагались на крепкие доспехи и острое оружие», а также «умели хорошо воевать и были хороши в поле» [ЦХСТ 1782: цз. 41]. Предметы защитного и наступательного вооружения описываются либо нейтрально, либо даже удостоиваются похвалы со стороны составителей «Сиюй тучжи». Так, например, подчеркивается «хорошее качество» и «тонкая» отделка «очень мощных» ойратских стрел [ЦХСТ 1782: цз. 41].

Подобная оценка контрастирует с весьма сдержанными, а иногда и откровенно пренебрежительными отзывами о джунгарских войсках, которые высказывали некоторые цинские сановники первой четверти XVIII в. [Хафизова 2013: 121]. На наш взгляд, подобная смена акцентов обусловлена несколькими причинами. Во-первых, давая достаточно высокую оценку военному искусству джунгар, составители «Сиюй тучжи» подчеркивали значение триумфа Цяньлуна, одержавшего победу над столь сильным противником. С другой стороны, не всегда успешные действия цинских войск в столкновениях с джунгарами в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в., вероятно, побуждали цинские власти с большим уважением отнестись к военным возможностям своим западным соседям.

Известный интерес представляет тот факт, что составители «Сиюй тучжи», стремясь показать широту своих исторических познаний, попытались рассмотреть боевую практику ойратов в рамках общего контекста развития центральноазиатского военного искусства. Посвященный джунгарам *цзюань* 41 завершается историческими вставками о вооружении и военной символике древних тюрков и енисейских кыргызов, а также о десятичной военной организации жужаней [ЦХСТ 1782: цз. 41]. Якобы «на основании древних воинских установлений» этих народов, а также «сильнейших среди западных племен [тюрков] шато» [ЦХСТ 1782: цз. 41] базировались военные традиции самих ойратов.

Подчеркивая высокую научную ценность «Сиюй тучжи» как источника по вооружению и военной символике населения Центральной Азии, в то же время необходимо отметить ряд важных нюансов, связанных со спецификой приводимых в источнике сведений.

В рассматриваемом произведении перечислены многие предметы защитного и наступательного вооружения ойратов Джунгарии. Однако указанный перечень нельзя считать исчерпывающим. Так, например, совершенно не упомянуты ударно-дробящее (булавы, палицы и др.) и ударно-рубящее оружие (боевые топоры, секиры), ножи, сабли и палаши с дисковидной гардой, пластинчато-нашивные и кольчато-пластинчатые доспехи, мисюрки и кольчужные «башлыки», наручи и др. Из материалов вещественных, изобразительных и письменных источников (в том числе цинских) известно, что перечисленные предметы вооружения применялись народами изучаемого региона, однако сведения о них в *цзюане* 41 отсутствуют⁶².

Стоит также отметить, что внимание цинских авторов в первую очередь привлекали предметы вооружения непривычной для Дальнего Востока конструкции и систе-

⁶² Некоторые из этих предметов (например, полусекира «аипалэту», т. е. *айбалта*, пластинчатый доспех «куяк», т. е. *хуяг*, *куяк*) упомянуты на вооружении «мусульманских племен», т. е. мусульманского населения (*хуйбу*) Восточного Туркестана и сопредельных территорий в *цзюане* 42 «Сиюй тучжи» [Бобров, Пастухов 2021: 518–520].

мы оформления. К их числу можно отнести *илэду* (сабли или палаши с эфесом, снабженным крестовиной, а не типичной для Восточной Азии дисковидной гардой), шлемы с дополнительной защитой лица и др.

Даже в тех случаях, когда в перечень попадали более привычные и широко распространенные среди воинов центральноазиатского региона предметы вооружения (копья, луки, стрелы), авторы «Сиюй тучжи» старались подчеркивать их нестандартные для Восточной Азии элементы оформления: миниатюрные бунчуки на древках ойратских пик, темляки на навершиях рукоятей длинноклинкового оружия, оригинальное оформление знамен и т. д.

Кроме того, деление вооружения народов региона на «джунгарское» (*цзюань* 41) и «мусульманское» (*цзюань* 42) весьма условно и отражает политические реалии второй половины 50-х гг. XVIII в. До этого времени тюркское население Восточного Туркестана исправно поставляло военные контингенты в войска Джунгарского *хунтайджийства*. Поэтому некоторые предметы вооружения, отнесенные цинскими авторами к «мусульманским», могли применяться этническими ойратами (например, пластинчатые доспехи, тесакообразные сабли и палаши «сэ-лиема» и др.). И, наоборот, огнестрельное оружие, изготовленное мастерами джунгарского *отока буучин*, поступало в отряды, укомплектованные воинами из Восточного Туркестана.

Порой в тексте «Сиюй тучжи» встречаются и сомнительные утверждения, а также откровенные ошибки. Так, например, при описании джунгарских стеганых доспехов *элэпакэ* (монг. *олбог* [БАМРС, 2 2001: 467]) отмечается, что в качестве набивки использовалась шелковая вата, что маловероятно в условиях отсутствия развитого шелководства в Джунгарии.

В качестве взрывчатого вещества, необходимого для произведения выстрела, назван не порох, а селитра, хотя из других источников известно, что в первой половине XVIII в. в Джунгарии массово производился порох и др. Можно предположить, что некоторые из этих неточностей обусловлены не недобросовестностью информантов, а ошибками писцов, готовивших текст для резчиков клише ксилографа, которые могли

вставить схожий графически, но отличный по значению иероглиф в текст произведения.

Однако указанные неточности не влияют на общую высокую оценку «Сиюй тучжи» как главного и наиболее ценного цинского письменного источника по вооружению и знаменам ойратского населения Джунгарии первой половины – середины XVIII в. Многие сведения, зафиксированные в «Сиюй тучжи», отсутствуют в других произведениях, что делает их уникальными и придает рассматриваемому сочинению особую научную ценность.

В завершение отметим значение «Сиюй тучжи» для дешифровки оригинальных ойратских терминов, применявшихся для обозначения различных видов оружия и доспехов. Вплоть до недавнего времени атрибуция оружейных терминов, которые фигурируют в фольклорных (в том числе эпических) произведениях и письменных источниках, основывалась на позднейших этнографических интерпретациях XIX – первой половины XX в. Однако в этот период многие предметы традиционного центральноазиатского вооружения либо вышли из широкого военного обихода, либо, в силу различных причин, сменили названия. В результате в исторические словари наряду с оригинальными оказались внесены новые или обновленные значения терминов. Благодаря тому, что в «Сиюй тучжи» названия различных видов и типов оружия и доспехов соотнесены с особенностями их конструкции, представляется возможным уточнить первоначальный смысл тех или иных оружейных терминов, применявшихся монгольскими народами первой половины – середины XVIII в. Это открывает широкие перспективы для более детального и всестороннего изучения письменного и фольклорного наследия населения Центральной Азии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

В целом необходимо отметить, что в настоящее время «Сиюй тучжи» является наиболее подробным и детализированным цинским письменным источником, содержащим сведения о вооружении и знаменах ойратского населения Центральной Азии середины XVIII в., вводимым авторами в научный оборот.

Сокращения

- букв. — буквально
 б/г — без указания года издания
 б/м — без указания места издания
 досл. — дословно
 каз. — казахский
 калм. — калмыцкий
 кит. — китайский
 монг. — монгольский
 синьцз.-ойрат. — синьцзян-ойратский
 цз. — цзюань

Литература

- Ахметжан 2015 — *Ахметжан К. С.* Боевые шлемы казахов (история, истоки, традиции). Астана: [б. и.], 2015. 102 с.
- БАМРС 2001–2002 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4 тт. Т. 1. М.: Academia, 2001. 486 с. Т. 2. М.: Academia, 2001. 514 с. Т. 3. М.: Academia, 2001. 440 с. Т. 4. М.: Academia, 2002. 510 с.
- Банзаров 1955 — *Банзаров Д.* О воинских названиях некоторых старинных русских вооружений // *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 160–167.
- Бир 2013 — *Бир Р.* Тибетские буддийские символы. Справочник. М.: Ориенталия, 2013. 336 с.
- Бичурин 2002 — *Бичурин Н. Я.* Статистическое описание Китайской империи. М.: Восточный дом, 2002. 207 с.
- Бобров 2013 — *Бобров Л. А.* Копейный «отрез» — оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. № 3. С. 183–195.
- Бобров 2014 — *Бобров Л. А.* К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII — первой половины XIV в. // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал.* 2 (35). 2014. С. 115–147.
- Бобров, Борисенко, Худяков 2010 — *Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: уч. пособ. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Пастухов 2007 — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Ойратская артиллерия XVIII в.: вопросы происхождения, конструкции и боевого применения // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та. 2007. С. 170–247.
- Бобров, Пастухов 2021 — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // Былые годы. 2021. № 2. С. 506–526.
- Бобров и др. 2017 — *Бобров Л. А., Зайцев В. П., Орленко С. П., Сальников А. В.* Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х — середины 30-х гг. XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1140–1173.
- Бобров, Сальников 2018 — *Бобров Л. А., Сальников А. В.* «Черкесские» шлемы и мисюрки с кольчато-пластинчатыми бармицами эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени // Былые годы. 2018. Т. 47. № 1. С. 5–33.
- Бобров, Худяков 2003 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии эпохи позднего Средневековья. Новосибирск: ООО РТФ; НГУ, 2003. С. 66–212.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак-т филолог. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Ван 1937 — *Ван Юнью.* Да цыдянь (= Большой иероглифический словарь). Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1937. 1650 с.
- Веселовский 1887 — *Веселовский Н. И.* Посольство к зюнгарскому хун-тайджи Цэ-ван рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 года. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1887. 284 с.
- Гедеева 2015 — *Гедеева Д. Б.* Военная лексика в памятниках старокалмыцкой письменности XVII–XIX вв. // Российско-монгольский лингвистический сборник. М.: Канцлер, 2015. С. 153–164.
- Даржа 2013 — *Даржа В. К.* Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1. Хозяйство, охота, рыбалка. Кызыл: ОАО Тываполиграф, 2013. 592 с.

- Дыбо 2015 — *Дыбо А. В.* Названия оружия: от праалтайского к монгольскому // Российско-монгольский лингвистический сборник, М.: Канцлер, 2015. С. 209–254.
- Канси цзыдянь — Канси цзыдянь (= Иероглифический словарь [периода] Канси), б/г, б/м [электронный ресурс] // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/kangxi-zidian> (дата обращения: 11.03.2021). (На кит. яз.)
- КлРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 764 с.
- Кулинский 1994 — *Кулинский А. Н.* Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917 годов. СПб.: ТОО МАГИК-ПРЕСС, ЧАИ ОЛИМП, Редакция Морского исторического сборника, 1994. 184 с.
- Мулаева 2010 — *Мулаева Н. М.* О составе военной лексики в «Калмыцко-русском словаре» 1977 г. издания // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 78–81.
- Непомнин 2005 — *Непомнин О. Е.* История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Очиров 2010 — *Очиров У. Б.* Ойраты Западной Монголии и Северо-Западного Китая: вопросы этнической истории, демографии и географии расселения во второй половине XVIII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 9–15.
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Прозрителев 1912 — *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. Ставрополь: Тип. Губернского Правления, 1912. 137 с.
- Пюрбеев 2009 — *Пюрбеев Г. Ц.* Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халха джирум» // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Элиста: ЗАОР НПП «Джангар», 2009. Ч. 2. С. 283–285.
- Смертельная красота ... 2015 — Смертельная красота. Оружие Индии и Китая. Каталог выставки / авт.-сост.: Е. М. Карлова, А. М. Пастухов, А. Ю. Попов, Е. Н. Успенская. М.: ГМВ, 2015. 368 с.
- Смоленский 1873 — *Смоленский С.* Дело двадцати казаков при мысе Чаграе. 25 июля 1870 года // Военный сборник. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1873. Т. 93. № 10. С. 231–252.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Хафизова 2013 — *Хафизова К. Ш.* Цинские стратеги о войне с кочевниками // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. Астана: ИП BG-print, 2013. С. 120–124.
- ХЛТ 2004 — 皇朝禮器圖式 Хуанчао лици туши (= Образцы ритуальной утвари царствующей династии). Янчжоу: Гуанлин шушэ, 2004. 812 с. (На кит. яз.)
- Худяков 1980 — *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 176 с.
- Челеби 1979 — *Челеби Э.* Книга путешествий (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 287 с.
- Чернышев 1990 — *Чернышев А. И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 136 с.
- ЧГЦДЦ 2002 — Чжунго гудай цию да цыдянь. Бинци, синцзюй (= Большой словарь материальной культуры Китая прошедших эпох. Оружие, орудия наказания). Шицзячжуань: Хэбэй цзяюй чубаньшэ, 2002. 516 с. (На кит. яз.)
- ЦХСТ 1782 — Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи (= Высочайше утвержденное географическое описание Западного Края с картами), 1782, б/м [электронный ресурс] // Китайский текстовый проект (вики). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5025>; Электронный китайский текстовый проект. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=545503> (дата обращения: 11.03.2021). (На кит. яз.)
- ЦШГ 1927 — Цин ши гао (清史稿 Черновая история династии Цин), 1927, б/м [электронный ресурс] // Бесплатная библиотека Wikisource. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (дата обращения: 11.03.2021). (На кит. яз.)
- Шараева 2012 — *Шараева Т. И.* К вопросу о калмыцких боевых знаменах // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 52–56.
- Школяр 1980 — *Школяр С. А.* Китайская до-огнестрельная артиллерия. М.: Наука, 1980. 406 с.
- Armaments and Military 2008 — Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing: б. и., 2008. 264 p.

History of Civilizations — Dani A. H., Masson V. M. (eds.) History of Civilizations of Central Asia. Vol. V: Development in Contrast: From the Sixteenth to the Mid-Nineteenth Century. UNESCO, 2003. 910 p.

References

- Akhmetzhan K. S. Kazakh Battle Helmets: History, Origins, Traditions. Astana, 2015. 102 p. (In Russ.)
- Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing, 2008. 264 p. (In Chin. and Eng.)
- Banzarov D. Revisiting names of some old Russian weapons. In: Banzarov D. Collected Works. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. Pp. 160–167. (In Russ.)
- Beer R. The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols. Moscow: Orientalia, 2013. 336 p. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. Imperial China: A Statistical Description. Moscow: Vostochnyi Dom, 2002. 207 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. et al. The late Jurchen (early Manchu) helmet of the second half of the 1610s to the mid-1630s from the collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1140–1173. (In Russ.)
- Bobrov L. A. On the origins of cavalry lance fighting of the Russian Cossacks in the second half of the 17th to the first half of the 19th century. *Parabellum novum*. 2014. No. 2 (35). Pp. 115–147. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Spear cut – structural element of long pole weapons of the nations of the Great Steppe and neighboring territories dated to the Late Middle Ages and Early Modern age. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2013. Vol. 12. No. 3: Archaeology and Ethnography. Pp. 183–195. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Turko-Mongols and Russians in Siberia: Military Intercourse in the Late Middle Ages and Modern Era. Coursebook. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2010. 288 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Central Asia and South Siberia: Weaponry and Tactics of War in the Late Medieval Ages and Early Modern Era, 15th – Mid-18th Centuries AD. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. The evolution of Jurchen and Manchu defensive armor: High and Late Middle Ages, Modern Era. In: Archaeology of Late Medieval South Siberia and Central Asia. Novosibirsk: RTF, Novosibirsk State University, 2003. Pp. 66–212. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. ‘Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi’ as a source of the information of weapons and military symbols for the population of Central Asia in the middle of the 18th century. *Bylye Gody*. 2021. Vol. 16. No. 2. Pp. 506–526. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Oirat artillery, 17th–18th centuries: origins, construction patterns, and combat use revisited. In: Weaponry and Military Science of Central Asian and Siberian Nomads. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2007. Pp. 170–247. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Salnikov A. V. ‘Circassian’ helmets and misyurkas with plated aventails from the Late Middle Ages and Early Modern Era. *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. No. 1. Pp. 5–33. (In Russ.)
- Çelebi E. Book of Travel: Extracted Descriptions of the 17th Century North Caucasus, Volga and Don Regions. Moscow: Nauka, 1979. Vol. 2. 287 p. (In Russ.)
- Chernyshev A. I. Social and National Development of Oirats in the 18th Century. Moscow: Nauka, 1990. 136 p. (In Russ.)
- Dani A. H., Masson V. M. (eds.) History of Civilizations of Central Asia. Vol. V: Development in Contrast: From the Sixteenth to the Mid-Nineteenth Century. UNESCO, 2003. 910 p. (In Eng.)
- Darzha V. K. Traditional Occupations of Tuvan Men. Vol. 1: Livestock Breeding, Hunting, Fishing. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2013. 592 p. (In Russ.)
- Dybo A. V. Names of weapons: From Proto-Altaic to Mongolian. In: Russian-Mongolian Linguistic Collection. Moscow: Kantsler, 2015. Pp. 209–254. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Military vocabulary in 17th–19th century Clear Script texts. In: Russian-Mongolian Linguistic Collection. Moscow: Kantsler, 2015. Pp. 153–164. (In Russ.)
- Imperially Approved Geographical Description of Western Lands Supplemented with Maps.

1782. On: Chinese Text Project. Available at: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5025>; <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=545503> (accessed: March 11, 2021). (In Chin.)
- Karlova E. M. et al. *Mortal Beauty: Arms and Armour of India and China*. Exhibition catalogue. Moscow: State Museum of Oriental Art, 2015. 368 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. War against nomads: opinions of Qing strategists. In: *Military Science of Medieval and Modern Nomads from Kazakhstan and Bordering Countries*. Astana: BG-Print, 2013. Pp. 120–124. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S. *Weaponry of the Yenisei Kyrgyz, 6th–7th Centuries AD*. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 p. (In Russ.)
- Kulinsky A. N. *Cold Weapons of Russian Military, Naval, and Civil Officers, 1800–1917*. St. Petersburg: MAGIK-PRESS, OLIMP, Morskoy Istoricheskiy Sbornik, 1994. 184 p. (In Russ.)
- LaRocca D. J. *Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven; London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)
- Mulaeva N. M. The Kalmyk-Russian Dictionary of 1977: military vocabulary revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2010. No. 1. Pp. 78–81. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 764 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nepomnin O. E. *History of China: The Qing Era, 17th to Early 20th Centuries*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 712 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Oirats of Western Mongolia and Northwest China: ethnic history, demography, and population geography in the mid-to-late 18th century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2010. No. 2. Pp. 9–15. (In Russ.)
- Prozritelev G. N. *The Military Past of Our Kalmyks*. Stavropol: Stavropol Governorate Office, 1912. 137 p. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. Vol. 1. Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. Vol. 2. Moscow: Academia, 2001. 514 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) *Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary*. Vol. 4. Moscow: Academia, 2002. 510 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Ikh Tsaaz and Khalkha Jirum: military terms in the codes of Oirats and Mongols. In: *United Kalmykia in United Russia: Through Centuries into the Future*. Jubilee conference proceedings (Elista; September 13–18, 2009). Elista: Dzhangar, 2009. Vol. 2. Pp. 283–285. (In Russ.)
- Qing History Manuscript. 1927. On: Wikisource. Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (accessed: March 11, 2021). (In Chin.)
- Ritual Implements of the Ruling Dynasty. Yangzhou: Guang ling shu she, 2004. 812 p. (In Chin.)
- Sanchirov V. P. (comp.) *17th–18th Century Written Sources in Oirat History*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 270 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Kalmyk military colors revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. No. 2. Pp. 52–56. (In Russ.)
- Shkolyar S. A. *Pre-Gunpowder Artillery of China*. Moscow: Nauka, 1980. 406 p. (In Russ.)
- Smolensky S. The case of twenty Cossacks at Cape Chogray, 25 July 1870. *Voennyi sbornik*. 1873. Vol. 93. No. 10. Pp. 231–252. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. *Khan Ayuka and His Era*. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- The Kangxi Dictionary. On: Chinese Text Project. Available at: <https://ctext.org/kangxi-zidian> (accessed: March 11, 2021). (In Chin.)
- Todaeva B. Kh. *Dictionary of Xinjiang Oirat*. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 493 p. (In Oir. and Russ.)
- Unabridged Dictionary of China's Material Culture from Past Eras. Weapons and Instruments of Punishment*. Shijiazhuang: Hebei Educational Press, 2002. 516 p. (In Chin.)
- Veselovsky N. I. *Artillery Captain Ivan Unkovsky's Embassy to the Dzungar Hong Tayiji Tsewang Rabtan: A Description Supplemented with the Former's Travel Diary, 1722–1724*. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1887. 284 p. (In Russ.)
- Wang Yung-yu. *Comprehensive Hieroglyphic Dictionary*. Shanghai: Shang wu yin shu guan, 1937. 1650 p. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 797–805, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470.46=512.37)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-797-805

Авторские дополнения «Этюдov по истории приволжских калмыков» Н. Н. Пальмова 1929–1932 гг.

Александр Викторович Цюрюмов¹, Андрей Алексеевич Курапов²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8. ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-8214-3758. E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8. ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Цюрюмов А. В., Курапов А. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию авторских дополнений профессора Н. Н. Пальмова, подготовленных в 1929–1932 гг. к «Этюдам по истории приволжских калмыков». *Цель* исследования — введение в оборот нового рукописного материала профессора Н. Н. Пальмова, позволяющего показать творческие искания ученого и при этом значительно расширить наши представления об истории Калмыцкого ханства; определение хронологических рамок создания авторских дополнений, разделение их на тематические блоки; определение научной значимости ранее неопубликованных материалов. *Результаты.* В библиотеке Государственного бюджетного учреждения культуры Астраханской области «Астраханский музей-заповедник» авторами статьи выявлен авторский экземпляр «Этюдov по истории приволжских калмыков» Н. Н. Пальмова, на страницах томов I и II сохранились 37 рукописных авторских дополнений 1929–1932 гг., ставшие результатом повторного обращения исследователя к материалам Астраханского калмыцкого архива и научной литературе. Хронология авторских дополнений — от периода добровольного вхождения калмыков в состав России до 60-х гг. XVIII в. В авторских дополнениях содержится ценнейший материал по истории конфликта хана Аюки с сыновьями — усобице 1702 г. Н. Н. Пальмов подробно остановился на феодальном конфликте 1724 г. Автором приведены свидетельства, характеризующие в качестве нойона Дондук-Омбо, в период феодальных войн, а потом хана. Значительный материал посвящен ряду сюжетов по истории внешней политики Калмыцкого ханства, прежде всего истории взаимодействия с Джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. Выявленные авторские дополнения на страницах «Этюдov по истории приволжских калмыков» в научной библиотеке Астраханского музея-заповедника значительно расширяют историческую картину периода феодальных усобиц в Калмыцком ханстве в 20–30-х гг. XVIII в.

Ключевые слова: авторские дополнения, музей, Калмыцкое ханство, феодальные уособицы, зайсанг, нойон, хан

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Цюрюмов А. В., Курапов А. А. Авторские дополнения «Этюдov по истории приволжских калмыков» Н. Н. Пальмова 1929–1932 гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 797–805. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-797-805

Essays on the History of the Volga Kalmyks by N. N. Palmov: Author's Additions, 1929–1932

Alexander V. Tsyuryumov¹, Andrew A. Kurapov²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate

 0000-0001-8214-3758. E-mail: tsyuryumov@yandex.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Tsyuryumov A. V., Kurapov A. A., 2021

Abstract. Introduction. The article examines additional comments (1929–1932) made by Professor N. N. Palmov on his *Essays on the History of the Volga Kalmyks* (1926). **Goals.** The study seeks to introduce this new material which shows the scholar's persistent interest in the subject and, at the same time, contributes to a better understanding of the history of the Kalmyk Khanate. **Materials and Methods.** The research involved the identification of the chronological framework of the handwritten material, its categorization into thematic blocks, and contribution to the subject. **Results.** In the library of Astrakhan State Museum of Historical Archives, the authors discovered thirty seven handwritten additions made by Palmov on the pages of his copy of *Essays on the History of the Volga Kalmyks*, vols. I–II. These were made between 1929 to 1932 when the scholar apparently continued his studies on the subject using the materials of Astrakhan Kalmyk Archives and scientific literature. The author's comments covering the period up to the 1760s contain valuable data on the 1702 conflict between Khan Ayuka and his sons and provide detail on the feudal conflict of 1724. Also, Palmov provides additional evidence on Noyon Donduk-Ombo's activities during the period of feudal wars and, later, when he was Kalmyk Khan. Finally, the comments include important data on the foreign policy of the Kalmyk Khanate, chiefly the history of its interaction with the Dzungar Khanate in the 17th–18th centuries. **Conclusions.** Palmov's handwritten comments discovered on the pages of his *Essays on the History of the Volga Kalmyks* are a significant contribution to his scientific heritage that sheds light on the history of feudal strife in the Kalmyk Khanate in the 1720s–1730s.

Keywords: author's additional comments, Astrakhan State Museum of Historical Archives, Kalmyk Khanate, feudal strife, zaisang, noyon, khan

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490038-5 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes'.

For citation: Tsyuryumov A. V. Kurapov A. A. *Essays on the History of the Volga Kalmyks by N. N. Palmov: Author's Additions, 1929–1932. Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 797–805. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-797-805

Введение

Среди астраханских исследователей-калмыковедов первой трети XX в. большую известность получил профессор Астраханского государственного университета Николай Николаевич Пальмов (1872–1934). Н. Н. Пальмов закончил Киевскую духовную академию, стал заведующим кафедрой, профессором и после возвращения в Астрахань в 1918 г. был назначен профессором местного университета. В 1921 г. он был назначен заведующим архивно-музейной секцией при отделе народного образования Калмыцкой автономной области [Матвенов 2009: 112–113].

Занимаясь упорядочением, систематизацией и описанием архивных документов, Н. Н. Пальмов соприкоснулся с архивными источниками и начал изучение калмыцкой истории. Краеведческий музей в Элисте был создан при его участии 23 марта 1921 г., с 1922 г. Н. Н. Пальмов стал руководителем основанного им музея. В конце 1923 г. он стал заведующим архивным бюро при Центральном исполнительном комитете Калмыцкой автономной области [Боликова 2017: 182].

До 1934 г. Н. Н. Пальмов опубликовал целый ряд основополагающих работ по истории калмыков [Пальмов 1922; Пальмов 1924; Пальмов 1926; Пальмов 1928].

В Национальном архиве Республики Калмыкия существует фонд Р-145 с личными документами, опубликованными и неопубликованными рукописями выдающегося ученого. В связи с этим интерес представляет дальнейший поиск неизвестных рукописей историка. В библиотеке Астраханского музея-заповедника авторами статьи был выявлен авторский экземпляр «Этюдов по истории приволжских калмыков», на страницах томов I и II сохранились авторские дополнения, выполненные Н. Н. Пальмовым.

Цель исследования состояла во введении в научный оборот неизвестного ранее рукописного материала профессора Н. Н. Пальмова, который позволяет определить направление развития научной мысли ученого, расширить сложившиеся представления об истории Калмыцкого ханства, в определении хронологических рамок создания авторских дополнений, разделение дополнений на тематические блоки, опре-

деление их научной значимости. В качестве исследовательских авторы поставили перед собой следующие задачи: на основе авторских материалов, выявленных и исследованных в научной библиотеке Астраханского музея-заповедника, раскрыть значение авторских дополнений для историографии Калмыцкого ханства и исследования исторического наследия Н. Н. Пальмова.

Материалы

Основным материалом к статье стали 37 рукописных дополнений к I и II тому «Этюдов по истории приволжских калмыков» Н. Н. Пальмова, выявленных авторами статьи в научной библиотеке Астраханского музея-заповедника, хронологические рамки которых — период добровольного вхождения калмыков в состав России до 60-х гг. XVIII в. в истории Калмыцкого ханства.

Авторские дополнения Н. Н. Пальмова к «Этюдам по истории приволжских калмыков»

Оценивая степень изученности исторического наследия Н. Н. Пальмова, необходимо отметить значительный интерес историков к его жизни, историческим трудам, деятельности в рамках архивной и музейной работы. Историография вопроса представлена исследованиями по биографии Н. Н. Пальмова [Джалаева 2003; Джумалиева 2003; Пальмов 2006; Бадмаев 2013; Сухова 2015], по его вкладу в развитие архивного и музейного дела Республики Калмыкия [Санджиева 2003; Шалданова 2003; Матвенов 2009; Боликова 2017; Бураковская 2017], по основным направлениям его научной работы [Бадмаев 2013; Джагаева 2013; Курапов 2018].

37 рукописных авторских дополнений Н. Н. Пальмова к I и II тому «Этюдов по истории приволжских калмыков» являются тематическими выписками из архивных материалов с указанием номера дела Астраханского калмыцкого архива, года и листа, выписками из работ востоковедов XIX в. Объем отрывков — от четверти до нескольких страниц, исписанных мелким почерком Н. Н. Пальмова. На некоторых страницах сохранились сведения о времени создания выписок. Самая ранняя датирована — 31 июля 1929 г., самая поздняя — 16 августа 1932 г. Общий объем авторских дополнений Н. Н. Пальмова — около 0,5 авторского ли-

ста. Таким образом, выписки стали, вероятно, результатом повторного обращения исследователя к материалам указанного архива и научной литературе. При наличии значительного объема работ по биографии Н. Н. Пальмова, его историческим исследованиям, представляет интерес ввод в научный оборот неопубликованных ранее авторских дополнений к «Этюдам по истории приволжских калмыков».

Выписки Н. Н. Пальмова, помещенные в экземпляры «Этюдов», хранившиеся в научной библиотеке Астраханского музея-заповедника, можно разделить на несколько тематических блоков, большая часть которых относится к тому I.

Говоря о периоде вхождения калмыков в состав России, Н. Н. Пальмов приводит текст письма нойона Байсхалантун Убаши астраханскому губернатору Н. А. Бекетову (1765 г.), в котором тот сообщал, что «прадед мой Лоузан, как еще на Волге ни один калмык не бывал, то он, Лоузан, с улусами своими во первых к реке Волге прикочевал, в подданство российских государей вступя, обратно послал посланцов с увещанием к призыву и объявлением своего совета, потому и прочие калмыки прикочевали» [Пальмов 1926: 5].

На страницах обоих томов Н. Н. Пальмов поместил новые материалы по истории конфликта хана Аюки с сыновьями, известного как усобица 1702 г. Например, 1 июля 1745 г. Дондук-Даши рассказал о заслугах отца: «Когда нашего хана дети пришли в возраст, и когда Дондук-Омбин отец Гунджап, будучи у него в особливой милости, и вознамерясь все наши улусы один взять в свою власть, старшему своему брату, а моему отцу давал отраву, и пострелил его из пищали двумя пулями, и тем улусы наши привел в смятение. Но боги отца моего за невинность его от того исцелили, и все торгуды ... при задержании хана пристали к отцу моему, а Гунжап, по учиненной его противности, не мог более в улусах быть, но принужден был уйти в Саратов. А напоследок и все торгуды перешли за р. Яик, желая отойти на прежне жилище. Тогда отец мой, нехотя отъезжать ... большую часть улусов из-за Яика от р. Темира возвратил и привел сюда», а ... если бы Чакдоржап не пришел обратно, то «волжских и яцких торгудов имени уже не было» (79 об.) [Пальмов 1926:

88]. Тогда Б. А. Голицын «заставил Чакдоржапа на коленях вымаливать у виновного отца прощения себе» [Пальмов 1926: 88].

Приведенные выше материалы значительно дополняют картину событий, предложенную ранее [Цюрюмов 2007: 148–153].

Дополнил это сообщение посланец владельца Хошот Дондука Дурал-Хошочий, привезший 29 августа 1724 г. письмо нойона А. П. Волинскому: «В прошлых годех¹ (когда у хана Аюки с сыном его, Чакдоржапом была ссора) Чакдоржап с улусом своим откочевал за Яик, ... куда и брат его Санджип бродил, и владелец де его, Дондук, его Чакдоржапа до того не допустил и паки привел его под владения ханские. Так же во время астраханского бунту он же, Хошот Дондук, и с российскими и со своими войсками штурмом взяли Красный Яр» [Пальмов 1927: 214].

Более подробно Н. Н. Пальмов остановился на знаменитой усобице 1724 г., которой, кстати, посвящена значительная часть «Этюдов». Внимания заслуживает описание церемонии получения ханского звания Церен-Дондуком, которое от имени Далай-ламы вручал 10 сентября 1725 г. Шакур-лама. У Н. Н. Пальмова данный документ назван «Записка бывшей у хана Черен-Дондука церемонии, как данной ему от Далай-ламы ханской чин от Шакур-ламы в народ публикован» [Пальмов 1926: 98].

Сначала автор описывает ханскую кибитку и первые действия церемонии:

«Убрана была ево ханская кибитка по калмыцкому обычаю всяких разных парчей убором, и сделано ему, хану сидеть особенное место. А ниже ево, по правую сторону другое место — Шакур-ламе. В другой кибитке убраны были их бурханы, и несколько при том их духовного чина людей чинили по своему заодно, которое прислано ему во знак ханства от далай-ламы, называемое тук, а другое, данное Намки-гелену от бурхана Чоичинга. Помянутые духовного чина люди по тому ж, как и Шакур-ламу, всем собранием тако ж со знаменами, и с трубами, и с колоколами, и с великим пением встретили. И как он, батур-гелень приехал ко дверям ханской кибитки, слез с лошади, так и прочие все, которые за ним ехали, слезли же и пошли друг за другом в кибитку. И Шакур-лама встал на ноги, принял грамо-

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранены.

ту и положил себе на голову, а потом принял платье и надел на хана. И как ево, хана, в помянутое платье убрал, по тому он, хан, сел. А Шакур-лама оную Далай-ламину грамоту тангутским диалектом читал прежде в кибитке ханской. И потом, вышел из кибитки, читал всенародно. А знамена поставлены были у дверей, а ружье, сайдак и саблю держали при лошади. Как он, Шакур-лама, всему народу грамоту прочел, то все калмыки подходили к нему по одному, и он помянутую грамоту клал каждому на голову и, вшед в кибитку, хана поздравлял.

При том были мать ево, ханша Дарма-Бала, и брат Галдан-Данжин, ево ханская жена Деджит, и жена брата ево, и прочие зайсанги. И между собою они, хан, ханша, Галдан-Данжин и лама друг друга дарили китайскими платками и некоторыми вещицами.

Потом он, хан, вышел из кибитки, подпоясал на себя присланной от далай-ламы сайдак и саблю и сел на лошадь, ездил к бурханской кибитке, куда приехал, слез и ходил в ту кибитку и кланялся всем бурханам по своему обычаю, а ружье за ним носили. И как он, хан, из той кибитки вышел, паки сел на лошадь, по тому ж поехал к своей кибитке. И приехав, слезли с лошади, вшед в кибитку, сел на помянутом ему устроенном месте. И стали пить вино, и играть в свои музыки.

Помянутые их духовного чина люди чрез все то время стояли в две линии, с трубным гласом и с колокольным звоном чинили пение. Он, хан, чрез весь тот день сидел во своем том уборе на том месте, никуда не вставая. А чрез плечи у него, хана, положен был белой китайской сырцовый платок» [Пальмов 1926: 98].

Примерно на тех же деталях более подробно останавливался М. М. Батмаев [Батмаев 2002].

Далее автор перечисляет зайсангов, получивших награды. Были выделены «ханские ближние и первые советники» [Пальмов 1926: 98], упомянут среди награжденных «ево ханской камардин дядька» и «жены ево ханской Деджита камордином», а также «всему калмыцкому народу урядчик служитель ево ханской», а также «командир над придворники» [Пальмов 1926: 98].

Н. Н. Пальмов упоминает, что во время церемонии при хане находился дворянин Спиридон Везелев, которого хан, призывал к себе в кибитку и объявил, что сначала он пожалован ее императорским величеством ханом, а теперь и Далай-ламой пожалован

ханским чином, грамотой, знаменем и «ханским убором и сбруей», и дано ему звание Шаса Бодж Дайчин хан [Пальмов 1926: 98–99].

Профессор Н. Н. Пальмов привел несколько свидетельств, характеризующих нойона Дондук-Омбо. Например, он приводит свидетельство калмыка из улуса Баксадай Доржи о том, что после перехода через линию² Дондук-Омбо приезжал к ханше и хотел на ней жениться. Но, получив отказ, он заявил, что, лишь послушав ханшу, перешел через линию, теперь он будет думать об уходе [Пальмов 1926: 68].

Вероятно, это и стало причиной охлаждения их отношений. 4 июня зайсанг Хашха сообщал, что Дондук-Омбо, приехав к лекарю под предлогом лечения, не поехал к Дарма-Бале, от которой лекарь кочевал в верстах 20, несмотря на то, что она его «звала к себе многократно для совету» по поводу опасений ввиду слухов, связанных с ожидавшимся приездом Волинского [Пальмов 1926: 68].

Немало интересных свидетельств были выявлены по истории правления хана Дондук-Омбо. Продолжали ухудшаться его отношения с Дарма-Балой. В письме, поданном императрице 16 ноября 1733 г., Дарма-Бала жаловалась: «А моих собственных улусов половину, и другие вещи — злато и серебро, корольки и жемчуг, и прочей весь мой багаж без остатка взял Дондук-Омбо» [Пальмов 1926: 100].

2 января 1735 г. донской старшина Д. Ефремов привез императрице письмо Дондук-Омбо. В нем он сообщал, что «хон-тайшин сын Галдан-Черен» предлагал Черен-Дондуку арестовать нойона и Лоузан-Шоно [Пальмов 1926: 68]. Это же предлагал и Дондук-Даши. Письма были обнаружены в ставке Черен-Дондука [Пальмов 1926: 68].

История отношений Дондук-Омбо и его сына Галдан-Нормо была рассмотрена в ряде статей [Цюрюмов 1998: 14–16; Цюрюмов 2007: 182–244]. Но в дополнениях Н. Н. Пальмова обнаружился ряд новых сведений. Например, он пишет, что 27 августа 1739 г. по приказу Коллегии иностранных дел царицынский комендант полковник Кольцов встретился с содержащимся в Ца-

² Речь идет о Царицынской линии.

рицыне Галдан-Нормо. Ханский сын рассказал, что летом 1738 г. перед походом на казахов знатный зайсанг Джан-Булат, «которой всегда во всяких секретах при отце ево находится», секретно предупредил, что «отец ево, хан Дондук-Омбо, подлинно имеет намерение ево, Галдан-Норму, поймать, умертвить» [Пальмов 1926: 90].

Когда поход начался, хан Дондук-Омбо приказал нойонам Нинкбе, сыну Бокшурги, Лабанг-Дондуку, сыну Четеря, арестовать Галдан-Нормо.

Но «он, Галдан-Нормо, видя от отца своего такое злое к себе намерение, к отцу своему не возвратился, рассуждая, что ежели ему к нему возвратиться, то оной отец ево в такой горячности может ево умертвить, и положил намерение с оставшими при нем войск итти на касак, дабы между того, продолжая время, отца своего гнев отменить. И будучи в том касакском походе, и возвратился ко отцу своему, точно ево уже на луговой стороне и со всеми улусами не получил, похоже он, хан, во отбытие ево переправился на нагорную сторону; того ради он, Галдан-Норбо, остановился на луговой стороне, имел с отцом своим и пересылки, между которыми приехали к нему с грамотой ее императорского величества донского войскового атамана Данилы Ефремова сын Степан Ефремов, а с присягою от отца ево знатные и объявили ему, что отец ево, хан Дондук-Омбо во всем вину ему отпускает, которой он, Галдан-Норбо, за собою как прежде не признавал, так и ныне не признает, чего для с грамотою ее императорского величества старшина Степан Ефремов, а с верною ево ханскою присягою они, зайсанги, к нему и присланы, и чтоб он, Галдан-Норбо, в начале грамоте ее императорского величества, також и присяги отца своего поверил и без всякой опасности обще с ними к отцу своему ехал. По которому их объявлению, он, Галдан-Норбо, как грамоте ее императорского величества, так и присяге отца своего поверя, с помянутыми старшиною Степаном Ефремовым и присланными зайсанги к отцу своему на нагорную сторону переехав, и ему явился, которой и персонально ему сказал, что вина ево отпускается, точно он никакой вины за собою не признавал и потом он, Галдан-Норбо, с того время даже до поимки своей, жил при улусах своих и кочевал обще с отцом своим, а злого намерения как прежде, так и по прибытии из касакского похода на отца своего не имел. А ныне оной отец ево за что поймал и ему, полковнику, отдал, про то не

ведает, ибо он, Галдан-Норбо, пред отцом своим никакой вины не признает, что оное ему учинилось по навету мачехи своей для того, что в бытность ево при улусах своих сказывал ему один знатный зайсанг, который всегда при отце и при мачехе ево обретается неотлучно, что де от отца твоего к тебе никакого зла не признается, а мачеха де твоя конечно некоторое зло на тебя в мысли своей имеет, что он, Галдан-Норбо, за подлинно ныне и признает, что оное ему учинилось по навету мачехи ево» [Пальмов 1927: 90].

Полковник Кольцов посоветовал Галдан-Норме согласиться с приказом императрицы отправиться в г. Казань [Пальмов 1927: 34, 91].

Самый объемный материал посвящен некоторым сюжетам по истории внешней политики ханства, прежде всего истории отношений с Джунгарским ханством. Как пишет Н. Н. Пальмов, С. Казанцев, будучи в калмыцких улусах, узнал, что после смерти джунгарского хунтайджи его младшая жена, дочь хана Аюки, была убита, а два ее сына «отданы в Бухару также де и посланцов Церен-Дондуковых побили» [Пальмов 1926: 68].

События в Джунгарии стали причиной того, что казахи «собрались и для жития пришли в старые свои места и пошли войною на хон-тайшино жилище и ... калмык и побрали, что слыша здешние калмыцкие владельцы хотят итти на Кубань» [Пальмов 1926: 68].

Автор вновь обращается к судьбе посольства 1729 г. Он привел свидетельство о том, что посланцам Церен-Дондука 24 ноября 1734 г. было сообщено в Коллегии иностранных дел: «О посланцах ваших, отправленных к далай-ламе, Намки-гелене с товарищи пред недавним временем чрез бывшего в Пекине российского курьера получено здесь известие, что оные, по отъезде ево оттуды, остались ещё в Пекине» [Пальмов 1926: 96].

Особое внимание автора вызвало выяснение судьбы подарков, отправленных Дондук-Омбо китайскому императору. Подполковник кизлярской нерегулярной команды Расланбек Шейдяков 9 декабря 1749 г. подал Бестужеву-Рюмину письмо Дондук Даши от 26 октября того же года. В нем сообщалось, что Дондук-Омбо послал в пода-

рок «хорошим убором оправленную одну турецкую пищаль и одни золотые часы» [Пальмов 1926: 250].

Подарки были отданы посланцем Джимба-Джамсой иркутскому губернатору «для спасения живота своего» [Пальмов 1926: 250].

О них-то и писал Дондук-Даши, прося вернуть их ему «по той причине, что и прочие Дондук-Омбины таковые вещи от государыни всемиловейше мне пожалованы, и потому Вас покорно прошу милостиво приказать оные вещи отыскать и ко мне переслать» [Пальмов 1926: 250].

Судьбу подарков начал выяснять канцлер: 23 января 1751 г. он написал наместнику, что иркутскому вице-губернатору Лангу 31 декабря 1750 г. отправлен ее императорского величества указ «не умедля» сообщить о судьбе ружья и часов [Пальмов 1926: 250].

12 марта 1751 г. последовал указ Коллегии иностранных дел, что от иркутского вице-губернатора от 5 августа и от 13 ноября получены доношения, «которыми он представляет, что помянутые ружье и часы посланцем Джимбо Джамсою ему, Лангу, подарены добровольно, без всякого принуждения, и при оных часы и ружье прислал сюда. И хотя те часы, по-видимому, не только не большой цены, но и во употребление непрочны, однако ж оные здесь починены и посылаются обще с ружьем к вам (Спицыну) при сем указе, а вы имеете их к нему, наместнику, от себя отослать, уведомляя его о том по содержанию сего указа» [Пальмов 1926: 250].

за» [Пальмов 1926: 250]. Часы и ружье отосланы Спицыным наместнику 2 мая 1752 г. [Пальмов 1926: 250].

Уважаемый автор вносит ясность в вопрос об инициаторах откочевки 1771 г., \ отметив, что в марте 1769 г. Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп получил сведения о сношениях Шеаренга с казахами в целях присоединения к ним и сообщает о том И. А. Кишненскому, но последний не поверил слухам и посчитал их вымыслом. Он больше склонен допускать возможность сношения владельца Замьяна с казахами [Пальмов 1927: 188].

Выводы

Выявленные авторские дополнения на страницах экземпляра «Этюдov по истории приволжских калмыков» в научной библиотеке Астраханского музея-заповедника, значительно расширяют историческую картину событий в Калмыцком ханстве. Особенно значительный материал уважаемый исследователь выявил по истории изучения усобиц в послеаюкинский период накануне вступления на престол Церен-Дондука, и усобицы, развернувшейся в годы правления Дондук-Омбо. Данная особенность вообще характерна пальмовским «Этюдov», значительный объем которых посвящен калмыцким междоусобицам. Кроме этого, в дополнениях мы находим ценное описание церемонии принятия ханского титула от Далай-ламы. Не сомневаемся, что данная работа вызовет интерес исследователей истории Калмыцкого ханства и может быть опубликована отдельным изданием.

Литература

- Бадмаев 2013 — Бадмаев Б. В. Становление профессора Н. Н. Пальмова как ученого-исследователя // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2013. № 4. С. 89–92.
- Батмаев 2002 — Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: КГУ, 2002. 400 с.
- Боликова 2017 — Боликова Р. Б. Становление архивной службы в Калмыкии в период 1918–1934 гг. // Великая Российская революция в судьбах народов Юга России. Мат-лы всеросс. науч. конф. (с междунар. участием), посвященной 100-летию революции 1917 года. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 179–189.
- Бураковская 2017 — Бураковская М. С. Из истории основных направлений работы Национального архива Республики Калмыкия в 1920–1938 гг. // Oriental Studies. 2017. № 5. С. 74–81. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-74-81
- Джагаева 2013 — Джагаева О. А. О научной и педагогической деятельности профессора Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 32–35.
- Джалаева 2003 — Джалаева А. М. К биографии профессора Н. Н. Пальмова // Пальмовские чтения: к 130-летию со дня рожд. проф. Н. Н. Пальмова, организатора архивного и музейного дела Республики Калмыкия.

- мат-лы регион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 9–10 июня 2003 г.). Элиста: [б. и.], 2003. С. 54–60.
- Джумалиева 2003 — *Джумалиева А. Б.* Памяти Н. Н. Пальмова посвящается // Пальмовские чтения: к 130-летию со дня рожд. проф. Н. Н. Пальмова, организатора архивного и музейного дела Республики Калмыкия: мат-лы регион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 9–10 июня 2003 г.). Элиста: [б. и.], 2003. С. 61–65.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Н. Н. Пальмов о буддийском духовенстве калмыков в XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2018. № 2. С. 19–25.
- Матвенов 2009 — *Матвенов Е. Р.* Организация и начало функционирования Калмыцкого краеведческого музея в 1921–1929 годы // Вестник института (ИКИАТ). 2009. № 2. С. 111–114.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань: Калмгосиздат, 1922. 137 с.
- Пальмов 1924 — *Пальмов Н. Н.* К истории рыбной промышленности в Астраханском крае в первой половине XVIII века // Наш край. 1924. № 4. С. 113–135.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков: в 5 ч. Астрахань: Изд-во Калмоблисполкома, 1926. Ч. 1. 260 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков: в 5 ч. Астрахань: Изд-во Калмоблисполкома, 1927. Ч. 2. 231 с.
- Пальмов 1928 — *Пальмов Н. Н.* К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева // Известия Академии наук СССР. Отд. гуманитарных наук. Сер. 7. 1928. № 4–7. С. 317–342.
- Пальмов 2006 — *Пальмов Николай Николаевич* (1872–1934) // Ученые-исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.): Биобиблиографический указатель / сост. и предисл. П. Э. Алексеевой и Л. Ю. Ланцановой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 172–176.
- Санджиева 2003 — *Санджиева Г. С.* Роль Н. Н. Пальмова в организации архивного дела // Пальмовские чтения: к 130-летию со дня рожд. проф. Н. Н. Пальмова, организатора архивного и музейного дела Республики Калмыкия: мат-лы регион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 9–10 июня 2003 г.). Элиста: [б. и.], 2003. С. 261–266.
- Сухова 2015 — *Сухова Н. Ю.* Учитель и ученик: письма 1897–1914 гг., связующие А. А. Дмитриевского и Н. Н. Пальмова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 4 (12). С. 164–241.
- Цюрюмов 1998 — *Цюрюмов А. В.* Дондук-Омбо и политическая история Калмыцкого ханства // Исторические личности России. Мат-лы XI Всеросс. науч. конф. (г. Санкт-Петербург). СПб.: Нестор, 1998. С. 14–16.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.
- Шалданова 2003 — *Шалданова Л. Б.* Роль профессора Н. Н. Пальмова в становлении и развитии архивной службы, музейного дела и исторической науки Калмыкии (к 130-летию со дня рождения) // Пальмовские чтения: к 130-летию со дня рожд. проф. Н. Н. Пальмова, организатора архивного и музейного дела Республики Калмыкия: мат-лы регион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 9–10 июня 2003 г.). Элиста: [б. и.], 2003. С. 8–12.

References

- Badmaev B. V. The shaping of Professor N. N. Palmov as a scholar and researcher. *Vestnik Pri-kaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*. 2013. No. 4. Pp. 89–92. (In Russ.)
- Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Sociopolitical System and Economy. Elista: Kalmyk State University, 2002. 400 p. (In Russ.)
- Bolikova R. B. The development of Kalmykia's archival service, 1918–1934. In: The Great Russian Revolution in Destinies of South Russia's Peoples. Jubilee conference proceedings. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. Pp. 179–189. (In Russ.)
- Burakovskaya M. S. The National Archive of Kalmykia: excerpts from the history of its key activities in 1920–1938. *Oriental Studies*. 2017. No. 5. Pp. 74–81. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-74-81
- Dzhagaeva O. A. About scientific and pedagogical activity of Professor N. N. Palmov. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 1. Pp. 32–35. (In Russ.)
- Dzhalaeva A. M. Some additions to the biography of Professor N. Palmov. In: The Palmov Readings. Jubilee conference proceedings (Elista; June 9–10, 2003). Elista, 2003. Pp. 54–60. (In Russ.)

- Dzhumalieva A. B. In memory of N. Palmov. In: The Palmov Readings. Jubilee conference proceedings (Elista; June 9–10, 2003). Elista, 2003. Pp. 61–65. (In Russ.)
- Kurapov A. A. N. N. Palmov on Kalmyk Buddhist clergy in the XVII–XVIII centuries. *Bulletin of Kalmyk University*. 2018. No. 2. Pp. 19–25. (In Russ.)
- Matvenov E. R. Kalmykia Museum of Local History, Nature and Lore: formation and early activities, 1921–1929. *Vestnik instituta (IKIAT)*. 2009. No. 2. Pp. 111–114. (In Russ.)
- Palmov N. N. A history of fishing industry in Astrakhan lands, early-to-mid 18th century. *Nash kray*. 1924. No. 4. Pp. 113–135. (In Russ.)
- Palmov N. N. Kalmyks within Russia's Borders: A Historical Essay. Astrakhan: Kalmyk Oblast Publ. House, 1922. 137 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. Revisiting the Astrakhan period of V. N. Tatishchev's life. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otd. gumanitarnykh nauk*. 1928. No. 4-7. Pp. 317–342. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. In 5 vols. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1926. Vol. 1. 260 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. In 5 vols. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1927. Vol. 2. 231 p. (In Russ.)
- Palmov, Nikolay Nikolayevich (1872–1934). In: Alekseeva P. E., Lantsanova L. Yu. Scholarly Researchers of Kalmykia, 17th to Early 20th Centuries. Biographical and bibliographical guide. Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. Pp. 172–176. (In Russ.)
- Sandzhieva G. S. N. Palmov's role in the arrangement of Kalmykia's archival service. In: The Palmov Readings. Jubilee conference proceedings (Elista; June 9–10, 2003). Elista, 2003. Pp. 261–266. (In Russ.)
- Shaldanova L. B. Professor N. Palmov's role in the shaping and development of Kalmykia's historical science, archival and museum services: celebrating the 130th birthday. In: The Palmov Readings. Jubilee conference proceedings (Elista; June 9–10, 2003). Elista, 2003. Pp. 8–12. (In Russ.)
- Sukhova N. Yu. The teacher and the pupil: some letters from 1897 to 1914, connecting Alexey A. Dmitrievsky with Nicholas N. Palmov. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2015. No. 4 (12). Pp. 164–241. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Donduk-Ombo political history of Kalmyk Khanate. In: Historical Figures of Russia. Conference proceedings. St. Petersburg: Nestor, 1998. Pp. 14–16. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate as Part of Russia: Issues of Political Interaction. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 806–824, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902/904+069.42

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-806-824

Археологические материалы из раскопок 1929–1937 гг. на территории Калмыкии (по фондам Саратовского областного музея краеведения)

Эрдни Анатольевич Кекеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 научный сотрудник

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Кекеев Э. А., 2021

Аннотация. *Введение.* История изучения археологических памятников на территории Республики Калмыкия берет свое начало с археолого-этнографической экспедиции Саратовского областного музея краеведения 1929 г. В процессе полевых работ были проведены археологические разведки и раскопки. *Целью* данного исследования является изучение качественного и количественного состава археологических коллекций Саратовского областного музея краеведения из археологических работ в Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.). *Результаты.* Работы под руководством П. С. Рыкова были проведены на хорошем для своего времени методическом уровне. Факт того, что большая часть находок была передана в Саратовский музей сразу же по окончании полевых работ, свидетельствует о профессионализме участников экспедиции, проявленном при планировании и проведении этих исследований, причем практически все результаты работ 1929–1937 гг. были опубликованы в короткие сроки. Нумерация находок в учетных карточках во многих местах соответствует их нумерации в полевом отчете, что указывает на составление полевой описи в процессе полевых и камеральных работ. Кроме того, часть находок в полевой описи относится к фрагментированным глиняным сосудам, а при сдаче их в музей они записаны уже как целые, что также свидетельствует о достаточно высоком методическом уровне проведенных работ. *Выводы.* Изучаемые коллекции являются ценным источником по археологии Волго-Манычских степей, так как вещественный материал, входящий в их состав, отражает основные виды памятников, встречающиеся на территории современной Калмыкии: поселенческие (поселения, стоянки, селища) и погребальные (подкурганые и развешанные погребения). В коллекциях Саратовского музея представлены предметы всех основных эпох: энеолит, бронзовый, ранний железный и средние века.

Ключевые слова: Нижне-Волжский край, Калмыцкая автономная область, Саратовский областной музей краеведения, Национальный музей Республики Калмыкия, археологические раскопки, археологические разведки, археологические коллекции

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5). Автор выражает признательность заведующему сектором археологии Саратовского областного музея краеведения К. Ю. Моржерину — за предоставление копий учетных карточек указанных археологических коллекций музея.

Для цитирования: Кекеев Э. А. Археологические материалы из раскопок 1929–1937 гг. на территории Калмыкии (по фондам Саратовского областного музея краеведения) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 806–824. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-806-824

Archaeological Materials Excavated in the Territory of Kalmykia, 1929–1937: A Case Study of Collections from Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore

Erdni A. Kekeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Kekeev E. A., 2021

Abstract. Introduction. The history of archaeological studies on the territory of the Republic of Kalmykia began with the 1929 archaeological-ethnographical expedition of the Saratov Oblast' Museum of Local Studies. The expedition's field work included archaeological probings and diggings. The *aim* of the present study is to do a qualitative and quantitative analysis of the archaeological collections of Saratov Museum recovered during archaeological excavations in the Kalmyk Autonomous Oblast' in the period between 1929 and 1937. *Results.* In general, the methodological level of the excavations directed by P. S. Rykov was quite good for the time they were conducted. The fact that most of the findings were accepted by the Museum immediately after the field season was closed maybe seen as the evidence of the professionalism of the team during the planning of the expedition and its actual work. Notably, practically all the results of the archaeological research (1929–1937) were published. The numbering of finds in the registration cards largely corresponds to that of the field report, which indicates that the field inventory was compiled in the process of field and laboratory work. In addition, some of the finds in the field inventory are listed as fragmented clay vessels, while in the Museum, they are recorded as whole items, which also indicates the methodological level of the work done. *Conclusion.* The collections in question are a valuable source as far as the archaeology of the Volga-Manych steppes is concerned, because the physical material that they include is illustrative of the main types of archaeological sites recovered on the territory of modern Kalmykia, i. e. relating to settlement types (settlements, camps, *selishcha*) and burial types (burials under earth mounds and scattered burials). These collections feature items from all major eras: Eneolithic, Bronze, Early Iron, and Middle Ages.

Keywords: Lower Volga, Kalmyk Autonomous Oblast', Saratov Oblast' Museum of Local Studies, National Museum of the Republic of Kalmykia, archaeological excavations, archaeological probings, archaeological collections

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes' (state reg. no. АААА-А19-119011490038-5). The author expresses gratitude to K. Yu. Morzherin, Head of Archaeology Department (Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore) for the submitted copies of registration cards within related archaeological collections of the museum.

For citation: Kekeev E. A. Archaeological Materials Excavated in the Territory of Kalmykia, 1929–1937: A Case Study of Collections from Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 806–824. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-806-824

Введение

История изучения археологических памятников на территории Республики Калмыкия берет свое начало с археолого-этнографической экспедиции Саратовского областного музея краеведения 1929 г. В процессе полевых работ были проведены археологические разведки и раскопки. В этот период были выявлены основные виды археологических памятников энеолита, бронзового, раннего железного и средних веков, встречающиеся на территории Республики Калмыкия.

Целью данного исследования является изучение качественного и количественного состава археологических коллекций Саратовского областного музея краеведения из археологических работ в Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.). Для достижения поставленной цели были изучены опубликованные варианты полевых отчетов и дневников, книги поступлений и учетные карточки коллекций в фондах Саратовского музея, а также современная специальная литература.

История возникновения и становления Саратовского областного музея краеведения

Датой основания Саратовского областного музея краеведения считается 1886 г., когда была создана Саратовская ученая архивная комиссия. В начале XX в. музей значительно расширился и к 1921 г. стал основой для создания Областного Саратовского музея с историческим, археологическим и этнографическим отделами.

21 мая 1928 г. из Астраханской, Саратовской, Сталинградской губерний, Калмыцкой автономной области и части Пугачевского уезда Самарской губернии была образована Нижне-Волжская область (с 11 июня 1928 г. — край), Саратов стал административным центром образованного края, а Областной музей — центральным музеем.

Сегодня Саратовский областной музей краеведения является одним из старейших и крупнейших музеев Поволжья. В фондах музея, насчитывающих более 400 тыс. предметов, собраны археологические, этнографические, палеонтологические, энто-

мологические и другие коллекции, имеются фотографические материалы, образцы рукописной и старопечатной книги, нумизматики и т. д.

В первые годы существования советской власти для государственных культурно-образовательных учреждений приоритетным направлением являлась работа по повышению грамотности населения, просветительная деятельность. Наряду с этим Саратовский государственный университет, Нижне-Волжский институт краеведения и Саратовский областной музей краеведения начали проводить научно-исследовательские работы на территории всего Нижне-Волжского края [Малов 2019: 185–200]. Одним из направлений в этой деятельности стали экспедиции, целью которых было выявление, сбор и изучение материала по археологии и этнографии.

Несомненно, такой большой по площади регион, как Нижне-Волжский край, требовал планомерной и систематической научно-исследовательской работы. Ведь край населяли представители различных этносов и конфессий, а часть территории была практически не исследована в археологическом отношении. Эту работу и возглавил директор Саратовского музея П. С. Рыков. Под его руководством были проведены планомерные исследования археологических памятников: в 1922 г. в окрестностях г. Саратова, в 1923 г. — по рекам Латрык и Медведица и с каждым последующим годом обследованию подвергались все новые районы Нижне-Волжского края [Малов 2016: 345–351].

С 1929 г. экспедиция Саратовского музея начала свою работу на территории Калмыцкой автономной области. Выявленные в результате этих работ предметы материальной культуры были переданы в Саратовский областной музей краеведения.

Калмыцкие археолого-этнографические экспедиции

В 1929 г. Калмыцкая археолого-этнографическая экспедиция, средства на которую были получены от Главнауки¹ Народного

¹ Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями — государственный орган координации научных

комиссариата просвещения, Калмыцкого Исполкома и Нижне-Волжского краевого музея проводила разведочные работы. «... Сделанные раскопки имели своей целью обнаружить присутствие древних культур на пути следования экспедиции» [Рыков 1931a: 70].

Основной задачей этого сезона стало предварительное исследование территории с наметкой пунктов для будущего углубленного изучения, требующего длительного пребывания на одном месте. Исследование археологических памятников проводилось параллельно с изучением этнографии калмыков.

В 1929 г. были намечены основные пункты для дальнейших этнографических работ, закуплено 73 экспоната (полный женский костюм, части мужского костюма, предметы утвари и т. д.), сделано 52 фотоснимка [Рыков 1931a: 75–77].

Однако с 1930 г. экспедицией исследовались только археологические памятники. Это обстоятельство можно объяснить тем фактом, что в 1920-е гг. об археологических памятниках на территории Калмыцкой автономной области было практически ничего не известно. Краткая информация имела лишь в записях специалистов, изучающих физическую географию региона, было известно несколько случайных находок [Цуцкин 1985: 3–6].

Этот период изучения археологических памятников Калмыкии по праву выделен как первый и называется «рыковским» [Очир-Горяева 2008: 31–37].

Впервые сведения о работах П. С. Рыкова в Калмыкии сведены воедино Е. В. Цуцкиным [Цуцкин 1985: 7–9]. Подробнее об этом периоде дана информация в статье У. Э. Эрдниева [Эрдниев 1989: 50–55]. Наиболее развернуто результаты работ 1929–1937 гг. освещены в монографии М. А. Очир-Горяевой, где, кроме того, приводятся подробные данные об исследованных памятниках [Очир-Горяева 2008: 31–37, 57–66].

Сезон 1929 г. проходил в тяжелых условиях, полевые работы были проведены с 27 мая по 2 июля. Экспедиция двигалась по маршруту Калмыцкий Базар – Яшкуль –

Элиста – зимняя ставка Мало-Дербетовского улуса. Первые 210 км проехали на арбах, далее 400 км пройдено пешком, для перевозки грузов использовалась лишь одна лошадь или верблюд. Периодически возникали проблемы с погодой, недостатком пресной воды и закупкой продовольствия. Эти обстоятельства не помешали успешно провести запланированные работы [Рыков 1931a].

Всего за первый год экспедицией было исследовано 65 погребений в 34 курганах. В 1930–1931 гг. Саратовской экспедицией были проведены разведки в Приморском районе Калмыцкой автономной области [Синицын 1933], а с 1931 г. началось исследование курганов в южной части Ергенинской возвышенности [Рыков 1936a; Рыков 1936b; Синицын 1948; Синицын 1956; Шилов 2009]. Всего в период с 1929–1937 гг. было исследовано 247 погребений из 124 курганов и 12 местонахождений.

Результатам раскопок посвящен ряд работ П. С. Рыкова [Рыков 1931a; Рыков 1936a; Рыков 1936b] и его ученика — И. В. Синицына [Синицын 1931; Синицын 1933; Синицын 1948; Синицын 1956].

Кроме того, В. П. Шилов провел большую работу по изучению материалов из раскопок курганных групп *Три Брата – 1* и *Три Брата – 2*² при подготовке к публикации полевых записей П. С. Рыкова. В процессе этой работы им были скрупулезно проработаны полевые записи и публикации П. С. Рыкова и И. В. Синицына, проделана работа по улучшению полевых чертежей, а также сверены описи находок с музейными коллекциями Саратовского музея [Шилов 2009].

Всеми работами Саратовской экспедиции в Калмыкии руководил П. С. Рыков, исключением стали лишь два полевых сезона. В 1930 г. в Приморском районе Калмыкии были проведены археологические разведки самостоятельно И. В. Синицыным [Синицын 1933: 89].

В 1937 г. Павел Сергеевич находился в Калмыкии с 29 июня по 10 августа³. По прибытии из Калмыкии в Саратов 14 августа

² Здесь и далее курсивом выделены названия археологических памятников.

³ Информацию об этом приводит в своей статье Н. М. Малов со ссылкой на Приказ № 30 по Саратовскому краевому музею от 28.06.1937 [Научный архив СОМК. Оп. 3. Д. 3. Л. 67] [Малов 2010: 725].

П. С. Рыков был арестован. Масштабные работы экспедиции Саратовского музея завершились в 1937 г., в год, когда П. С. Рыков был незаконно осужден и репрессирован⁴.

Дальнейшую обработку полученного в результате раскопок материала взял на себя И. В. Сеницын, который частично и опубликовал результаты работ 1937 г. (раскопки групп *Бичкин-Булак* и *Цаган-Эльсин*) под своей фамилией [Сеницын 1948; Сеницын 1956]. В тот период, когда научные публикации подвергались жестокой цензуре, имя П. С. Рыкова как руководителя и автора статьи не только было невозможно указать, но даже в самих статьях приходилось избегать упоминания его имени и его предыдущих публикаций [Очиров, Очир-Горяева 2006: 205–216]. На рис. 1 обозначены археологические памятники, исследованные на территории Калмыкии в период 1929–1937 гг.

Археологические коллекции Саратовского областного музея краеведения

Сформированные в 1929–1937 гг. археологические коллекции состояли из 798 единиц хранения (далее — ед. хр.) (более 2 000 предметов), однако в дальнейшем часть находок была списана, и в настоящий момент коллекции насчитывают 649 ед. хр. (более 1 660 предметов)⁵ (таблица 1). Эти предметы можно условно разделить на две группы: находки из раскопок погребальных памятников и находки, собранные в результате разведок⁶.

Первая группа (материал из археологических раскопок погребальных памятников) охватывает практически весь изучаемый период (1929, 1931–1937 гг.). Сегодня эти коллекции представляют собой комплексы предметов и отдельные находки из погребальных памятников от эпохи энеолита до средневековья — 571 ед. хр. (более 1 130 предметов) (таблица 1).

⁴ Павел Сергеевич Рыков скончался в исправительно-трудовом лагере под Уссурийском 26 марта 1942 г. в возрасте 56 лет, реабилитирован в 1956 г. [Малов 2010: 726].

⁵ В основном списание музейных предметов изучаемых коллекций зафиксировано в двух документах: Акт (ордер) № 1066 от 15.11.1952 и Акт (ордер) № 2634 от 03.11.1969.

⁶ Далее количественные показатели коллекций будут приводиться по состоянию на сегодняшний день, без учета списанных предметов.

При формировании коллекций в 1920–1930-е гг. палеоантропологический и археозоологический материал не был отделен от остальных предметов, в итоге костные останки человека и животных стали частью сформированных коллекций. Кости человека — 34 ед. хр., кости животных (останки мелкого и крупного рогатого скота, лошади и птицы) — 20 ед. хр. (таблица 2).

Вторая группа — археологические разведки (материал, собранный на песчаных дюнах, и случайные находки) — работы проводились в 1929–1931 гг. и в 1937 г. — 78 ед. хр. (более 530 предметов) (таблица 1).

Информация о поступающих находках заносилась напрямую в книгу поступлений и дублировалась в учетных карточках⁷, которые были оформлены по единому стандарту для археологических коллекций (СОМК, 1920–1930 гг.).

Первой строкой напечатано название самого музея и далее представлены поля для заполнения: инвентарный номер; область-губерния; район-уезд; город-село; группа; курган №; погребение; раскопки; год; культура.

Далее следует таблица с названиями столбцов (№№, п. п.; наименование и описание предмета; кол-во; место хранения) и пустыми строками (рис. 2). Общая опись данных археологических коллекций состоит из 228 учетных карточек: [СОМК, АО: №№ 1283; 1290–1291; 1312; 1333–1345; 1404; 1421–1443; 1447–1467; 1469; 1471–1482; 1484–1503; 1506–1528; 1564–1581; 1583–1589; 1611–1640; 1694; 1696].

При заполнении учетных карточек были выявлены неточности в написании пунктов. Далее названия исследованных объектов будут приводиться в соответствии с принятыми в современной специальной литературе названиями [Очир-Горяева 2008: 61–66]. Отличия в написании названий исследованных памятников коснулись калмыцкоязычных топонимов (первое из пар написаний — правильное): *Абганеры* — «Абаганеры», *Бичкин-Булак* — «Бхчин-Булак», *Улан-Эрге* — «Улан-Эрга», *Хурул Бага Чонос* — «хур. Богоченосы», *Хурул Деед Ламин* — «хур. Дедломинский», *Цаган-Эльсин* — «Цаган-Ильсин», *Чёра Хурул* — «Черехурул».

⁷ По информации заведующего сектором археологии Саратовского областного музея краеведения К. Ю. Моржерина.

Таблица 1. Археологические находки Саратовского областного музея краеведения (работы на территории Калмыкии 1929–1937 гг.)

[Table 1. Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore. Archaeological findings from Kalmykia, 1929–1937]

	Виды археологических полевых работ	Поступило в музей	Списано	В наличии
1	Археологические раскопки	706 ед. хр.	135 ед. хр.	571 ед. хр.
2	Археологические разведки	92 ед. хр.	14 ед. хр.	78 ед. хр.
	ИТОГО	798 ед. хр.	149 ед. хр.	649 ед. хр.

Таблица 2. Археологические коллекции Саратовского областного музея краеведения (археологические раскопки на территории Калмыкии 1929 г., 1931–1937 гг.).

Распределение предметов коллекций по эпохам

[Table 2. Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore. Archaeological collections from Kalmykia's excavations, 1929, 1931–1937]

	Тип предметов	Эпоха энеолита, ед. хр.	Бронзовый век, ед. хр.	Ранний железный век, ед. хр.	Эпоха средневековья, ед. хр.	Неопределенные, ед. хр.
1	Находки	1	201	185	81	49
2	Кости человека	1	6	15	6	6
3	Кости животных	1	4	9	5	1
	ИТОГО	3	211	209	92	56

При изучении книги поступлений и учетных карточек выявлен определенный порядок в записи поступающих предметов. Коллекции формировались по итогам каждого полевого сезона и по его окончании поступали в фонды музея. Дальнейшая работа по формированию отдельных коллекций по археологическим культурам или по материалу изготовления предметов не проводилась. Этот факт позволил сохранить относительную целостность собрания предметов. Порядок описания находок в опубликованных отчетах у части экспонатов совпадает с очередностью записи этих предметов в книгу поступлений и в учетные карточки. Уровень камеральной работы характеризуется тем фактом, что некоторые глиняные предметы в описи находок отчета значатся как фрагментированные изделия, а в учетных карточках эти предметы уже записаны как целые находки. Другими словами, первичная реставрация части предметов производилась в кратчайшие сроки, до поступления коллекций в фонды музея.

Существует вероятность, что часть предметов была передана в Калмыцкий музей г. Элисты. В результате сравнения списка находок, созданного по полевым отчетам,

и списка предметов, поступивших в фонды Саратовского музея, выяснено, что в Саратов поступили экспонаты из 153 погребений. Всего в 1929–1937 гг. было исследовано 180 инвентарных погребений, т. е. находки из 27 погребений вообще не поступали в Саратовский музей. Поступили ли эти предметы в Калмыцкий музей, доподлинно установить не удалось, так как фонды музея безвозвратно потеряны во время Великой Отечественной войны [Очир-Горяева 2000: 182].

Далее приведены результаты анализа качественных и количественных характеристик археологических коллекций эпохи энеолита, бронзового, раннего железного и средних веков (таблица 2).

Наиболее древним объектом, исследованным в 1929–1937 гг., является энеолитическое погребение 5 (курган 4, группа *Три Брата* – I). По данным специалистов, кроме этого погребения, на территории Ергенинской возвышенности известен лишь один энеолитический памятник — курган 27 (все три погребения) группы *Архара* [Корневский 2012: 33–34; Сеницын, Эрдниев 1966: 93–95].

В фондах Саратовского музея в состав данного комплекса включены фрагмент

охры (красная краска в порошке⁸) и кости человека (распавшиеся кости человека) (таблица 3). Однако третьим пунктом в данном комплексе указаны кости овцы (часть костей овцы) [СОМК, АО: № 1454], тогда как погребение содержало только останки

⁸ Здесь и далее после наименования предмета курсивом приведено оригинальное название в учетной карточке.

погребенного со следами обильной обсыпки охрой [Рыков 1936а: 122–123; Шилов 2009: 101]. Скорее всего, кости овцы попали в данный список по ошибке, однако установить, к какому комплексу они относятся, не удалось.

К бронзовому веку относятся находки из 59 погребальных комплексов — 201 ед. хр. (около 570 предметов) (таблица 2). Кости

Таблица 3. Археологические находки наиболее представительных погребальных комплексов. Коллекции Саратовского областного музея краеведения из раскопок на территории Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.)

[Table 3. Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore. Archaeological collections from excavations in Kalmyk Autonomous Oblast, 1929–1937. Findings from most notable burial sites]

№	Могильник	Курган	Погребение	Рольтурно-хронологическая принадлежность	Инвентарь	Инв. № в СОМК, АО
1	Три Брата – 1	4	5	энеолит	1) фрагменты костей человека; 2) кости овцы; 3) охра в порошке	1454
2	Бичкин-Булак	6	2	бронзовый век	1) топор бронзовый с остатками дерева в проушине; 2) рукоять деревянная (фрагменты); 3) ткань (остатки «рогожки»); 4) клык кабана (частично разрушен); 5) наконечник копья железный; 6) подвеска височная серебряная в форме спирали; 7) фрагмент охры (кусочек краски); 8) фрагменты дерева; 9) плитки каменные; 10) пест каменный; 11) кость, обработанная с обоих концов	1620
3	Три Брата – 1	27	3	бронзовый век	1) курильница глиняная с веревочным орнаментом; 2) пест (отбойник) каменный; 3) наковальня каменная; 4) пест (отбойник) каменный небольшого размера; 5) гальки и отщепы кремнёвые разных размеров (166 шт.); 6) предмет, изготовленный из рога; 7) брусок точильный небольшого размера; 8) кинжал бронзовый; 9) пластинка кремнёвая; 10) точило каменное с рукоятью; 11) точило каменное с сильно сработанными боковыми сторонами; 12) выпрямитель древков стрел; 13) пластинка костяная; 14) наконечники стрел бронзовые четырехгранные (2 шт.); 15) плитка из белого песчаника треугольной формы; 16) пластинка каменная с отверстием на одном конце; 17) скрепы бронзовые; 18) предмет каменный; 19) фрагмент (кусочек) охры	1576
4	Три Брата – 1	9	1	бронзовый век	1) горшок глиняный небольшого размера с ручкой; 2) сосудик глиняный округлой формы	1477

5	<i>Три Брата – 1</i>	9	2	бронзовый век	1) альчики (11 шт.); 2) фрагменты охры; 3) кости ног овцы; 4) шар каменный небольшой	1478
6	<i>Три Брата – 1</i>	9	3	бронзовый век	1) подвеска (колечко) височная серебряная; 2) шило (шильце) костяное	1479–1480
7	<i>Три Брата – 1</i>	9	4	бронзовый век	1) нож кремнёвый; 2) сосуд глиняный шаровидной формы; 3) скребок кремнёвый; 4) охра в порошке; 5) наконечник дротика или ножа кремнёвый; 6) скребок каменный; 7) шар каменный; 8) камень точильный в двух фрагментах	1480
8	<i>Три Брата – 1</i>	9	7	бронзовый век	1) курильница глиняная с веревочным орнаментом	1506
9	<i>Три Брата – 1</i>	9	8	бронзовый век	1) наконечник стрелы бронзовый с черешком; 2) пластинка тонкая бронзовая с двумя отверстиями на конце; 3) курильница глиняная с веревочным орнаментом	1507
10	<i>Три Брата – 1</i>	9	жертвенный комплекс	бронзовый век	1) горшок глиняный с ручкой; 2) горшок-кувшин с веревочным орнаментом; 3) «ожерелье» из 32 бусин из трубчатой кости и двух пронизок; 4) трубка глиняная четырехгранная с округлыми гранями; 5) предмет (камешек) пятиугольный; 6) пластинка кремнёвая; 7) шар каменный; 8) фрагменты глины с отпечатками шерстяной ткани; 9) отпечатки колеса гипсовые	1507
11	<i>Абганеры</i>	3	1	ранний железный век	1) череп человеческий деформированный; 2) фибула бронзовая арбалетная; 3) меч железный; 4) обкладки лука костяные (две пластинки); 5) нож железный; 6) фрагменты удил; 7) пряжка железная; 8) масса каменная (неопределенная); 9) кувшин глиняный с ручкой; 10) кувшин глиняный с ручкой; 11) горшок (корчага) глиняный; 12) пластинка костяная круглая	1185
12	<i>Три Брата – 2</i>	14	1	ранний железный век	1) череп человеческий деформированный; 2) кувшин глиняный шаровидной формы с двумя ручками; 3) горшок глиняный шаровидной формы; 4) нож (ножик) железный; 5) шило железное; 6) ожерелье из черных гешировых подвесок (2 шт.); 7) подвески спиралевидные бронзовые (2 шт.); 8) лунницы серебряные (2 шт.); 9) фибула серебряная; 10) фибула бронзовая; 11) зеркало бронзовое; 12) пряжка пластинчатая бронзовая; 13) ожерелье из двух подвесок-«цилиндриков» и подвески в виде лежащего льва; 14) игольник бронзовый; 15) фигурка беса из египетской пасты	1494

13	Станция № 8	2	1	средневековые	1) берестяная трубка; 2) гребень деревянный двурядный с орнаментом; 3) фрагмент зеркала бронзового; 4) чашечка бронзовая чеканная; 5) ожерелье из стеклянных округлых бусин (2 шт.); 6) кошелек кожаный; 7) серьга бронзовая в форме знака вопроса; 8) бубенчик бронзовый; 9) печатка бронзовая от перстня; 10) фрагменты парчевой ткани; 11) шило железное с деревянной ручкой; 12) ножницы железные; 13) фрагменты ножа (?) железного; 14) фрагменты деревянных дверей и каркаса от кибитки	1171
14	Три Брата – 1	14	1	средневековые	1) гребень двухрядный деревянный; 2) бисер и мелкие бронзовые проволоочки от головного убора из бересты (бокки); 3) серьга серебряная в форме знака вопроса; 4) зеркало бронзовое; 5) ножницы железные; 6) бусинка фаянсовая голубого цвета; 7) фрагменты кожаной обуви; 8) фрагменты парчевой ткани; 9) фрагменты деревянных дверей кибитки	1509

человека поступили из 6 погребений, кости животных — из 4. Среди этих комплексов по разнообразию инвентаря, безусловно, выделяются два погребения: *Бичкин-Булак*, 6/2⁹, и *Три Брата – 1*, 27/3 (кенотаф).

Комплекс из группы *Бичкин-Булак* является довольно известным, так как в этом погребении был найден наконечник копья, изготовленный из метеоритного железа. Лавроволистный наконечник имеет следующие размерные параметры: длина наконечника — 13,5 см, ширина пера — 4 см, толщина миндалевидного сечения пера — 0,8 см.

Комплекс этого погребения относят к раннему бронзовому веку: к ямному времени [Шилов 2009: 17–32; Шишлина 2007: 107] или к полиритуальным погребениям бронзового века [Андреева 2014: 106]. Коллекция данного погребения состоит из 11 ед. хр. (более чем 12 предметов) (таблица 3).

Бичкин-булакский погребальный комплекс с изделием из метеоритного железа подробно исследован в ряде работ, в том числе в статьях Б. Н. Гракова, Б. А. Латынина, В. П. Шиловой, Б. А. Шрамко и др. [Граков 1958; Латынин 1957; Шилов 1985; Шрамко и др. 1965].

⁹ Здесь и далее после названия памятника указываются № кургана / № погребения.

Коллекция погребения 3 (кенотаф) кургана 27 группы *Три Брата – 1* практически полностью сохранилась в фондах Саратовского музея. Списано было лишь три изделия из кремня. Таким образом, коллекция данного погребения на сегодняшний день состоит из 19 ед. хр. (207 предметов) [СОМК, АО: № 1576] (таблица 3).

Следует выделить еще один памятник бронзового века — курган 9 группы *Три Брата – 1* — один из самых крупных из раскопанных курганов на территории Калмыкии за все время научных исследований (таблица 3). П. С. Рыков не успел опубликовать подробные данные о раскопках этого кургана, в своей публикации 1936 г. он только указывал его размерные данные — высота 7 м, диаметр — 62 м [Рыков 1936а: 133].

Первым подробную информацию об этом памятнике опубликовал И. В. Сеницын, в статье которого указаны следующие размеры кургана: высота — 7 м, диаметр до 60 м [Сеницын 1948: 144].

В 1980 г. этот курган был доследован В. П. Шиловым, который дает следующие размеры: высота — 6,6 м, диаметр — 62–67 м, вокруг кургана имелся широкий ров, глубиной до 2 м [Шилов 2009: 107]. Именно В. П. Шилов первый подробно изучил стратиграфию кургана 9 и сопоставил данные

полевого дневника с описью археологических коллекций из этого кургана. В своей работе он разделил находки в насыпи, присвоил им литерные обозначения и, на основе описания стратиграфии, представил последовательность создания отдельных насыпей и погребений в них [Шилов 2009: 107–124].

В Саратовском музее сегодня хранится 185 ед. хр. (более 320 предметов) из 52 погребений раннего железного века. Также хранится антропологический материал из 15 погребений. Кроме того, в фондах хранится 9 комплексов костей животных из погребений. Большая часть погребений (35 из 52) содержит до 3 наименований инвентаря, 15 погребений — от 4 до 8 наименований. По разнообразию инвентаря выделяются 2 погребения — *Абганеры*, 3/1 (12 наименований), и *Три Брата* — 2, 14/1 (15 наименований) (таблица 3).

Из 16 средневековых погребений в фондах хранится 81 ед. хр. (более 130 предметов). Из 6 погребений поступил антропологический инвентарь, а из 5 — кости животных. 14 погребений из 16 содержали менее 8 наименований, выделяется два погребения: *Станция 8*, 2/1 (14 наименований), и *Три Брата* — 1, 14/1 (9 наименований) (таблица 3).

Кроме раскопок курганов, экспедицией проводились археологические разведки. В результате изучения учетных карточек установлено, что в Саратовский музей поступили материалы из разведочных работ, совершенных в 1929–1931 гг. и в 1937 г., эта коллекция состоит из 78 ед. хр. (более 530 предметов). Так, в 1929 г. по пути следования экспедиции во многих пунктах были обнаружены развешенные остатки поселенческих памятников разного времени — от бронзового века до эпохи средневековья. В пунктах, обозначенных как *Станция № 5–6* и *Станция № 7*, обнаружены изделия из кремня (скребки, пластинки, микролиты и др.), глины (грузило и фрагменты керамики), камня (топор и кресало), железа (наконечники стрел) и т. д. [Рыков 1931а: 58–60]. Данная коллекция состоит из 12 ед. хр. (18 предметов) [СОМК, АО: №№ 1195, 1197, 1198].

Кроме археологических разведок по основному маршруту экспедиции, в 1929 г. были произведены работы на территории

Прикаспийской низменности в границах Калмыцкой автономной области (*Станция 5–6*, *Станция 7*, *Басы*, *Зензели*). Данная коллекция состоит из 33 ед. хр. (87 предметов) — изделия из кремня (концевые и трапециевидные скребки, ножевидные пластинки и др.), глины (фрагменты керамики), железа (наконечники стрел и фрагменты конской упряжи), бронзы (фрагменты зеркала, фибулы и др.), кости (бусина) и т. д. [СОМК, АО: №№ 1230–1233, 1283, 1290, 1291, 1312].

В 1930–1931 гг. были проведены разведки при обследовании побережья Каспийского моря по двум маршрутам: 1) от пристани Оля, Зензели, Басы до Кисимских промыслов; 2) от пристани Лагань на Улан-Хол, Белое озеро до низовьев р. Кумы. Был собран подъемный материал на стоянках *Басинская*, *Белоозерская*, *Глухие пески*, *Голубевские пески* и *Зензелинская*. В фондах Саратовского музея хранится 31 ед. хр. (более 300 изделий из глины (фрагменты сосудов и пряслице), из железа (фрагменты ножей), из кости (фрагменты пластинок), из бронзы (фрагменты предметов), из камня и кремня (фрагменты орудий) [СОМК, АО: №№ 1345, 1429–1433, 1435–1441, 1694, 1696].

В 1937 г. в окрестностях раскопок было исследовано два местонахождения: *стоянка около курганной группы близ пос. Цаган-Эльсин* (1 ед. хр. — более 23 мелких изделий из кремня) и *селище Бичкин-Булак* (1 ед. хр. — 7 фрагментов глиняных сосудов) [СОМК, АО: №№ 1621, 1636].

Во всех пунктах были найдены следующие вещи: 1) скребки (скребки на конце пластинки и скребки концевой типа); 2) ножевидные пластинки-скребки; 3) орудия геометрических форм (трапециевидные и сегментовидные); 4) проколкообразные острия; 6) копьевидные острия; 7) наконечники стрел и ряд пластинок неопределенного назначения.

В своих работах И. В. Синицын отмечал приуроченность выявленных стоянок к древним водоемам, а также переотложенный характер находок. Перемешанный характер комплексов затруднял культурно-хронологическую атрибуцию находок. В результате сопоставительного анализа наиболее близкие аналогии были отмечены на стоянках Левобережной Украины и Кры-

ма, которые датировались ранними стадиями неолита. Однако автор работ отнес микролитический инвентарь к эпохе энеолита и бронзовому веку [Синицын 1933: 89].

Заключение

Обнаруженные в результате работ (раскопок и разведок) 1929–1937 гг. находки (изделия из различных материалов, костные останки человека и животных) поступили в Саратовский музей. Всего в 124 курганах было обнаружено 180 инвентарных погребений, кроме того были проведены работы по сбору археологических находок на 12 местонахождениях — 649 ед. хр. (около 1 660 предметов) (таблица 1).

Кроме археологических предметов, в фондах Саратовского музея хранятся фотографии, сделанные в процессе проведения полевых работ 1929–1937 гг. Часть из них освещает духовную и материальную культуру калмыков (рис. 3), часть — археологические памятники (рис. 4), а несколько фотографий иллюстрируют некоторые интересные моменты экспедиционной жизни (рис. 5, рис. 6).

В фондах Национального музея Республики Калмыкия также хранятся несколько фотографий, освещающих археологические раскопки курганной группы *Три Брата* (рис. 7, рис. 8).

Еще одним важным результатом работы Саратовской экспедиции в Калмыкии было создание Калмыцкого национального музея в г. Элисте. Об этой работе пишет в своих статьях П. С. Рыков в журнале «Советский музей» [Рыков 1931б; Рыков 1931в].

В Астрахани и Элисте было заказано необходимое оборудование. В отдельном небольшом здании в короткие сроки было оборудовано три выставочных зала. Здесь расположились витрины и стенды, посвященные геологии, археологии, истории, этнологии, экономике Калмыкии — «Калмыкия в прошлом и настоящем» [Рыков 1931в: 107].

В целом работы под руководством П. С. Рыкова были проведены на хорошем для своего времени методическом уровне. Сам факт того, что большая часть находок была передана в Саратовский музей сразу же по окончании полевых работ, показывает профессионализм участников экспедиции, проявленный при планировании и проведении этих исследований, причем практически все результаты работ 1929–1937 гг. были опубликованы в короткие сроки. Нумерация находок в учетных карточках во многих местах соответствует их нумерации в полевом отчете, что свидетельствует о составлении полевой описи в процессе полевых и камеральных работ.

Изучаемые коллекции являются ценным источником по археологии Волго-Манычских степей, так как вещественный материал, входящий в их состав, отражает основные виды памятников, встречающиеся на территории современной Калмыкии: поселенческие (поселения, стоянки, селища) и погребальные (подкурганные и развешанные погребения). В этих коллекциях представлены предметы всех основных эпох: энеолит, бронзовый, ранний железный и средние века.

Источники

Научный архив СОМК — Научный архив Саратовского областного музея краеведения.
НМ РК — Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова.
СОМК, АО — Книга поступлений Археологического отдела Саратовского областного музея краеведения. №№ 1283; 1290–1291; 1312; 1333–1345; 1404; 1421–1443; 1447–1467; 1469; 1471–1482; 1484–1503; 1506–1528; 1564–1581; 1583–1589; 1611–1640; 1694; 1696.

Sources

Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore; Scientific Archive..
Palmov National Museum of Kalmykia.
Accession Register, Archaeological Department, Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore. Entries no. 1283; 1290–1291; 1312; 1333–1345; 1404; 1421–1443; 1447–1467; 1469; 1471–1482; 1484–1503; 1506–1528; 1564–1581; 1583–1589; 1611–1640; 1694; 1696. (In Russ.)

Литература

- Андреева 2014 — *Андреева М. В.* Восточно-манычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС, 2014. 272 с.
- Граков 1958 — *Граков Б. Н.* Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР // Советская археология. 1958. № 4. С. 4–5.
- Карта Нижне-Волжского края 1931 — *Сулъкевич С. И.* Нижне-Волжский край. Карта. Масштаб 1:1 000 000 [электронный ресурс] // Серия карт: Области и края РСФСР. Границы даны на 1 марта 1931 г. URL: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6108 (дата обращения: 06.05.2021).
- Кореневский 2012 — *Кореневский С. Н.* Рождение кургана. М.: Таус, 2012. 246 с.
- Латынин 1957 — *Латынин Б. А.* К вопросу об уровне развития производственных сил в эпоху ранней бронзы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. СПб.: Изд-во АН СССР, 1957. № 70. С. 8.
- Малов 2010 — *Малов Н. М.* Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. ред.: И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К., 2010. С. 721–733.
- Малов 2016 — *Малов Н. М.* Профессор П. С. Рыков — исследователь позднего бронзового века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: история, международные отношения. 2016. № 3. С. 345–351. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-345-351.
- Малов 2019 — *Малов Н. М.* Археология Нижнего Поволжья в первое советское десятилетие: государственные учреждения и общества (к 100-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях: труды межд. научн. конф. М.: ИА РАН, 2019. С. 185–200. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-301-5.185-200
- Очилов, Очир-Горяева 2006 — *Очилов Д. В., Очир-Горяева М. А.* Курганный комплекс Три Брата: история и современность // Вестник института гуманитарных исследований РАН. Вып. 20. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2006. С. 205–216.
- Очир-Горяева 2000 — *Очир-Горяева М. А.* Первый музей в Калмыцкой степи // Альманах-1999. Музеи Российской академии наук. М.: Научный мир, 2000. С. 181–186.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Рыков 1931а — *Рыков П. С.* Отчет об археологических работах, проведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижне-Волжского института краеведения. 1931. Т. 4. С. 51–79.
- Рыков 1931б — *Рыков П. С.* Калмыцкий национальный музей // Советский музей. 1931. № 4. С. 104.
- Рыков 1931в — *Рыков П. С.* Первый музей в Калмыцкой степи // Советский музей. 1931. № 5. С. 105–108.
- Рыков 1936а — *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище Три Брата в Калмыцкой области, произведенные в 1933–1935 гг. // Советская археология. 1936. № 1. С. 115–157.
- Рыков 1936б — *Рыков П. С.* Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения. Т. 7. 1936. С. 57–70.
- Синицын 1931 — *Синицын И. В.* Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т. 4. 1931. С. 81–92.
- Синицын 1933 — *Синицын И. В.* Древние памятники Приморского района Калмыцкой области // Известия Нижне-Волжского института краеведения. Т. 6. 1933. С. 89–102.
- Синицын 1948 — *Синицын И. В.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // Советская археология. 1948. № 10. С. 143–160.
- Синицын 1956 — *Синицын И. В.* Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Труды Саратовского областного музея краеведения: археологический сборник. Саратов: Коммунист, 1956. Вып. 1. С. 22–64.
- Синицын, Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Труды Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, КРКМ № 2. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 186 с.
- Цуцкин 1985 — *Цуцкин Е. В.* Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1985. С. 3–22.
- Шилов 1985 — *Шилов В. П.* Курган 6 урочища Бичкин-Булак и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // Советская археология. 1985. № 2. С. 17–33.

- Шилов 2009 — *Шилов В. П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
- Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). Труды ГИМ. Вып. 165. М.: ГИМ, 2007. 400 с.
- Шрамко и др. 1965 — *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе // Советская археология. 1965. № 4. С. 199–204.
- Эрдниев 1989 — *Эрдниев У. Э.* Об археологических работах профессора П. С. Рыкова в Калмыкии // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1989. С. 50–55.

References

- Andreeva M. V. East Manych Catacomb Culture: Analysis of Burial Monuments. Moscow: TAUS, 2014. 272 p. (In Russ.)
- Erdniyev U. E. Professor P. S. Rykov and his archaeological endeavors in Kalmykia. In: Archaeology of Eastern European Steppe. Saratov: Saratov State University, 1989. Pp. 50–55. (In Russ.)
- Grakov B. N. Earliest iron findings from the European USSR. *Sovetskaya arkheologiya*. 1958. No. 4. Pp. 4–5. (In Russ.)
- Korenevsky S. N. The Birth of Kurgan Burials. Moscow: Taus, 2012. 246 p. (In Russ.)
- Latynin B. A. Productive forces in the Early Bronze Age: level of development revisited. In: Brief Reports of the Institute for History of Material Culture. St. Petersburg: USSR Academy of Sciences, 1957. Vol. 70. P. 8. (In Russ.)
- Malov N. M. Archaeology of the Lower Volga in the first Soviet decade: government agencies and societies (celebrating the 100th anniversary of the first archaeological expedition by Saratov University). In: At the Beginnings of Soviet Archaeology. Archaeological Organizations and Institutions in the New Sociopolitical Reality. Moscow: Institute of Archaeology (RAS), 2019. Pp. 185–200. (In Russ.) DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-301-5.185-200
- Malov N. M. Professor P. S. Rykov – an explorer of the Late Bronze Age of the Volga Region, the Volga-Ural and the Volga-Don interflaves. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2016. No. 3. Pp. 345–351. (In Russ.) DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-345-351.
- Malov N. M. Soviet archaeologist Pavel S. Rykov: celebrating the 125th birthday. In: Kamenetsky I. S., Sorokin A. N. (eds.) Man and Antiquities: Aleksandr Aleksandrovich Formozov in Memoriam (1928–2009). Moscow: Grif & C., 2010. Pp. 721–733. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppe: Descriptions of Kalmykia's Archaeological Sites Explored in 1929–1997. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. The first museum in Kalmyk Steppe. In: Almanac-1999. Museums of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauchnyi Mir, 2000. Pp. 181–186. (In Russ.)
- Ochirov D. V., Ochir-Goryaeva M. A. Three Brothers Mound Group: past and present. In: Bulletin of the Kalmyk Humanities Research Institute. Vol. 20. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 205–216. (In Russ.)
- Rykov P. S. Archaeological excavations of kurgans in the area called Three Brothers, Kalmyk Autonomous Oblast, 1933–1935. *Sovetskaya arkheologiya*. 1936. No. 1. Pp. 115–157. (In Russ.)
- Rykov P. S. Excavating the burial mound site of Elista. *Izvestiya Saratovskogo Nizhne-Volzhskego instituta kraevedeniya*. 1936. Vol. 7. Pp. 57–70. (In Russ.)
- Rykov P. S. National Museum of Kalmykia. *Sovetskiy muzey*. 1931. No. 4. P. 104. (In Russ.)
- Rykov P. S. Report on archaeological investigations in the Lower Volga, summer of 1929. *Izvestiya Nizhne-Volzhskego instituta kraevedeniya*. 1931. Vol. 4. Pp. 51–79. (In Russ.)
- Rykov P. S. The first museum in Kalmyk Steppe. *Sovetskiy muzey*. 1931. No. 5. Pp. 105–108. (In Russ.)
- Shilov V. P. Ancient Livestock Breeders of Kalmyk Steppe. Elista: Gerel, 2009. 303 p. (In Russ.)
- Shilov V. P. Kurgan 6 from Bichkin-Buluk area and the chronological problem of Kalmykia's Middle Bronze Age. *Sovetskaya arkheologiya*. 1985. No. 2. Pp. 17–33. (In Russ.)
- Shishlina N. I. Bronze Age of the Northwest Caspian, 5th–3rd Millennia BC. Ser. 'Trudy GIM' (Scientific Transactions of State Historical Museum). Vol. 165. Moscow: State Historical Museum, 2007. 400 p. (In Russ.)
- Shramko B. A., Fomin L. D., Solntsev L. A. The first meteoric iron finding from Eastern Europe. *Sovetskaya arkheologiya*. 1965. No. 4. Pp. 199–204. (In Russ.)
- Sinityn I. V. Flint tools from dune sites of Kalmyk Autonomous Oblast. *Izvestiya Nizhne-*

- Volzhskogo instituta kraevedeniya*. 1931. Vol. 4. Pp. 81–92. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V. Pre-Scythian monuments of the Lower Volga steppe. *Sovetskaya arkheologiya*. 1948. No. 10. Pp. 143–160. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V. Primorsky District of Kalmyk Autonomous Oblast: ancient monuments revisited. *Izvestiya Nizhne-Volzhskogo instituta kraevedeniya*. 1933. Vol. 6. Pp. 89–102. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V. Scytho-Sarmatian monuments of the Lower Volga. In: Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore. Scientific Transactions. Collected archaeological papers. Saratov: Kommunist, 1956. Vol. 1. Pp. 22–64. (In Russ.)
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. Newly explored archaeological monuments of the Kalmyk ASSR, 1962–1963. In: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Scientific Transactions. Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1966. 186 p. (In Russ.)
- Sulkevich S. I. Lower Volga Krai. Map. Scale 1:1,000,000. Series ‘Oblasts and Krai of the RSFSR’. Borders as of 1 March 1931. Available at: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g6108 (accessed: May 6, 2021). (In Russ.)
- Tsutskin E. V. Archaeological investigations of Kalmykia. In: Antiquities of Kalmykia. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1985. Pp. 3–22. (In Russ.)

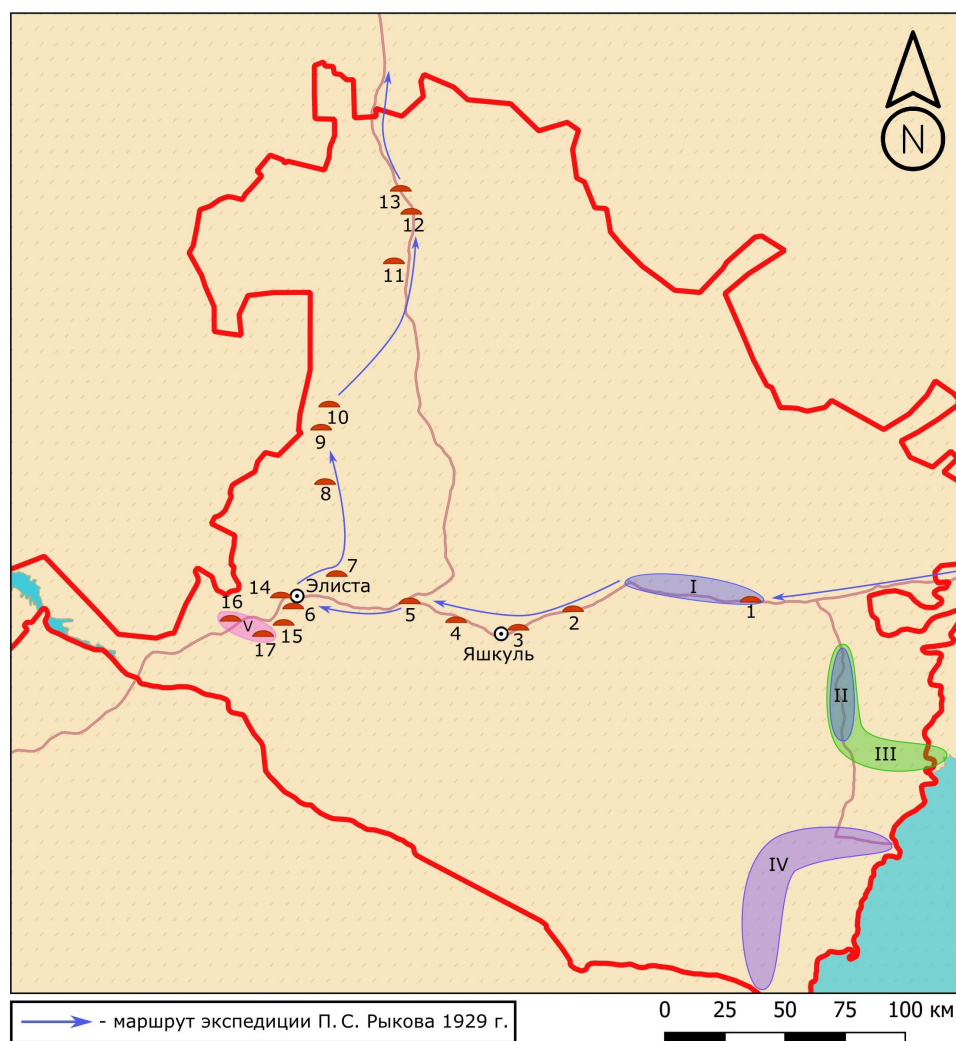

Рис. 1. Археологические памятники, исследованные на территории Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.). Цифрами на карте обозначены: 1 — Станция 5 (1929 г.); 2 — Станция 8 (1929 г.); 3 — Станция 9. Яшкуль (1929 г.); 4 — Станция 10 (1929 г.); 5 — Улан-Эрге (1929 г.); 6 — Элиста-1 (1929 г.); 7 — Черя Хурул (1929 г.); 8 — Хурул Бага Чонос (1929 г.); 9 — Кегульта (1929 г.); 10 — Абганеры (1929 г.); 11 — Озеро Батыр (1929 г.); 12 — Хурул Деед Ламин (1929 г.); 13 — Хурул Ханата (1929 г.); 14 — Элиста-2 (1931–1933 гг.); 15 — Три Брата – 1 и Три брата – 2 (1933–1936 гг.); 16 — Бичкин-Булук (1937 г.); 17 — Цаган-Эльсин (1937 г.);

I — район проведения разведок в 1929 г. (Станция 5–6 и Станция 7); II — район проведения разведок в 1929 г. (Басы и Зензели); III — район проведения разведок в 1930 г. (пристань Оля – Долбань – Зензели); IV — район проведения разведок в 1931 г. (пристань Лагань – Улан-Хол – Белое озеро – низовья р. Кумы); V — район проведения разведок в 1937 г. (Бичкин-Булук и Цаган-Эльсин) [Очир-Горяева 2008: 57–66; Карта Нижне-Волжского края 1931]

[Fig. 1. Archaeological monuments investigated in Kalmyk Autonomous Oblast, 1929–1937. Nomenclature of figures: 1 — Site 5 (1929); 2 — Site 8 (1929); 3 — Site 9. Yashkul (1929); 4 — Site 10 (1929); 5 — Ulan-Erge (1929); 6 — Elista-1 (1929); 7 — Choira Khurul (1929); 8 — Khurul Baga Chonos (1929); 9 — Kegulta (1929); 10 — Abganery (1929); 11 — Lake Batyr (1929); 12 — Khurul Deed Lamin (1929); 13 — Khurul Khanata (1929); 14 — Elista-2 (1931–1933); 15 — Three Brothers–1 and Three Brothers–2 (1933–1936); 16 — Bichkin-Buluk (1937); 17 — Tsagan-Elsin (1937);

I — area of archeological reconnaissance in 1929 (Site 5–6 and Site 7); II — area of archeological reconnaissance in 1929 (Basy i Zenzeli); III — area of archeological reconnaissance in 1930 (Olya – Dolban – Zenzeli); IV — area of archeological reconnaissance in 1931 g. (Lagan – Ulan-Khol – Beloe Ozero – lower reaches of the Kuma River); V — area of archeological reconnaissance in 1937 (Bichkin-Buluk and Tsagan-Elsin)]

САРАТОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ КРАЕВЕДЕНИЯ		Инвентарный № 1499	
Калмыцкая		область — губерния	
		район — уезд	
Город — село Урошице „три брата“			
Группа			
Курган № 22, погребение			
Раскопки		экскур. музей	
		19 34 года	
Культура			
№ № ш. п.	Наименование и описание предмета	Код-во	Место хранения
1/	Черепок глиняного кубка розоватой глины	1	

Рис. 2. Образец учетной карточки Археологического отдела Саратовского областного музея краеведения

[Fig. 2. A registration card at Archaeology Department, Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore]

Рис. 3. Фотография. «Святой угол» у бакши. Калмыки. Бага-Чонос (1929 г.). СССР, Нижне-Волжский край, Калмыцкая автономная обл. Стекло, проявка. Место хранения: СОМК. Инвентарный номер: СМК 23335/23. Источник: Госкаталог музейного фонда РФ [электронный ресурс] // Министерство культуры РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20582624> (дата обращения: 01.05.2021)

[Fig. 3. Photo titled 'The Bakshi's Holy Corner. Kalmyks. Baga-Chonos' (1929). USSR, Lower Volga Krai, Kalmyk Autonomous Oblast. Glass. Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore. Item no. СМК 23335/23. On: Ministry of Culture of the Russian Federation (website). Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20582624> (accessed: May 1, 2021)]

Рис. 4. Фотография. Большой курган западной группы. Элиста, июнь–июль 1931 г. СССР, Нижне-Волжский край, Калмыцкая автономная обл. Стекло, проявка. Место хранения: СОМК. Инв. номер: СМК 23336/1. Источник: Госкаталог музейного фонда РФ [электронный ресурс] // Министерство культуры РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20582575> (дата обращения: 01.05.2021)

[Fig. 4. Photo titled 'A Big Kurgan of the Western Group'. Elista, June–July 1931. USSR, Lower Volga Krai, Kalmyk Autonomous Oblast. Glass. Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore. Item no. СМК 23336/1. On: Ministry of Culture of the Russian Federation (website). Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20582575> (accessed: May 1, 2021)]

Рис. 5. Фотография. Калмык-богомалец на кургане. Чёйра-Хурул (1929 г.). СССР, Нижне-Волжский край, Калмыцкая автономная обл. Стекло, проявка. Место хранения: СОМК. Инв. номер: СМК 23335/22. Источник: Госкаталог музейного фонда РФ [электронный ресурс] // Министерство культуры РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20582704> (дата обращения: 01.05.2021)

[Fig. 5. Photo titled 'Kalmyk Pilgrim on the Kurgan. Choira-Khurul' (1929). USSR, Lower Volga Krai, Kalmyk Autonomous Oblast. Glass. Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore. Item no. СМК 23335/22. On: Ministry of Culture of the Russian Federation (website). Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20582704> (accessed: May 1, 2021)]

Рис. 6. Фотография. Арзютов Н. К. в походе. Степь. г. Элиста (1929 г.). СССР, Нижне-Волжский край, Калмыцкая автономная обл. Стекло, проявка. Место хранения: СОМК. Инв. номер: СМК 23335/7. Источник: Госкаталог музейного фонда РФ [электронный ресурс] // Министерство культуры РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20582550> (дата обращения: 01.05.2021)

[Fig. 6. Photo titled 'N. Arzyutov in the Field. Steppe. Elista' (1929). USSR, Lower Volga Krai, Kalmyk Autonomous Oblast. Glass. Saratov Oblast Museum of Local History, Nature and Lore. Item no. СМК 23335/7. On: Ministry of Culture of the Russian Federation (web-site). Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=20582550> (accessed: May 1, 2021)]

Рис. 7. Фотография. «Три брата». Раскопки большого кургана № 26 (1936 г.). Фотобумага. Место хранения: НМ РК. Инв. номер: КРКМ КП 1536/5. Источник: Госкаталог музейного фонда РФ [электронный ресурс] // Министерство культуры РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18702664> (дата обращения: 01.05.2021)

[Fig. 7. Photo titled 'Three Brothers. Excavation of Big Kurgan 26' (1936). Photograph paper. Palmov National Museum of Kalmykia. Item no. КРКМ КП 1536/5. On: Ministry of Culture of the Russian Federation (website). Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18702664> (accessed: May 1, 2021)]

Рис. 8. Фотография. «Три брата». Обустройство рабочих вблизи раскопок (1934 г.). Фотобумага. Место хранения: НМ РК. Инв. номер: КРКМ КП 1536/7. Источник: Госкаталог музейного фонда РФ [электронный ресурс] // Министерство культуры РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18702642> (дата обращения: 01.05.2021)

[Fig. 8. Photo titled ‘Three Brothers. Arrangement of a Workers Camp next to the Excavation Site’ (1934). Photograph paper. Palmov National Museum of Kalmykia. Item no. КРКМ КП 1536/7. On: Ministry of Culture of the Russian Federation (website). Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18702642> (accessed: May 1, 2021)]

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 825–833, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.37:373.39

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-825-833

Сравнительное исследование лексики в современном калмыцком языке и языке ойратов Монголии в разделе «традиционное жилище и его части»

Светлана Менкеновна Трофимова¹, Баярма Дашидондоковна Бальжинимаева²,
 Валентина Лиджиевна Боктаева³, Бямбажав Тувшинтогс⁴

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор
 0000-0003-1812-7117. E-mail: trofimovasm@mail.ru

² Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
 0000-0001-6852-7835. E-mail: bairka2002@list.ru

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат педагогических наук, доцент
 0000-0002-4471-5804. E-mail: valid25@yandex.ru

⁴ Монгольский государственный университет (д. 3, Бага-Тойруу, 210648 Улан-Батор, Монголия)
 кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
 0000-0001-6884-7951. E-mail: altaicamon@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Трофимова С. М., Бальжинимаева Б. Б., Боктаева В. Л., Тувшинтогс Б., 2021

Аннотация. Целью настоящего исследования ставилось введение в научный оборот и анализ в сравнительном и сравнительно-историческом аспектах названий традиционного жилища и его частей в современном калмыцком языке и в языке ойратов Монголии. Для сравнения привлекался материал из старописьменного монгольского, халха-монгольского и бурятского языков на предмет выявления общих терминов и установления их общемонгольской основы, а также выявлялись особенности ойратского ареала и специфические черты, характерные для калмыцкого языка и языка ойратов Монголии, которые отображают реальную историческую действительность данных этносов как в период общемонгольского праязыка, так и во время расселения монгольских племен и образования монгольских языков. *Материалы и методы.*

Материалом исследования послужили данные словарей привлекаемых языков, а также полевые записи, собранные у информантов во время экспедиций к ойратским племенам в Западную Монголию. Основные методы исследования — описательный, сравнительный, сравнительно-исторический метод, метод сплошной выборки. *Результаты.* Проведенный анализ позволил выявить общемонгольские и специфические термины, характерные для калмыцкого языка и языка ойратов Монголии. В результате изучения собранного материала авторы приходят к *выводу* о единстве лексики традиционного жилища и его частей в калмыцком языке и языке ойратов Монголии, что свидетельствует о единых истоках и большой древности самобытной материальной культуры ойратских племен.

Ключевые слова: общемонгольская лексика, жилище, названия частей жилища, калмыцкий язык, язык ойратов Монголии, халха-монгольский язык, бурятский язык, старописьменный монгольский язык

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-512-44006 «Взаимодействие языков в поликультурном пространстве на материале монгольских языков: сравнительный анализ калмыцкого языка, языка ойратов Монголии и бурятского языка».

Для цитирования: Трофимова С. М., Бальжинимаева Б. Б., Боктаева В. Л., Тувшинтогс Б. Сравнительное исследование лексики в современном калмыцком языке и языке ойратов Монголии в разделе «традиционное жилище и его части» // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 825–833. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-825-833

Traditional Dwelling and Its Parts in Modern Kalmyk (Russia) and Oirat (Mongolia): A Comparative Study of Vocabularies

Svetlana M. Trofimova¹, Bayarma D. Balzhinimaeva², Valentina L. Boktaeva³,
Byambajav Tuvshintogs⁴

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor
 0000-0003-1812-7117. E-mail: trofimovasm@mail.ru

² Banzarov Buryat State University (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of Department
 0000-0001-6852-7835. E-mail: bairka2002@list.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc (Pedagogy), Associate Professor
 0000-0002-4471-5804. E-mail: valid25@yandex.ru

⁴ National University of Mongolia (3, Baga Toiruu, 210648 Ulaanbaatar, Mongolia)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of Department
 0000-0001-6884-7951. E-mail: altaicamon@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2021

© Trofimova S. M., Balzhinimaeva B. B., Boktaeva V. L., Tuvshintogs B., 2021

Abstract. Introduction. The article *aims at* studying the terms for the traditional dwelling and its parts in the modern Kalmyk language and in the language of the Oirats of Mongolia in a comparative and comparative-historical modes. Analysis of lexical material of the old-written Mongolian, the Khalkha-Mongolian, and the Buryat languages helped identify common terms and common Mongolian basis; also, some features of the Oirat distribution area and specific characteristics of Kalmyk and Oirat of Mongolia were clarified. The lexical material reflects to a degree the historical realities of the ethnic groups in the period of the common Mongolian proto-language, and in a later period of the settlement of Mongolian clans and the formation of Mongolian languages. *Materials and methods.* The research

database comprises the data of dictionaries of the languages under study, as well as field material collected from informants during expeditions to Oirat groups in Western Mongolia. The main research methods are descriptive, comparative, comparative-historical, and continuous sampling. *Results.* The analysis helped identify both common Mongolian and specific terms characteristic of Kalmyk and Oirat of Mongolia, reflecting the nomadic lifestyle of pastoralists. *Conclusion.* The authors argue that the commonality of the traditional dwelling vocabulary in the languages in question indicates their common origin, as well as great antiquity of the Oirat clans' original material culture.

Keywords: common Mongolian vocabulary, dwelling, names of parts of a dwelling, Kalmyk language, Oirat language of Mongolia, Khalkha-Mongolian language, Buryat language, old-written Mongolian language

Acknowledgements. The reported study was funded by RFFR, project no. 19-512-44006 'Interaction of Languages in Multicultural Environment (Mongolic Languages): Comparative Analyses of Kalmyk, Oirat (Mongolia) and Buryat'.

For citation: Trofimova S. M., Balzhinimaeva B. B., Boktaeva V. L., Tuvshintogs B. Traditional Dwelling and Its Parts in Modern Kalmyk (Russia) and Oirat (Mongolia): A Comparative Study of Vocabularies. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 825–833. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-825-833

Введение

Письменный язык ойратов не отражал их живую речь, несмотря на то, что уже в XIII в. они имели свой разговорный язык. Научное монголоведение, как известно, зарождается в первой половине XIX в. в трудах Якова Шмидта, Александра и Алексея Бобровниковых, Александра Попова [Шмидт 1832; Бобровников 1835; Попов 1847; Бобровников 1849] и др., в которых описываются классический старописьменный монгольский язык на древнеуйгурской основе и калмыцкий язык на «тодо бичиг» («ясном письме»), созданный ойратским просветителем Зая-пандитой в середине XVII в.

В XX в. проводится работа по унификации языков для калмыков, бурят и монголов (халхов), в результате чего была введена кириллица. Монгольские народы Внутренней Монголии до сих пор используют на письме старописьменную монгольскую графическую систему, а ойратские племена, проживающие на территории Синьцзяна (КНР), — «ясное письмо». К сожалению, ойратские племена, проживающие в Западной Монголии, не имеют своей письменности и используют во всех сферах своей деятельности современный монгольский литературный язык на кириллице.

Большую актуальность имеет изучение лексического строя языков в сравнительном и сравнительно-историческом аспекте, это

имеет немаловажное научное значение для развития монгольских языков и позволит создать научную базу для написания исторических грамматик монгольских языков.

Что касается современного калмыцкого языка и его говоров, то они относительно хорошо изучены для того, чтобы начать сравнительно-историческое изучение. Данное исследование выполнено совместно с монгольскими партнерами в рамках научного проекта — при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Министерства образования и науки Монголии. Исследование представляется актуальным и ставит своей целью установить как общие черты, так и своеобразные черты между калмыцким языком и языком ойратов Монголии.

Путем сравнения элементов лексического состава калмыцкого языка с языком ойратов Монголии выявлено, что в этих языках сохраняется общемонгольский языковой пласт и общеойратские ареальные черты в лексическом строе [Рассадин, Трофимова, Шагдарсурэн, Болд, Даваасурэн 2010: 166–167]. В работе в соответствии с целью и ее задачами используется фактический материал из словарей по анализируемым языкам, полевой материал по ойратским диалектам, собранный во время поездок в Западную Монголию, и личные наблюдения авторов данной статьи.

Отдельные сведения по терминам традиционного жилища приводятся в работах [Эрдниев 1970; Эрендженев 1990; Пюрбеев 1996]. В этом ряду необходимо отметить работу на данную тему В. И. Рассадина и др. [Рассадин, Трофимова, Чулуунбаатар 2017]. Можно отметить близкие по тематике нашего исследования работы [Мазарчук 2017; Трофимова, Даваасурэн 2017; Бальжинимаева 2006; Бальжинимаева 2018].

Материалы и методы исследования

Фактический материал исследования методом сплошной выборки производился из словарей [БАМРС, 1 2001; БАМРС, 2 2001; БАМРС, 3 2001; БАМРС, 4 2002; Шагдаров, Черемисов, I 2010; Шагдаров, Черемисов, II 2010; КРС 1977; Пюрбеев 1996], а также использовались полевые записи, собранные у информантов во время поездок к западным монголам.

Анализ лексико-семантической группы «жилище и его части»

Традиционным жилищем монголоязычных народов была войлочная юрта: калм., ойр.М. *ишкэ гер* (х.-монг. *эсгий гэр*, бур. *һэеы гэр*), стпм. *isegei ger* [КРС 1977: 138; ПМА 2018; БАМРС, 1: 481; Шагдаров, Черемисов, II: 582], которая впервые упоминается в китайском источнике «Исторические записки» Сыма Цяня: в 629 г. до н. э. на востоке монгольские племена до хуннского периода жили в жилищах, имеющих форму шатра [Материалы по истории 1968: 142–143]. Кроме этого, в заметках средневековых путешественников сообщается еще об одном виде жилья под названием *гэрт тэрэг* ‘юрта-телега’. Кочевка с такими юртами-телегами, по мнению авторов заметок, выглядит величественно [Материалы по истории 1968: 142].

Названия, связанные с жилищем

Общим названием для современного калмыцкого языка и языка ойратов Монголии является: калм., ойр.М *гер* (х.-монг., бур. *гэр*), стпм. *ger* ‘дом’. Поскольку ойратские племена, как и все монгольские народы, вели кочевой, а позже некоторые из них сменили на полукочевой образ жизни, то в их языках имеются разные названия жилища, которые отличаются формой и материалом, например:

калм., ойр.М *ишкэ гер* (х.-монг. *эсгий гэр*, бур. *һэеы гэр*), стпм. *isegei ger* ‘войлочная юрта, юрта скотовода-кочевника’;

калм., ойр.М *модн гер* (х.-монг. *модон гэр*, бур. *модон гэр*), стпм. *modun ger* ‘деревянная изба, бревенчатый дом’;

калм., ойр.М *чолун гер* (х.-монг. *чулуун гэр*, бур. *шулуун гэр*), стпм. *čilaγun ger* ‘каменный дом’ [КРС 1977: 138; ПМА 2018; БАМРС, 1: 481; Шагдаров, Черемисов, I: 240].

По внешнему виду традиционного жилища *гер* можно определить имущественное благосостояние хозяина. Так, например, *цаһан гер* ‘белый дом’ был покрыт белой кошмой, принадлежал богачам, священникам или новобрачным. Подавляющее большинство семей имело *хар гер* ‘черный дом’, поскольку кошма, которой покрывалось традиционное жилище, с течением времени становилась закопченной и изнашивалась [КРС 1977: 138; ПМА 2018; БАМРС, 1: 481; Шагдаров, Черемисов, I: 240]. Многим беднякам приходилось жить в особом конусообразном *гер*, для обозначения этого понятия в анализируемых языках имеется несколько названий:

калм., ойр.М *жолм* ‘жоломейка (без решетчатых стенок), юрта из жердей и кошмы’ (х.-монг. *жолом*), в бурятском языке этот термин не зафиксирован, стпм. *jolom-a* ‘жоломейка’, юрта из жердей и кошмы без решетчатых стен’;

калм., ойр.М *уурц* ‘хижина, лачуга’; (х.-монг. *урц*, бур. *урс*), стпм. *uriča 1* ‘хижина; шалаш, остроконечный конический шалаш из кольев, крытый берестой’: *хаанд ордон*, *харцад урц* ‘хану — дворец, простолуди-ну — хижина; ~ всякой скотине свой хлев’; 2) ‘балаган’;

калм., ойр.М *деглэ гер* ‘юрта, кибитка (без дымового отверстия)’ [КРС 1977: 138].

Названия, связанные с частями жилища

Материал исследования показывает, что основные части традиционного жилища степняков-кочевников состоят из следующих терминов-наименований.

Калмыки и ойраты решётчатую стену своей кибитки называют *терм*, которая обычно состоит из шести-восьми складных решеток (*терм*), например: *нээмн термтэ хальмг ишкэ гер* ‘восьмистенная войлоч-

ная калмыцкая юрта'. В калмыцком эпосе «Джангар» встречаются гиперболизированные описания, например, *дөчн дөрвн термтэ, дөрвн миңгн уньта цаһан өргэ* 'большая белая юрта-дворец с сорока четырьмя решетчатыми стенами, с четырьмя тысячами жердей' (см.: [КРС 1977: 495–496]. Халха-монголы и буряты решетчатую стену называют: х.-монг. *хана(н)* '1) решетчатая стенка юрты; *арван таван толгойтой хана* 'решетчатая стенка юрты с пятнадцатью головками (верхними концами *ван ханатай гэр* 'пятистенная юрта'; 2) решетка на стене здания для штукатурки; 3) стена; 4) мишень [БАМРС, 4 2002: 36]; бур. *хана* 'стена, стенка', *һэые гэрэй хана* 'решетчатая стенка юрты'; *арбан табан тархитай хана* 'решетчатая стенка с пятнадцатью головками (верхними рогульками, которых в одной стенке насчитывалось 13–15 штук)' [Шагдаров, Черемисов, II 2010: 393], стпм. *qan-a*.

Бурятский материал показал, что решетчатые стены традиционного жилища бывают трех видов: 1) *зайдан хана* 'открытая стенка' (расстояние между просверленными в нескольких местах на одной палке дырочками — примерно 14–15 см), обычно в таких юртах с открытой стеной жила прислуга [Бальжинимаева 2006: 17]; 2) *түлгэ хана* 'досл.: стенка-баран-двухлеток' (расстояние между дырочками на стенной палке — около 10 см) [Бальжинимаева 2006: 17]; 3) *хурьган хана* 'досл. стенка-ягненок' (расстояние между дырочками — 6–7 см), в таких юртах жили зажиточные люди [Бальжинимаева 2006: 17]. Простолюдины обычно пользовались традиционным жилищем, которое называлось *түлгэ хана*.

Решетчатая стена традиционного жилища обычно скрепляется между собой с помощью калм., ойр. М *үдэр* 'крепление (в виде тонких кожаных ремней)', х.-монг. *үдээр* 'тонкие кожаные ремни (для скрепления составных частей решётчатой стены юрты; для прикрепления седельных досок к луке и т. д.)'. Например, *хадын үдэр* 'ременное скрепление жердей решеток стен юрты в месте соединения', бур. *үдөөри* 'ремешки для пристегивания (или прикрепления), кожаный шнур', *ханын үдөөри* (*ханын модонуудыг холбоходо үдэдэг, түүхэй арһа зүһэжэ хэһэннарин таһама* 'кожаные тесемки для скрепления реек стенки юрты') или *ханын үдөөри зангиланууд* (*һур таһа-*

мын нэгэ үзүүрыень нүхэлөөд, тэрэ нүхөөр нүгөө үзүүрыень гүлдируулан оруулаад, ханын модонуудай нүхэнүүдээрнь зосоо таллаһаань гаргажа зангидадаг 'кляпики на обеих сторонах стенных реек, чтобы тесемки не выдергивались') [Шагдаров, Черемисов, II 2010: 393], стпм. *üderi* 'тонкие кожаные ремни' (для скрепления составных частей решетчатой стены юрты, для прикрепления седельных досок к луке и т. д.) [БАМРС, 3 2001: 391].

В комплект обрешетки калм., ойр.М *герин модн* 'деревянный остов' входит несколько десятков жердей, обычно более 70, которые выполняют функцию стропил, х.-монг. *гэрийн араг мод* 'деревянный остов юрты' [КРС 1977: 138], бур. *һэые гэрэй модон* id. [Шагдаров, Черемисов, I 2010: 240].

калм., ойр.М *унын* 'унина, жердь (которой поддерживается верхний круг юрты)', например, *унь зуух* 'вставить жердь (в отверстие верхнего края юрты)', х.-монг. *унь* 'жердь (на которой поддерживается верхний круг юрты); своеобразные стропила (поддерживающие кровлю войлочной юрты); остов; обрешетка', например, *гэрийн унь* 'жерди юрты'; *унь өлгөх* 'вставить жердь в отверстие верхнего круга и закрепить ее в головках решетчатой стены'; *унины үхүр* 'пазы в дымовом круге, в которые вставляются верхние концы 'уни' [БАМРС, 3 2001: 338], бур. *уная* 'стропила (для юрты: своеобразные стропила, поддерживающие кровлю войлочной юрты и верхний ее круг)', стпм. *uni/unin* id. [БАМРС, 3 2001: 337].

Традиционное жилище *гер* состоит из двух кругов. Нижний круг или основание *гер* состоит из деревянных решетчатых стен в форме цилиндра, а верхний круг представляет форму тупого конуса:

калм., ойр.М *харач* 'матица, круг (юрты)': *харач өндэхлэ, өрк чигн өндэдг* 'когда поднимется матица кибитки, то поднимется и семья', в проклятии в чей-л. адрес *харачнь хамхртха* уст. 'да поломается матица его юрты!' [КРС 1977: 578], х.-монг. *тооно* '1) тон (круг верхнего отверстия юрты); дымовой круг юрты (через отверстие которого выходит дым)': *тооно босгох* 'открывать домовый круг', бур. *тооно* 'отверстие в крыше юрты, дымовой круг' (круг верхнего дымового отверстия юрты с поперечной и отходящими от нее радиальными спицами, на которые накладывалась для закрывания

войлочная шестиугольная крышка *үрхэ*: *тооноор утаан бурьяна* ‘через отверстие в крыше клубится дым’, *тооноо татаха* (*нээхэ*) ‘открывать домовый круг (потянув за волосяную веревку)’, стпм. *toyono* [БАМРС, 3 2001: 213].

Верхний круг традиционного жилища *гер* представляет собой деревянный круг, сделанный, как пишет У. Э. Эрдниев, «из отдельных (от 4 до 15, иногда больше) березовых дуг» [Эрдниев 1970: 127].

В верхней части каждой *тэрэм* делали по 10–18 гнезд, которые носили название: калм. *термин толһа* ‘верхние концы решетки кибитки’, х.-монг. *ханын толгой*, бур. *ханын тархи* ‘верхние концы решетчатых стенок юрты’, к которым прикреплялись при помощи кожаных ремешков из верблюжьей шерсти или конского волоса: калм., ойр.М *уньна салдрһ* ‘ремённая застежка’, х.-монг. *унийн сагалдрага* ‘петля, застежка у жерди (юрты)’, бур. *һагалдарга*, стпм. *unin-i sayaldurга* id [БАМРС, 3 2001: 67].

В основе круглого верха традиционного жилища находится четыре полуобруча калм., ойр.М *цаһрг* ‘перекладина-крестовина, поперечина дымника юрты’: *ишкэ герин харах деер кирслэд тэвсн нэрхн модд* ‘на верху дымника войлочной юрты закреплены тонкие крест накрест жердины’, х.-монг. *цагариг* ‘1. обруч, кольцо; круг, кружок, колесо; обод’, бур. *сахариг* ‘обруч, обод, ободья’, стпм. *čaγariγ* id [БАМРС, 4 2002: 244].

Через круг верхнего отверстия жилища проникает свет, и через него же выходит дым, например, калм., ойр.М *өрк*. ‘I. дымовое отверстие (в крыше кибитке), дымоход, дымник; II. четырехугольная кошма (прикрывающее дымовое отверстие в кибитке)’.

У. Э. Эрдниев пишет, что эта кошма представляет собой 4 угла или конца длинной 60–65 сантиметров [Эрдниев 1970: 128]; х.-монг. *өрх(өн)* ‘четырехугольная кошма, прикрывающее дымовое отверстие (дымник) юрты; покрывало дымника’, бур. *үрхэ* «1) дымовое отверстие (в крыше юрты), дымник; кошма, прикрывающая дымник», стпм. *erüke* [БАМРС, 3 2001: 44].

К концам этой четырехугольной кошмы прикрепляются четыре волосяные тесьмы, которые называются: калм. *бүч* ‘шнур, тесьма; лента’; в калмыцком эпосе властелину страны Бумба Джангару *ооср бүч уга ор цаган өркэ харһв* ‘встретился одинокий белый

дворец без тесьмы и привязок’, х.-монг. *хошлон* (*дээс*) ‘толстая тесьма, стяжка, которой опоясывается юрта; волосяная веревка’, *гэрийн хошлон* ‘опоясывающая юрту тесьма’, бур. *хошлон* ‘волосяные веревки’, стпм. *qošilang* id. [БАМРС, 4 2002: 122].

Для укрепления жилища внутри него ставили два столба для поддержания верхнего каркаса: калм., ойр.М *бахн* ‘столб, колонна; опорная балка’, х.-монг. *багана* ‘столб, столп, колонна, подпорка (на которую опирается юрта, палатка)’, бур. *багана* ‘столб, колонна; подпорка, подставка’, стпм. *baγana* id. [БАМРС, 1 2001: 208].

Дверной проем по-калмыцки называется *күңкрэ* ‘дверная часть (в решетке кибитки)’, это же слово находим и в языке ойратов Монголии, х.-монг., бур. *хүнхрээ* ‘прилегающие к двери части решетчатой стены юрты’ (обычно устанавливается между первой и последней решетчатыми стенами), стпм. *künger-e* id. [БАМРС, 4 2002: 289].

Дверной проем состоял из калм. *тотх* ‘притолока, косяк (двери)’, это слово зафиксировано в загадке *тотх деер тоһишин өрэл* ‘на косяке двери половина кренделя’ с отгадкой *луна*, х.-монг. *тотго* ‘притолока’, бур. *тотого* ‘притолока, косяк (двери)’, стпм. *totoγo* [БАМРС, 3 2001: 233].

В дверной проем также входил *эркн* калм., ойр.М ‘порог’, х.-монг. *эрхин* ‘порог’, бур. *эрхин* ‘дверная колода’ в значении ‘нижний косяк, порог юрты’. Кстати, в бурятской литературе имеются сведения о посвящении-инициации мальчиков у порога юрты: *эрхиндэхи улаан хурьган* (досл. ‘рыжий ягненок у косяка двери’) [Шагдаров, Черемисов, II 2010: 673]; стпм. *erkin* id, следует отметить, что нами зафиксирован синонимичный термин: калм., ойр.М *босха*, х.-монг. *босго*, бур. *богоһо*, стпм. *bosuγa* в значении «порог», высота которого обычно 20 см от земли [Шагдаров, Черемисов, II 2010: 549].

Далее термин ‘дверь’ — это одна из основных частей жилища, например, калм. *хасвчта үүдн* ‘створчатая дверь (калмыцкой кибитки)’, этот термин встречается в калмыцком эпосе: *мөңгн хасвчинь жиңнүлэс татад, барун эркнднь суув* ‘[Джангар], открыв серебряную двустворчатую дверь, сел у двери с правой стороны кибитки’, х.-монг. *хавтастай үүд* ‘створчатая дверь юрты’,

бур. *үүдэн* ‘1) дверь; ворота; 3) уст. кошма, закрывавшая вход в юрту’, стпм. *egüden*. По обычаю у некоторых монгольских народов дверь, как правило, обращена на юг или юго-восток.

После установки жилища его покрывали войлоком, который назывался: калм., ойр.М *деевр*, например: *хальмг герин ишкэ деевр* ‘верхнее кошмовое покрывало калмыцкой кибитки’, *деевр ишкэ делкэ бүтэжэ* (загадка) ‘верхнее кошмовое покрывало закрывало весь мир’ (отгадка — *цасн* ‘снег’) [КРС 1977: 193].

В словаре со ссылкой на эпос «Джангар» встречаем: *барсин арсар дееврлгсн Бумбин цаһан өргэ делдүлэд нутган цуглуул* ‘[Джангар], возведя белый дворец Бумбы, крытый шурами барсов, начал собирать свой народ и восстанавливать державу свою’ [КРС 1977: 193], х.-монг. *дээвэр*, бур. *дээбэри*, ‘войлочное покрывало (верхней части кибитки)’ [КРС 1977: 193].

Как правило, таких покрытий было четыре с общим названием: калм. *туурһ*, х.-монг. *туурга*, бур. *туурга*, стпм. *тууигуа* ‘войлочные стены’. В калмыцком языке, как отмечает У. Э. Эрдниев, каждое *турго* имело особое название: *барун турго* ‘правое турго’, *зун турго* ‘левое турго’, *көл турго* ‘ножное турго’, *деер турго* ‘верхнее турго’; далее прикреплялась так называемая ‘войлочная дверь’: калм. *үүдн/көшиг*, х.-монг. *гэрийн хөшиг*, бур. *һэеы үүдэн*, стпм. *köšige*; в конце поднималось войлочное покрытие: калм. *өрк*, х.-монг. *өрх*, бур. *урхэ*, стпм. *erüke*, которое закрывало дымовое отверстие.

мая ‘войлочная дверь’: калм. *үүдн/көшиг*, х.-монг. *гэрийн хөшиг*, бур. *һэеы үүдэн*, стпм. *köšige*; в конце поднималось войлочное покрытие: калм. *өрк*, х.-монг. *өрх*, бур. *урхэ*, стпм. *erüke*, которое закрывало дымовое отверстие.

Выводы

Приведенный обзор названий традиционного жилища и его частей у калмыков и ойратов Монголии (для сравнения приводился материал из халха-монгольского, бурятского и старописьменного монгольского языков) на предмет выявления терминов общемонгольского характера [Рассадин, Трофимова, Шагдарсүрэн, Болд, Даваасүрэн 2010: 143], специфических терминов, которые характерны для калмыцкого и языка ойратов Монголии, показывает большое разнообразие названий, которые созданы этими народами в течение их исторического развития. Все термины представлены в старописьменном монгольском языке.

Эта лексика активно и широко используется в языке ойратов, современном халха-монгольском языке в отличие от бурятского и тем более от калмыцкого языков, поскольку некоторая их часть до сих пор пользуется войлочными юртами как стационарным жилищем, так и транспортируемым жилищем при перекочевке на летние пастбища.

Сокращения

бур. — бурятский язык

калм. — калмыцкий язык

ойр.М — ойратский Монголии

х.-монг. — халха-монгольский язык

стпм. — старописьменный монгольский язык

Полевой материал авторов

ПМА 2018 — Пурэвжавын Мягмар, 1941 г. р. Запись в сумоне Давст (Увсунурский аймак, Монголия), 2018 г.

Литература

- Бобровников 1835 — *Бобровников Александр*. Грамматика монгольского языка, сочиненная Протоиереем Иркутской Епархии Александром Бобровниковым. СПб.: Тип. Святейшего правительствующего Синода, 1835. 128 с.
- Бобровников 1849 — *Бобровников Алексей*. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1849. 403 с.
- БАМРС, 1 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 1. А–Г /

Author's Field Data

Informant: Purevzhavyn Myagmar, b. 1941. Rec. in Davst (Uvs Province, Mongolia), 2018. (Oir.)

отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 486 с.

БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 2. Д–О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 507 с.

БАМРС, 3 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 3. О–Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 438 с.

БАМРС, 4 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. Т. 4. Х–Я /

- отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 501 с.
- Бальжинимаева 2018 — *Бальжинимаева Б. Д.* Традиционная ремесленная лексика в монгольских языках: сравнительно-исторический аспект. Элиста: ЗАОР НПП «Джангар», 2018. 198 с.
- Бальжинимаева 2006 — *Бальжинимаева Ц. Ц.* О некоторых названиях предметов материальной культуры в тункинском говоре бурятского языка // Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 111–123.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
- Мазарчук 2017 — *Мазарчук А. В.* Лексика по разделу «швейное производство» в монгольском языке // Сетевое востоковедение: образование, наука, культура. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 7–10 декабря 2017 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. С. 125–128.
- Материалы по истории 1968 — Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / предисл., перев. и прим. В. С. Таскина; отв. ред. Л. И. Думан. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. 177 с.
- Попов 1847 — *Попов А.* Грамматика калмыцкого языка. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1847. 392 с.
- Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Рассадин, Трофимова, Чулуунбаатар 2017 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М., Чулуунбаатар Л.* Общемонгольская лексика по разделу «традиционное жилище» в халхаском, бурятском и калмыцком языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2017. № 4 (32). С. 134–140.
- Рассадин, Трофимова, Шагдарсурэн, Болд, Даваасурэн 2010 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М., Шагдарсурэн Ц., Болд Л., Даваасурэн Б.* Историческая связь калмыцкого языка с языком ойратов Монголии. Элиста; Улан-Батор: Изд-во Калм. ун-та, 2010, 182 с.
- Трофимова, Даваасурэн 2017 — *Трофимова С. М., Даваасурэн Б.* Общемонгольская лексика по разделу «традиционная пища» в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках (на материале кулинарных рецептов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (123). С. 133–136.
- Шагдаров, Черемисов, I 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. Т. I. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2010. 636 с.
- Шагдаров, Черемисов, II 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. Т. II. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2010. 708 с.
- Шмидт 1832 — *Шмидт Я. И.* Грамматика монгольского языка / пер. с нем. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1832. 184 с.
- Эрендженов 1990 — *Эрендженов К. Э.* Золотой родник: о калмыцком народном творчестве, ремесле и быте / пер. с калм. А. Аквилева. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 125 с.
- Эрдниев 1970 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX – XX вв.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

References

- Balzhinimaeva B. D. Traditional Handicraft Vocabulary of Mongolic Languages: A Comparative Historical Perspective. Elista: Dzhanger, 2018. 198 p. (In Russ.)
- Balzhinimaeva Ts. Ts. Tunka dialect of Buryat: some names of cultural artifacts revisited. In: Mongolic Languages and Dialects of North-eastern Central Asia. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2006. Pp. 111–123. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 403 p. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. Grammar of Mongolian by Ven. Aleksandr Bobrovnikov, Protoiereus of Irkutsk Eparchy. St. Petersburg: Most Holy Governing Synod, 1835. 128 p. (In Russ.)
- Duman L. I. (ed.) Materials in Xiongnu History: Excerpts from Chinese Sources. V. Taskin (foreword, transl. etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1968. 177 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks, Late 19th – 20th Centuries: Essays in History and Ethnography. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 312 p. (In Russ.)
- Erendzhenov K. E. The Golden Spring. Zolotoy rodnik: Kalmyk Folklore, Handicrafts, and Traditional Household Activities. A. Akvilev (transl.). 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1990. 125 p. (In Russ.)
- Mazarchuk A. V. Clothing production related vocabulary of Mongolian. In: Network Oriental

- Studies — Education, Science, Culture. Conference proceedings (Elista; December 7–10, 2017). Elista: Kalmyk State University, 2017. Pp. 125–128. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)
- Popov A. Kalmyk Grammar. Kazan: Imperial Kazan University, 1847. 392 p. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 507 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ө–Ф. Moscow: Academia, 2001. 438 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 501 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. Traditional Household Activities of the Kalmyks: An Explanatory Dictionary. Elista: Kalmykia Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)
- Rassadin V. I., Trofimova S. M., Chuluunbaatar L. The Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk languages: common Mongolian lexis denoting the traditional home. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)* Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. 2017. No. 4 (32). Pp. 134–140. (In Russ.)
- Rassadin V. I., Trofimova S. M., Shagdarsuren Ts., Bold L., Davaasuren B. Kalmyk (Russia) and Oirat (Mongolia): Historical Linguistic Ties Reviewed. Elista, Ulaanbaatar: Kalmyk State University, 2010, 182 p. (In Russ.)
- Schmidt J. I. Mongolian Grammar. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1832. 184 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. Vol. I. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. Vol. II. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Trofimova S. M., Davaasuren B. Mongolian vocabulary on the topic ‘cooking recipes’ in Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk languages. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017. No. 10 (123). Pp. 133–136. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 834–846, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-25

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-834-846

Модели элементарных простых предложений со структурной схемой $(S) + N_{Acc} + V_F$ в обобщенно-личных пословицах башкирского языка (на материале фольклорного корпуса)

Зиннур Амирович Сиразитдинов¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0001-5619-5773. E-mail: sazin11@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Сиразитдинов З. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Современная филологическая наука выдвигает требование структурно-семантического подхода при исследовании языковых явлений. Но до сегодняшнего дня структурно-семантическое исследование башкирских пословиц с привлечением всего фонда данных паремий и выделением конечных типов моделей остается нерешенной задачей. *Целью* настоящей статьи является исследование моделей элементарных простых предложений со структурной схемой $(S) + N_{Acc} + V_F$. Рассматриваемая схема с объектом в винительном падеже является самой частотной. Аккузатив в башкирском языке является грамматическим средством оформления актанта как объекта прямого непосредственного воздействия. *Материалом* для данной работы послужили обобщенно-личные пословицы из базы данных в фольклорном корпусе Машинного фонда башкирского языка. Корпус содержит 354 пословичных выражений, выраженных обобщенно-личными предложениями, что составляет 73,5 % от численности всех односоставных глагольных пословиц. *Методом исследования* является предложенное новосибирскими синтаксистами структурное выделение элементарного простого предложения, включающего предикат и облигаторные актанты. Под синтаксической моделью понимается план содержания элементарного простого предложения, который определяется пропозицией. Структурная схема представляется планом выражения элементарного простого предложения. На данном этапе исследование ограничивается рассмотрением пословиц с простыми финитными глаголами. *Результаты.* Исследование выявило, что в рамках структурной схемы $(S) + N_{Acc} + V_F$ реализуются 8 моделей. Среди них модель физического воздействия на объект $[(S) + N_{Acc}^{Pat} + V_{Act}^F]$ является наиболее частотной, выявлено 62 пословичных выражения по данной модели. Каждая модель рассматриваемой структуры характеризуется присущим ей набором семантических ролей и типовым значением, при этом в подавляющем большинстве случаев

объектные актанты выступают в форме определенного аккузатива. *Выводы.* Синтаксические особенности, выделенные в конструкции данного типа пословичных выражений, с большой вероятностью проявятся в современном литературном языке и разговорной речи с более сложной синтаксической структурой.

Ключевые слова: башкирский язык, пословицы, синтаксис, простое предложение, обобщенно-личные предложения, структурная схема, модель, семантические роли

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Создание корпуса диалектных текстов башкирского языка» (номер госрегистрации: AAAA-A17-117040710023-4).

Для цитирования: Сиразитдинов З. А. Модели элементарных простых предложений со структурной схемой $(S) + N_{Acc} + V_F$ в обобщенно-личных пословицах башкирского языка (на материале фольклорного корпуса) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 834–846. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-834-846

Models of Elementary Simple Sentences with the Structure $(S) + N_{Acc} + V_F$ in Bashkir Generalized Personal Proverbs

Zinnur A. Sirazitdinov¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS

(71, Oktyabrya Ave, 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0001-5619-5773. E-mail: sazin11@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Sirazitdinov Z. A., 2021

Abstract. Introduction. Modern philological science associates with structural-semantic approaches to the study of linguistic phenomena. But so far, the structural-semantic study of Bashkir proverbs based on the entire corpus, as well as the identification of the final types of models has not been undertaken. The *purpose* of this article is to study models of elementary simple sentences of the structural type $(S) + N_{Acc} + V_F$. This type, with an object in the accusative case, is the most frequent one; the accusative in the Bashkir language is a grammatical means of formalizing the actant as an object of direct immediate impact. *Data and methods.* Generalized personal proverbs selected from the folklore database of the Machine Corpus of the Bashkir language were used as the research material. The proverb corpus contains 354 proverbial expressions representing generalized personal sentences, i.e., 73.5 percent of the total number of one-part verb proverbs. The research method consisted in isolating an elementary simple sentence, which includes a predicate and obligatory actants; the author draws here on the work of Novosibirsk syntax students. The syntactic model is understood as the content plane of an elementary simple sentence, which is determined by its proposition. The structural diagram represents the expression plane of an elementary simple sentence. At this stage, the study focuses on proverbs with simple finite verbs. *Results.* The study shows that 8 models are implemented within the structural scheme $(S) + N_{Acc} + V_F$. Of these the model of physical impact on the object $[(S) + N_{Acc}^{Pat} + V_F^{Act}]$ is the most frequent one, 62 proverbial expressions have been identified for this model. Each model of the structure in question is characterized by its inherent set of semantic roles and typical meaning, while in most cases, object actants act in the form of a certain accusative. *Conclusions.* The syntactic features characteristic of the construction of this type of proverbial expressions are likely to occur in modern literary language and colloquial speech with a more complex syntactic structure.

Keywords: Bashkir language, proverbs, syntax, simple sentence, generalized personal sentences, structural diagram, model, semantic roles

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Creating a Corpus of Bashkir Dialect Texts’ (state reg. no. AAAA-A17-117040710023-4).

For citation: Sirazitdinov Z. A. Models of Elementary Simple Sentences with the Structure $(S) + N_{Acc} + V_F$ in Bashkir Generalized Personal Proverbs. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 834–846. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-834-846

Введение

В последние годы в башкирской лингвистике наблюдается активность в исследовании пословичной паремии. Так в трудах языковедов затрагиваются темы лексико-семантических групп в пословицах [Хисамитдинова, Багаутдинова, Ягафарова 2013; Саньярова, Усманова 2018], лексических и грамматических особенностей национальной паремии [Валиева, Давлетшина 2015], когнитивных аспектов этнолингвистической интерпретации башкирской паремии в сравнительном аспекте [Шайхисламова 2015].

Отдельные вопросы синтаксиса пословиц рассмотрены в работе М. Х. Юсупова [Юсупов 1996], сравнительные аспекты синтаксиса башкирской паремии с турецким, русским и английским языками затронуты в диссертационных исследованиях И. Бинера и Э. М. Созиновой [Бинер 2004; Созинова 2006]. Эти описательные и сравнительные исследования раскрывают некоторые особенности синтаксического строя башкирской паремии.

Современная лингвистика выдвигает требование структурно-семантического подхода. В этом плане актуальной является работа по выявлению структурных типов и описанию семантических моделей башкирского простого предложения [Тикеев 2004], где в качестве иллюстрации отражены и материалы пословиц.

Структурно-семантический подход реализован в исследованиях глаголов каузации перемещения и аргументной структуры предложения при каузативных башкирских глаголах [Овсянникова 2017; Перехвальская 2017].

Но до сегодняшнего дня структурно-семантическое исследование башкирских пословиц с привлечением всего фонда данной паремии и выделением конечных типов моделей остается нерешенной задачей.

Системное описание предложений на основе моделирования имеет не только теоретический интерес, но и практическую значимость в разработке интеллектуальных автоматизированных систем [Большакова и др. 2017].

История вопроса

Работы по моделированию синтаксиса предложений в отечественной лингвистике были начаты в 1960-е гг. Так, лингвистами рассматривались вопросы структурных схем и моделирования русского предложения [Ломтев 1969; Шведова 1973; Золотова 1973; Белошапкова 1978]. Авторами термины «схема» и «модель» использовались как равнозначные.

С 80-х гг. прошлого столетия осуществлены модельные исследования по тюркским языкам [Ахматов 1983; Тыбыкова 1991; Кетенчиев 1993], и в русле такого подхода выполнена вышеупомянутая работа Д. С. Тикеева. В этих исследованиях не вводится понятие минимальной структурной схемы, что приводит к значительному увеличению объема структурных схем предложений.

Понятие минимальной структуры предложения является на сегодня общепринятым, однако существуют разные подходы к определению ее компонентов. Так, Н. Ю. Шведова не вводит в структурную схему конкретизаторы, считая их факультативными [Шведова 1973: 26].

Ряд авторов не соглашается с этим и считает, что структурная схема должна обладать и информативной достаточностью, которая во многом определяется сирконстантами. Ими в структурные схемы предлагается включать облигаторные обстоятельства [Распопов 1976: 65; Никитин 1988: 125; Аппоев 2014: 284].

С. А. Алексанова в разряд облигаторных вносит также и присловные темпоральные рапространители, относя к сирконстантам лишь обстоятельственные рапространители, не заполняющие глагольную валентность [Алексанова 2009: 97].

Представители новосибирской синтаксической школы вводят понятие элементарного простого предложения, включающего предикат и облигаторные актанты [Черемсина 1989: 9].

К облигаторным актантам, кроме предметных участников ситуации, относят и локальные рапространители при глаголах движения, перемещения, местонахождения

[Чугунекова 1998; Байжанова 2004; Ойноткина 2012]. Данная минимальная структура представляет собой элементарное простое предложение (ЭПП). Формализованное представление условными знаками ЭПП является структурной схемой предложения. Моделью предложения является заключенная в структурной схеме пропозиция [Черемисина 1998: 8]. Представители данной школы разграничивают понятия «модель» и «структурная схема».

Материалы и методы

Объектом исследования являются обобщенно-личные пословицы из базы данных в фольклорном корпусе Машинного фонда башкирского языка [Машинный фонд]. Состав и структура пословичной базы данных подробно описаны в одной из наших работ [Сиразитдинов и др. 2017].

В фольклорном корпусе башкирского языка численность односоставных глагольных пословиц составляет 481 единицу, доля обобщенно-личных пословиц составляет 73,5 % (354 единицы) [Бускунбаева, Сиразитдинов, Шамсутдинова 2018: 122].

В пословичных предложениях рассматриваемой группы двухактантные клаузы составляют большинство (191)¹. Такая же картина наблюдается среди родственных языков — в кумыкском и алтайском языках [Идрисова 2015: 12; Ойноткина 2012: 160]².

Анализ материала показывает, что большее количество обобщенно-личных пословичных предложений (63 %) имеет отрицательную форму глагола [Бускунбаева, Сиразитдинов, Шамсутдинова 2018: 123].

Обобщенно-личные пословичные выражения представлены глаголами в 2-х формах:

— глаголом императивом во 2-м лице единственного числа. Нами выделено 335 единиц (69,6 %). Такая частотность обусловлена, прежде всего, тем, что «в предложениях, содержащих умозаключение в отношении обобщенного лица, повелительное наклонение приобретает назидательный характер» [ГСБЛЯ 1981: 284], что наиболее близко к функциям самих пословиц;

¹ Указанная численность включает только пословицы с простыми финитными глаголами.

² Процентные данные вычислены нами по абсолютным данным, приведенным в монографическом исследовании [Ойноткина 2012].

— глаголом в форме 2-го лица единственного числа будущего неопределенного времени. Нами выделено всего 19 таких единиц. Такие пословицы, оформленные обобщенно-личными предложениями, выражают поучение, относящееся ко всем людям, но в тоже время имеют форму обращения к конкретному собеседнику.

Подробный анализ материала обобщенно-личных пословичных выражений из базы данных фольклорного корпуса дан в нашей совместной работе с Л. А. Бускунбаевой и Г. Г. Шамсутдиновой [Бускунбаева, Сиразитдинов, Шамсутдинова 2018].

При построении синтаксических структур и выделении синтаксических моделей пословичных предложений мы придерживаемся позиции новосибирских синтаксистов и под моделью понимаем план содержания ЭПП, который определяется пропозицией и представляется в виде набора местоимений *кто* и *что* в определенных падежах в сочетании с предикатом. Под структурной схемой понимаем план выражения ЭПП, представленный условными символами, отражающими морфологический способ выражения компонентов.

Полное представление о предложении должно учитывать все формы его членов, в частности, для сказуемых — синтетические и аналитические формы, включая и фразеологизмы. Соглашаясь с мнением М. И. Черемисиной о том, что на начальном этапе выявления и описания основных синтаксических моделей «нет необходимости привлекать к анализу такие сложные конструкции» [Черемисина 1989: 12], мы ограничиваемся рассмотрением пословиц с простыми финитными глаголами.

В башкирском языкознании отсутствуют словари валентностей, синтаксические значения структурных моделей и актантная структура башкирских глаголов также не были предметом специального изучения. Отдельные вопросы семантической классификации башкирского глагола освещены в некоторых трудах [Псянчин 1990; Усманова 2002].

Материалы этих работ и существующие словари башкирского языка используются в нашей работе при семантическом анализе предикатов и выделении пропозиций в пословичных выражениях. При моделировании учитываются вторичные, обусловленные контекстом значения предикатов.

Выбор обобщенно-личных пословиц объектом исследования определяется следующими факторами:

– наличием конечного числа клауз из потенциально возможных данного типа;

– закрепленностью типа субъектного актанта во всех изучаемых клаузах. В предложениях данного типа субъект хотя явно не указывается, но он присутствует в форме самого глагола. В «Русской грамматике» 1980 г. данный тип предложения не выделяется как особая структурная схема и рассматривается как неполная реализация двусоставного предложения ($N_1 - V_f$) [Русская грамматика 1980: 248]. Основанием для этого является возможность выражения обобщенно-личного значения и при наличии подлежащего «ты». В нашей работе в структурных схемах мы указываем субъект в скобках как неявно выраженный субъектный актант;

– с желанием выявления варьирования в языке типов предикатов и объектных актантов для случая, когда потенциальный объем пословичных высказываний и субъектов являются константами.

Анализ моделей элементарных простых предложений

В таблице 1 представлена статистика двухактантных структурных схем пословиц, выраженных ЭПП с финитными глаголами. Как видно из таблицы 1, схема $(S) + N_{Acc} + V_f$ с объектом в винительном падеже является самой частотной. Аккузатив в башкирском языке является грамматическим средством оформления актанта как объекта прямого непосредственного воздействия [ГСБЛЯ 1981: 138; Зайнуллин 2002: 44–45].

Таблица 1. Структурные схемы башкирских пословиц, выраженных двухактантными обобщенно-личными предложениями
[Table 1. Structural schemes of Bashkir proverbs in the form of two actant generalized personal sentences]

№	Структурная схема	ед.	%
1	$(S) + N_{Acc} + V_f$	117	62
2	$(S) + N_{Dat} + V_f$	51	26
3	$(S) + N_{Abl} + V_f$	14	7
4	$(S) + N_{instr} + V_f$	7	4
5	$(S) + N_{loc} + V_f$	2	1
Итого		191	100

Структурная схема $(S) + N_{Acc} + V_f$ отражает 117 двухактантных обобщенно-личных пословиц и является репрезентацией 8 моделей ЭПП, в которых получают выражения разные пропозиции. Каждая из этих моделей характеризуется собственным набором семантических ролей и типовым значением.

1. Модель физического воздействия на объект $[(S) + N_{Acc}^{Pat} + V_f^{Act}]$ (62)³ с пропозицией «кто на кого/что воздействует».

Глаголы, принадлежащие в целом к лексико-семантическому классу «действие», выражают действие агенса, направленного на пациенс с целью его создания, изменения или уничтожения [Кильдибекова 1983: 9].

М. Г. Усмановой выделены следующие семантические группы глаголов воздействия в башкирском языке: созидательной деятельности, глаголы со значением каузации (изменения, контакта, функциональных и посессивных отношений) объектов, отрицательного воздействия на объект, физиологического действия, глаголы познавательных процессов, глаголы звучания [Усманова 2002: 35–136].

В обобщенно-личных двухактантных пословицах рассматриваемой модели употребляются глаголы каузации изменения объектов (22)⁴, каузации функциональных отношений (14), отрицательного воздействия на объект (10), физиологического действия (5), каузации посессивных отношений (9), каузации контакта (2).

1.1. Каузация изменения объектов в пословицах выражается глаголами:

- изменения качественного признака предмета: *бушат* ‘ослаблять’, *ебар* ‘отпустить’, *хундер* ‘погасить’ и др.;
- изменения формы: *бөк* ‘сгибать’, *тура* ‘разрезать’, *кырк* ‘отрезать’, *кис* ‘разрезать’, *бес* ‘кроить’, *хук* ‘ковать’;
- изменения состояния одушевленного объекта: *уят* ‘будить’, *ебар* ‘отпустить’.

Пациенсами, на которые направлена каузация изменения свойств, выступают в основном материале исследования неоду-

³ Здесь и далее в скобках указаны количество пословиц с данной моделью.

⁴ Здесь и далее указанная в скобках цифра обозначает абсолютную частоту встречаемости в фольклоне корпусе.

шевленные конкретно-предметные и собирательные существительные и субстантив-

рованные формы. Например:

- (1) *Тимер-зе* *кызыу-ы-нда* *һук.*
железо-Асс горячий-PossP3Sg-Loc *һук. ImpP2Sg*

‘Куй железо пока горячо’.

1.2. Пословицы с глаголами каузации функциональных отношений выражают наделение субъекту на реализацию функционирования актантов согласно их предназначению. Употреблены глаголы: *әзерлә* ‘готовить’, *киптер* ‘сушить’, *йүгәнлә* ‘успокаивать’, *асра* ‘содержать, разводить’, *йыйна* ‘соби-

рать’, как ‘махать крылом’, *куй* ‘ставить, содержать’, *кузә* ‘разжигать’. В роли пациентов выступают как неодушевленные (*әз* ‘след’, *сәкмән* ‘чекмень’, *ут* ‘огонь, угли’, *канат* ‘крыло’, *кәрәк* ‘надобность’, *аяк* ‘нога’), так и одушевленные (*куркак* ‘трус’, *катын* ‘жена’, *мал* ‘скотина’) объекты.

- (2) *Төс* *бир-мәгән* *мал-ды* *асра-ма.*
вид дать-Pst.Ptcp скотина-Асс разводить-ImpP2SgNeg

‘Не разводил хилую скотину’.

1.3. В пословицах физиологического действия употребляются глаголы: *аша* ‘кушать’, *әс* ‘пить’, *сәйнә* ‘жевать’, *йот* ‘глотать’, *яла* ‘лизать’. В роли объектов воз-

действия в исследуемых пословицах выступают вещественные существительные *балык башы* ‘рыбья голова’, *төкөрөк* ‘слюна’, *һыу* ‘вода’, *таба* ‘сковорода’:

- (3) *Силәг-ен-ә* *карап* *һыу-ын* *әс.*
бадьа-PossP3Sg.Dat по вода-PossP3Sg.Acc пить-ImpP2Sg

‘Пей воду по бадье’.

1.4. Предикатами отрицательного воздействия на объект в пословицах выступают глаголы:

– повреждения тела живого существа и неодушевленного объекта (*йырт* ‘разорвать’, *һындыр* ‘сломать’, *серет* ‘сгноить’;

– нанесения удара (*дәмбәслә* ‘бить, дубасить’, *тукма* ‘избивать’, *түбәлә* ‘бить, колотить’);

– повреждения неодушевленного объекта:

- (4) *Тыу-маган* *тура* *алаша-ның* *бил* *һөйәг-е-н* *һындыр-ма.*
родиться-Pst. гнедой лошадь-Gen поясница кость-PossSgP3 сломать-
PtcpNeg -Асс ImpP2Sg.Neg

‘Не сломай хребет (букв. ‘поясничную кость’) нерожденному гнедому’.

1.5. В пословицах в роли предиката каузации посессивных отношений выступают глаголы:

– обозначающие ситуацию приобщения объекта к действующему лицу: *ал* ‘взять’,

һайла ‘выбрать’;

– выражающие результативное значение ‘претворить в жизнь, придерживаться’: *башкар* ‘осуществить’, *эшлә* ‘сделать’, *кыу* ‘придерживаться, следовать’:

- (5) *Зур* *эш-те* *әкрәнләп* *эшлә.*
важный работа-Асс медленно выполнять.ImpP2Sg

‘Важную работу выполняй медленно’.

⁵ Смысловой перевод.

⁶ Здесь имеется объект воздействия *вода* —вещественное существительное.

1.6. В пословицах в роли предиката каузации контакта субъекта и объекта употре-

блены глаголы *һыйна* ‘гладить’ и *так* ‘прицеплять’:

- (6) *Дуга-ң-а* *карап* *кыңгырау* *так.*
дуга-PossP2SgDat по колокольчик.Асс₀ прицепить.ImpP2Sg

‘По дуге и колокольчик прицепляй’.

В данной модели сказуемые в отрицательной форме глагола встречаются в 43 пословичных паремиях, в положительной форме — 19 случаях. Объектами воздействия в этих пословицах выступают как одушевленные (8), так неодушевленные (54) объекты.

2. Модель восприятия субъектом объек-

- (7) *Ялкау-зы* *ялан-да* *күр-мәс-һең.*
лентяй-Асс поле-Лос увидеть-Fut.IndfNeg.P2Sg

‘Лентя в поле не увидишь’.

Глаголы восприятия, кроме первичного значения восприятия с помощью внешних органов чувств, имеют и вторичное ментальное значение с актуализированными семами “понять”, “оценить” [Омельченко

та [(S) + N^{Perc}_{Асс} + V^{Perc}_р] с пропозицией “кто кого/что воспринимает” (10).

В реализации данной модели участвуют глаголы физического восприятия: *күр* ‘видеть’ (8), *кара* ‘смотреть’ (1), *тыңла* ‘слышать’ (1):

- (8) *Мактансык-тың* *өй-ө-н* *күр.*
хвастун-Gen дом-PossSgP3Acc видеть.ImpP2Sg

‘Оцени дом хвастуна’.

2004: 223]. В 8 пословицах находит отражение именно обусловленный контекстом ментальный процесс “понять, оценить *кого-то/что-то*”:

3. Модели речевого поведения субъекта [(S) + N^{obj}_{Асс} + V^{voc}_р] с пропозицией “кто что говорит” (7).

Данная модель реализуется глаголами: *һөйлә* ‘говорить’ (6), *әйт* ‘сказать, говорить’ (1), которые являются глаголами речи с общими значениями и обозначают нейтральный процесс в отличие от остальных глаголов речи с дифференциальными значениями, в которых отражаются эмоци-

ональное состояние и характер говорящего [Усманова 2002: 102].

Корпусные проекты башкирского языка показывают значительную активность употребления слова *әйтеү* по сравнению со словом *һөйләү*. В таблице 2 представлены частотные данные по трем корпусам. В академическом словаре башкирского языка у глагола *әйтеү* выделяются 15 значений, у глагола *һөйлә* — 6.

Таблица 2. Частота употребления слов в корпусах башкирского языка
[Table 2. Frequency of use of words in Bashkir language corpora]

Слово	Корпус прозы	Корпус публицистики	Корпус фольклора
<i>әйтеү</i>	62 876	25 447	4 702
<i>һөйләү</i>	29 152	11 507	1 676

Однако в наших материалах наблюдается обратная картина. Это связано с тем, что в пословицах превалирует назидание «не разглашать, не сплетничать». Значение «разглашать, распускать сплетни» является семантическим составляющим глагола *һөйлә*, который в пословицах употребляется в отрицательной форме (4). В роли объекта

выступают: *ишеткән бер һүз* ‘каждое услышанное слово’, *тузга язмаган* ‘неписанное на бересте’, *күңелгә килгән бер нәмә* ‘все что по душе’, *күзең менән күрмәгән* ‘не виденное воочию’. Данные актанты-объекты выполняют роль содержания речевого акта (см.: [Падучева 2004: 55]) и включают семантику «непроверенная информация»:

(9)	<i>Туз-га</i>	<i>яз-маган-ды</i>	<i>һөйлә-мә.</i>
	береста-Dat	писать-Pst.PtcpNegAcc	говорить.ImpP2Sg-Neg.

‘Не говори неписанное на бересте’.

Глагол *әйт* не имеет отрицательного компонента, он имеет более конкретную семантику, обозначает отдельную реплику или важный момент из общей речи [Усма-

нова 2002: 106]. Это отражается в пословице, где назидается о необходимости быть краткословным:

(10)	<i>Аз</i>	<i>һүз</i>	<i>менән</i>	<i>күп-те</i>	<i>әйт.</i>
	малый	слово.Асс	с	много-Асс	говорить.ImpP2Sg

‘Выскажи о многом кратко’.

4. Модель речевого воздействия на объект $[(S) + N^{pat}_{Acc} + V^{voc}_r]$ с пропозицией “кто кого учит” (2). Данная модель реализуется в двух пословицах с глаголом *өйрәт* и пациенсом *бала* ‘ребенок’, которые являются си-

нонимичными и отличаются друг от друга в материале исследования сирконстантами: *йәштән* ‘смолоду’ и *бишектән* ‘с колыбели’:

<i>Бала-ны</i>	<i>йәштән</i>	<i>өйрәт.</i>
ребенок-Асс	смолоду	учить.ImpP2Sg

‘Учи ребенка смолоду’.

5. Модель оценки субъектом объекта $[(S) + N^{pat}_{Acc} + V^{ment}_r]$ с пропозицией “кто оценивает что/кого” (9).

Пропозиция оценки в пословицах реализуется глаголами оценки (*макта* ‘хвалить’, *һына* ‘испытывать’, *хурла* ‘охаивать’), паци-

енсами при которых выступают одушевленные (*кеше* ‘человек’, *ат* ‘лошадь’, *яман* ‘нехороший’, *дошман* ‘враг’, *айгыр* ‘жеребец’) и неодушевленные (*иртә* ‘утро’, *аш* ‘пища’) объекты:

(12)	<i>Ай-һыз</i>	<i>ат-ың</i>	<i>макта-ма.</i>
	месяц-Abs	лошадь-PossSgP2.Acc ₀	хвалить.ImpP2Sg-Neg

‘Раньше времени не хвали лошадь’.

6. Модель ментального поведения субъекта $[(S) + N^{del}_{Acc} + V^{ment}_r]$ с пропозицией “кто что знает/понимает/думает/забыл” (21).

В эту модель объединены пословицы с глаголами интеллектуальной деятельности: *бел* ‘знать’, *уйла* ‘думать’, *аңла* ‘понимать’, *кайгырт* ‘заботиться, думать’, *онот* ‘забыть’ с семами “знание”, “понимание”, “осмысление”, “забывание”.

Делиберативами в пословицах выступают в основном отвлеченные немотивированные существительные (*кәзер* ‘цена’, *якшылык* ‘благодетель’, *белем* ‘знание’,

каза ‘беда’, *кайгы* ‘горе’, *ахыр* ‘конец’, *азак* ‘конец’). Из немотивированных субстантивированных употреблены имена действия *һатыу* ‘продажа’, *сыгыу* ‘выход’ и субстантивация причастия *бирер* (*биререңде*) в значении «возврат долга».

В пословицах в большей степени получается знать и помнить о хорошем. Отрицательная форма глагола употребляется только в двух случаях, где назидается не забывать добро и о невозможности предугадать грядущее:

(13) <i>Килер</i>
приходящий | <i>каза-ны</i>
бедствие-Асс | <i>бел-мәс-һең.</i>
знать-Fut.IndfNegP2Sg |
|---------------------------------|--------------------------------|--|
- ‘Не предугадаешь бедствие заранее’.

7. Модель психологического воздействия субъекта на объект $[(S) + N_{Acc}^{pat} + V_{psych}]$ с пропозицией “кто кого пугает” (2).

(14) <i>Бүрек</i>
шапка-Асс ₀ | <i>бәр-еп</i>
кинуть-GerI | <i>бүре-не</i>
волк-Асс | <i>куркым-ма.</i>
испугать.ImpP2Sg-Neg |
|---|------------------------------|----------------------------|---|
- ‘Волка не испугаешь, закидав шапкой’.

(15) <i>Кабык</i>
лыко.Асс ₀ | <i>һуғ-ып</i>
колотить-GerI | <i>бесәй</i>
кошка.Асс ₀ | <i>өркөт-мә.</i>
пугать.ImpP2Sg-Neg |
|--|--------------------------------|--|--|
- ‘Колотя лыко, кошку не испугаешь’.

Употребление определенной формы аккузатива в первом случае определяется тем, что речь идет конкретно о волке, а во втором случае объект *кошка* оформляется неопределенным каузативом. Форма аккузатива в башкирском языке, кроме выражения неопределённости прямого объекта, позволяет создавать значение общности [Абдуллина 2008: 102], и в данной поговорке она выступает как обобщение всех животных малого размера и кроткого нрава.

(16) <i>Дан-ың-ды</i>
слава-PossSgP2Acc | <i>йәштән</i>
смолоду | <i>һакла.</i>
беречь.ImpP2Sg. |
|--|--------------------------|----------------------------------|
- ‘Береги славу смолоду’.

Ожидание представляет явление, включающее в себя, помимо признаков состояния и процесса, также признаки прогнозирования и желательности чего-либо [Чебышев 2017: 8].

(17) <i>Сәйнә-п</i>
разжевать-GerI | <i>каптыр-ған-ды</i>
положить (в рот)-Pst.PtcpAcc | <i>көт-мә.</i>
ждать.ImpP2Sg-Neg |
|---------------------------------------|--|-------------------------------------|
- ‘Не жди, когда разжевав, положат в рот’.

Заключение

Структурная схема элементарного простого предложения $(S) + N_{Acc} + V_f$ является самой частотной среди обобщенно-личных пословиц с финитным глаголом, поскольку эта структурная схема является базовой в реализации представления о действии с указанием самого глагола и двух необходимых участников: субъекта и объекта в аккузативе [Черемисина, Озонава, Тазранова 2008: 121].

Пропозиция психологического воздействия реализуется глаголами *куркым* ‘пугать’ и *өркөт* ‘напугать внезапно’, пациентами выступают объекты животные:

8. Модель социального отношения к объекту $[(S) + N_{Acc}^{obj} + V_{social}]$ с пропозицией “кто кого/что защищает/надеется” (4).

Пропозиция социального отношения в пословицах выражается глаголами *һакла* ‘хранить, беречь’ (3) и *көт* ‘ждать’ (1). Актантами при глаголе *һакла* выступают абстрактные слова (*һамыс* ‘честь’ и *дан* ‘слава’), конкретное существительное *юлдаш* ‘спутник’:

В академическом словаре башкирского языка для глагола *көт*, кроме основного значения “ожидать кого/что”, также отмечено значение “надеяться на кого/что”, которое реализуется в пословице:

В рамках данной структурной схемы реализуются 8 моделей. Каждая модель характеризуется собственным набором семантических ролей и типовым значением. Отметим, что в подавляющем большинстве случаев объектные актанты выступают в форме определенного аккузатива.

Рассматриваемая схема ЭПП является простым типом синтаксических конструкций и можно предположить, что синтак-

сические особенности, выделенные в конструкции данного типа, с большой вероятностью проявятся в современном литературном языке и разговорной речи с более сложной синтаксической структурой.

Поскольку в статье моделирование осуществляется на базе элементарных простых

предложений, то вопрос об атрибутах и необлигаторных сирконстантах не рассматривается. Эти конститuentы являются важными для пословичных высказываний, определяющими их прагматическую нагрузку. Освещение их ролей в рамках выделенных моделей является отдельной задачей.

Сокращения, использованные в статье при глоссировании

Abs — категория лишительности
Acc — аккузатив определенной формы
Dat — датив
Fut.Indf — будущее неопределенное время
Gen — генитив
Ger1 — деепричастие на -n
Ger2 — деепричастие на -гас/-гэс
Imp — императив
Instr — инструментатив (инструменталис)
Loc — локатив
Loc.Atr — категория атрибутивного локатива (с аф. -дагы/-дәге)

N₁ — объектный актант (имя в номинативе)
Neg — аффикс глагольного отрицания
Pl — показатель множественного числа
P2 — показатель 2-го лица
P3 — показатель 3-го лица
Poss. Atr — категория притяжательности (с аф. -дыкы/-деке)
Poss — категория принадлежности
Pst.Ptcp — причастие, прошедшего неопределенного времени
S — субъектный актант
Sg — показатель единственного числа
Vf — финитный глагол

Литература

- Абдуллина 2008 — Абдуллина Г. Р. Словоизменение башкирского языка. Уфа: Гилем, 2008. 124 с.
- Алексанова 2009 — Алексанова С. А. Обстоятельственные распространители в структуре простого предложения // Вестник Адыгейского университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2009. № 1. С. 93–98.
- Аппоев 2014 — Аппоев А. К. Семантическая структура паремических высказываний в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 281–290.
- Ахматов 1983 — Ахматов И. Х. Структурно-семантические модели предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик: Эльбрус, 1983. 360 с.
- Байжанова 2004 — Байжанова Н. Р. Модели элементарных простых предложений в алтайском языке: структурная схема ЭПП N₁-V_f. Новосибирск: Наука, 2004. 176 с.
- Белошапкина 1978 — Белошапкина В. А. Минимальные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. 1978. № 5. С. 55–59.
- Бинер 2004 — Бинер Имет Особенности языка и стиля пословиц и поговорок в башкирском и турецком языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 28 с.
- Большакова и др. 2017 — Большакова Е. И., Воронцов К. В., Ефремова Н. Э., Клышинский Э. С., Лукашевич Н. В., Сапин А. С. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. 269 с.
- Бускунбаева, Сиразитдинов, Шамсутдинова 2018 — Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А., Шамсутдинова Г. Г. Типы односоставных предложений в пословичном фонде башкирского языка (на материале фольклорного корпуса) // Oriental studies. 2018. № 6 (40). С. 120–129. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-40-6-120-129>
- Валиева, Давлетшина 2015 — Валиева Г. Д., Давлетшина А. Х. Лексические и грамматические особенности пословиц и поговорок // Наука и образование в современном мире. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Караганда: Болашак, 2015. С. 62–63.
- ГСБЛЯ 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1981. 495 с.
- Зайнуллин 2002 — Зайнуллин М. В. Современный башкирский язык. Морфология (на башкирском языке). Уфа: Изд-во БГУ, 2002. 387 с.
- Золотова 1973 — Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
- Идрисова 2015 — Идрисова П. Г. Синтаксис кумыкских пословиц и поговорок: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 27 с.

- Кетенчиев 1993 — *Кетенчиев М. Б.* Формально-семантические модели именных предложений в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик: Изд-во КБГУ, 1993. 80 с.
- Кильдибекова 1983 — *Кильдибекова Т. А.* Структура поля глаголов действия. Уфа: Изд-во БГУ, 1983. 76 с.
- Ломтев 1969 — *Ломтев Т. П.* Принципы построения формулы предложения // *Филологические науки*. 1969. № 5. С. 56–68.
- Машинный фонд — Машинный фонд башкирского языка [электронный ресурс] // URL: <http://mfbl2.ru/> (дата обращения: 17.05.2021).
- Никитин 1988 — *Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
- Овсянникова 2017 — *Овсянникова М. В.* Глаголы каузации перемещения к цели в башкирском языке // *Acta linguistica petropolitana* / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 1. СПб.: Наука, 2017. С. 179–230.
- Ойноткинова 2012 — *Ойноткинова Н. Р.* Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров / отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2012. 354 с.
- Омельченко 2004 — *Омельченко С. Р.* Функционально-семантическая характеристика русских ментальных глаголов [электронный ресурс] // *Известия Уральского государственного университета*. 2004. № 31. С. 217–229.
- Падучева 2004 — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Перехвальская 2017 — *Перехвальская Е. В.* Каузативные конструкции в башкирском языке // *Acta linguistica petropolitana* / отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 1. СПб.: Наука, 2017. С. 231–254 с.
- Псянчин 1990 — *Псянчин Ю. В.* Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1990. 21 с.
- Распопов 1976 — *Распопов И. П.* Что же такое структурная схема предложения? // *Вопросы языкознания*. 1976. № 2. С. 65–70.
- Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика*. Т. 2. Синтаксис / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 709 с.
- Саньярова, Усманова 2018 — *Саньярова Р. Р., Усманова Н. Г.* Лексика водного ландшафта в башкирском языке на примере фразеологизмов и пословиц // *Современные научные исследования и разработки*. 2018. № 9 (26). С. 362–364.
- Сиразитдинов и др. 2017 — *Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Ишмухаметова А. Ш., Шамсутдинова Г. Г.* О подкорпусе афористических жанров башкирского фольклора // *Пятая международная конференция по компьютерной обработке тюркских языков «TURKLANG-2017»*. Труды конференции. В 2 т. 2017. Казань: Изд-во АН РТ, 2017. С. 329–335.
- Созинова 2006 — *Созинова Э. М.* Общее и специфическое в паремиях-эквивалентах: (на материале башкирского, русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 23 с.
- Тикеев 2004 — *Тикеев Д. С.* Основы синтаксиса современного башкирского языка. М.: Наука, 2004. 312 с.
- Тыбыкова 1991 — *Тыбыкова А. Т.* Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск: изд-во НГУ, 1991. 228 с.
- Усманова 2002 — *Усманова М. Г.* Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка. Уфа: РИЦ БашГУ, 2002. 212 с.
- Хисамитдинова, Багаутдинова, Ягафарова 2013 — *Хисамитдинова Ф. Г., Багаутдинова М. И., Ягафарова Г. Н.* Цветообозначения в пословицах башкирского языка // *Пословичная концептуализация отдельных фрагментов картины мира в башкирском языке*. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 61–68.
- Чебышев 2017 — *Чебышев Ф. А.* Семантика ожидания и средства её выражения в русском языке: автореф. канд. дисс. ... филол. наук. Пермь, 2017. 24 с.
- Черемисина 1998 — *Черемисина М. И.* Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // *Языки коренных народов Сибири*. Новосибирск: Изд-во ИФЛ СО РАН, 1998. Вып. 4. С. 3–31.
- Черемисина 1989 — *Черемисина М. И.* О теоретических вопросах модельного описания предложения // *Предложение в языках Сибири*. Новосибирск: Наука, 1989. С. 3–18.
- Черемисина, Озонова, Тазранова 2008 — *Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р.* Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Любава, 2008. 205 с.
- Чугунекова 1998 — *Чугунекова А. Н.* Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998. 20 с.

- Шайхисламова 2015 — Шайхисламова З. Ф. Некоторые когнитивные аспекты этнолингвистической интерпретации паремииологии тюркских языков (на материале башкирских и казахских пословиц и поговорок) // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 202–209.
- Шведова 1973 — Шведова Н. Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопросы языкознания. 1973. № 4. С. 25–36.
- Юсупов 1996 — Юсупов М. Г. Синтаксическая структура башкирских пословиц (на башкирском языке). Стерлитамак: Изд-во СГПИ, 1996. 75 с.
- References**
- Abdullina G. R. Bashkir Inflection. Ufa: Gilem, 2008. 124 p. (In Russ.)
- Akhmatov I. Kh. Structural and Semantic Sentence Patterns in Modern Karachay-Balkar. Nalchik: Elbrus, 1983. 360 p. (In Russ.)
- Aleksanova S. A. Adverbial distributors in simple sentence structure. *The Bulletin of the Adyghe State University, the Series 'Philology and the Arts'*. 2009. No. 1. Pp. 93–98. (In Russ.)
- Appoev A. K. Semantic structure paremiches statements in Karachay-Balkar language. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2014. No. 2. Pp. 281–290. (In Russ.)
- Bayzhanova N. R. Elementary Simple Sentence Patterns in Altaian: The Structural Scheme $ESS N_f V_f$. Novosibirsk: Nauka, 2004. 176 p. (In Russ.)
- Beloshapkova V. A. Minimal structural schemes of Russian sentence. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1978. No. 5. Pp. 55–59. (In Russ.)
- Biner I. Proverbs and Sayings in Bashkir and Turkish: Lexical and Stylistic Features Reviewed. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ufa, 2004. 28 p. (In Russ.)
- Bolshakova E. I., Vorontsov K. V., Efremova N. E., Klyshinsky E. S., Lukashevich N. V., Sapin A. S. Automated Natural Language Processing and Data Analysis. Moscow: HSE University, 2017. 269 p. (In Russ.)
- Buskunbaeva L. A., Sirazitdinov Z. A. Shamsutdinova G. G. Types of one-member sentences in proverbial fund of the Bashkir language (on materials of folk corpora). *Oriental Studies*. 2018. No. 6 (40). Pp. 120–129. (In Russ.) DOI: 10.22162/261909902018406120129
- Chebyshev F. A. Semantics of Expectation and Means of Its Expression: A Case Study of the Russian Language. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Perm, 2017. 24 p. (In Russ.)
- Cheremisina M. I. Model description of sentence: Theoretical issues revisited. In: *Sentence in Siberian Languages*. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 3–18. (In Russ.)
- Cheremisina M. I. Simple sentence in Siberia's languages: Research outcomes. In: *Indigenous Siberian Languages*. Novosibirsk: Institute of Philology (Sib. Branch of RAS), 1998. Vol. 4. Pp. 3–31. (In Russ.)
- Cheremisina M. I., Ozonova A. A., Tazranova A. R. *Turkic Languages of South Siberia: Elementary Simple Sentence with Verbal Predicate*. Novosibirsk: Lyubava, 2008. 205 p. (In Russ.)
- Chugunekova A. N. Verbs of Motion and Derived Simple Sentence Patterns: A Case Study of the Khakass Language. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Novosibirsk, 1998. 20 p. (In Russ.)
- Idrisova P. G. Syntax of Kumyk Sayings and Proverbs. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2015. 27 p. (In Russ.)
- Ketenchiev M. B. Nominal Sentences in Modern Karachay-Balkar: Formal Semantic Patterns Analyzed. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 1993. 80 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G., Bagautdinova M. I., Yagafarova G. N. Color terms in Bashkir proverbs. In: *Proverbial Conceptualization of Some Aspects Inherent to the Bashkir View of the World*. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Research Centre of RAS), 2013. Pp. 61–68. (In Russ.)
- Kildibekova T. A. Action Verbs: Semantic Field Structure. Ufa: Bashkir State University, 1983. 76 p. (In Russ.)
- Lomtev T. P. Sentence formula: structural essentials. *Filologicheskie nauki*. 1969. No. 5. Pp. 56–68. (In Russ.)
- Nikitin M. V. Linguistic Theory of Meaning: Fundamentals Reviewed. Moscow: Vysshaya Shkola, 1988. 168 p. (In Russ.)
- Omelchenko S. R. Russian mental verbs: Functional semantic characteristics. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2004. No. 31. Pp. 217–229. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/23834/1/iurg-2004-31-17.pdf> (accessed: May 17, 2021). (In Russ.)
- Online Corpora of the Bashkir Language. Available at: <http://mfbl2.ru/> (accessed: May 17, 2021). (In Bash.)
- Ovsyannikova M. V. Verbs of caused motion to goal in Bashkir. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. XIII. No. 1. Pp. 179–230. (In Russ.)

- Oynotkinova N. R. Altaian Sayings and Proverbs: Poetics and Pragmatics of Genres. O. Laguta (ed.). Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2012. 354 p. (In Russ.)
- Paducheva E. V. Dynamic Patterns in Lexical Semantics. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2004. 608 p. (In Russ.)
- Perekhval'skaya E. V. Causative constructions in Bashkir. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. XIII. No. 1. Pp. 231–254. (In Russ.)
- Psyanchin Yu. V. Bashkir Verbs of Motion: The Lexical Semantic Field Reviewed. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Baku, 1990. 21 p. (In Russ.)
- Raspopov I. P. What is sentence structural scheme? *Voprosy Jazykoznanija*. 1976. No. 2. Pp. 65–70. (In Russ.)
- Sanyarova R. R., Usmanova N. G. The lexicon of water landscape in the Bashkir language on the example of phraseological units and proverbs. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 2018. No. 9 (26). Pp. 362–364. (In Russ.)
- Shaikhislamova Z. F. Some cognitive aspects of ethnolinguistic interpretation of paremiology of the Turkic languages (based on Bashkir and Kazakh proverbs and adages). *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2015. Vol. 20. No. 1. Pp. 202–209. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. Russian Grammar. Vol. 2: Syntax. Moscow: Nauka, 1980. 709 p. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. Structural schemes of simple sentence and its paradigms: Some controversial issues revisited. *Voprosy Jazykoznanija*. 1973. No. 4. Pp. 25–36. (In Russ.)
- Sirazitdinov Z. A., Buskunbaeva L. A., Ishmukhametova A. Sh., Shamsutdinova G. G. The sub-corpus of Bashkir aphoristic folklore genres revisited. In: TURKLANG–2017. Conference proceedings. In 2 vols. 2017. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 2017. Pp. 329–335. (In Russ.)
- Sozinova E. M. Common and Specific Features of Equivalent Paroemias: A Case Study of Bashkir, Russian, and English. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ufa, 2006. 23 p. (In Russ.)
- Tikeev D. S. Fundamentals of Modern Bashkir Syntax. Moscow: Nauka, 2004. 312 p. (In Russ.)
- Tybykova A. T. Studies in Altaian Syntax: Simple Sentence. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1991. 228 p. (In Russ.)
- Usmanova M. G. Functional Semantic Classification of Bashkir Verbs. Ufa: Bashkir State University, 2002. 212 p. (In Russ.)
- Valieva G. D., Davletshina A. Kh. Lexical and grammatical peculiarities of sayings and proverbs. In: Science and Education in Contemporary World. Conference proceedings. Karaganda: Bolashak, 2015. Pp. 62–63. (In Russ.)
- Yuldashev A. A. (ed.) Grammar of Modern Standard Bashkir. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (In Russ.)
- Yusupov M. G. Syntactic Structure of Bashkir Proverbs. Sterlitamak: Sterlitamak State Pedagogical Institute, 1996. 75 p. (In Bash.)
- Zaynullin M. V. Modern Bashkir Morphology. Ufa: Bashkir State University, 2002. 387 p. (In Bash.)
- Zolotova G. A. An Essay in Russian Functional Syntax. Moscow: Nauka, 1973. 351 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 847–857, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-847-857

Особенности бурятских вариантов Гэсэриады

Людмила Санжибоевна Дампилова¹, Эржена Баировна Аюшеева²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-1407-505X. E-mail: erzhenal406@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Дампилова Л. С., Аюшеева Э. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено анализу бурятских вариантов Гэсэриады с целью выявления их локальных особенностей. В статье дан подробный обзор не только опубликованных текстов бурятских версий Гэсэриады, но и рукописей, хранящихся в архивах Бурятии. Впервые в отечественном эпосоведении системно исследуются региональные версии Гэсэриады как закономерный этап для дальнейших сравнительных исследований генезиса и трансформации эпических традиций в центральноазиатской Гэсэриаде. *Методы.* В работе используются сравнительно-исторический и сопоставительный методы анализа. В качестве основного использован сравнительный метод, который дает возможность сопоставить варианты эпических произведений, различающихся по месту и времени бытования. *Результаты и обсуждение.* Дана характеристика вариантов изданных аутентичных текстов эхирит-булагатской и унгинской версий эпосов о Гэсэре. Систематизированы и определены особенности архивных вариантов каждого нарратива. Сопоставлены выводы ученых-эпосоведов относительно сюжетного состава, персонажного ряда каждого отдельно взятого текста и установлены особенности бурятских версий Гэсэриады. *Заключение.* Авторы констатируют близость унгинских версий монгольским вариантам, при этом отмечая обособленность эхирит-булагатской версии как в композиционном, так и в сюжетно-тематическом отношении. Отмечена вступительная часть улигера — мифологический пролог с шаманским пантеоном божеств как характерная только для бурятских версий Гэсэриады. Также определено минимальное влияние буддийского фактора в западнобурятской версии, куда буддизм почти не проник во время широкого бытования эпоса. Не менее значимы выявленные контаминации общемонгольских улигерных традиций с характерными мотивами центральноазиатского эпоса. Установленные

особенности локальных версий Гэсэриады позволяют расширить представление о специфике национального эпоса как одного из главных проявлений традиционной культуры.

Ключевые слова: бурятский фольклор, Гэсэриада, эхирит-булагатская традиция, унгинская версия, монгольская версия, пекинская версия, бурятский эпос, особенности

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6).

Для цитирования: Дампилова Л. С., Аюшеева Э. Б. Особенности бурятских вариантов Гэсэриады // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 847–857. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-847-857

The Epic of Geser: Local Features of Buryat Versions Reviewed

Ludmila S. Dampilova¹, Erzhen B. Ayusheeva²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-1407-505X. E-mail: erzhenal406@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Dampilova L. S., Ayusheeva E. B., 2021

Abstract. Introduction. The article *aims* to analyze Buryat versions of the epic *Geser* to identify their local features. It includes a detailed review not only of published texts, but also of manuscripts stored in the archives of Buryatia. For the first time, the regional versions of *Geser* are systematically examined as a necessary stage for further comparative studies of the genesis and transformation of epic traditions in Central Asia. **Methods.** The work uses comparative-historical and comparative methods of analysis. Of these, the latter was of key importance in comparing the versions of the epic that differ in terms of the place of their origin and temporal parameters. **Results and discussion.** The analysis began with a detailed discussion of published authentic texts of *Geser* represented by the *Ekhirit-Bulagat* and *Ungin* versions. Then, the features of archival versions of the epic are systematized and defined. The previous work on the plot composition and characters of each individual text is thoroughly compared to finally identify the features of the Buryat versions of the epic. **Conclusion.** The authors argue that the Ungin versions are quite close to the Mongolian ones, while the *Ekhirit-Bulagat* version, in their opinion, stands apart both in terms of their composition and themes. The introductory part of the *uliger*, a mythological prologue with a shamanic pantheon of deities, is characteristic only of the Buryat versions of *Geser*. Also, as far as the Western Buryat version is concerned, it may be pointed out that the influence of Buddhist teachings, which were not widespread in the heyday of the epic, was minimum. Of relevance are also the contaminations of the common Mongolian storytelling traditions with the characteristic motifs of the Central Asian epic. The identification of specific features of the local versions of *Geser* may expand our understanding of the specifics of the national epic as one of the main manifestations of traditional culture.

Keywords: Buryat folklore, Geser epic, Ekhirit-Bulagat tradition, Ungin version, Mongolian version, Beijing version, Buryat epic, features

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 ‘Peoples of the Baikal: Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts’.

For citation: Dampilova L. S., Ayusheeva E. B. The Epic of Geser: Local Features of Buryat Versions Reviewed. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 847–857. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-847-857

Введение

По исследованиям отечественных и зарубежных фольклористов существующие версии Гэсэриады во всей Центральной Азии имеют эпическую общность и свои отличительные особенности. В монгольском мире сохранилось наибольшее количество эпических текстов, которые бытовали в устной форме вплоть до XX в., когда началось систематическое собирание эпического фольклора монгольских народов, связанное с именами Г. Н. Потанина и М. Н. Хангалова [Неклюдов 1984: 11].

Благодаря эпическим произведениям, зафиксированным в разное время и в разных ареалах, сохранился образный и богатый эпический язык, а также информация об особенностях этнической культуры, мифологические архетипы и поэтические традиции разных народов. Значимость эпических текстов обусловлена возможностью определения закономерностей бытования и развития фольклора монгольских народов в целом. Гэсэриада считается наиболее крупным памятником в фольклорном наследии бурятского народа. Целью статьи является систематизация всех вариантов бурятских версий Гэсэриады с учетом локальных условий бытования каждого варианта текста. В современном эпосоведении актуальным представляется выявление закономерностей бытования и развития локальных эпических традиций, их отличительных особенностей в отдельной этнической среде для представления общей картины развития эпосов народов Центральной Азии.

Методы анализа

В данной статье впервые дается системный сравнительный анализ всех вариантов «Гэсэра», изданных и хранящихся в архивах Бурятии. Систематизация региональных (эхирит-булагатской и унгинской) версий Гэсэриады позволяет расширить представление о специфике национального фольклора как одного из главных проявлений традиционной культуры. Систематизация произведений героического эпоса — актуальная первоочередная задача бурятской фольклористики на сегодняшний день, так как без предварительной классификации

огромного массива записей улигеров, учета вариантов текстов, без выделения тематики и сюжетного, мотивного состава, невозможно в исчерпывающем виде разобраться в настоящих вопросах, относящихся к проблематике эпической традиции.

Бурятские варианты улигеров о Гэсэре

Значимым результатом представляется воссоздание целостной картины регионально-локальных версий Гэсэриады, выявление степени и характера общего и отличительного как в семантике, так и структуре нарратива, необходимых для выявления вопросов типологической общности и взаимовлияний, генезиса и трансформации всего центральноазиатского эпоса о Гэсэре. Уникальность и оригинальность западнобурятских версий и вариантов Гэсэриады обусловлены особенностями бурятской эпической традиции: обособленность от новаций монгольской Гэсэриады, трансформация и контаминация с мифологическими мотивами общемонгольских и собственно бурятских улигерных традиций, минимальное влияние буддийских реалий.

Западнобурятская эпическая традиция

В западнобурятской эпической традиции согласно классификации [Санжеев 1936; Уланов 1957] выделяются две повествовательные разновидности Гэсэриады: эхирит-булагатская и унгинская, бытовавшие в стихотворной форме. Деление основано на особенностях природных, хозяйственных и исторических условий развития носителей традиции. К западнобурятской эпической традиции относятся эхирит-булагатская и унгинская повествовательные разновидности Гэсэриады, бытовавшие в стихотворной форме. В восточной эпической традиции (хоринской) сохранились только разрозненные прозаические отрывки из Гэсэриады, близкие к монгольским письменным версиям.

По мнению А. И. Уланова, записи хоринских улигеров демонстрируют упадок эпической традиции в силу развития новых общественных отношений и активной деятельности представителей буддийского ду-

ховенства, которое препятствовало распространению и сохранению старых эпических произведений, и потому многие сюжеты сохранились лишь в кратком изложении. Так, на основе улигеров возникали сказки, в которых наряду с традиционными эпическими мотивами появлялись напластования, связанные с новыми условиями исторического развития, в числе которых переход к скотоводству и большое влияние монголов [Уланов 1953: 165–167].

У окинских, тункинских, забайкальских бурят сохранились письменные версии «Гэсэра» в основном в прозе, в сюжетном и композиционном плане близкие к монгольским письменным версиям [Шаракшинова 1969: 40; Неклюдов 1984: 145].

Западные версии существовали в устной форме и были записаны с начала XIX до 40-х гг. XX в., последние фиксации материалов относятся к периоду угасания эпической традиции. Одним из первых собирателей и исследователей бурятского эпического фольклора был Г. Н. Потанин, который записал бурятские эпические сказания и опубликовал тексты в подробном пересказе на русском языке. В числе опубликованных материалов есть неполное повествование аларского варианта «Гэсэра» в записи от Манзанова [Потанин 1883: 250–257].

М. Н. Хангаловым записан в числе прочих эпических произведений в 1890 г. от Н. Хангалова и П. Тушемилова, а также нескольких земляков, полный текст «Гэсэра» из 14 глав, который был опубликован на русском языке в прозаическом пересказе [Потанин 1893: 44–113; Хангалов 1959: 29–324; Хангалов 1961: 117–149].

Несмотря на особенности записи, информантами которой выступали сразу несколько человек (она скорее напоминает сводный текст), этот вариант является ранней записью и представляет большую научную ценность.

Неоценимый вклад в дело собирания и изучения эпического наследия бурят внесли В. Юмсунов, Ц. Ж. Жамцарано, М. Н. Забанов и др. Ц. Ж. Жамцарано по собственной оценке собрал и записал треть всех сохранившихся к началу XX столетия бурятских былин, изданием которых открывается серия «Образцы народной словесности монгольских племен» [Жамцарано 1914; Жамцарано 1918; Жамцарано 1930; Жамцарано 1931].

У окинских, тункинских, забайкальских бурят сохранились письменные версии «Гэсэра» в основном в прозе, близкие к монгольским письменным версиям. На сегодня изданы четыре аутентичных варианта «Гэсэра»: одна эхирит-булагатская версия бурятской Гэсэриады «Абай Гэсэр-хубун» [Абай Гэсэр-хубун 1961] и три унгинских варианта [Абай Гэсэр 1960; Гэсэр 1953; Абай Гэсэр 2000].

В Центре восточных рукописей Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ИМБТ) хранится более двадцати версий «Гэсэра», из них наиболее композиционно развернутые улигеры записаны от Б. Жатухаева, П. Тушемилова (1940), П. Степанова, Н. Иванова, А. Васильева. Также в архиве Национального музея Республики Бурятия хранятся рукописи А. Тороева, П. Тушемилова (1948). Все варианты западнобурятской Гэсэриады имеют свои особенности. Многообразие исполнительских стилей было обусловлено прежде всего развитием и изменением традиций эпического творчества, неодинаковым развитием общественной, хозяйственной и культурной жизни бурят, взаимовлиянием племен и родов на обширной территории расселения бурят.

Особенности эхирит-булагатской эпической традиции

Известный фольклорист и исследователь Ц. Ж. Жамцарано в 1906 г. записал от сказителя Маншута Имегенова эхирит-булагатский вариант эпоса «Абай Гэсэр-хубун» [Абай Гэсэр-хубун 1961], который является единственным наиболее полным вариантом «Гэсэра» в этой эпической традиции. Двухязычное издание текста было подготовлено М. П. Хомоновым и А. И. Улановым и опубликовано в академическом издании в Улан-Удэ в 1961 г.

Ранее этот текст был опубликован Ц. Ж. Жамцарано в 1930, 1931 гг. на бурятском языке, в академической русской транскрипции, без перевода в изданиях «Образцы народной словесности монгольских племен» [Жамцарано 1930; Жамцарано 1931].

Бурятские ученые данный вариант считают уникальным аутентичным материалом, сохранившим архаичную традиционную общемонгольскую мифологическую основу. По мнению Н. О. Шаракшиновой,

этот вариант имеет единичные сходства с монгольскими и тибетскими версиями. Он связан с ними только лишь именем Гэсэра, а также одним эпизодом — превращение Гэсэра в лошадь, который по сюжету очень схож с развитием сюжета о превращении героя в осла в монгольских версиях [Шаракшинова 1969: 35].

А. И. Уланов в предисловии к двуязычному изданию унгинской версии «Абай Гэсэр» высказывает мнение о том, что эхирит-булагатская версия «не имеет соответствий с монгольской Гэсэриадой и является самобытным улигером с бурятским сюжетом и содержанием» [Абай Гэсэр 1960: 4].

Ученый считает, что в этот эпос имя Гэсэра занесено очень давно, когда он стал популярным у монголов, возможно, имя Гэсэра в эхирит-булагатском улигере могло быть воспринято и через носителей унгинской версии, которая имеет глубокие совпадения с монгольской Гэсэриадой. Отметим, что эхирит-булагатская версия эпоса о Гэсэре отличается цикличностью. Объединены по генеалогическому принципу разные эпические тексты, повествующие о жизни самого Гэсэра [Абай Гэсэр-хубун 1961] и его старшем сыне Ошор Богдо, который в «Абай Гэсэр-хубун» занимает достаточно активную позицию и относится к числу деятельных персонажей, и среднем сыне Хурин Алтай. Уникальная рукопись эхирит-булагатской версии «Абай Гэсэр-хубун», «Ошор богдо» и «Хурин Алтай» хранятся в фонде Ц. Ж. Жамцарано в Институте восточных рукописей РАН (далее — ИВР РАН) [АВ ИВР РАН. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 13, 11, 12].

Сравнивая эхирит-булагатскую версию с монгольскими и пекинскими вариантами, Л. Лёринц утверждает, что эхирит-булагатская версия не является исключительной бурятской эпопеей. Монгольские элементы и бурятские мотивы и сам эпос представлены вместе в их уникальном сочетании, эхирит-булагатская версия принадлежит фольклорному процессу монгольских племен еще с древних времен [Lörincz 1975: 91].

Ученый высказывает предположение, что сходство эпического вступления (пролог) в эхирит-булагатской версии и унгинских вариантах может указывать на возможное существование подобного зачина в монгольской книжноэпической версии

до ее буддийской редакции [Lörincz 1975: 84–85]. Гипотеза Л. Лёринца основана на наличии аналогичных эпизодов в одних и тех же местах.

Японский монголовед К. Танака исследовал мифологическую часть бурятских версий Гэсэриады и пришел к выводу о том, что предшественниками Гэсэра в локальных традициях были собственно бурятские эпические герои. Но в процессе живого бытования их имена были вытеснены именем Гэсэра. Вероятно, уникальность эхирит-булагатского варианта Гэсэриады и его существенные отличия от остальных западнобурятских вариантов в плане композиции, персонажного состава и сюжетной организации текста обусловлена независимостью от монгольской версии. В эхирит-булагатском улигере в большей степени сохранена шаманская мифологическая основа [Танака 2009: 95–97].

Для нашего исследования значимо мнение Н. Н. Поппе, который в экспедициях в 1930-е гг. вместе с Г. Д. Санжеевым записал шесть вариантов традиционных унгинских улигеров и был хорошо знаком с вариативными особенностями бурятских эпических текстов: «Эхиритская версия, несомненно, представляет собою продукт совершенно независимого эпического творчества эхиритов. Ни о каких-либо заимствованиях сюжета или трактовки его не может быть речи. Эта версия целиком является творчеством бурят-монголов и притом образцом наиболее древнего и архаичного героического эпоса» [Поппе 1941: 18].

Особенности унгинских версий Гэсэриады

Унгинская версия эпоса «Абай Гэсэр», записанная от сказителя и шамана Пёохона Петрова поэтом и собирателем фольклора И. Н. Мадасоном в октябре 1940 г. – феврале 1941 г. в улусе Хадахан Аларского района Иркутской области, по мнению А. И. Уланова, считается канонической в унгинской эпической традиции, апробированной фольклористической наукой. Также ученый констатирует, что унгинская версия в целом обнаруживает глубокие совпадения с монгольской Гэсэриадой [Абай Гэсэр 1960: 6], что делает возможным предположение о единой основе этих эпических произведений.

Кроме указанного текста унгинской Гэсэриады, изданы еще два варианта унгинской сказительской традиции, записанные в разное время от улигершинов Парамона Дмитриева и Папы Тушемилова [Гэсэр 1953; Абай Гэсэр 2000].

В 1941 г. были опубликованы отдельной книгой две главы, записанные от нукутского сказителя и шамана Папы Тушемилова [Гэсэр 1941], а в 1947 г. от него же Т. М. Болдонова записала полный текст улигера о Гэсэре, который в целом близок варианту П. Петрова.

Различия наблюдаются в стиле изложения некоторых эпизодов, в развернутом и более сжатом описании параллельных сюжетов и характеристик персонажей. От сказителя П. Тушемилова «Гэсэр» в числе других эпических произведений записывали также И. Н. Мадасон (1940) [Абай Гэсэр 1960] и Н. О. Шаракшинова. Текст в записи Т. М. Болдоновой является наиболее точной и полной записью улигера от П. М. Тушемилова, этот вариант опубликован в 2000 г. с переводом на русский язык и вступительной статьей С. Ш. Чагдурова [Абай Гэсэр 2000].

Унгинская версия «Гэсэра», записанная от улигершина Парамона Дмитриева (Ханхаева) Д. Хилтухиным в 1941 г., издана в 1953 г. на бурятском языке. Повторная запись улигера П. Дмитриева в 1949 г. осуществлена Н. О. Шаракшиновой и хранится в ее личном архиве.

Собиратели и исследователи бурятского фольклора отмечали, что «Гэсэр» в исполнении П. Дмитриева является одним из композиционно развернутых и своеобразных вариантов. Текст имеет некоторое сходство с монгольской версией. Так, в его небесном прологе упоминается ряд оригинальных персонажей, которые присущи только этому варианту. К ним относятся прародительница 44 восточных тэнгриев Нуран Гурмэ, а также мифологический персонаж Агын уула (досл. «Пещерная гора»). Последний образ практически не встречается в бурятской эпической традиции, скорее всего, вследствие постепенной утраты и, по всей видимости, относится к древнейшим пластам тюрко-монгольской мифологической общности [Дугаров 2003: 64]. Данное обстоятельство говорит о том, что вариант П. Дмитриева представляет особый интерес

в плане изучения традиционных мифологических образов.

Необходимо констатировать, что особенностью всех вариантов бурятской Гэсэриады является пролог, который содержит описание пространственно-временного фона, на котором разворачивается эпическое действие во всех вариантах бурятской Гэсэриады. Пролог как небесная преамбула эпического нарратива характерен для бурятской Гэсэриады в целом. Пролог как таковой из всех эпических произведений бурят присущ именно Гэсэриаде как улигеру «божественного происхождения». Он существует как форма повествования о мире тэнгри и их взаимоотношениях, характеризующих небесную предысторию эпического героя [Дугаров 2005: 4]. Небесный конфликт, вследствие которого в большинстве вариантов и происходят все эпические события, завязывается при непосредственном участии мифологических персонажей бурятской шаманской традиции.

На сегодняшний день в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) хранятся архивные записи эпоса «Гэсэр», которые представляют собой рукописные и машинописные списки [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ; ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36а; ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36б; Абай Гэсэр Богдо хан 1941; ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 18].

Большая часть этих текстов представляет собой отдельные разрозненные главы Гэсэриады и неоконченные улигеры. Уникальное архивное наследие особо значимо в возможности сопоставления разных вариантов между собой с целью выявления механизмов трансформации сюжетов и фиксации стабильных сюжетных конструкций.

Сохранились две редкие для бурятского эпосоведения записи улигера от одного из лучших сказителей с интервалом в пять лет, которые являются бесценным материалом для сравнительных исследований и выявления стабильности сюжетно-композиционной структуры улигера. Первая фиксация унгинской версии эпоса П. Петрова «Абай Гэсэр Богдо хаан» 1935 г. принадлежит известному историку, краеведу Р. Ф. Тугутову, вторая запись осуществлена поэтом И. Н. Мадасоном в 1940–1941 гг.

Д. А. Бурчина провела подробный сравнительный анализ двух разновременных

записей эпоса, записанных у П. Петрова, и пришла к выводу, что в варианте Р. Ф. Тугутова имеются все основные сюжетно-композиционные блоки, но отсутствуют главы о битве Гэсэра с Ширэм Мината, о четырех последышах мира, о китайском Гумэн Сэсэн-хане, о краже сокровищ бабушки Манзан Гурмэ, сюжет о пребывании Гэсэра в подводном царстве. Позже записанный мадасоновский вариант намного полнее, он дополнен собственно монгольскими и бурятскими мифами. Однако в рукописи Р. Ф. Тугутова содержится много подробностей, уточняющих «темные» места в записи И. Н. Мадасона [Бурчина 2009: 122–123]. В целом наблюдается определенная стабильность сюжетного состава улигера, при этом демонстрируется пластичность устного эпического текста, в который сказитель при каждом повторном исполнении мог вносить изменения.

Вариант «Абай Гэсэр», записанный в 1941 г. от сказителя Бажея Жатухаева А. А. Бальбуровым и С. П. Балдаевым, представляет собой совместную запись двух исследователей. Рукопись является оригинальной разновидностью унгинской версии Гэсэриады, сюжет которой значительно отличается от других вариантов. Текст изобилует буддийскими вкраплениями, в прологе мифологически красочно даны картины быта небесных божеств. Запись представляет собой неполный текст, хотя сказитель считается знатоком эпических традиций, некогда знавшим текст улигера полностью и исполнявшим его под аккомпанемент национального инструмента *хуур* [ЦВРК ИМБТ СО РАН, ОАФ].

Известным собирателем фольклорных и этнографических текстов С. П. Балдаевым от сказителя Платона Степанова в августе 1940 г. был записан текст «Абай Гэсэр-хубун» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36а], еще один вариант унгинского «Гэсэра».

В тексте данной рукописи в целом отражено идентичное остальным унгинским версиям сюжетное ядро улигера и основные мотивы. Однако сюжет по сравнению с другими вариантами изложен более кратко. Так, например, не отображен конфликт восточных и западных тэнгри. Смутные времена на земле наступают после того, как восточные тэнгри были отброшены на се-

веро-восточную сторону, и шараблинские ханы пустили свои страшные волшебства, породив на земле бесов, враждебных людям.

В фонде С. П. Балдаева хранится еще одна запись улигера «Абай Гэсэр хан» [Абай Гэсэр Богда хан 1941], зафиксированная собирателем в 1940–1941 гг. от сказителей Н. Т. Иванова и Б. Болдонова. Последний, как считает Д. А. Бурчина, исполнял только запев и припев-связку (*сэг даралга*) [Бурчина 1990: 267–268].

Текст данной рукописи в целом содержит сходные с другими вариантами унгинской сказительской традиции сюжеты с незначительными различиями в мотиве и лексике.

Помимо рукописных источников ИМБТ СО РАН, особый интерес представляет эпические тексты в архиве ИВР РАН. В статье М. П. Хоимонова «Варианты эпоса «Гэсэр» рассмотрены бурятские и монгольские рукописи, хранящиеся в архивах ЦВРК ИМБТ СО РАН и ИВР РАН, записанные на старомонгольской письменности и кириллице. Ученый подробно описал 22 варианта бурятских текстов под названием «Гэсэр» и выявил те рукописи, которые по содержанию не имеют отношения к тексту «Гэсэра», дал краткую сравнительную характеристику, отметив идентичные главы во всех полноценных текстах [Хоимонов 1995].

Как отмечает исследователь, для всех этих вариантов без исключения общим является мотив нисхождения небесного героя на землю, какое бы имя не имел в разных вариантах, причиной которого является спор между божествами Хан Хурмасом и Атай Уланом за овладение срединным Сэгээн Сэбдэг тенгрием. К общим относится и мотив перерождения небесного божества на земле от престарелых родителей и мотив превращения Гэсэра в осла / коня [Хоимонов 1995: 90].

В этом ракурсе интересно мнение Ю. И. Смирнова, которое приводит Д. А. Бурчина о том, что в отличие от известных нам монгольских текстов бурятская Гэсэриада свободна от буддийских трактовок тех или иных персонажей и частей повествования, и потому стадильно в эволюционном плане является более ранней [Бурчина 1990: 5].

Для выявления отличительных особенностей бурятских версий Гэсэриады особый интерес представляет статья Л. Лёринца «Die Burjatischen Geser Varianten» («Варианты бурятского эпоса «Гэсэр»»). К основным особенностям бурятских версий Гэсэриады ученый относит стихотворную форму исполнения эпических текстов [Lörincz 1975: 55].

Автор статьи последовательно в содержательном плане рассматривает унгинскую версию П. Петрова и вслед за бурятскими учеными приходит к выводу, что унгинская версия схожа с монгольскими версиями. Также ученый отмечает, что в пекинском ксилографическом издании 1761 г. отсутствуют главы о возрождении богатырей Гэсэра и сражении с Анг Долма.

Далее Л. Лёринц приводит подробный анализ по главам унгинской версии и ее сравнение с монгольскими и пекинскими вариантами. В выводах он констатирует, что исходной для унгинского варианта является не пекинская, а, вероятнее всего, монгольская версия. Основу унгинской версии составили 4 главы монгольской и 3 или 4 главы рукописного продолжения пекинской версии. К ним присоединены еще несколько глав, основанных на монгольских и бурятских мифах. Унгинские варианты образовались в результате сочетания монгольской версии «Гэсэра» с монгольскими и бурят-

скими мифами. Предшественником пекинской версии, вероятно, является тибетский «Лин Гэсэр» [Lörincz 1975: 78–79].

Заключение

Впервые систематизированы и выявлены особенности изданных и рукописных вариантов эпосов о Гэсэре. Определено, что каждый сказитель согласно своим каноническим традициям и историческим составляющим трансформирует, сокращает или добавляет элементы, мотивы и главы в улигер. Отличительной чертой всех бурятских вариантов Гэсэриады является пролог, состоящий из традиционных мифов о небесных божествах.

Рассмотрев основные варианты эпоса «Гэсэр», сохранившиеся в бурятской традиции, изучив различные точки зрения ученых об особенностях бурятских версий, приходим к выводу, что эхирит-булагатский улигер отличается от всех других версий близостью к собственно монгольским и бурятским эпическим традициям. Унгинские версии «Гэсэра» восходят к монгольским вариантам эпоса о Гэсэре с добавлением монгольских и бурятских мифологических сюжетов. Установлено, что бурятские варианты «Гэсэра» по сравнению с монгольскими версиями претерпели наименьшее влияние буддийской религии, единственная сохранившаяся эхирит-булагатская версия практически свободна от буддийских трактовок.

Источники

- ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ — Абай Гэсэр: записано А. А. Бальбузовым от Б. Жатухаева (р. 1891) в апреле 1941 г. в г. Улан-Удэ // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. ОАФ. Д. 2510. 102 с. (машинопись).
- ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36а — Абай Гэсэр хубун. Записано С. П. Балдаевым от П. У. Степанова 6 августа 1940 г. в с. Ныгда Аларского района Иркутской области // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 170. 77 с. (машинопись).
- Абай Гэсэр Богда хан 1941 — Абай Гэсэр Богда хан. Записано С. П. Балдаевым от Н. Т. Иванова и Б. Болдонова (зунгарский вариант). 1941 // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения

- РАН. Ф. 36 (Фонд С. П. Балдаева). Оп. 1. Д. 161. 106 л.
- ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36б — Абай Гэсэр богдо хан. Записано от А. Васильева, предпол. в 30-х – нач. 40-х гг. XX в. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Ф. 36 (Фонд С. П. Балдаева). Оп. 1. Д. 155. 405 с. (машинопись).
- ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 18 — Абай Гэсэр богдо хан. Записан И. Н. Мадасоном от П. М. Тушемилова в ноябре 1940 г. в улусе Мельхитуй Нукутского района Иркутской области // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 71. 93 л.
- АВ ИВР РАН — Абай Гэсэр, Ошор богдо хубуун, Хурин Алтай хубуун. Записан Ц. Жамцарано от Маншута Имгенова // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 13, 11, 12.

Sources

- Abai Geser Bogda Khan: Rec. by S. P. Baldaev from N. T. Ivanov and B. Boldonov (Dzungar version). 1941. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Coll. 36 (S. P. Baldaev Collection). Cat. 1. File 161. 106 p. (In Bur.)
- Abai Geser Bogdo Khan: Rec. by I. N. Madason from P. M. Tushemilov, November 1940, ulus of Melkhitui (Nukutsky District, Irkutsk Oblast). At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Coll. 18. Cat. 1. File 71. 93 p. (In Bur.)
- Abai Geser Bogdo Khan: Rec. from A. Vasilyev, approx. in the 1930s – early 1940s. Typescript. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Coll. 36 (S. P. Baldaev Collection). Cat. 1. File 155. 405 p. (In Bur.)
- Abai Geser Khubun: Rec. by S. P. Baldaev from P. U. Stepanov, 6 August 1940, Nygda (Alarsky District, Irkutsk Oblast). Typescript. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. Coll. 36. Cat. 1. File 170. 77 p. (In Bur.)
- Abai Geser, Oshor Bogdo Khubuun, Khurin Altay Khubuun: Rec. by Ts. Zhamtsarano from Manshut Imegenov. At: Archive of Orientalists, Institute of Oriental Manuscripts (RAS). Coll. 62. Cat. 1. Units 13, 11, 12. (In Bur.)
- Abai Geser: Rec. by A. A. Balburov from B. Zhatukhaev (b. 1891), April 1941, Ulan-Ude. Typescript. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS. General Archival Collection. File 2510. 102 p. (In Bur.)

Литература

- Абай Гэсэр 1960 — Абай Гэсэр. Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасона / вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ: Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. 314 с.
- Абай Гэсэр-хубун 1961 — Абай Гэсэр-хубун: эпопея (Эхирит. булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ: Тип. Минкультуры БурАССР, 1961. 231 с.
- Абай Гэсэр 2000 — Абай Гэсэр. Сказитель П. М. Тушемилов, науч. зап. Т. М. Болдоновой; пер., вступ. ст. и послесл. С. Ш. Чагдурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. 256 с.
- Бурчина 1990 — Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1990. 449 с.
- Бурчина 2009 — Бурчина Д. А. Унгинская версия эпоса «Абай Гэсэр Богдо хаан» в записи Р. Ф. Тугутова // Актуальные проблемы Гэсэриады: эпический текст и этнокультурные традиции: сборник научных статей, посвященный 100-летию со дня рождения фольклориста-эпосоведа / отв. ред. Б. С. Дугаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 107–123.
- Гэсэр 1941 — Гэсэр. Буряад-Монгол арадай героическа эпос / Ц. Галсановой редакци. Н. Г. Балданогой П. Тушемиловхаа бэшэжэ абahan текст (= Героический эпос бурят-монгольского народа / записано Н. Г. Балдано от П. М. Тушемилова). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1941. 185 с.
- Гэсэр 1953 — Гэсэр. Сказитель П. П. Дмитриев, зап. Д. Хилтухин / подг. к печати А. Уланов, К. Черемисов; под общ. ред. П. И. Хадалова, А. И. Уланова. Улан-Удэ: Тип. отдела изд-в и полиграф. промышл. Минкультуры БМ АССР, 1953. 163 с.
- Дугаров 2003 — Дугаров Б. С. Небесный пролог в эпосе «Абай Гэсэр» (унгинский вариант) // Этнокультурное образование: совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур. Т. II. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. С. 64–65.
- Дугаров 2005 — Дугаров Б. С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 298 с.
- Жамцарано 1914 — Жамцарано Ц. Ж. Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. I. Произведения народной словесности бурят. Вып. 2. Эпические произведения эхирит-булагатов. Айдурай Мэргэн и Иренсей (Былины). Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1914. С. 159–502.
- Жамцарано 1918 — Жамцарано Ц. Ж. Заметки о монгольском героическом эпосе. Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. I. Произведения народной словесности бурят. Вып. 3. Эпические произ-

- ведения эхирит-булагатов. Ха-Ошир хубун. Пг.: Тип. Российской Академии наук, 1918. С. 503–648.
- Жамцарано 1930 — *Жамцарано Ц. Ж.* Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. II. Произведения народной словесности бурят. Вып. 1. Эпические произведения эхрит-булгатов. Гэсэр-Богдо: Эпопея. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 166 с.
- Жамцарано 1931 — *Жамцарано Ц. Ж.* Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. II. Произведения народной словесности бурят. Вып. 2. Эпические произведения эхрит-булгатов. Ошир-богдо хубун и Хурин-Алтай хубун. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 164 с.
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 310 с.
- Поппе 1941 — *Поппе Н. Н.* Об отношении бурят-монгольского Гэсэра к монгольской книжной версии // Записки Бурят-монгольского ГИЯЛИ. Улан-Удэ. 1941. Вып. 5–6. С. 3–21.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883, 1083 с.
- Потанин 1893 — Абай Гэсэр Богдо хан: записано М. Н. Хангаловым от Н. Хангалова и П. Тушемилова. Оpubл. на русском языке // Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина. 1884–1886. Т. II. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893. С. 44–113.
- Санжеев 1936 — *Санжеев Г. Д.* Эпос северных бурят // Аламжи Мэргэн. Бурятский эпос / общ. ред.: Ю.М. Соколов; стихот. перев.: И. Новиков; вступит. статья и комментарии: Г. Д. Санжеев. М.: Academia, 1936. С. 7–47.
- Танака 2009 — *Танака К.* К вопросу о параллелях в монгольской и японской мифологиях (на примере эпоса «Гэсэр») // Актуальные проблемы Гэсэриады: эпический текст и этнокультурные традиции: сборник научных статей, посвященный 100-летию со дня рождения фольклориста-эпосоведа / отв. ред. Б. С. Дугаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 88–97.
- Уланов 1953 — *Уланов А. И.* Бурятский «Гэсэр» и его идейные мотивы // О характере бурятского эпоса «Гэсэр». Улан-Удэ: БМНИИ, 1953. 198 с.
- Уланов 1957 — *Уланов А. И.* К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1957. 172 с.
- Хангалов 1959 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: в 3 т. / под ред. Г. Н. Румянцев. Улан-Удэ: БКИ, 1959. Т. 2. 444 с.
- Хангалов 1961 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: в 3 т. / под ред. Г. Н. Румянцев. Улан-Удэ: БКИ, 1961. Т. 3. 421 с.
- Хомонов 1995 — *Хомонов М. П.* Варианты эпоса «Гэсэр» // Гэсэриада: фольклор в современной культуре. Сб. статей и материалов (для нац. учеб. заведений). Улан-Удэ: Наран, 1995. С. 85–97.
- Шаракшинова 1969 — *Шаракшинова Н. О.* Героический эпос о Гэсэре: учеб. пособ. для студ. филол. фак. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1969. 348 с.
- Lőrincz 1975 — *Lőrincz L.* Die Burjatischen Geser Varianten // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXIX. Fasc. 1. Budapest: Academia Kiado, 1975. Pp. 55–91.

References

- Abai Geser Bogdo Khan: Rec. by M. N. Khangalov from N. Khangalov and P. Tushemilov. In: Potanin G. N. Tangut-Tibetan Periphery of China and Central Mongolia: Travel by G. N. Potanin, 1884–1886. Vol. II. St. Petersburg: A. S. Suvorin, 1893. Pp. 44–113. (In Russ.)
- Abai Geser: A Narrative by P. Petrov, Rec. by I. N. Madason. A. Ulanov (foreword, transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat Comprehensive Research Institute (Sib. Branch of USSR Acad. of Sc), 1960. 314 p. (In Bur. and Russ.)
- Abai Geser: A Narrative by P. M. Tushemilov, Rec. by T. M. Boldonova. S. Chagdurov (foreword, transl. etc.). Ulan-Ude: Buryat State University, 2000. 256 p. (In Bur. and Russ.)
- Abai Geser-Khubun: The Ekhirit-Bulagat Version. Rec. by Ts. Zhamtsarano from taleteller Manshut Imegenov. M. Khomonov (transl., etc.); A. Ulanov (foreword.). Ulan-Ude: Buryat ASSR Ministry of Culture, 1961. 231 p. (In Bur. and Russ.)
- Burchina D. A. Abai Geser Bogdo Khaan: The Unga version rec. by R. F. Tugutov. In: Dugarov B. S., Sanzheeva L. Ts. (eds.) Topical Issues of the Geseriad: Epic Text and Ethnocultural Traditions. Collected scholarly papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2009. Pp. 107–123. (In Russ.)
- Burchina D. A. The Geseriad of Western Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1990. 449 p. (In Russ.)
- Dugarov B. S. Epic of Abai Geser, Unga version: The heavenly prologue revisited. In: Ethnocul-

- tural Education — Improving Training of Traditional Cultures Professionals. Vol. II. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts, 2003. Pp. 64–65. (In Russ.)
- Dugarov B. S. The Buryat Geseriad: Heavenly Prologue and World of Epic Deities. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2005. 298 p. (In Russ.)
- Geser: A Narrative by P. P. Dmitriev, Rec. by D. Khiltukhin. A. Ulanov, K. Cheremisov (text prep.). P. Khadalov, A. Ulanov (eds.). Ulan-Ude: Buryat ASSR Ministry of Culture, 1953. 163 p. (In Bur.)
- Geser: Heroic Epic of Buryat Mongols. Rec. by N. G. Baldano from P. M. Tushemilov. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1941. 185 p. (In Bur.)
- Jamtsarano Ts. J. Notes on Heroic Epic of Mongols. In: Jamtsarano Ts. J. Oral Folklore Narratives of Mongolic Tribes. Texts. Vol. I: Buryat Folklore. Part 3: Epic Texts of Ekhirit-Bulagats. Kha-Oshir Khubun. Petrograd: Russian Academy of Sciences, 1918. Pp. 503–648. (In Bur.)
- Jamtsarano Ts. J. Oral Folklore Narratives of Mongolic Tribes. Texts. Vol. I: Buryat Folklore. Part 2: Epic Texts of Ekhirit-Bulagats. Aidurai Mergen and Irensey (Bylinas). Petrograd: Imperial Academy of Sciences, 1914. Pp. 159–502. (In Bur.)
- Jamtsarano Ts. J. Oral Folklore Narratives of Mongolic Tribes. Texts. Vol. II: Buryat Folklore. Part 1: Epic Texts of Ekhirit-Bulgats. Epic of Geser Bogdo. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1930. 166 p. (In Bur.)
- Jamtsarano Ts. J. Oral Folklore Narratives of Mongolic Tribes. Texts. T. II: Buryat Folklore. Part 2: Epic Texts of Ekhirit-Bulgats. Oshir-Bogdo Khubun and Khurin-Altay Khubun. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1931. 164 p. (In Bur.)
- Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. G. Rumyantsev (ed.). Ulan-Ude: Buryat Comprehensive Research Institute (Sib. Branch of USSR Acad. of Sc), 1959. Vol. 2. 444 p. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. G. Rumyantsev (ed.). Ulan-Ude: Buryat Comprehensive Research Institute (Sib. Branch of USSR Acad. of Sc), 1961. Vol. 3. 421 p. (In Russ.)
- Khomonov M. P. Epic of Geser: Versions reviewed. In: The Geseriad. Folklore in Modern Culture. Collected papers. Ulan-Ude: Naran, 1995. Pp. 85–97. (In Russ.)
- Lőrincz L. Die Burjatischen Geser Varianten (Buryat versions of the Geser Epic). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1975. Vol. XXIX. No. 1. Pp. 55–91. (In Germ.)
- Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongols: Oral and Literary Traditions. Moscow: Nauka — GRVL, 1984. 310 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. Geser: Relation of the Buryat narrative to the Mongolian bookish version revisited. In: Buryat Mongolian State Institute of Language, Literature and History. Scholarly Notes. Ulan-Ude, 1941. Vols. 5–6. Pp. 3–21. (In Russ.)
- Potinin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Vol. 4: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1883, 1083 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Epic of Northern Buryats. In: Epic of Alamzhi Mergen. Yu. Sokolov (ed.); I. Novikov (poetic transl.); G. Sanzheev (foreword, comment.). Moscow: Academia, 1936. Pp. 7–47. (In Russ.)
- Sharakhshinova N. O. The Heroic Epic of Geser. Irkutsk: Irkutsk State University, 1969. 348 p. (In Russ.)
- Tanaka K. Revisiting parallels in Mongolic and Japanese mythologies: A case study of Geser epic. In: Dugarov B. S., Sanzheeva L. Ts. (eds.) Topical Issues of the Geseriad: Epic Text and Ethnocultural Traditions. Collected scholarly papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2009. Pp. 88–97. (In Russ.)
- Ulanov A. I. Characteristics of the Buryat Heroic Epic Revisited. Ulan-Ude: Buryat Mongolia Book Publ., 1957. 172 p. (In Russ.)
- Ulanov A. I. The Buryat Geser and its ideological motifs. In: The Buryat Epic of Geser Characterized. Ulan-Ude: Buryat Mongolian Culture Research Institute, 1953. 198 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 858–867, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 28:398.88:82-141

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-858-867

Некоторые религиозные термины, хадисы и аяты в башкирских мунаджатах

Ахат Губаевич Салихов¹, Гульназ Мирфатовна Гиззатуллина²

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-7994-4711. E-mail: ahatsalihov@mail.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 аспирант
 0000-0002-0352-776X. E-mail: gizzat-gm@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Салихов А. Г., Гиззатуллина Г. М., 2021

Аннотация. *Введение.* В устном народном творчестве и письменных литературных памятниках башкирского народа существует особый вид музыкально-поэтического творчества лиро-эпического характера, который вобрал в себя духовные поиски и обращения к Богу. Этот жанр называется «мунаджат». *Целью* данной статьи является анализ некоторых аятов, хадисов и религиозных терминов, использованных в башкирских мунаджатах. *Материалы и методы.* Основным источником исследования являются образцы религиозной поэзии, взятые из очередного тематического тома свода «Башкирского народного творчества». Выявлено более 1 500 примеров, часть из которых использована в данной работе. Применен системный и сравнительный анализ, историко-типологический метод исследования. *Результаты.* К исследованию мунаджатов обращались многие башкирские ученые. В своих работах они неоднократно обращались к изучению особенностей рассматриваемого жанра, основным признаком которого является наличие в нем религиозных мотивов, сюжетов и обращение с мольбой к Аллаху. С начала 90-х гг. XX в. мунаджаты переживают второе рождение. В широкий обиход вернулись старинные варианты этого вида фольклора. В различных регионах Башкортостана продолжают возникать и распространяться их новые виды, сочиненные нашими современниками. В ходе изучения поэтических произведений было выявлено более полутора тысяч примеров с использованием мусульманских терминов, аятов и хадисов. Некоторые из них были рассмотрены в данной статье. *Выводы.* Исследование позволило раскрыть и показать особенности использования религиозных сюжетов, терминов и мотивов в башкирских мунаджатах. Некоторые слова и словосочетания были изменены на более приемлемый народу язык, при этом

сохраняя арабоязычное клише. В свою очередь употребление религиозной лексики обогатило башкирский язык и литературу.

Ключевые слова: мунаджаты, исполнительство, духовность, башкирский фольклор, башкирская поэзия, мусульманская поэзия, старопечатные книги, восточные рукописи, письменные источники

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Салихов А. Г., Гиззатуллина Г. М. Некоторые религиозные термины, хадисы и аяты в башкирских мунаджатах // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 858–867. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-858-867

Revisiting Some Religious Terms, Hadiths and Ayahs in Bashkir Munajats

Akhat G. Salikhov¹, Gulnaz M. Gizzatullina²

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-7994-4711. E-mail: ahatsalikhov@mail.ru

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Postgraduate Student
 0000-0002-0352-776X. E-mail: gizzat-gm@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Salikhov A. G., Gizzatullina G. M., 2021

Abstract. Introduction. In the oral popular art and written literary monuments of the Bashkir people, there is a special musical-poetic genre of the lyric-epic and religious character, which is called *munajat*. This article *aims* to analyze some of the *ayats*, *hadiths*, and religious terms used in the Bashkir *munajats*. **Materials and methods.** Samples of religious poetry borrowed from a thematic volume of the *Bashkir folk art* compendium were used as the main source of the research data. Over 1,500 examples have been identified, some of which are used in this article. A systematic and comparative analysis and a historical-typological research method were employed for the analysis of the material. **Results.** Many Bashkir scholars were among the students of the *munajats*. In their works, they often focused on the main features of the genre, such as religious motifs, plots, and appeals to Allah that they contain. Since early 1990s, the *munajats* have been experiencing a rebirth: old versions have returned to become popular again; also, new types, composed by our contemporaries, have emerged, and spread in various regions. The study resulted in identifying over one and a half thousand examples containing Muslim terms, *ayats*, and *hadiths*; some of them have been included in this article. **Conclusions.** The present study shows the peculiarities of the use of religious subjects, terms, and motifs in the Bashkir *munajats*. Some words and phrases were changed to adapt to the popular usage, while preserving the Arabic cliché. In its turn, the use of religious vocabulary enriched the Bashkir language and literature.

Keywords: *munajat*, performance, spirituality, Bashkir folklore, Bashkir poetry, Muslim poetry, early printed books, Oriental manuscripts, written sources

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А17-117040350082-3 ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’.

For citation: Salikhov A. G., Gizzatullina G. M. Revisiting Some Religious Terms, Hadiths and Ayahs in Bashkir Munajats. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 858–867. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-858-867

Введение

Мунаджат, являющийся одним из музыкально-поэтических жанров религиозной литературы и фольклора, широко распространен среди мусульманских народов Урало-Поволжья. Название жанра отражает его содержание. Оно происходит от арабского слова *مناجاة* мунаджат ‘тайная беседа’ [Гиргас 2006: 785], в башкирском языке означающего «мольбу к Аллаху», «стихи с обращением к Аллаху» [Киреев 1981: 154].

Бытование указанного жанра среди башкир связано с принятием ислама. В них отражается широкий круг духовных и нравственно-дидактических аспектов народного мировоззрения, также параллельно даются сведения о религиозных законах (исламская юриспруденция), в частности о столпах и основах религии.

Цель и задачи исследования

Целью данной статьи является изучение и выявление особенностей использования аятов (стихов и предложений, выражающих законченные мысли в сурах Корана), хадисов (преданий о словах и действиях Пророка Мухаммеда) и религиозных терминов, использованных в башкирских мунаджатах.

Материалы и методы

Для проведения исследования были привлечены мунаджаты, собранные среди башкир в различные годы во время фольклорных экспедиций. В качестве источника был привлечен том «Башкирского народного творчества», изданный в 2018 г. в уфимском издательстве «Китап» [БНТ 2018]. Авторы статьи выявили более 1 500 примеров, в которых использовались различные сюжеты, мотивы, термины, аяты и хадисы. Для статьи были отобраны наиболее яркие образцы, соответствующие заявленной теме исследования.

При изучении материалов были применены системный и сравнительный анализ, историко-типологический метод.

Использование термина «мунаджат» в литературе и фольклоре

По мнению С. Р. Усеиновой, исследовавшей диван ал-Бура’и, достаточно рас-

пространенный в арабской религиозной поэзии термин «мунаджат» (букв. ‘тайная беседа’) является одним из жанровых обозначений касыд. Среди разновидностей касыд она выделяет хвалебную поэзию в честь Пророка Мухаммеда (мада’их набавийа), обращения с мольбой к Богу (ибтихалат или тадарру’ат), вместо которых часть ученых используют более распространенный термин «мунаджат». Для обозначения подобных стихотворений встречаются и другие термины [Усеинова 2014: 48–49].

Как видим, в башкирских религиозных стихотворных текстах используется наиболее распространенный термин «мунаджат». В то же время жанр с течением времени трансформировался под влиянием культурных традиций башкирского народа и стал неотъемлемой частью фольклора. Жанр сам по себе малоизучен, но вместе с тем есть ученые, внесшие определенный вклад в исследование мунаджатов.

Большой вклад в изучение тематики, поэтики и мелодики башкирских мунаджатов внесла Г. С. Галина, опубликовавшая по указанной теме монографию [Галина 2006].

Известный ученый С. А. Галин рассматривает мунаджаты как часть баитов, имеющих назидательное, воспитательное значение (см.: [Султангареева 2018: 390]). Однако в другом своем научном труде мунаджаты он, наряду с социально-бытовыми баитами, относит к лирическому фольклорному жанру [Галин 2004: 115].

Некоторые ученые, изучавшие данный жанр, придерживаются мнения о религиозно-книжном происхождении мунаджатов [Салихов, Абдрафикова, Искандарова 2017: 157–158].

По мнению литературоведа Г. С. Кунафина, мунаджат можно перевести как «религиозный гимн», «хвала Богу», который в художественной литературе и фольклоре является поэтическим произведением дидактического характера, посвященным морально-этическим и философским вопросам. По идейно-художественной природе он сочетает элементы панегирической и дидактической поэзии, драматический пафос,

религиозно-нравственные и светско-реалистические начала, поэтому жанр носит синкретический характер. Ученый полагает, что время появления мунаджатов в башкирской поэзии очень трудно установить, но на появление данного жанра поэзии оказали влияние суры, аяты и хадисы, произведения восточной религиозно-мистической литературы, различные комментарии и толкования религиозных постулатов [Кунафин 2011: 118–130].

Г. С. Кунафин также отмечает связь мунаджатов с некоторыми эпическими произведениями, такими как «Кисса-и Юсуф», «Бузйегет», «Тахир и Зухра». На становление жанра мунаджат большое влияние оказал суфизм. К данному жанру активно обращались поэты XIX в. В конце указанного века данный жанр претерпел изменения: усилились вопросы патриотизма, просвещения, нравственности, что позволило расширить его функциональную систему [Кунафин 2011: 118–130].

Как пишет известный башкирский ученый А. Н. Киреев, стихотворные части башкирских романтических эпосов сэсэн (сказители) часто исполняли на мелодии духовных стихов — мунаджатов. Подобные эпосы вошли в основной репертуар народа через книжные источники, в них отсутствовала героика, проблематика была ограничена описанием трагической любви. Эти произведения были окрашены религиозной тематикой. Большую роль в их распространении играли тэлэкси и наурызсы, которые ходили по домам и исполняли мунаджаты. А. Н. Киреев также обратил внимание на то, что в сюжетах мунаджатов присутствуют мотивы покорности, жалости, пессимизма [Киреев 1970: 216–217].

Более широкое научно-теоретическое освещение и анализ жанр получил в трудах Р. А. Султангареевой, где дается классификация жанра по функционально-тематическим и отчасти содержательным признакам, анализируются истоки происхождения, поэтико-стилевые, исполнительские особенности и функциональная специфика. Она дает следующую классификацию:

1) мунаджаты о смерти и поминовении духов предков;

2) мунаджаты, посвященные восхвалению Аллаха Единого и Одного;

3) мунаджаты, восславляющие пророков, святых, вероучителей;

4) мунаджаты, посвященные религиозному образованию и прославляющие ученость, знания, исламское вероучение;

5) мунаджаты, посвященные религиозным праздникам, торжествам;

6) мунаджаты о неволе и изгнаниях (*зиндан мөнәжәттәре*);

7) мунаджаты из эпических сказаний, хроник [Султангареева 2018: 390].

В медресе изучались арабский язык и литература, а также сочинения по арабской поэзии, заучивались их отдельные образцы. Выпускники медресе начали создавать в башкирской литературе касыды, газели, пользоваться метрикой аруза, что, несомненно, повлияло и на фольклор, и на литературу [ИБЛ 1990: 495].

У крымских татар также распространен этот вид фольклора, и приводятся ниже следующие виды илахи (восхваление Всевышнего):

1) таухид (единобожие);

2) вакуф или вукуф (остановка для молящегося);

3) зикр (восхваление Аллаха);

4) сув селя (омывание);

5) киев ве келин (жених и невеста);

6) Мухаммед (восхваление Пророка Мухаммеда, мир Ему и благословение).

У них также отдельно выделяется Мевлюд — повествование о жизни Пророка Мухаммеда, который сформировался под влиянием празднования дня рождения Пророка Мухаммеда [Туймова 2008: 13–15].

Отражение принципа единобожия в мунаджатах

Основополагающим принципом ислама является **توحيد** таухид — догмат о единственности и единстве Аллаха, убеждение в его сущности, качествах и действиях. Она выражается словами шахада, части которого широко использованы в фольклорных сочинениях, более того, отражены в их названиях. Например:

«Лә илаһи иллә Алла»ны,
Телдән һалмайык бер заман,
«Лә илаһи иллә Алла»нан
Айырылһаҡ, шул яман.

‘Постоянно нужно повторять:
«Нет бога, кроме Аллаха».
Плохо, если не будем говорить:
«Нет бога, кроме Аллаха».’
(Здесь и далее перевод авторов) [БНТ 2018: 48].

В них в качестве литературного клише удачно используется часть шахады لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ. В качестве при-

мера можно привести отрывок другого варианта вышеуказанного произведения:

«Лә илаһи иллә Алла»ла
Ғәри көрси бәҫкысы.
«Лә илаһи иллә Алла» —
Һигез ожмах асқысы.

‘«Нет бога, кроме Аллаха» —
Это ступени к божьему трону.
«Нет бога, кроме Аллаха» —
Это ключи от восьми ворот рая» [БНТ 2018: 49].

Виды обращений к Всевышнему в мунаджатах

В текстах мунаджатов часто встречаются обращения, мольбы, просьбы к Аллаху. Это наиболее ярко отражается в истории

происхождения мунаджатов. В образцах народного творчества рассматриваемого жанра можно встретить достаточно большое количество материала для иллюстрации вышесказанного:

Ғәфү әйлә, Раббанәм!
Эй, Хозайым, шөкәр кылам
Йә, иләһи
Рәхим кыл, йә, Рәхималла
Рәхим кылғыл, Илаһым
Ғәфү кылғыл, Илаһым

‘Прости, Господи!’ [БНТ 2018: 37].
‘Благодарю тебя, Господи!’ [БНТ 2018: 38].
‘О, Боже’ [БНТ 2018: 38].
‘Смилуйся, о, Милостивый’ [БНТ 2018: 39].
‘Окажи милость, Господи’ [БНТ 2018: 44].
‘Прости, мой Аллах’ [БНТ 2018: 44].

В некоторых сочинениях для обозначения Аллаха используется персидское слово «Худай»:

Эй, Хозайым, бер Хозайым,
Эй, Хозайым, бер Хозай!
Донъя, ахирәт мәксүденән
Айырма һин, бер Хозай.
Эй, Хозайым, Хоза Кәрим,
Һинең рәхмәтеңә карыйм.
Юғиһә мин кайза барыйм?
Шәфәғәт кыл, йә, Рәсүлүллаһ!

‘О, мой Господь, единственный Господь,
О, мой Господь, единый Господь,
Не отделяй меня, Господь,
От целей мирского и вечного.
О, Господи, Великий Бог,
Жду милости твоей.
Иначе мне куда пойти,
Заступись, о, божий пророк!’ [БНТ 2018: 36].

В некоторых случаях они применяются параллельно: Эй, Хозайым, Раббым, Аллам ‘О, мой Худай, мой Раббе, мой Аллах’ [БНТ 2018: 38].

Нередко в мунаджатах используется тюркское слово *тәңре* (‘бог’). В некоторых местах в переводах широко известных мусульманских формулировок оно заменяет слово «Аллах»:

Тәңре бар, Тәңре бер

‘Бог есть, бог един’ [БНТ 2018: 49].

*Кем яһаған Ерзе, Күкте,
Кем яһай ала бойзай?
Йә, яһай тәмле бойзай,
Булмаһа Тәңре, Хозай?*

‘Кто создал землю, небо,
Кто может создать пшеницу?
Кто создаст вкусную пшеницу,
Если не будет Тенгри, Худая?’ [БНТ 2018: 53].

*Күңел аскыстары Тәңре кулында
Тәңрем, рәхмәтеңә туймаһам*

‘Ключи души в руках Тенгри’ [БНТ 2018: 57].
‘Не насыщусь милостью Тенгри’ [БНТ 2018: 72].

*Йәнем сыкканда нисек сызармын,
Яраткан Тәңрем, үзең ярзам бир*

‘Как выдержу исход души,
Создатель-Тенгри, окажи милость’ [БНТ 2018: 164].

Идеи просветительства и использование хадисов в мунаджатах

Идея просветительства была присуща и творчеству башкирских поэтов-просветителей XIX–XX вв., таких как Мифтахетдин Акмулла, Мухаметсалим Уметбаев, Хибатулла Салихов, Гарифулла Кииков. В их творчестве переплелись философские, нравственные, этические и религиозные воззрения [ИБЛ 2012: 322–323, 337–339, 354–355, 371].

Идеи просветительства особенно ярко проявились в стихотворениях М. Акмуллы. Среди башкир было широко распространено его религиозно-дидактическое сочинение «Насихат» («Назидания») в рукописной и устной форме, сюжеты которого имеют параллели с мунаджатами [Салихов 2020: 74–83].

Мусульманские ученые большое внимание уделяли получению людьми знаний и образования. В частности, для обоснования необходимости изучения наук мусульманские богословы приводили хадисы. Хадисы — это слова, дела, молчаливое одобрение, нравственные качества и отличительные внешние особенности пророка Мухаммеда (мир Ему и благословение) [Хадис 2014: 11]. Так, в сочинении Абу Хамид Мухаммад аль-Газали ат-Туси «Ихйа’ ‘улум ад-дин» встречается хадис: «Ищите знания, даже отправляясь в Китай» [Аль-Газали 2011: 53].

Достаточно интересным является мунаджат «Белем алыу кәрәк һәр бер уғыл-кызға» (‘Учиться нужно каждому юноше и девушке’), в котором приводится достоверный, но слабый хадис со словами Пророка о необходимости получать знания где бы

то ни было, даже если нужно будет идти в Китай:

*Белем алыу кәрәк һәр бер уғыл-кызға,
Кәрәк икән барып ғилем ал һин Кытайға.
Хәзис шәриф – тел белеме кәлимәттән, әлә
кәлли мөслими вә мөслимәттән.
Рәсүлебез әйткән микән бу хәзисне
Сәғәзәтле кылмак өсөн һәр бер эшнә*

‘Каждому нужно знание брать,
Даже если в Китай за наукой идти.
Хадис-шариф — знания от слов —
Для каждого мусульманина и мусульманки.
Пророк сказал, видно, этот хадис
Во имя благополучного вершения каждого дела...’ [БНТ 2018: 143].

Несмотря на то, что данный хадис («Ищите знания, даже если придется отправиться в Китай») считается слабым, он является общеизвестным и распространенным в мусульманских регионах, в том числе и в Урало-Поволжье.

В исламе невежество является порицаемым явлением, восхвалялось получение знаний, его применение во благо обществу. Как показывает пример, смысловая нагрузка хадиса была удачно использована в одном из мунаджатов.

Знаток устно-поэтического творчества А. Н. Киреев выявил тематику башкирских мунаджатов, в которых встречаются и мирские темы, дидактические мотивы, нравственные проблемы. В шакирдовских мунаджатах есть сюжеты, призывающие к просвещению, знаниям. Одним из видов религиозных мунаджатов является *саде* (восхваляющие стихотворение), в настоящее время остающееся вне внимания

исследователей. По мнению А. Н. Киреева, мунаджаты вошли в фольклор вместе с религиозными сюжетами баитов, поэтому они являются близкими жанрами [Киреев 1981: 153–154].

*Мәхшәр еренә барганда,
Шәфғәтсе Мөхәммәт.
Аллаһыма саллиғәлә
Сәйединә Мөхәммәт!*

Сәләм булсын сән, йә Рәсүлүллаһ!

Здесь восхваляется и произносится мольба к Посланнику в надежде на заступничество и близость к нему в Судный день. Салават (благословение) является причиной принятия молитв, чистоты веры и благополучия. В средневековой арабской мусульманской поэзии отражалась важнейшая функция пророка Мухаммеда — заступничество перед Богом (шафа'а) [Усеинова 2014: 39–41]. В башкирских мунаджатах встречается обращение к Пророку, восхваление его деяний.

Мунаджаты создавались авторами, которые хорошо знали религиозные каноны, литературу, содержание аятов и многое другое, тесно связанное с основами ислама:

1. وَمِنْهُمْ مَّنْ يَقُولُ رَبَّنَا آتِنَا فِي الدُّنْيَا حَسَنَةً
وَفِي الْآخِرَةِ حَسَنَةً وَقِنَا عَذَابَ النَّارِ

*Аллаһыма раббанә атинә фиддүниә
Ахирәте, хәсәнәте,
Хозайым, я, Рабби!* [БНТ 2018: 158].

‘Среди людей есть такие, которые обращаются своими искренними сердцами к Богу, прося даровать им добро в ближайшей и в последующей жизни и спасти их от муки огненной’ [Аль-Мунтахаб 2012: 29].

2. وَالْعَصْرِ

Уәлғасрины укығыз [БНТ 2018: 195].

‘Клянусь временем, в которое происходит много чудесных явлений и назиданий...’ [Аль-Мунтахаб 2012: 567].

3. قُلْ هُوَ اللَّهُ أَحَدٌ

Көллөхәт [БНТ 2018: 52] или
«Колһоу» теле [БНТ 2018: 155].

‘Скажи, о Мухаммад, тем, которые, издеваясь, сказали, чтобы ты описал им твоего Господа: «Он — Аллах Единый и един-

Далее в качестве примера практического применения изречения Пророка о чтении салавата صَلَوَاتُ ‘благословение, молитва Пророку’ можно привести следующие строки:

‘Когда придем на площадь Отчета,
То заступником будет Мухаммед.
Аллах, благослови
Господина Мухаммеда’ [БНТ 2018: 61].

Мир тебе, о Пророк Аллаха!’ [БНТ 2018: 91].

ственный. И нет у Него сотоварищей...’ [Аль-Мунтахаб 2012: 570].

4. وَسِعَ كُرْسِيُّهُ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضَ وَلَا يَئُودُهُ
حِفْظُهُمَا وَهُوَ الْعَلِيُّ الْعَظِيمُ

*Укыйык «Аятел Көрсин»не,
«Хивзәһәмә» тигән һүззе* [БНТ 2018: 123].

‘... Трон Аллаха, Его знания и Его власть обширнее небес и земли, и не тяготит Его охрана их. Поистине, Он — Всевышний, Единый и Великий’ [Аль-Мунтахаб 2012: 39].

5. الَّذِينَ إِذَا أَصَابَتْهُمْ مُصِيبَةٌ قَالُوا
إِنَّا لِلَّهِ وَإِنَّا إِلَيْهِ رَاجِعُونَ

Иншааллаһыу разигун [БНТ 2018: 196].

‘...тех, которые, когда постигнет их бедствие, верят, что благо и бедствие от Аллаха Вездесущего, и говорят: «Поистине, мы во власти Аллаха, и лишь к Нему мы возвратимся! Мы благодарим Его за блага и терпим бедствия и при награде, и при наказании»’ [Аль-Мунтахаб 2012: 22].

Мусульманские предания в мунаджатах

В мунаджатах очень часто используются сюжеты преданий о жизни пророков. Как известно, до 20-х гг. XX в. в тюркоязычных издательствах России в большом количестве печатались различные варианты сочинения «Киссас аль-анбия» («Житие пророков»). Они широко использовались в мусульманских образовательных учреждениях и были популярны среди населения.

Так, в башкирские мунаджаты попали предания о пророках Адаме, Хаве, Якубе, Юнусе и других:

*Атам — Әзәм, Анам — Гауа,
Алып сыкты гүмер тәүзә*

‘Отец — Адам, мать — Хава,
Первые увидели жизнь...’ [БНТ 2018: 169].

Укы, Сизыкий, Ясинды

‘Ситдыки, читай Ясин’ [БНТ 2018: 161].

Сәләм булсын сән, йә Рәсүлүллаһ!

‘Приветствие тебе, о Пророк Аллаха’ [БНТ 2018: 91].

В некоторых произведениях перечисляются деяния пророков. Так в сочинении «Пәйғәмбәрзәр тураһында» («О пророках»)

описываются предстоящие действия пророков перед Аллахом.

*...Якуп пәйғәмбәр Алла каршында
Балаһы өсөн көйгәнен һөйләр.
Йосоп пәйғәмбәр Алла каршында
Каруанга һатылып киткәнен һөйләр.
Ибраһим пәйғәмбәр Алла каршында
Уттан гөл-бакса булганын һөйләр.
Сөләймән пәйғәмбәр Алла каршында
Ете кат күккә ашканын һөйләр.
Юныс пәйғәмбәр Алла каршында
Ете кат үлеп терелгәнен һөйләр.
(Ғ)Айса пәйғәмбәр Алла каршында
Дүрт кат күккә ашканын һөйләр.
Әйүп пәйғәмбәр Алла каршында
Үз итенән корт эйгәнен һөйләр.
Юныс пәйғәмбәр Алла каршында
Балык карынында ятканын һөйләр.
Һәр бер пәйғәмбәр үз хәлен һөйләр,
Үз өммәтенә ярлыкау теләр.
Насип ит, Аллам, без колларыңды
Йәннәт эсендә бергә булырға*

‘...Пророк Якуб пред Аллахом
Расскажет, как о дитя горевал.
Пророк Юсуф пред Аллахом
Расскажет, как каравану продан был.
Пророк Ибрахим пред Аллахом
Расскажет, как огонь садом стал.
Пророк Сулейман пред Аллахом
Расскажет, как на семи небесах парил.
Пророк Юнус пред Аллахом
Расскажет, как после семи смертей оживал.
Пророк Иисус пред Аллахом
Расскажет, как на четырех небесах витал.
Пророк Аюб пред Аллахом
Расскажет, как проказой болел.
Пророк Юнус пред Аллахом
Расскажет, как в животе рыбы обитал.
Каждый Пророк про дела свои расскажет,
Своей общине прощение пожелает.
Предопредели, Аллах, нам, твоим рабам,
Быть вместе в Раю’ [БНТ 2018: 93].

В этих строках рассказывается, что пророки Якуб, Юсуф, Ибрахим, Сулейман, Юнус, Иса (Иисус), Аюб расскажут перед Всевышним о том, через какие испытания они прошли, также будут просить о помиловании своего народа. Эти истории есть в Священном Коране как коранические предания. Они приведены и направлены на читателя как воспитывающие рассказы. Поэтому свойства мунаджата как дидактического жанра здесь особенно видны, потому что даются короткие сюжеты из жизни пророков авраамических религий, тем самым обогащаются знания читающего.

Выводы

Анализ мунаджатов, являющихся одним из наиболее распространенных видов башкирского народного творчества, показывает,

как специфичный жанр несет в себе религиозную идею, тем самым обучая, наставляя и воспитывая людей.

Рассмотрены образцы мунаджатов, которые показывают особенности использования религиозных мотивов в поэтических произведениях. Кроме того, можно отметить искажение арабских фраз, названий книг, слов при передаче в устной и письменной форме. Наряду с религиозными терминами, понятиями и сюжетами в рассмотренных мунаджатах поднималась и тема просвещения, которая, в общем, не была чужда догматам ислама. Исследование позволило выявить использованный в мунаджатах ряд аятов и хадисов, сюжетов популярных религиозно-мистических произведений. Они умело и уместно вплетены в стихотворную канву повествований.

Литература

- Аль-Газали 2011 — *Абу Хамид Мухаммад аль-Газали ат-Туси. Ихйа' 'улум ад-дин* (Возрождение религиозных наук): в 10 т. Т. 1 / пер. с араб. яз. И. Р. Насырова и А. С. Ацаева. 2-е изд. Махачкала: Нуруль иршад, 2011. 424 с.
- Аль-Мунтахаб 2012 — *Аль-Мунтахаб фи Тафсир аль-Кур'ан аль-Карим*. Толкование Священного Корана на русском языке: перевод с арабского языка. Казань: Идель-Пресс, 2012. 638 с.
- БНТ 2018 — Башкирское народное творчество. Т. XV: мунажаты / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Р. А. Султангареева. Уфа: Китап, 2018. 296 с. (На башк. яз.).
- Галин 2004 — *Галин С. А.* Башкирское народное творчество. Уфа: Китап, 2004. 392 с. (На башк. яз.).
- Галина 2006 — *Галина Г. С.* Башкирские байты и мунажаты: тематика, поэтика, мелодика. Уфа: Изд-во БИРО, 2006. 186 с.
- Гиргас 2006 — Арабско-русский словарь к Корану и хадисам / В. Ф. Гиргас. СПб.: Диля, 2006. 928 с. (На араб. и рус. яз.)
- ИБЛ 1990 — История башкирской литературы: в 6 т. Т. 1: Средневековый период / отв. ред. Г. Б. Хусаинов. Уфа: Башкиргиздат, 1990. 609 с. (На башк. яз.).
- ИБЛ 2012 — История башкирской литературы: в 4 т. / гл. ред. М. Х. Надергулов. Т. 1: С древнейших времен до начала XX века / отв. ред. Г. Б. Хусаинов. Уфа: Китап, 2012. 560 с.
- Киреев 1970 — *Киреев А. Н.* Башкирский народный героический эпос. Уфа: Башкирск. кн. изд-во, 1970. 304 с.
- Киреев 1981 — *Киреев А. Н.* Башкирское народное устно-поэтическое творчество: учеб. пособ. Уфа: БашГУ, 1981. 232 с. (На башк. яз.).
- Кунафин 2011 — *Кунафин Г. С.* Башкирская поэзия XIX – начала XX веков: вопросы жанровых и идейно-художественных особенностей. Уфа: АН РБ, Гилем, 2011. 480 с.
- Салихов, Абдрафикова, Искандарова 2017 — *Салихов А. Г., Абдрафикова Г. Х., Искандарова С. А.* Мунаджаты Татышлинского района Республики Башкортостан // Археология Южного Урала: Документальное наследие революции 1917 года: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. Б. Юнусовой. Уфа: Мир печати, 2017. С. 157–164.
- Салихов 2020 — *Салихов А. Г.* Арслан-Амекачевский (Унгаровский) вариант «Назиданий» Мифтахетдина Акмулла // Проблемы востоковедения. 2020. № 3 (89). С. 74–83.
- Султангареева 2018 — *Султангареева Р. А.* Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции: Т. 1: Миф. Обряд. Танец. Сказительство. Шаманский, религиозный, музыкальный фольклор. Современные традиции. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 520 с.
- Туймова 2008 — *Туймова Г. Р.* Религиозные музыкально-поэтические жанры в традиционной музыке крымских татар: мавлид и иляхи: автореф. дисс. ... канд. искусств. М., 2008. 22 с.
- Усеинова 2014 — *Усеинова С. Р.* Проблемы определения и периодизации арабской религиозной поэзии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 13. 2014. Вып. 2. С. 39–52.
- Хадис 2014 — *Хадис: учебное пособие / сост. И. Ганиев.* СПб.: Диля, 2014. 272 с.

References

- Abū Ḥāmid Muḥammad al-Ġazālīy aṭ-Ṭūsiyy. The Revival of the Religious Sciences. In 10 vols. Vol. 1. I. R. Nasyrov, A. Atsaev (transl.). 2nd ed. Makhachkala: Nurul Irshad, 2011. 424 p. (In Russ.)
- An Interpretation of the Holy Quran: Arabic-to-Russian Translation. Kazan: Idel-Press, 2012. 638 p. (In Russ.)
- Galín S. A. Bashkir Folklore. Ufa: Kitap, 2004. 392 p. (In Bash.)
- Galina G. S. Bashkir Baits and Munajats: Themes, Poetics, Melodies. Ufa: BIRO, 2006. 186 p. (In Bash.)
- Ganiev I. (comp.) Hadith: A Guidebook. St. Petersburg: Dilya, 2014. 272 p. (In Russ.)
- Girgas V. F. Arabic-Russian Dictionary of the Quran and Hadiths. St. Petersburg: Dilya, 2006. 928 p. (In Arab. and Russ.)
- Khusainov G. B. (ed.) History of Bashkir Literature. In 6 vols. Vol. 1: The Medieval Period. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1990. 609 p. (In Bash.)
- Khusainov G. B., Nadergulov M. Kh. (eds.) History of Bashkir Literature. Vol. 1: From Earliest Times to the 20th Century. Ufa: Kitap, 2012. 560 p. (In Russ.)
- Kireev A. N. Bashkir Oral Folk Poetry. Ufa: Bashkir State University, 1981. 232 p. (In Bash.)
- Kireev A. N. Heroic Epic of the Bashkir People. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1970. 304 p. (In Russ.)

- Kunafin G. S. Bashkir Poetry, 19th – Early 20th Century: Genre, Ideological, and Artistic Features Reviewed. Ufa: Bashkortostan Academy of Sciences, Gilem, 2011. 480 p. (In Russ.)
- Salikhov A. G. The Arslan-Amekachevsky (Ungarovsky) version of *Edification* by Miftakhedin Akmullah. *The Problems of Oriental Studies*. 2020. No. 3 (89). Pp. 74–83. (In Russ.)
- Salikhov A. G., Abdrafikova G. Kh., Iskandarova S. A. Munajats from Tatyshlinsky District of Bashkortostan. In: Yunusova A. B. (ed.) *Archaeography of the Southern Urals: Documentary Heritage of the Russian Revolution*. Conference proceedings. Ufa: Mir Pechati, 2017. Pp. 157–164. (In Russ.)
- Sultangareeva R. A. (comp.) Bashkir Folklore. Vol. XV: Munajats. Ufa: Kitap, 2018. 296 p. (In Bash.)
- Sultangareeva R. A. Bashkir Folklore: Semantics, Functions and Traditions. Vol. 1: Myth, Ritual, Dance, Tale-telling. Shamanic, Religious, Musical Folklore. Contemporary Traditions. Ufa: Bashkirskaya Entsiklopediya, 2018. 520 p. (In Russ.)
- Tuymova G. R. Religious Musical and Poetic Genres in Traditional Music of Crimean Tatars: Mawlid and Ilāh. Cand. Sc. (art studies) thesis abstract. Moscow, 2008. 22 p. (In Russ.)
- Useinova S. R. Arabic religious poetry — defining and periodization problems. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2014. No. 2. Pp. 39–52. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 4, pp. 868–878, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-868-878

Антиколыбельная песня Егора Буджалова в аспекте пародии Морхаджи Нармаева: «Өдгэ цага саатулин дун» — «Буджала Егор залуд»

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ханинова Р. М., 2021

Аннотация. *Введение.* В калмыцкой поэзии XX в. жанры колыбельной песни и стихотворной пародии малоизучены. Возникнув в конце 1920-х — начале 1930-х гг., они развивались в основном в границах столетия. Заявленные в жанровом отношении эксплицитно или имплицитно, такие произведения калмыцких поэтов ориентировались прежде всего на русскую литературную традицию. Введенные в научный оборот, эти стихотворения расширяли жанровую парадигму калмыцкой поэзии в межкультурном диалоге. *Актуальность и новизна* данной статьи определена изучением двух новаторских произведений Егора Буджалова и Морхаджи Нармаева в единичных жанрах антиколыбельной песни и сатирической пародии как литературной полемики современников 1990-х гг. *Цель* — введение в научный оборот малоизвестных стихотворений двух поэтов, представляющих новые образцы жанров. *Материалы и методы.* Материалом для исследования стали «Өдгэ цага саатулин дун» («Современная колыбельная песня», 1991) Е. Буджалова и «Буджала Егор залуд» («Мужчине Егору Буджалову», 1991) М. Нармаева, опубликованные в республиканской газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда»). Историко-литературный и реальный комментарий, сравнительно-сопоставительный и герменевтический подходы позволили рассмотреть избранные произведения в контексте литературного, общественно-политического, идеологического, социального процессов накануне распада СССР, а также в аспекте биографических данных этих калмыцких поэтов разных поколений, определить их мировоззренческие позиции и авторские интенции в анализируемых текстах. *Результаты.* Изучение указанных произведений доказало их новаторский характер в создании колыбельной для взрослых, антиколыбельной песни и сатирической пародии, имеющих единичные образцы в этом направлении, поскольку колыбельная песня в калмыцкой поэзии была в основном адресована младенцу, а пародия имела дружелюбный характер. Авторы продемонстрировали полярные взгляды на современную действительность 1980–1990-х гг.: с одной стороны, критика, с другой — защита социализма, коммунистиче-

ских идей. *Выводы.* Стихотворение Е. Буджалова создано на стыке жанров колыбельной песни для детей, колыбельной песни для взрослых, антиколыбельной песни, так как формульный припев (баю-бай), выполняющий функцию маркера жанра, в данном случае имеет противоположный посыл, вступающий в противоречие с ироническим мотивом усыпления: наоборот, просыпайтесь, не спите, действуйте. У М. Нармаева стихотворение в диалоге с современником также являет синтез жанров: послание, открытое письмо в стихотворной форме, сатирическая пародия. При этом в последнем случае жанр пародии трансформируется, когда автор пародирует не столько авторский стиль, сколько авторские интенции на тему современной советской действительности. Традиция такой литературной полемики не была продолжена в калмыцкой поэзии.

Ключевые слова: литературная колыбельная песня, литературная антиколыбельная песня, сатирическая пародия, трансформация жанра, калмыцкая лирика XX века

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Антиколыбельная песня Егора Буджалова в аспекте пародии Морхаджи Нармаева: «Өдгэ цага саатулин дун» — «Буджала Егор залуд» // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (4). С. 868–878. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-868-878

‘Ödgä tsaga saatulin dun’ — ‘Budzhala Yegor zalud’: Yegor Budzhalov’s Anti-Lullaby and Morkhadzhi Narmaev’s Parody

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khaninova R. M., 2021

Abstract. Introduction. So far, the genres of lullaby and poetic parody in the Kalmyk poetry of the twentieth century have not attracted much attention. Born in the late 1920s — early 1930s, the tradition was short-lived. While their genres were explicitly or implicitly marked, the works of Kalmyk poets in question were primarily oriented towards the Russian literary tradition. However, they expanded the genre paradigm of Kalmyk poetry in the intercultural dialogue. The relevance and novelty of the article is apparent, granted its focus on the two innovative works by Egor Budzhalov and Morkhadzhi Narmaev; these are single works that belong to the genres of anti-lullaby and satirical parody as part of the 1990s literary polemics of the contemporaries. This article *aims* to introduce these little-known poems of the two poets as representative of their contributions to the genres. *Materials and methods.* The sources for the study, Budzhalov’s “Ödgä tsaga saatulin dun” (“Modern Lullaby Song”, 1991) and Narmaev’s “Budzhala Yegor zalud” (“To the man Yegor Budzhalov”, 1991), were published in the local newspaper *Khalmg ünn*. The study of historical-literary milieu and realia, comparative-contrastive and hermeneutic approaches were employed to examine the poetic pieces in the context of literary, socio-political, ideological, and social processes on the eve of the country’s collapse; also, the biographical data of the poets that belong to different generations was helpful in the analysis of their ideological positions, as well as the authorial voices in the texts under study. *Results.* The study shows the innovative character of the poets’ efforts at creating a lullaby for adults, or an anti-lullaby song, and a satirical parody; these were to remain single samples, granted that the Kalmyk lullabies are mainly addressed to infants, and parodies are of a friendly character. Their works reflect the authors’ polar views on the realities in the 1980s and 1990s: criticism, on the one hand, and the defense of socialism, communist ideas, on the other hand. *Conclusions.* Budzhalov’s poem may look like a lullaby for children at first sight while, in fact, it is a lullaby for adults or rather an anti-lullaby, with the formulaic chorus *baiu bai*, a marker of the genre, acquiring in his piece the opposite message:

wake up, do not sleep, act. Narmaev enters the dialogue with his younger contemporary, his poem also representing a synthesis of genres: a message, an open letter in verse, and a satirical parody. However, his parody is also transformed when the author parodies not so much his fellow poet's style but the authorial implications concerning the Soviet reality. The tradition of literary polemics was not continued in Kalmyk poetry.

Keywords: literary lullaby, literary anti-lullaby, satirical parody, genre transformation, Kalmyk lyrics of the twentieth century

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions'.

For citation: Khaninova R. M. 'Ödgä tsaga saatulin dun' — 'Budzhala Yegor zalud': Yegor Budzhalov's Anti-Lullaby and Morkhadzhi Narmaev's Parody. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (4): 868–878. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-868-878

Введение

Калмыцкая литературная колыбельная песня не была объектом и предметом исследования в отечественном литературоведении, за исключением статей Р. М. Ханиновой [Ханинова 2000а; Ханинова 2000б]. По мнению исследователя, в калмыцкой лирике колыбельная песня обычно адресована младенцу / ребенку, но развивалась она на периферии жанровой системы национальной литературы и не имела широкого распространения как в прошлом, так и в новом веке. Если народная колыбельная песня отличается в общем импровизационным характером, то литературная, часто следуя за фольклорным аналогом, отвечает требованиям стихотворного жанра в аспекте заголовочно-финального комплекса (ЗФК), поэтики, версификации, разнообразной адресации [Ханинова 2000а: 190]. Обращение калмыцких поэтов к жанру колыбельной песни носило эпизодический характер, отразило влияние фольклорной калмыцкой и русской колыбельной песни, в том числе национального стихосложения.

Термин «колыбельная песня» в калмыцком языке имеет несколько обозначений, образованных при помощи существительных «люлька, колыбель» ('бүүвэ', 'дүүжн', 'өлгэ'), «песня» ('дун') и глагола «убаю-кивать» ('саатулх') [КРС 1977: 131, 221, 414, 214, 434]; в итоге — прилагательное + существительное: *бүүвэн дун, өлгэн дун, дүүжңгин дун, саатулин дун*. По-калмыцки понятие «младенец» передается разными способами: 1) *нилх* — новорожденный; младенческий; 2) *нилх бичкн* — новорожден-

ный ребенок [КРС 1977: 378]; в том числе *нилх куукн* — дитя.

Согласно современной формулировке, «колыбельная — песня, адресованная младенцу, находящемуся в состоянии перехода, и функционально направленная на его завершение» [Головин 2000а: 13]. Калмыцкая колыбельная песня, как и в фольклоре других народов, выполняла несколько функций: «функцию успокоения-усыпления, охранительную, прогностическую и эпистемологическую. Реализация данных функций в контексте традиционного мировоззрения обеспечивает как этапное, так и целостное „завершение“ переходного состояния — сон и выход адресата жанра из „переходно-опасного“ статуса в благополучное будущее» [Головин 2000а: 14]. Для колыбельной песни характерны следующие особенности: фабула сна и роста, основные мотивы сна-роста, благополучного будущего, отношения к адресату, утверждения сна, «все спят, и ты спи», маркировки адресата, мотивы колыбели, качания, семьи, рода, страны, природы, божественных покровителей, дарения и др. [Головин 2000а: 22].

Эти сущностные признаки относятся и к литературной колыбельной песне, особенно к периоду ее становления.

Первые колыбельные песни в калмыцкой лирике 1920–1940-х гг. соответствовали советской колыбельной песне в идеологических, агитационно-пропагандистских целях: «Өлгэн бичкн куукдт» («Младенцу в колыбели», 1928) Аксена Сусеева (1905–1995), «Нилх үрндэн» («Младенцу», 1938) Церена Леджинова (1910–1942), «Өлгэн

күүкдт» («Младенцу», 1940) Гари Шалбурова (1912–1942).

Определенный социально-политический аспект обнаружен и в колыбельных песнях 1960-х гг. — «Саатулын дун» («Колыбельная песня», 1960) Тимофея Бембеева (1930–2003), «Өлгэн дун» («Колыбельная песня», 1963) Михаила Хонинова (1919–1981), «Унтыч, күүкм, өсич» («Спи, мое дитя, расти», 1968) Эрнеста Тепкенкиева (1929–2017) и др. [Ханинова 2000а].

При этом политический контекст песен 1920–1940-х гг. и 1960-х гг. равнозначен в манифестации советских мифов о Большой семье, а также о советской стране с мотивом покровительства и охраны детей, о которых заботится родина.

«Колыбельная может видоизменяться под воздействием исторической эпохи и идеологии, но не терять при этом своей сущностной, архетипической основы», — отмечает современный исследователь [Головин 2000а: 377–378].

В последующем литературная колыбельная песня вновь возвращается к своему жанровому архетипу, к частному, интимному, а не общественному, публичному в политическом контексте, но, тем не менее, имеет расширенный адресат, как детский, так и взрослый — читательский, поскольку не обладает прагматической функцией качания-убаюкивания, которая подразумевается в жанровом архетипе.

Среди них колыбельные песни «Дүүжгин дун» (1974) Владимира Нурова (г. р. 1938), «Саатул» («Колыбельная», 1980) Боси Сангаджиевой (1918–2001), «Увлин салькн» («Зимний ветер», 1982) Анджи Тачиева (1920–1993), «Саатулын дун» («Колыбельная песня», 1994) Алексея Балакаева (1928–1998), «Саатулын дун» (1987) Морхаджи Нармаева (1915–1993), «Саатулын дун» (1989) Василия Чонгонова (г. р. 1958), «Өлгэн дун» (1994, 2004) Николая Санджиева (1956–2020), «Саатул» («Колыбельная», 2000), «Саатулын дун» (2014) Веры Шуграевой (г. р. 1940) и др. [Ханинова 2000а; Ханинова 2000б].

«Өдгэ цага саатулин дун» Егора Буджалова как антиколыбельная песня

Исследователи отмечают, что жанр литературной колыбельной песни, эволюцио-

нируя на протяжении двух столетий, существенно видоизменился: не только утратил многие изначально значимые для него признаки, но и вобрал в себя черты других жанров [Тихомирова 2012: 368].

«Принципиальное открытие литературной традиции — возможность адресовать колыбельную не только ребенку» [Головин 2000в: 46]. Так, в колыбельной песне поэтов, помимо обычного адресата, появилась адресация к самому себе (например, Н. Некрасов, И. Бродский, О. Седакова, Р. Гамзатов), к другу (например, О. Берггольц), к возлюбленной (например, А. Толстой, А. Кушнер), к неодушевленным объектам (например, А. Фет) и др., т. е. стали колыбельными для взрослых, в том числе возникли антиколыбельная (например, Е. Мнацаканова), пародия на колыбельные песни (например, Н. Некрасов, Д. Минаев), как указывают В. В. Головин, В. Б. Меркурьева и др. [Головин 2006; Меркурьева 2015; Тихомирова 2012; Гасанов, Акавов 2011; и др.].

По мнению В. В. Головина, «появление „антиколыбельной“ песни можно рассматривать как предел одной из линий развития жанра <...>, „антиколыбельный“ мир строится на оппозициях к инвариантной модели жанра, то есть в конце жанровой истории воссоздается ее начало, хотя и в „перевернутом“ виде» [Головин 2000в: 53].

В калмыцкой лирике такие примеры единичны. Это «Өдгэ цага саатулин дун» («Современная колыбельная песня», 1991) Егора Буджалова (1929–2009), опубликованная в республиканской газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») [Буджала Е. 1991: 1]. По типу — это, во-первых, колыбельная для взрослых, во-вторых, это антиколыбельная песня, в-третьих, тут же она вызвала пародию Морхаджи Нармаева (1915–1993) «Буджала Егор залуд» («Мужчине Егору Буджалову», 1991) [Нармин М. 1991: 4].

Для сравнения напомним, что ранее по этому была написана колыбельная песня для детей «Баю-бай» [Буджала Е. 1992: 23–24; 2005: 25], где использован русский маркер «баю-бай» несмотря на то, что есть калмыцкий *бүүвэ, бүүвэ*.

В ранней буджаловской песне название «Баю-бай» дано по-русски. В самом тексте начало каждого из четырех куплетов тоже маркировано: «Баю-бай, баю-бай». Первый

куплет вводит мотив «все хотят спать, и ты спи»: *Баахн зуур амрихай, / Баавань цуцрад таржана, / Бас унтхар седжэнэ* ‘Давай немного отдохнем. / Мама устала, / Тоже хочет спать’¹ [Буджала Е. 2005: 25]. Второй и третий куплеты, тоже начинаясь с призыва отдохнуть, развивают мотив «все спят, и ты спи»: *Туула кичгүд унтихана, / Тедн зүүд үзцхэнэ. <...> Хөөнэ хурһд цуцржэ, / Цугтан унтхар кевтихэжэ* ‘Зайчата спят, / Они видят сны. <...> Ягнята, устав, улеглись спать’ [Буджала Е. 2005: 25].

Мотив будущего, не столь отдаленного, проецирован на завтрашний день: *Мадн эрт босхмн, / Мадн ээждэн одхмн* ‘Мы рано встанем, / Мы пойдем к бабушке’ [Буджала Е. 2005: 25]. Короткий припев с незначительным изменением завершает каждый куплет: *Нэ, унт, унт, унт, / Сээхн юмн энти! <...> Нэ, нүдэн, нүдэн ань, / Сээхн юмн энти! <...> Унтыч, хээмнь, унтыч, / Сээхн юмн энти!* ‘Ладно, спи, спи, спи, / Это хорошо! <...> Ладно, глаза, глаза закрой, / Это хорошо! <...> Засыпай, милый, засыпай, / Это хорошо!’ [Буджала Е. 2005: 25]. В этой песне связь поколений показана на семейном уровне: мать — ребенок — бабушка.

Введение формулы-маркера «баю-бай» в название и текст обусловлено не столько экспериментом, сколько, видимо, невниманием к калмыцкому эквиваленту. Это подтверждает редкое обращение калмыцких поэтов к маркеру *бүүвэ*. Музыку к буджа-

ловской колыбельной написал композитор Борис Уджаев [Буджала Е. 1992: 23–24].

Отнести новый буджаловский текст к колыбельной для взрослых позволяет его адресация: это обращение не к младенцу, а к взрослому. Причем не к единственному, а к множеству. И не к знакомым людям, а в масштабе страны. Таким образом, пространство такой колыбельной из локального перерастает в глобальное, несмотря на то, что произведение создано на родном языке, оно до сих пор не переведено на русский язык, не вошло в авторские сборники по неизвестным теперь причинам (авторский отказ от републикации, цензура и т. п.).

Название и содержание стихотворения Е. Буджалова определено современной действительностью России середины 1980-х — начала 1990-х гг., этим фактором вызван его политико-идеологический, социально-общественный, сатирический вектор.

Мотив убаюкивания, характерный для обычной колыбельной песни, здесь имеет иронический аспект: расхождение между словом и действием, когда риторика власти в идеологическом плане должна была успокоить (усыпить) граждан. Автор же призывает взрослых людей обеспокоиться, проснуться для понимания и действия. Все это позволяет отнести произведение к антиколыбельной песне.

Приведем стихотворение полностью (курсив наш).

*Баю бай, баю бай,
Бичэ икэр өврцхэй.
Коммунистр зовжана,
Күндэн геелд түржэнэ.*

*Баю бай, баю бай,
Бүсэн чаңһар бүслихэй.
Олн-эмтн түржэнэ,
Орн-нутг таржана.*

*Баю бай, баю бай,
Бичэ икэр өврцхэй,
Социализм бөкчэнэ,
Советмүд сержэнэ.*

*Баю бай, баю бай,
Борис Ельцин келжэнэ.
Баю бай, баю бай,
«Бүсэн чаңһа» гижэнэ.*

*Баю бай, баю бай,
Перестройк бүрдвэ.
Баю бай, баю бай,
Партыс ноолда эклвэ.*

*Баю бай, баю бай,
Эдн йосан булалдна.
Баю бай, баю бай,
Эгл улс түрлднэ.*

¹ Здесь и далее наш смысловой перевод.

*Баю бай, баю бай,
Бүсэн чаңһар бүслихэй.*
Лавкин тагмуд хоосрва,
Лавта жирһл хоцрва.

*Баю бай, баю бай,
Бүсэн чаңһар бүслихэй.*
Сибирь даасн маднда
Сүрдх юмн угала.

*Баю бай, баю бай,
Газетэн умшцхай.
Баю бай, баю бай,
Горбачеван сонсцхай.*

*Баю бай, баю бай,
Закадмуд түгжэнэ.
Баю бай, баю бай,
Забастовкс гүджэнэ.*

*Баю бай, баю бай,
Бүсэн цугтан чаңһацхай!*
Алван цагтнь өгчэцхэй,
Айта жирһлэн магтцхай!

*Баю бай, баю бай,
Бичэ һурниһэд бээхнч, хээмнь,
Тавн үртэ эк цаачн
Талһан геечкэд уульж бээнэ...*

В антиколыбельной песне калмыцкого поэта такое включение русской формулы «баю-бай» представляется уместным, тем самым актуализируется обобщенный, общесоюзный вектор адресата — взрослого читателя.

В 12 куплетах-четверостишиях «Современной колыбельной песни» Е. Буджалова колыбельный маркер припева организован своеобразно, каждая строка куплета начинается: «Баю бай, баю бай», создавая синтаксический параллелизм, а в отдельных куплетах (с 6 по 10) дважды через строку. В 48 строках текста этот припев используется 17 раз, составляя 35,4 %. Несмотря на такую частотность, смысловой эффект возникает противоположный настойчивому предложению лирического субъекта заснуть.

Автор в контексте своего произведения деконструирует характерные для канонического жанра архетипические мотивы: «все хотят спать, и ты спи», «все спят, и ты спи». Наоборот, выясняется: «никто не хочет спать, и ты не спи», «никто не спит, и ты не спи».

Императивным рефреном стал метафорический призыв в разных вариантах: *Бүсэн чаңһар бүслихэй* («Потуже затянем пояса»), *Бүсэн чаңһа гижэнэ* («„Затяни пояс“, — сказал»), *Бүсэн цугтан чаңһацхай!* («Все затянем пояса!») [Буджала Е. 1991: 1].

Первый рефрен определен политической и экономической ситуацией в стране: борьба партий, политических лидеров за власть, перестройка (коммунисты, Б. Ельцин, М. Горбачев), забастовки, пустые прилавки магазинов, экономический и продовольственный кризис (карточная система), обнищание народа, развал государства с

«парадом суверенитетов» некоторых союзных республик, межнациональными конфликтами.

Олн-амтн түржэнэ, / Орн-нутг таржана «Народ бедствует, / государство распадается» [Буджала Е. 1991: 1]. А для калмыков, по мнению поэта, в сравнении с тем, что народ пережил сибирскую ссылку (1943–1956), уже нет ничего страшного: *Сибирь даасн маднда / Сүрдх юмн угала* [Буджала Е. 1991: 1].

Упоминание имени Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева связано с тем, что процесс распада СССР начался с середины 1980-х гг., когда по его инициативе был взят курс на так называемую перестройку — реформы экономического ускорения, гласность и демократизация государственной и общественно-политической деятельности в стране. Несмотря на то, что по результатам всесоюзного референдума о сохранении СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, проведенного 17 марта 1991 г., свыше 76 % участников поддержали этот проект, тем не менее Новоогаревский процесс, нацеленный на подписание договора о создании Союза Суверенных государств, правопреемника СССР, так и не был завершен в связи с августовским путчем 1991 г.

Напомним, что стихотворение Буджалова напечатано 2 апреля после проведенного референдума, но до событий 18–21 августа, размещено на первой странице республиканской газеты, где обычно дают передовицы. Такая публикация, с одной стороны, подтверждавала в определенной степени объявленную гласность и демократические процессы, с другой — выра-

жала тревогу и озабоченность тем, что происходило в стране.

Второй рефрен *Бичэ икар өврийхэй* («Сильно не будем удивляться») обусловлен отношением автора к тому, что пишут советские газеты, говорит Михаил Горбачев, призывает Борис Ельцин, тогдашний Председатель Верховного Совета РСФСР. Модель тоталитарной политической системы с кадровым застоём, моноцентризм, потеря в обществе авторитета Коммунистической партии, кризис идеологии социализма, коррупция, цензура, Афганская война и т. д. — все это и многое другое подрывало доверие народа к власти. Будучи беспартийным, автор констатирует партийную сумятицу: *Коммунистнр зовжэна, / Күндэн гееһэд түржэна* «Коммунисты переживают, / не могут между собой договориться», ибо *Социализм бөкчэна, / Советмүд сержэна* «Социализм гаснет, / Советы просыпаются» [Буджала Е. 1991: 1]. Именно поэтому поэт указывает на то, что законы в стране не соблюдаются: *Закадмүд түгжэна*, трудящиеся устраивают забастовки: *Забастовкс гүджэна* [Буджала Е. 1991: 1]. Но ничего не меняется к лучшему. Остается только вовремя платить налоги и славить такую «хорошую» жизнь: *Алван цагтнь өгчэцхэй, / Айта жэриһлэн магтүхэй* [Буджала Е. 1991: 1].

Единственный раз в произведении использован глагол *сержэна* «просыпаются» (калм. *серх* «проснуться») в отношении Советов народных депутатов. В то время как в период перестройки политические партии не спят, начали борьбу за власть, простые же люди доведены до нужды: *Перестройк бүрдвэ. <...> Партьс ноолда эклвэ. <...> Эдн йосан булалдна. <...> Эгл улс түрднэ* [Буджала Е. 1991: 1]. Все описанные процессы сопровождаются припевом убаюкивания — и тех, кто наверху, и тех, кто внизу.

Это вызывает ассоциации с известным ленинским высказыванием о том, кто кого разбудил в России, кто ударил в колокол, призывая проснуться сограждан, а также вспоминаются пародии на то, что зря не надо будить народ — пусть себе спит: так спокойнее всем. Для современного читателя ирония стихотворной строки «Газетэн умшцхэй» («Читайте газету») вызовет в памяти совет профессора Преображенского доктору Борменталю не читать советских газет за обедом из повести М. Булгакова «Собачье сердце» (1925).

Символично завершение антиколыбельной песни: *Баю бай, баю бай... / Бичэ хурниһэд бээхнч, хээмнь, / Тавн үртэ эк цаачн / Талоһан геечкэд уульжэ бээна...* «Баю бай, баю бай... Не печалься, бедняга. Там мать пяти детей, потерявшая талоны, плачет...» [Буджала Е. 1991: 1]. Такая детализация, казалось бы, частного бытового факта (потеря талонов — продуктовых / промтоварных) усиливается уточнением, что потеряла талоны многодетная мать (подчеркивается количество детей), которая в бессилии плачет, оставшись без социальной поддержки. Значимым является и завершение этой строки многоточием, т. е. можно много и долго рассказывать о том, что происходит в стране.

Следовательно, мотив маркировки адресата (власть и народ) и мотив отношения к адресату (сатирическое к власти и сострадательное к народу) представлены определенными образами — собирательными и персональными, разновекторными формулами-призывами: 1) потуже затянем пояса, 2) не будем сильно удивляться, 3) не будем печалиться, 4) будем читать газету, 5) слушать речи политиков, 6) славить такую жизнь. «Переходная» функция колыбельной песни поэта в данном случае транслирует «переходное» состояние государства, власти и народа, ситуацию опасности, неопределенного будущего, отнюдь не благополучного.

На наш взгляд, не случайным представляется выбор калмыцким поэтом такого жанра, в котором явлен синтез сатиры, сарказма, горькой иронии в форме колыбельной песни через антитезу: плач — слава, безмятежный сон — социальные протесты, прежняя жизнь — суровая современность, верхи — низы, бессонные — сонные, оппозиция «свой» — «чужой», время прошлое — время настоящее.

В тексте используется безэквивалентная лексика, передающая реалии того периода: коммунисты (*коммунистнр*), социализм, Советы (*Советмүд*), лавка (в значении «магазин»), газета, партии (*партьс*), перестройка (*перестройк*), забастовки (*забастовкс*), талон.

Анализ корпуса текста свидетельствует об отнесении его к жанру колыбельной для взрослых, антиколыбельной песне, в которой проецируются авторские мысли и чувства.

Пародия Морхаджи Нармаева «Буджала Егор залуд» («Мужчине Егору Буджалову», 1991) как ответ на антиколыбельную песню калмыцкого поэта

Если «Современная колыбельная песня» (1991) Егора Буджалова является единственной в жанре колыбельной песни для взрослых, антиколыбельной песни в калмыцкой лирике, то стихотворение Морхаджи Нармаева «Буджала Егор залуд» («Мужчине Егору Буджалову», 1991) — пародийным ответом на произведение младшего коллеги. При этом данная пародия имеет не характерный для калмыцкой литературной пародии сатирический дискурс, противостоящий оригинальному тексту, отрицающий его идейную сущность.

С современной точки зрения, «типология пародии определяется такими факторами, как техника пародирования, временная соотношенность, цели пародирования, объект пародирования, четкость границ жанра, доминирующая функция пародирования. <...> Границы жанра пародии амбивалентны, она находится в постоянном развитии и претерпевает различные модификации» [Лушникова 2010: 10].

Пародия как жанр является одним из индикаторов литературного процесса. Когда современники являются авторами пародии и пародируемого объекта, то это литературная полемика. Среди такой литературной полемики в калмыцкой лирике XX в. преобладает дружеская (дружелюбная, по классификации Вл. Новикова [Новиков

1989: 119]) пародия, рассмотренная в недавней статье [Ханинова 2019: 199–210]. Как правило, стихотворные дружеские пародии Гари Даваева, Тимофея Бембеева, Санжары Байдыева, Михаила Хонинова, анонимных авторов (Умшач, Арзин Хар) небольшого объема по сравнению с пародией М. Нармаева (в газетном варианте 97 строк без заглавия). Жанровая дифференция калмыцкими поэтами не всегда указывалась ни в названии, ни в подзаголовке пародийных текстов.

То же самое наблюдаем и в случае имплицитной пародии М. Нармаева — ее жанр автором не обозначен. Его ответ не заставил себя долго ждать: через почти полтора месяца, 15 мая того же года, стихотворение появляется в той же газете «Хальмг үнн».

Правда, ответ не одиночный. Публикация дана под общим заголовком как ответы двум калмыкам: «Хойр хальмгт өгсн хэрү. 1. Буджала Егор залуд. 2. Анжан Борис көвүнд» [Нармин М. 1991: 4].

Второй адресат — адвокат Борис Анджаев, представитель тогдашней оппозиции в Калмыкии. Мы не будем брать второе стихотворение во внимание, поскольку оно не имеет прямого отношения к антиколыбельной Буджалова.

Прежде чем обратиться к анализу первого ответа, приведем также текст полностью, так как это диалог двух поэтов разных поколений на страницах периодического массового издания, по существу, это еще и жанр открытого письма, только в стихотворной форме.

Буджала Андрейин Егориг
Баһаснь авн меднэвидн.
Үрвэд бээдг залу билэ.
Үгцж күүнлэ бэрлддго билэ.
Издательстин редактор болад,
Олн жилд көдллэ.
Чик-чилгр залу гиж
Цуһар энүг тоолдг билэ.
Ода яһв гихв.
Ондан күн болж одв.
Учрнь юундв гихв,
Ондаруллһн болжаснь энв?
Ниднэ эн Америк орад,
Нег цөөкн сард йовла,
Тенд бээсн элгн-садндан
Теңкән угаһар гиичлсн билэ.

Би түрж бээхшв.
«Социализм бөкжәнэ» — гижәнэ.
Сольснь юн болжахмб?
Социализмин утх-учрнь тер,
Соңсхас биш, тосхж йовсмб?
Учр меддго күн
Үгцлһнд яһад орлцдв?
«Коммунист», «Социализм» — гиснтн,
Келгдэд хуурсн үгмүд биш.
Халурхад болжах Егор
Хальмг хазгудын есаул болж.
Хойр талан дайлад
Харһсинь чавчхар йовхмб?
Бидн, Хальмг коммунистнр,
Негн бидн, негн.
Торһуд, дөрвд, бузав — гиж

Күр ямаран болсинь
 Күүнд, манд медгдхш.
 Зуг, тендэс ирснэ хөөн,
 Зүркнь талданар цоксн болв.
 Бичэч нертэ күн,
 Бичх зөв түүнэ,
 Зуг ямаран төрэр
 Зовх-зөдх учрар?
 Одахн «Хальмг үүнд»
 Өдгэ саатулын ду барлж.
 Юуна тускар тернь
 Ямаран учртаһар бичгдсмб?
 «Коммунистнр зовжана,
 Күндэн гееһэд түржэнэ», —
 Иигж поэт бичжэнэ.
 Эннь юн гисн үгв?
 Коммунист улсин жирһл,
 Кезэһэс нааран эн медсмб?
 Би коммуниств,

Төрүц йилһцэн манд уга.
 Хальмг улсин үрдвидн,
 Хальмг, негл келтэ,
 «Хальмг» мана нерн.
 Хамг делкэ медг!
 Хэрнь, Егор, медич,
 Хазг болсарн бичэ карагл.
 Өрүн седклтэ хальмгуд
 Эврәннь ухаһан келцхэх.
 Ус үзлго, һосан
 Айстан тээлэд бээхм биш.
 Медрлтань — төрт орлцдмн.
 Мергнд гөрэс шахдмн.

Цаг гисн акад юмнж,
 Ца-цааһасн жигтэ юмнж.
 Төвкнүн бээснэ зөрмнь,
 Түүрчэд, босад иржэнэ.
 [Нармин М. 1991: 4]

Синтез послания, открытого письма и сатирической пародии в стихотворении М. Нармаева больше связан с политико-идеологическим контекстом антиколыбельной песни, чем с художественными особенностями текста, несмотря на частое цитирование буджаловских строк. Это первая в истории калмыцкой поэзии пародия на литературную колыбельную песню. Тем не менее, М. Нармаев, во-первых, пародирует буджаловское стихотворение, но не сам жанр; по нашему мнению, он даже не принимает во внимание его жанровую природу, хотя констатирует: *Одахн «Хальмг үүнд» / Өдгэ саатулын ду барлж. / Юуна тускар тернь / Ямаран учртаһар бичгдсмб?* ‘Недавно в «Калмыцкой правде» напечатали современную колыбельную песню. О чем и по какой причине она написана?’ [Нармин М. 1991: 4]. На это указывает также и то, что стихотворение начинается с характеристики поэта. Поэтому, во-вторых, пародируется даже не лирический субъект, а сам автор колыбельной песни для взрослых. Так, М. Нармаев называет его по имени, отчеству и фамилии, напоминает факты его биографии (многие годы работал редактором в книжном издательстве, был настоящим человеком, пользовался авторитетом в обществе), потом изменился. Передана метаморфоза и метафорой: *Зүркнь талданар цоксн болв* ‘Сердце по-другому стало биться’ [Нар-

мин М. 1991: 4]. И повлияла на это месячная поездка поэта в США к родственникам. Характер жанра послания М. Нармаева в данном случае обусловлен не только обращением к поэту, но и оценкой его личности, якобы изменившейся после поездки за рубеж, поэтому критически настроенной по отношению к отечественной современной действительности.

В-третьих, авторский стиль Е. Буджала тоже не является объектом пародирования — пародируется авторское мировосприятие, авторская интенция темы произведения, которая вызывает протест старшего товарища. Цитируются строки о том, что коммунисты переживают, потеряв свою силу (*Коммунистнр зовжана, / Күндэн гееһэд түржэнэ*), — / *Иигж поэт бичжэнэ*), задаются риторические вопросы (*Эннь юн гисн үгв? / Коммунист улсин жирһл, / Кезэһэс нааран эн медсмб?* ‘Это что такое? С каких пор он знает жизнь коммунистов?’) [Нармин М. 1991: 4], тем самым подчеркивается непартийная принадлежность коллеги. Возражая, оппонент утверждает, что сам он остается коммунистом, не испытывая никаких затруднений из-за этого. Далее, цитируя строки об упадке социализма (*Социализм бөкжэнэ* — *гигжэнэ*), поэт-коммунист полемически упрекает автора в том, что тот не имеет никакого представления о сущности социализма, только слышал о нем, но не строил (*Сольснь юн болжсахмб? /*

Социализмин утх-учрнь тер, / Соңсхас биш, тосхэж йовсмб?) [Нармин М. 1991: 4]. Это, конечно, некорректный аргумент. По мнению старшего товарища, не зная положения дел, зачем младший пререкается, ведь слова «коммунист», «социализм» не ушли в прошлое.

Иронизируя над принадлежностью Е. Буджалова к калмыцкому казачьему сословию (*Халурхад болжэх Егор / Хальмг хазгудын есаул болжэ. / Хойр талан дайлад / Харһсинь чавчхар йовсмб?* 'Разгоряченный Егор стал калмыцким казачьим есаулом. Теперь собрался всех встречных рубить <шашкой>?'), М. Нармаев призывает его одуматься: *Хазг болсарн бичэ карагл* 'Не ки-чись, что стал казаком' [Нармин М. 1991: 4]. Это тоже отсылка к биографическому факту — возрождение калмыцкого казачества в тот период. Всему этому М. Нармаев противопоставляет свое убеждение в том, что все калмыки едины, все коммунисты солидарны, все умные люди скажут, что думают.

Пожилой поэт-коммунист, ветеран войны, предостерегает младшего коллегу калмыцкой пословицей *Ус үзлго, һосан / Айстан тәәләд бәәхм биш* 'Не видя воды, незачем напрасно снимать сапоги' [Нармин М. 1991: 4].

Размышляя над сказанным, он приходит к выводу, что настало такое время, когда некоторые, прежде разумные, заблуждаются. Такая интерпретация исходного протослова определяет поэтику снижения, в данном тексте она имеет односторонний характер и направлена против позиции оппонента, содержит его «смеховую дискредитацию» [Иванюк 2009: 132].

Литература

- Буджала Е. 2005 — *Буджала Е.* Баю-бай // Волшебная музыка. Сб. детских песен для учащихся национальных классов (1–4 класс). Элиста: [б. и.], 2005. С. 25.
- Буджала Е. 1992 — *Буджала Е.* Баю-бай // Түрүн харада: дуудын хураңһу. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1992. Х. 23–24.
- Буджала Е. 1991 — *Буджала Е.* Өдгэ цага саату-лин дун // Хальмг үнн. 1991. Апрель 2. Х. 1.
- Гасанов, Акавов 2011 — *Гасанов И. А., Акавов З. Н.* Колыбельные традиции Н. А. Некрасова в дагестанской поэзии // Известия Дагестанского государственного педагоги-

Выводы

М. Нармаев вводит в чужое слово Е. Буджалова «смысловую направленность, которая прямо противоположна чужой направленности (отсюда здесь нарочито резкая ощутимость чужого слова)», по мысли М. М. Бахтина [Поэтика 2008: 159].

Гендерное подчеркивание адресата преследует авторскую цель: вразумить солидного мужчину-поэта, доказать, что он неправ, создав для взрослой аудитории песню, порочащую родину, коммунистов, социализм. Такая литературная полемика показала отношение двух поэтов разных поколений к политическим процессам накануне распада СССР. В течение последующих пяти месяцев их размышления, став для читателей объектом межкультурной коммуникации, по-разному подтвердились в жизни.

Следовательно, историко-литературный и реальный комментарий, сравнительно-сопоставительный и герменевтический подходы показывают, что, во-первых, антиколыбельная песня Е. Буджалова остается исключением в жанре литературной колыбельной песни, в основном адресованной младенцам/детям, во-вторых, социальная пародия М. Нармаева является единственным примером сатирической полемики с колыбельной песней для взрослых в пародийной парадигме калмыцкой лирики. Этим определяется новаторство двух текстов. Но, если в русской поэзии с Н. Некрасова («Подражание Лермонтову», 1845), социально пародировавшего «Казачью колыбельную песню» (1838) М. Лермонтова, началась новая литературная традиция [Головин 2006: 81], то в калмыцкой поэзии эта традиция не была продолжена.

- ческого университета. Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 116–119.
- Головин 2000а — *Головин В. В.* Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akademi University Press, 2000а. 451 с.
- Головин 2000б — *Головин В. В.* Русская колыбельная песня: фольклорная и литературная традиция: дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 319 с.
- Головин 2006 — *Головин В. В.* Н. А. Некрасов: три опыта в одном жанре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2006. Июль. С. 80–85.

- Иванюк 2009 — Иванюк Б.П. Сатирические и пародийные стихотворные жанры // *Филологос*. 2009. № 1–2(5). С. 126–136.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Лушникова 2010 — Лушникова Г. И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 43 с.
- Меркурьева 2015 — Меркурьева В. Б. Колыбельные для взрослых // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2015. № 3 (06). URL: <http://ce.if-mstuca.ru/wp-content/uploads/2015/03/merkuryeva.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).
- Нармин М. 1991 — Нармин М. Буджала Егор залуд // *Хальмг үнн*. 1991. Майин 15. X. 4.
- Новиков 1989 — Новиков Вл. И. Книга о пародии. М.: Сов. писатель, 1989. 544 с.
- Поэтика 2008 — Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
- Тихомирова 2012 — Тихомирова Л. Н. Литературная колыбельная песня как жанр «ночной» поэзии // *Дергачевские чтения-2011*. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Мат-лы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Т. 2. С. 367–372.
- Ханинова 2019 — Ханинова Р. М. Дружеская литературная пародия в калмыцкой лирике XX в. // *Новый филологический вестник*. 2019. № 3 (50). С. 199–210.
- Ханинова 2020a — Ханинова Р. М. Колыбельная песня в калмыцкой лирике XX–XXI вв. // *Новый филологический вестник*. 2020. № 1(52). С. 187–203.
- Ханинова 2020б — Ханинова Р. М. Жанр колыбельной песни в калмыцкой лирике XX века // *Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)*. Мат-лы VII Междунар. науч. конф. (г. Москва, 17–19 декабря 2020 г.). М.: МАКС Пресс, 2020. С. 312–316.
- Khaninova R. M. Lullaby genre in 20th century Kalmyk lyrics. In: *Russian Literature of the 20th and 21st Centuries as a Continuous Process. Problems of Research Theory and Methodology*. Conference proceedings (Moscow; December 17–19, 2020). Moscow: MAKS Press, 2020. Pp. 312–316. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Lullaby in Kalmyk lyrics: 20th–21st centuries. *New Philological Bulletin*. 2020. No. 1(52). Pp. 187–203. (In Russ.)
- Lushnikova G. I. Literary Parody: Cognitive and Linguostylistic Peculiarities Analyzed. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Kemerovo, 2010. 43 p. (In Russ.)
- Merkuryeva V. B. Cradle songs for adults. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*. 2015. No. 3 (06). Available at: <http://ce.if-mstuca.ru> (accessed: November 18, 2021). (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Narmin M. To Mr. Yegor Budzhalov. *Khalmg ünn*. 1991, May 15. P. 4. (In Kalm.)
- Novikov V. I. The Book about Parody. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1989. 544 p. (In Russ.)
- Tamarchenko N. D. (ed.) *Poetics: A Dictionary of Actual Terms and Concepts*. Moscow: Kulagina; Intrada, 2008. 358 p. (In Russ.)
- Tikhomirova L. N. Literary lullaby as genre of ‘night’ poetry. In: *The 2011 Dergachev Readings. Russian Literature — National Development and Regional Peculiarities*. Conference proceedings. Yekaterinburg: Ural State University, 2012. Vol. 2. Pp. 367–372. (In Russ.)

References

- Budzhalov E. Bayu-bai. In: *The First Swallow*. Collected songs. Elista: Kalmykia Book Publ., 1992. Pp. 23–24. (In Kalm.)
- Budzhalov E. Contemporary lullaby. *Khalmg ünn*. 1991, April 2. P. 1. (In Kalm.)
- Budzhalov Ye. Bayu-bai. In: *The Magic Music*. Collected children's songs for ethnic classes (Grades 1 to 4). Elista, 2005. P. 25. (In Kalm.)
- Gasanov I. A., Akavov Z. N. Nikolay Nekrasov's lullaby traditions in Dagestan's poetry. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2011. No. 2. Pp. 116–119. (In Russ.)
- Golovin V. V. Nikolay Nekrasov: Three experiences in one genre. *Vestnik SPbGUKI*. 2006, July. Pp. 80–85. (In Russ.)
- Golovin V. V. Russian Lullaby in Folklore and Literature. Turku: Åbo Akademi University Press, 2000. 451 p. (In Russ.)
- Golovin V. V. Russian Lullaby: Folklore and Literary Traditions. Dr. Sc. (philology) thesis. St. Petersburg, 2000. Available at: <https://documentsite.net/223353> (accessed: November 18, 2021). (In Russ.)
- Golovin V. V. Russian Lullaby: Folklore and Literary Traditions. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. St. Petersburg, 2000. 60 p. (In Russ.)
- Ivanyuk B.P. Satirical and parody poetic genres. *FILOLOGOS*. 2009. No. 1–2(5). Pp. 126–136. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Kalmyk lyrical poetry of the 20th century: Friendly literary parody. *New Philological Bulletin*. 2019. No. 3 (50). Pp. 199–210. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2021. Т. 14. № 4

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 21.12.2021.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 26,7.
Тираж 100 экз. Заказ 19-21.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Соучредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»
(Республика Башкортостан, 450054 г. Уфа, пр. Октября, д. 71)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8